Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
Исторический факультет.

На правах рукописи

Лошаков Антон Юрьевич

Граф В.Н. Ламздорф – государственный деятель и дипломат

Специальность 07.00.02 –
«Отечественная история»

Диссертация
На соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Кандидат исторических наук
Георгиев Владимир Анатольевич

Москва – 2016

Содержание.

Введение……..……...4.
Обзор историографии…….11.
§1. Дореволюционная историография…….....11.
§2. Советская историография……..12.
§3. Постсоветская историография…….....19.
§4. Зарубежная историография…….....27.
Источники…….32.
§1. Делопроизводственные источники……..32.
§2. Источники личного происхождения…….....43.
§3. Периодическая печать…….....61.
Глава 1. Жизнь и карьера успешного дипломата…….68.
§1. Род Ламздорфов……..68.
§2. Начало карьеры дипломата…….73.
§3. Образ жизни В.Н. Ламздорфа……....77.
Глава 2. Европейская стратегия В.Н. Ламздорфа: от германофильства к политике балансирования…….91.
§1. Разочарование в Германии и сближение с Францией…….……91.
§2. Участие В.Н. Ламздорфа в подготовке Первой конференция мира 1899 года в Гааге……107.
§3. Политика балансирования В.Н. Ламздорфа…….……110.
Глава 3. Участие В.Н. Ламздорфа в разрешении кризисов на Балканах……116.
§1. .В.Н.Ламздорф о ситуации в Болгарии…….……..116.
§2. В.Н. Ламздорф о сложностях в русско-сербских отношениях……...125.
§3. В.Н. Ламздорф и русско-австрийский договор 1897 года……....129.
§4. Политика В.Н. Ламздорфа в период кризиса на Крите…….....129.
§5.Дипломатические усилия В.Н. Ламздорфа по разрешению кризиса в Македонии……..133.
Глава 4. В.Н. Ламздорф об интересах России на Ближнем и Среднем Востоке 162.
§1. Взгляд В.Н. Ламздорфа на политическое состояние Османской империи и его мнение по вопросу Проливов……162.
§2. В. Н. Ламздорф и интересы России в Персии……169.
Глава 5.В.Н. Ламздорф и дальневосточная политика России……179.
§1. В.Н. Ламздорф о дьневосточной политике России в 1880-е гг……179.
§2. Отношение В.Н. Ламздорфа к экспансии на Дальнем Востоке……...181.
§3. Дипломатические баталии из-за Маньчжурии и Кореи……200.
Глава 6. На закате карьеры: война, революция и отставка……251.
§1. Деятельность В.Н. Ламздорфа в годы русско-японской войны……...252.
§2. Нападение на В.Н. Ламздорфа…….....274.
§3. В.Н. Ламздорф и первая русская революция…….279.
§4. В.Н. Ламздорф и политика России в Скандинавии……..……284.
§5. В.Н. Ламздорф и Бьёркский договор…….....286.
§6. Участие В.Н. Ламздорфа в организации Портсмутской мирной конференции…….....291.

§7. Заключительный этап министерской карьеры В.Н. Ламздорфа ……..296.
§8. Отставка болезнь и смерть В.Н. Ламздорфа…….307.
Заключение……..310.
Список источников и литературы…….314.

Введение

В истории российской дипломатии XIX-начала XX века есть имена, за которыми стоят целые эпохи, например, Карл Васильевич Нессельроде и Александр Михайлович Горчаков, но фигуры такого масштаба являются редким исключением. Гораздо чаще встречались люди со знанием дела трудившиеся на своих должностях, но в силу разных обстоятельств не получившие у потомков заслуженного признания. К числу таковых можно отнести Владимира Николаевича Ламздорфа, талантливого дипломата, министра иностранных дел России с декабря 1900 по апрель 1906г.

Актуальность проблемы исследования. В течение длительного периода отечественные историки, в соответствии с марксистским подходом к истории, скептически относились к роли личности в развитии исторического процесса. В связи с этим, деятельность крупных фигур мировой и российской истории рассматривалась как вспомогательная или второстепенная. Вклад целого ряда деятелей в историю вовсе игнорировался. В современной историографии положение существенно изменилось. Восторжествовала точка зрения М. Блока о том, что исследование деятельности «людей во времени» составляет суть истории как науки[1]. Историку неизбежно приходится обращаться к персоналиям, поскольку это позволяет реконструировать историю через призму человеческой деятельности[2]. Данное обстоятельство в полной мере относится к теме нашего исследования, нацеленного на ликвидацию пробела, существующего в истории внешней политики России, - изучение жизни и деятельности графа Владимира Николаевича Ламздорфа (1844-1907), министра иностранных дел в 1900-1906 гг., той роли, которую он сыграл в осуществлении внешнеполитического курса.

Актуальность исследования усиливает то обстоятельство, что пик дипломатической карьеры В.Н. Ламздорфа пришёлся на эпоху, в которую,

---

[1] *Блок М*. Апология истории или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 29.

[2] См.: *Павлова Т.А.* Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995. С. 86; *она же*. Опыт духовной биографии: Джин Вульман // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. выпуск. Исторические биографии и персональная история. М.: ИВИ РАН; Эдиториал УРСС, 2001. С. 279.

несмотря на обманчивое спокойствие, в Европе уже неумолимо набирали оборот процессы, делавшие пожар Первой мировой войны только вопросом времени. Десятилетие 1886-1896гг. «явилось важным этапом в предыстории Первой мировой войны», потому что именно тогда «сложился франко-русский союз, и во многом определилась внешнеполитическая ориентация России, а также расстановка сил на Европейском континенте»[3].

Не менее судьбоносными явились для России события на Дальнем Востоке, приобретшие в указанный период первостепенное значение и приведшие, в итоге, к войне с Японией. В.Н. Ламздорф активно участвовал в выработке политического курса на Дальнем Востоке, тем не менее, несмотря на обилие исследований, посвящённых причинам русско-японской войны 1904-1905 гг., его роль в этом вопросе остаётся недостаточно освещённой.

Объектом исследования является биография В.Н. Ламздорфа, аристократа, дипломата и царского сановника, в тесной связи с историческим контекстом эпохи.

Предметом исследования выступает процесс становления В.Н Ламздорфа как дипломата, эволюция его внешнеполитических взглядов и методы дипломатической работы.

Цель исследования**:** освещение вклада В.Н. Ламздорфа в осуществление внешней политики России на рубеже XIX –XX веков и определение значимости этой личности в истории.

Задачи исследования**:**

1) составить первую подробную научную биографию Владимира Николаевича Ламздорфа;

2) проследить на его примере один из возможных путей развития карьеры дипломата;

3) показать формирование его мировоззрения как политика и дипломата;

4) раскрыть его взгляды на наиболее острые проблемы международных отношений в конце XIX – начале XX вв. и рассмотреть их эволюцию;

[3] *Бовыкин В.И.* Предисловие. // Ламздорф В. Н. Дневник 1894-1896. М.: Международные отношения. 1991. С.5.

5) изучить его деятельность на посту министра иностранных дел России;

6) оценить его вклад в формирование внешней политики России и его место среди отечественных дипломатов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1844 по 1907 годы, что соответствует годам жизни графа В.Н. Ламздорфа, но наибольшее внимание в диссертации уделено периоду с 1886 по 1906 год – от момента, когда Ламздорф приобрёл влияние на выработку внешнеполитического курса России, заняв пост первого советника министра иностранных дел Н.К. Гирса, до отставки графа с поста министра иностранных дел.

Научная новизна диссертации определяется рядом параметров.

1. Сформулирована и решена малоизученная в отечественной историографии проблема. Впервые детально изучены происхождение, жизненный путь, мировоззрение В.Н. Ламздорфа, система его ценностей как дворянина, царского сановника высшего ранга и дипломата.
2. Раскрыты взгляды Ламздорфа на современную ему систему международных отношений и место в ней России.
3. Изучены и систематизированы методы и приёмы дипломатии, применявшиеся Ламздорфом. Детально проанализирована тактика и стратегия В.Н. Ламздорфа во взаимоотношениях со всеми государствами, являвшимися важными игроками в системе международных отношений конца XIX – начала XX в. и представлявшими интерес для внешней политики России. Впервые детально описана и систематизирована политика В. Н. Ламздорфа на Балканах, которые являлись одним из ключевых регионов для российской внешней политики. Уточнена и дополнена позиция В. Н. Ламздорфа по поводу политики России на Дальнем Востоке, несмотря на богатую историографию данной темы. Впервые изучен дипломатический курс Ламздорфа в отношениях с Северо-Американскими Соединёнными Штатами (САСШ).
4. Введен в научный оборот большой объём документального материала из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ),

касающийся жизни и дипломатической деятельности В.Н. Ламздорфа, в том числе его обширная переписка с Н.К. Гирсом, В.С. Оболенским, А.А. Савинским, А.А.Гирсом, Н.П. Игнатьевым, Г.А. Плансоном, А.С. Иониным, В.Е. Львовым и другими дипломатами, а также с юристом А.Ф. Кони, священником Иоанном Кронштадтским и другими лицами. Впервые введен в научный оборот чрезвычайно интересный и информативный источник - мемуары Александра Александровича Савинского, доверенного сотрудника, секретаря и близкого друга графа В. Н. Ламздорфа[4].

Методологическая основа исследования базируется на основополагающих принципах исторической науки – историзм и научная объективность, которые позволили исследовать международные отношения на рубеже XIX – XX вв. как специфическую систему, в которой первостепенное значение имела борьба держав за геополитические притязания и преобладающее влияние в мире.

Методологически современное биографическое исследование опирается на новую парадигму, в центре которой находится признание того, что изучение истории жизни одной личности должно вписываться в исторический контекст эпохи, таким образом, и с такой целью, чтобы анализ индивидуальной профессиональной деятельности одного человека позволил бы выявить и изучить общие социально-политические явления и социокультурные обстоятельства, характерные для времени, когда осуществлялась его деятельность.

В исследовании применялись различные традиционные научные методы: историко-системный, проблемно-хронологический и биографический. Также в работе были использованы приёмы микроистории. Историко-системный метод позволил установить причинно-следственные связи в жизни В.Н. Ламздорфа, объективно объяснить предпосылки и последствия тех или иных действий и решений дипломата. Проблемно-хронологический метод позволил проследить эволюцию взглядов Ламздорфа на приоритеты внешней политики России. Наиболее заметно изменение взглядов дипломата проявилось в его оценках

[4] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. London: Hutchinson&Co Ltd. 1927.

российско-германских и российско-французских отношений, - убеждённый германофил в 1880-х гг., подобно своему начальнику Н.К. Гирсу, Ламздорф к началу 1900-х гг. становится одним из самых последовательных защитников русско-французского союза. Именно Ламздорф сыграл ключевую роль в срыве русско-германского соглашения в Бьёрке летом 1905 г. Биографический метод позволил выявить уникальные черты личности, особенности биографии Ламздорфа и изучить их в контексте истории. Применение приёмов микроисторического исследования позволило изучить повседневную жизнь Ламздорфа вне рабочего кабинета, его привычки, привязанности, эстетические вкусы и прочее, тем самым добавив несколько ярких штрихов к портрету незаурядного дипломата и сановника.

Практическая значимость диссертации обусловлена тем, что в ней получили освещение ранее неизвестные в историографии аспекты жизни и деятельности министра иностранных дел России графа В.Н. Ламздорфа и ряда других высокопоставленных сотрудников МИД в конце XIX - начале XX в. Материалы и основные концептуальные выводы диссертации могут быть использованы в научной работе и преподавании, написании биографических трудов о Н.К. Гирсе, В.С. Оболенском, А.А. Савинском, Г.А. Плансоне, подготовке трудов по различным вопросам истории дипломатии и внешней политики России, составлении обобщающих учебных курсов по отечественной истории для школ и ВУЗов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Граф В.Н. Ламздорф был представителем аристократической придворной среды. Мировоззрение Ламздорфа соответствовало его положению. Убеждённый монархист, он не был реакционером, напротив, либеральные идеи до определённой степени привлекали его. В.Н. Ламздорф был идеальным кабинетным дипломатом. В силу своего характера, он не подходил для работы в российских дипломатических представительствах за границей, зато в центральном аппарате министерства иностранных дел был

незаменим благодаря своей педантичности, трудолюбию и эрудированности.

2. Для внешнеполитических взглядов В.Н. Ламздорфа характерна существенная эволюция: германофил в 1880-е гг., разделявший позицию Н. К. Гирса, он стал одним из архитекторов русско-французского союза.
3. На европейском направлении тактика балансирования между Францией и Германией в политическом курсе В. Н. Ламздорфа была нацелена на сохранение мира и недопущение втягивания России в войну на стороне одного из союзов держав.
4. На Балканах В.Н. Ламздорф придерживался политики status quo, стремясь «заморозить» тлеющие в этом регионе конфликты и поддержать политическое равновесие.
5. В отношениях с Турцией В.Н. Ламздорф отвергал идею захвата Проливов, предлагал расширять экономические связи и противостоять укреплению в Турции влияния Великобритании и Германии.
6. На Среднем Востоке В. Н. Ламздорф был сторонником мирной экспансии, предлагая конкретные меры для наращивания политического и экономического влияния России в Персии.
7. На Дальнем Востоке В.Н. Ламздорф – сторонник ограниченной экспансии России. Он инициировал приобретение Россией Порт-Артура, но был против военных планов присоединения Маньчжурии и северной части Кореи к России.
8. Реализуя на посту министра иностранных дел свою внешнеполитическую программу, В. Н. Ламздорф опирался на систему взглядов, сложившуюся в российском внешнеполитическом ведомстве ещё со времен князя А.М. Горчакова и заключавшуюся в необходимости поддержания баланса сил между державами для сохранения мира и отказе от дерзких шагов во внешней политике, могущих спровоцировать военный конфликт.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре истории России XIX - начала XX веков исторического факультета МГУ

им. М.В. Ломоносова. Ключевые вопросы, рассматриваемые в диссертации, были освещены в трёх статьях, опубликованных в научных журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, доложены на XVI Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных 16 апреля 2014 г. в Российском университете дружбы народов (РУДН) и на XXII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» в МГУ им. М.В. Ломоносова 13-17 апреля 2015 г.

Обзор историографии

Жизнь и деятельность В.Н. Ламздорфа представлены в историографии очень скупо. Самую общую информацию о нём можно найти в коротких биографических статьях в энциклопедиях[5]. Несмотря на то, что в истории отечественной дипломатии В. Н. Ламздорф занимает отнюдь не последнее место, до настоящего времени никто из историков специально не занимался изучением его биографии, хотя без упоминания об этом человеке не обходится ни одно исследование по истории внешней политики и дипломатии России конца XIX-начала XX вв. Таким образом, историография дипломатической деятельности В. Н. Ламздорфа достаточно обширна.

Для удобства анализа историографии мы разделим её по хронологическому (дореволюционная, советская и современная) и тематическому принципам, рассматривая отдельно работы, посвящённые частным вопросам истории внешней политики и дипломатии России, а также обобщающие и обзорные работы. Отдельно будут рассмотрены работы из иностранной историографии.

§1. Дореволюционная историография

В период, предшествовавший революционным потрясениям 1917 года, научное осмысление исторических событий рубежа XIX-XX вв. находилось ещё в самой начальной стадии. Историков, прежде всего, интересовали события русско-японской войны, обстоятельства, приведшие к ней и причины поражения России, однако в силу того, что царский режим не был заинтересован в обнародовании всей правды о русско-японской войне, свобода исследования этой темы для историков была ограничена цензурой, равно как и был ограничен доступ к архивным источникам.

[5] См.: Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон, биографии. М., 1997. Т.6 С.524; БСЭ 3 изд. М.,1973. Т.14. С.133.

Первый капитальный труд по истории русско-японской войны, который стал плодом деятельности специально созданной военно-исторической комиссии, проведшей колоссальную работу по сбору и систематизации различных документов, материалов и свидетельств о ней, вышел в 1910 году в 9 томах (16 книгах)[6]. Цель этого многотомного труда, помимо изложения русской точки зрения на войну, заключалась в том, чтобы снять ответственность с властей за неудачную политику на Дальнем Востоке и проигранную войну. Нас интересует первый том, посвящённый предыстории и происхождению конфликта с Японией, в котором подробнейшим образом описываются все фазы переговоров с Японией и Китаем по дальневосточным проблемам, что делает его незаменимым справочником по этому вопросу[7]. Это издание является официальной историей войны, поэтому авторы весьма осторожны в оценках как деятельности министерства иностранных дел, руководимого В.Н. Ламздорфом, так и деятельности А. М. Безобразова. Все дипломатические и военные неудачи, в значительной мере, объясняются вероломством японцев.

§2. Советская историография

В начальный период существования советской историографии в ней господствовала «школа М.Н. Покровского». Руководствуясь принципом «история - политика, обращённая в прошлое», М.Н. Покровский и его последователи стремились «разоблачить» в интересах новой власти всю дореволюционную историю. Внешняя политика дореволюционной России тоже подвергалась «разоблачению». В своей известной книге «Русская история в самом кратком очерке», М.Н. Покровский пишет, что политика России на Дальнем Востоке была орудием, которое открывало Маньчжурские рынки для «французских банкиров и германских фабрикантов»[8], а также русской металлургической промышленности,

[6] Русско-японская война 1904-1905гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 1-9.

[7] Русско-японская война 1904-1905гг. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т.1.

[8] *Покровский М.Н.* Избранные произведения, кн.3 Русская история в самом сжатом очерке. М.:Мысль, 1967. С.326.

заинтересованной в производстве рельс для железной дороги и расширении рынка[9]. Всю политику России в Китае Покровский оценивает, как «дикое, первобытно-торгашеское и феодальное колонизаторство Романовых», с помощью которого государство пыталось решить проблемы аграрного сектора[10]. Отталкиваясь именно от такой концепции, личность и деятельность В.Н. Ламздорфа рассматривал историк Ф.А. Ротштейн в предисловии к изданию дневников В.Н. Ламздорфа 1926 года, характеризуя графа: «… тепличная аристократическая натура, непригодная для борьбы и весьма сосредоточенная на самом себе»[11]. Ротштейн считал Ламздорфа проницательным и эгоистичным[12]. Далее автор лишь нагнетал экспрессию: «… какое убожество духа, какое отсутствие чувства классовой солидарности, какой чисто животный, индивидуалистический и малодушный эгоизм!»[13]. Ф.А. Ротштейн писал, что дневник В. Н. Ламздорфа - «ценный документ для политического историка и историка нравов»[14]. В предисловии ко второму тому дневников В.Н. Ламздорфа 1934г. Ф.А. Ротштейн корректиризовал своё отношение к автору дневника, который теперь представлялся талантливым и очень осведомлённым дипломатом, лучшим представителем бездарного чиновничества царской России. Ф.А. Ротштейн видил в дневнике исключительно отрицательные стороны царской дипломатии, включая её «империалистический» характер и превращение МИД в «канцелярию царя по ведомству внешней политики»[15]. Главный вывод Ф. А. Ротштейна состоит в том, что дневник показывает «гниль» старой России. Позиция Ф.А. Ротштейна представляется однобокой и предвзятой, но он правильно определил основной вектор развития событий, составляющих «костяк» повествования: первая часть дневника – «прощание с Германией» вторая часть – «союз с Францией»[16].

---

[9] *Покровский М.Н.* Избранные произведения, кн.3 Русская история в самом сжатом очерке. М.:Мысль, 1967. С.326.
[10] Там же.
[11] Ротштейн Ф. А. Предисловие.// Ламздорф В. Н. Дневник 1886-1890. М.-Л., 1926 С.2.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же, С.8
[16] Там же, С.9.

Ярким представителем «сталинского периода» в историографии служит фундаментальный труд одного из известнейших советских историков Б. А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907)»[17]. В книге подробнейшим образом разобраны все этапы дипломатической «игры», приведшей к русско-японской войне. Данный труд чрезвычайно ценен своей содержательной частью. Концепция книги диктовалась только что закончившейся Второй мировой войной и началом «холодной войны»: разоблачение авантюр царского правительства отошло на второй план, а на первый план вышло разоблачение японского милитаризма и англо-американского империализма, натравливавшего Японию на Россию. В этом контексте вступление СССР в войну с Японией в 1945 году выглядит законным реваншем. Б. А. Романов из всех государственных мужей Российской империи, причастных к проблеме Дальнего Востока, выделяет С.Ю. Витте как главного вдохновителя и организатора проникновения России в Китай. Он же представляется Романову наиболее умным и дальновидным лицом из царского окружения в противовес «безобразовской шайке» авантюристов[18]. Что же касается В.Н. Ламздорфа, то он в понимании историка – техник с «многолетним бюрократическим опытом и вышколенным при Александре III полным отсутствием вкуса к инициативе», находившийся в «безграничном подчинении» у Витте[19].

Ещё одним ярким примером историографии той эпохи является фундаментальный труд «История дипломатии», второй том которого имеет отношение к теме нашего исследования[20]. Интересующие нас разделы были написаны одним из виднейших советских историков-международников В.М. Хвостовым. В этой, в значительной степени обобщающей работе, персоналиям уделено очень мало внимания, тем не менее, отмечается роль В.Н. Ламздорфа в восстановлении отношений с Китаем после подавления

[17] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907). М.-Л: Издательство Академии Наук СССР 1947.
[18] Там же, С. 96-97.
[19] Там же.
[20] История дипломатии. Том второй. Дипломатия в Новое время (1872-1919). Под ред. В.П. Потёмкина. Авт-сост. Хвостов В.М. и Минц И.И. М.,-Л.: ОГИЗ,1945.

Боксёрского восстания, в нейтрализации последствий соглашения Николая II с Вильгельмом II в Бьёрке, в формулировании позиции России на Алжезирасской конференции и в начале сближения России с Великобританией, документальное оформление которого произошло уже при А.П. Извольском. Следует отметить, что В.М. Хвостов, также как и Б.А. Романов, настаивал на сильной зависимости В.Н. Ламздорфа от воли С.Ю. Витте, но никак не обосновывает это безапелляционное утверждение.

С течением времени, начиная с периода «оттепели», негативные оценки В.Н. Ламздорфа в советской историографии смягчаются или вовсе исчезают. В монографии Э.М. Розенталя исследуется история русско-французского союза в 1904-1907 годах, то есть от начала русско-японской войны до заключения русско-английского соглашения, окончательно завершившего оформление будущей Антанты[21]. В соответствии с марксистским подходом, русско-французский союз рассматривается в книге, преимущественно, с экономической точки зрения; отмечается ключевая роль крупного капитала в проведении империалистической политики России и других великих держав, приведшей к формированию Антанты и созданию предпосылок для начала Первой Мировой войны. В.Н. Ламздорф представлен в монографии достаточно объективно. Э.М. Розенталь абсолютно верно определил основу политики Ламздорфа в Европе: балансирование между Францией и Германией, а также между Францией и Великобританией. В монографии отсутствует характеристика фигуры министра иностранных дел, но неоднократно отмечается, что Ламздорф верно оценивал ситуацию, предугадывал развитие событий и, в отличие от Николая II, не был подвержен политическим иллюзиям.

К сожалению, объективность в отношении личности В.Н. Ламздорфа присуща далеко не всем историкам. В информативной, хотя и популярно написанной обзорной работе В.И. Бовыкина, например, утверждается, что «В.Н. Ламздорф, много лет исполнявший обязанности советника при министре, был абсолютно

[21] *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М.: Соцэкгиз,1960.

лишён дара принимать самостоятельные решения. Витте быстро подчинил его своему влиянию[22].

Куда более объективно В.Н. Ламздорф показан в фундаментальном академическом труде «История дипломатии», где справедливо утверждается, что министр иностранных дел, опираясь на русско-французский союз, придерживался политики балансирования между Германией и Великобританией, настороженно относясь к одностороннему сближению с последней[23].

Дипломатическая деятельность В.Н. Ламздорфа на рубеже 1880-х – 1890-х годов, когда он занимал должность советника министра иностранных дел Н. К. Гирса, освещается в монографии А.З. Манфреда. Манфред считал Н.К. Гирса и В.Н. Ламздорфа убеждёнными германофилами, сторонниками сохранения дружбы с Германией. В монографии отмечается, что Гирс и Ламздорф не верили в возможность союза с Францией и, более того, считали его губительным, опасаясь, что конфронтация с Германией может привести к войне, а далее – к революции. Вот почему они долго, упорно, но безрезультатно боролись с французскими симпатиями Александра III, а также значительной части представителей дипломатического и военного кругов[24].

В годы перестройки произошло переосмысление дореволюционного прошлого нашего государства, которое перестало рассматриваться только в негативном свете. Историческая наука постепенно отбрасывала марксистскую парадигму, а вместе с ней – представление о «буржуазной» западной историографии и об «империалистической внешней политике царизма». Произошедшие перемены позволили по-новому взглянуть на внешнюю политику России конца XIX- начала XX веков и на тех, кто ею руководил и её направлял.

В 1991 году, после полувекового перерыва, была опубликована заключительная часть дневника В.Н. Ламздорфа, предисловие к которому было написано И.А. Дьяконовой. Она уделяет значительное внимание изучению самой

---

[22] *Бовыкин В.И.* Очерки истории внешней политики России конец XIXв.-1917гг. Пособие для учителя. М.:Учпедгиз,1960.С. 35.

[23] История дипломатии. Т.2. М.: Государственное издательство политической литературы,1963.С. 607.

[24] Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука,1975.С.226-227; 327.

рукописи дневника (качество почерка, сокращения, лакуны в тексте, черновые записи, система вклеивания в дневник газетных вырезок и проч.)[25]. И. А. Дьяконова отмечает, что В.Н. Ламздорф не был безусловным сторонником сближения с Францией, а предпочитал политику лавирования между Германией и Францией[26]. Не уходили из поля зрения В.Н. Ламздорфа и «второстепенные» направления внешней политики: ситуация в Китае, Эфиопии и других странах[27]. Беспокойство у В. Н. Ламздорфа вызывало революционное движение в Европе, за которым он внимательно следил[28]. И.А. Дьяконовой также затрагиваются некоторые аспекты личной жизни и характера В.Н. Ламздорфа: одиночество, некоторый аскетизм, исполнительность, трудолюбие, набожность[29].

Среди работ перестроечного периода для нас самыми важными являются монографии и статьи А.В. Игнатьева. В монографии 1986 года освещается внешняя политика России от окончания русско-японской войны до заключения англо-русского соглашения[30], а в монографии 1989 года А.В. Игнатьев обращается к персоналиям, исследуя политический портрет С.Ю. Витте с точки зрения истории дипломатии[31]. В обеих монографиях В.Н. Ламздорф показан в качестве влиятельной и полностью независимой политической фигуры. Историк отмечает взаимную симпатию между С.Ю Витте и В.Н. Ламздорфом и близость их политических взглядов, но не склонен считать, что Ламздорф был зависим от Витте. А. В. Игнатьев считает Ламздорфа умным, опытным, компетентным и осторожным политиком. А.В. Игнатьев, также как Э.М. Розенталь, видел основу дипломатического курса Ламздорфа в политике балансирования между Францией, Германией и Великобританией. Причиной провала политики балансирования он считает ослабление России, которое привело к усилению её зависимости от иностранных держав и заставило Россию искать сближения то с Германией, то с Великобританией. Также ослабление России заставило Францию искать

[25] Дьяконова И.А. Введение// *.Ламздорф В.Н*. Дневник 1894-1896гг. М.,1991. С.9
[26] Там же, С. 15.
[27] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896гг. М.,1991.С.16.
[28] Там же, С.17.
[29] Там же, С. 12.
[30] *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905-1907 гг. М.: Наука,1986.
[31] *Игнатьев А.В.* С. Ю. Витте – дипломат. М.: Международные отношения, 1989 .

сближения с Великобританией, а охлаждение русско-германских отношений, после провала договора в Бьёрке, ещё больше подтолкнуло Петербург к Лондону. Таким образом, принцип равного удаления Петербурга от основных европейских столиц был окончательно нарушен. Помимо двух монографий, интерес для нашего исследования представляет статья А.В. Игнатьева, в которой он обращается к такому плохо исследованному вопросу, как отношения России со своими соседями в Скандинавии в начале XX века. В статье показано, что политика В.Н. Ламздорфа там преследовала цель добиться наиболее приемлемого режима датских проливов и обезопасить рубежи России на Балтике[32].

В книге О.В. Павлюченко освещается история русско-сербских отношений до свержения династии Обреновичей в 1903 году. Автор отмечал, что, несмотря на натянутые отношения с Белградом, граф В.Н. Ламздорф стремился спасти династию Обреновичей, предостерегая во время своего визита на Балканы в 1902г. короля Александра от опасных и непопулярных в сербском обществе шагов во внешней и внутренней политике. К сожалению, предостережения Ламздорфа не были приняты сербским королём во внимание[33].

Политике России на Балканах и в районе Проливов в конце XIX века посвящено исследование Н.С. Киняпиной[34]. В нём нашли отражение взгляды В. Н. Ламздорфа на цели и задачи России в этом регионе и на дипломатические средства, которыми можно было бы их достигнуть.

Также Балканское турне В.Н. Ламздорфа освещено в книге «Балканы в конце XIX - начале XX века. Очерки становления национальных государств и политические структуры в Юго-Восточной Европе»[35].

В годы перестройки в историографии появились и некоторые абсолютно новые темы. Одной из таких тем стала история русско-тибетских отношений. Данная тема обстоятельно рассматривается в статье Н.С. Кулешова. Автор

---

[32] *Игнатьев А.В.* Балтийский вопрос во внешней политике России 1905-1907.//Вопросы истории. – 1986. – №3. – С. 22-37.

[33] *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия 1888-1903. Дипломатические отношения и общественные связи. Киев.: Наукова думка,1987.С. 143.

[34] *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1994.

[35] Балканы в конце XIX - начале XX века. Очерки становления национальных государств и политические структуры в Юго-Восточной Европе. / под ред. Ю.А. Писарева. М.: Наука,1991.

подчёркивал отсутствие у Ламздорфа и Николая II всякого интереса к Тибету, отношения с которым так и не стали регулярными и полноценными, несмотря на старания далай-ламы и некоторых русских энтузиастов[36].

§3. Постсоветская историография

Постсоветская историография, в отличие от советской, характеризуется разнообразием концепций исторического развития и отсутствием единой идеологии в исторической науке.

Отметим вначале ряд обобщающих работ по истории внешней политики России XIX- начала XX века. В коллективном труде под редакцией А.В. Игнатьева, И.С. Рыбачёнок и Г.А. Санина в популярной форме обрисованы политические портреты министров иностранных дел Российской империи[37]. Это одна из немногих работ, которая знакомит читателя с личностями и политическими взглядами министров иностранных дел России. Для нас данная работа ценна обстоятельным рассмотрением исторической роли В.Н. Ламздорфа, которого авторы считают одним из самых способных и выдающихся государственных деятелей своего времени.

Энциклопедической полнотой информации и академической строгостью изложения обладают труды «История внешней политики России конца XIX - начала XX века»[38] и «Очерки истории Министерства Иностранных дел России»[39]. В этих коллективных работах высоко оцениваются профессиональные качества В. Н. Ламздорфа. Авторы отмечают, что провал дальневосточной политики императорского правительства не связан с деятельностью Ламздорфа, уже в 1903г. фактически отстранённого от управления внешней политикой России на

[36] *Кулешов Н.С.* Россия и тибетский кризис начала XX века.// Вопросы истории. – 1990. – №11– С.152-160.
[37] Российская дипломатия в портретах/ под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбачёнок, Г.А. Санина. М.: Международные отношения,1992.
[38] История внешней политики России конца XIX- начала XX вв. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения,1997.
[39] Очерки истории Министерства Иностранных дел России, Т.1(860-1917) / под ред. А.Н. Сахарова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

этом направлении, сконцентрировавшейся в руках наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева.

К обобщающим работам следует отнести и монографию О.Р. Айрапетова[40], содержащую краткое изложение всей внешней политики России XIX – начала XX века. Книгу отличают широта авторского подхода к проблемам внешней политики России с учётом как глобальных процессов в международных отношениях, так и локальных событий в рамках одного политико-географического региона или одной страны. Много внимания в монографии уделено военным вопросам. Про В.Н. Ламздорфа О.Р. Айрапетов пишет, что министр иностранных дел - «опытный дипломат, которому, однако, не всегда хватало решимости отстаивать свою точку зрения перед императором»[41]. Аналогичная оценка В. Н. Ламздорфа содержится и в новой монографии О. Р. Айрапетова, посвящённой русско-японской войне[42].

Обзорной, по сути, является монография П.В. Мультатули. Отстаивая тезис о том, что внешней политикой России руководил лично император, без участия и воли которого не принималось ни одно решение, с чем невозможно не согласиться, автор серьёзно преуменьшает функции министра иностранных дел, отводя ему только роль покорного исполнителя, что в корне неверно. Превознося государственную мудрость Николая II, П.В. Мультатули совершенно необоснованно отказывает В. Н. Ламздорфу в профессиональной компетентности, уме и даже в личной порядочности на том лишь основании, что Николай II не доверял ему. Историк то подозревает Ламздорфа в политических интригах за спиной Николая II, то пишет, что Ламздорф не смог понять гениальную политическую игру царя вокруг договора с Вильгельмом II в Бьёрке, результатом которой стало возобновление активного франко-русского союза и начало сближения с Великобританией[43].

---

[40] *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи 1801-1914. М.: Европа, 2006.
[41] Там же,С. 421.
[42] *Айрапетов О.Р*. На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм,2015.
[43] *Мультатули П.В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917) М. ФИВ,2012. С. 40, 322.

Самыми информативными для нас являются работы И.С. Рыбачёнок. В монографии 1993 года она поднимает тему становления русско-французского союза. Одно из центральных мест в монографии отведено В.Н. Ламздорфу, ставшему к 1890-м гг. одним из самых влиятельных дипломатов. И.С. Рыбачёнок отмечает, что Ламздорф опасался резкого сближения с Францией, будучи уверенным в необходимости поддержания лояльных отношений с Берлином. Тем не менее, в отличие от А.З. Манфреда, она совершенно не склонна считать Ламздорфа германофилом, указывая на то, что цель Ламздорфа в отношении Германии и Франции сводилась к формуле: «не иметь надобности в одной стороне, больше, чем в другой». Отмечая личные качества В.Н. Ламздорфа, И.С. Рыбачёнок пишет о его аккуратности, осторожности, компетентности и трудолюбии. По мнению В.Н. Ламздорфа, для дипломата дисциплина и умение хорошо делать свою работу куда важнее, нежели известное имя, крупное состояние и блестящая жена[44].

В монографии 2005 года И.С. Рыбачёнок обстоятельно исследует историю проведения Первой конференции мира в Гааге в 1899 году[45]. В центре исследования – фигура В.Н. Ламздорфа, поскольку именно он взвалил на свои плечи львиную долю подготовительной и организационной работы со стороны России.

В обзорной монографии 2012 года И.С. Рыбачёнок рассматривает все основные внешнеполитические вопросы, стоящие перед Россией в начале XX века. Хронологические рамки данной монографии почти полностью соответствуют времени пребывания В. Н. Ламздорфа на посту министра иностранных дел. В книге исследуется политика В. Н. Ламздорфа в Европе, на Балканах, в зоне Проливов, на Дальнем Востоке, в Персии и в Африке. И.С. Рыбачёнок отмечает, что В. Н. Ламздорф обладал высоким профессионализмом и лично готовил большую часть документов МИД. В союзе с Францией Ламздорф видел залог сохранения равновесия. Тем не менее, он стремился сохранить стабильные связи с

---

[44] *Рыбачёнок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М.: АН СССР Институт истории СССР,1993. С.23, 54.

[45] *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: РОССПЭН, 2005.

Берлином, но не из угодничества, а опасаясь войны и революции. Сдержанное отношение Ламздорфа к Англии объяснялось недоверием к её политике и желанием избежать конфликта. Неудачный финал дипломатического курса В. Н. Ламздорфа, связанный с русско-японской войной и последующим ослаблением позиций России в мире, историк склонна видеть не в ошибках Ламздорфа, а в том, что его политический курс часто натыкался на непонимание и противодействие ряда коллег, а также ближайших советников Николая II, считавших себя компетентными в тех вещах, в которых они на самом деле таковыми не являлись. При этом сам император, не имея достаточного политического опыта, чутья, да и просто таланта управленца, легко подпадал под чужое влияние, что также зачастую отрицательно сказывалось на результате[46].

В статьях[47] и монографии И.В. Лукоянова рассматриваются различные политические, экономические и военные аспекты активности России на Дальнем Востоке в конце XIX-начале XX вв[48]. Главным проводником российской экспансии в регионе историк, вслед за Б.А. Романовым, считает С.Ю. Витте, обладавшего некоторое время почти неограниченной властью в регионе, благодаря влиянию на руководство КВЖД и Русско-китайского банка. В отличие от Б.А. Романова, И.В. Лукоянов не утверждает, что В.Н. Ламздорф всецело зависел от С.Ю. Витте, но признаёт, что он уступил министерству финансов, руководимому Витте, часть функций министерства иностранных дел на Дальнем Востоке. Сам В.Н. Ламздорф, по мнению историка, сравнительно мало интересовался делами Дальнего Востока и был в них недостаточно компетентен. Тем не менее, именно В. Н.Ламздорфу принадлежит инициатива занятия Порт-Артура. Подобно большинству высших сановников империи, Ламздорф полагал, что Россия решает в Маньчжурии свою историческую задачу, поэтому он теоретически не был против её присоединения к России, но занимал в этом

---

[46] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX-XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012.С.568-569.

[47] *Лукоянов И.В.* Восточная политика и П. А. Бадмаев.// Вопросы истории. – 2001. – №4– С. 105-122.; *Лукоянов И.В.* Портсмутский мир.// Вопросы истории. – 2007. – №2– С. 16-33; *Лукоянов И.В.* Порт-Артур в политике России (конец XIX в.).// Вопросы истории. – 2008. - №4. . – С. 49-63.

[48] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX-начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008.-

вопросе более осторожную позицию, нежели Николай II и лица из ближайшего окружения императора. По мнению И.В. Лукоянова, выступая против авантюристических планов А.М. Безобразова, В.Н. Ламздорф потерпел неудачу не только из-за неразумного отношения Николая II к проблемам Дальнего Востока, но и по причине собственных просчётов и нерешительности, упустив имевшийся у него шанс предотвратить русско-японскую войну.

Тему соперничества России и Японии в сфере железнодорожных концессий в Маньчжурии поднимает историк-японист В.Э. Молодяков[49]. В другой своей монографии он рассматривает отношения России и Японии после окончания русско-японской войны[50]. В. Э. Молодяков считает В.Н. Ламздорфа хорошим исполнителем, не отличающимся ни силой характера, ни самостоятельностью мышления, ставшим послушным проводником политики С.Ю. Витте.

Действия МИД России в период похода на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры освещаются в монографиях Д.Б. Павлова[51]. В этих работах В. Н. Ламздорф показан сторонником умеренного и взвешенного курса, но, с другой стороны, осторожность Ламздорфа, по мнению исследователя, серьёзно подвела З. П. Рожественского, нуждавшегося хотя бы в нескольких кораблях Черноморского флота для усиления своей эскадры, но министр иностранных дел решительно высказался против похода кораблей Черноморского флота, опасаясь нарушить договорённости о режиме Проливов.

В статье К. Каулина исследуется тема крейсерской войны русского флота против кораблей нейтральных стран в 1904-1905 гг. в свете переписки по этому поводу В.Н. Ламздорфа, опасавшегося серьёзных международных осложнений, с морским министерством[52].

В монографии О.Ю. Данилова внешняя политика России начала XX века рассмотрена в контексте военных угроз и подготовки России к будущей войне,

---

[49] *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений(1891-1945) М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006.

[50] *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: Золотой век. (1905-1916). М.: Просвещение, 2008.-

[51] *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904-1905гг.: Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004; *Павлов Д.Б* На пути к Цусиме. Беспримерный поход 2-й Тихоокеанской эскадры. М.: Вече, 2011.

[52] *Каулин К.* Граф В. Н. Ламздорф и крейсерская война против Японии. // Российская история.- 2013. - №1. - С. 137-146.

поэтому в центре повествования не дипломаты, а военные, но в монографии показаны механизмы взаимодействия МИД, руководимого В.Н. Ламздорфом, с военным министерством[53].

В монографии Б.Н. Григорьева рассказывается о функционировании дипломатической службы Российской империи XIX - начала XX века[54]. Автор, привлекая множество разнообразных источников из АВПРИ и мемуары дипломатов, исследует вопросы подготовки дипломатических кадров, финансирование министерства иностранных дел, особенности дипломатической службы в разных странах, разведывательные функции дипломатов, форму дипломатов, дипломатический протокол и другие аспекты, связанные с МИД царской России. Монография содержит ряд ценнейших для нашей темы сведений. В частности, подробности о карьерном росте В.Н. Ламздорфа, его взаимоотношениях с другими дипломатами, взглядах на предназначение и обязанности дипломата и т. д.

В монографии О.Ю. Голечковой, посвящённой заключительному периоду жизни А. А. Половцова, интерес для нас представляет сюжет о борьбе внутри министерства иностранных дел вокруг назначения князя А.Б. Лобанова-Ростовского министром. В.Н. Ламздорф, являясь одним из самых последовательных противников этого назначения, предпринял значительные усилия, чтобы его сорвать[55].

Взаимоотношения Сербии и России подробно разбираются в монографии С. И. Данченко[56]. Автор, на основе русских и сербских источников, анализирует внешнюю и внутреннюю политику руководства Сербии на рубеже веков, приведшую сначала к разрыву отношений с Россией, а затем к крушению в 1903г. династии Обреновичей, проводившей антироссийскую политику. В книге приводятся интересные сведения о переписке министра иностранных дел России с

---

[53] *Данилов О.Ю.* Пролог «Великой войны» 1904-1914гг. М.: Поколение, 2010.

[54] *Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия,2010.

[55] *Голечкова О.Ю.* Бюрократ Его Величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX-начале XX в. М.: АИРО-XXI, 2015.

[56] *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия 1878-1903. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996.

дипломатическим представителем в Сербии об интересах и задачах России в этой стране.

В 1890-е-1900-е гг. Россия принимала активное участие в разрешении греко-турецкого конфликта на Крите. Позиция графа В.Н. Ламздорфа по вопросу умиротворения Крита подробно освещена в монографии О.В. Соколовской[57]. Также в книге обильно цитируются записки, инструкции и всеподданнейшие доклады Ламздорфа, касающиеся Крита, что представляет для нас особенный интерес.

Отношениям России с Османской империей и вопросу Проливов в начале XX века посвящена глава в коллективной монографии, написанная Е.Г. Костриковым[58]. В книге рассматриваются неудачные попытки российской дипломатии во главе с Ламздорфом усилить российское влияние в Турции в период, предшествовавший русско-японской войне. Главной целью русской политики на этом направлении в тот момент было открытие Проливов для Черноморского флота, чтобы его можно было при необходимости отправить в Тихий океан. Такие проекты не раз предлагались и разрабатывались как до, так и после начала боевых действий. Однако Ламздорфу не удалось добиться от Константинополя открытия Проливов. Главной причиной было энергичное противодействие Великобритании. Дальний Восток отвлёк Россию от проблемы Проливов, и она «повисла в воздухе» до прихода на пост министра иностранных дел А.П. Извольского.

Монография Е.Ю. Сергеева посвящена полувековому соперничеству России и Британии в Азии[59]. В монографии освещается, проводимая министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом, политика противодействия британской экспансии в Персии, Тибете и на Дальнем Востоке в начале XX века. В.Н. Ламздорф назван в монографии «ведущим дипломатическим экспертом», но автор, в отличие от большинства историков, отмечающих осторожность политики

---

[57] *Соколовская О.В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М.: Индрик, 2006.
[58] Россия и Черноморские проливы (XVII-XX столетия) / под ред. Л. Н. Нежинского, А.В. Игнатьева. М.: Международные отношения,1999.
[59] *Сергеев Е.Ю.* Большая Игра 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: КМК, 2012.

Ламздорфа, подвергает составленные графом проекты критике за излишнюю самонадеянность, авантюризм и бескомпромиссность.

В другой монографии Е.Ю. Сергеев освещает работу военной разведки России в период войны с Японией. В книге затронуты вопросы участия министерства иностранных дел в сборе разведывательной информации и взаимодействия с органами военной разведки[60].

Большой интерес для нашей темы представляет статья О.Н. Кузнецовой, которая рассматривает русско-французский союз в начале 1900-х гг. в связи с постепенным втягиванием России в конфликт на Дальнем Востоке[61]. В частности, в статье освещаются вопросы переговоров графа Ламздорфа с министром иностранных дел Французской республики Делькассе, закончившиеся подписанием совместной декларации России и Франции, позволившей России выйти из дипломатической изоляции, вызванной англо-японским союзом 1902г., и продемонстрировать наличие влиятельного союзника в Европе. Также подробно в статье описаны переговоры о французских займах и переговоры Ламздорфа с Делькассе о возможном французском посредничестве на русско-японских мирных переговорах.

Монография А.И. Андреева наиболее полно освещает ещё мало исследованный вопрос русско-тибетских отношений[62]. Автор не соглашается с выводами другого исследователя истории отношений России с Тибетом, Н.С. Кулешова, отвергая его концепцию об отсутствии интереса России к Тибету, и доказывает, что русская дипломатия, понимая стратегическое значение Тибета, стремилась по мере своих возможностей распространить и на него своё влияние. В данной работе описываются и анализируются переговоры В.Н. Ламздорфа с представителями Далай-ламы и его дипломатическая переписка по этому вопросу.

В 2001г. в журнале «Дипломатический Вестник» появилась обзорная статья третьего секретаря историко-документального департамента (ИДД) МИД России

---

[60] *Сергеев Е.Ю.* Военная разведка России в борьбе против Японии1904-1905гг. М.: КМК, 2010.

[61] *Кузнецова О.Н.* Дальний Восток и развитие русско-французских отношений в 1902-1905гг. – Вопросы истории. – 2009. – №3 – - С.29-45

[62] *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ,2006.

Т.О. Лиманской, непосредственно посвященная деятельности графа В.Н. Ламздорфа на посту главы МИД России[63]. Статья является популярным изложением биографии В.Н. Ламздорфа, поэтому её вклад в историографию нашей темы является незначительным.

§4. Зарубежная историография

В зарубежной историографии, как и в отечественной, нет работ, посвящённых непосредственно личности и деятельности В. Н. Ламздорфа, поэтому в данный обзор включены работы, затрагивающие различные вопросы внешней политики России и истории международных отношений, в которых упоминается В.Н. Ламздорф.

В книге французского историка Элен Каррер д'Анкосс[64], посвящённой последнему российскому самодержцу, отмечается, что внешняя политика России, отличавшаяся осторожностью и умеренностью при министре иностранных дел А. Б. Лобанове-Ростовском, после его смерти стала склоняться в сторону чрезмерной амбициозности и даже авантюризма. Элен Каррер д'Анкосс связывает это с тем, что Николай II, ещё неопытный в делах мировой политики, но уже имевший в голове амбициозные планы экспансии в Азию, стал лично заниматься внешней политикой, навязывая свой курс министерству иностранных дел. Историк считает В. Н. Ламздорфа опытным, но не очень авторитетным дипломатом, которому, с поддержкой императора, удавалось успешно решать внешнеполитические задачи в Европе, проводя аккуратную политику, основанную на балансировании между Францией и австро-германским блоком. Однако, как отмечает автор, Ламздорфу не удалось удержать императора в рамках той же осторожности на Дальнем Востоке, что привело к войне с Японией.

Аналогичных взглядов придерживается другой известный французский историк Анри Труайя, отмечавший, что С.Ю. Витте способствовал назначению

---

[63] *Лиманская Т.О.* В. Н. Ламздорф (министр иностранных дел России). Дипломатический вестник. – 2001. – № 9. – С.32-44.

[64] *д' Анкосс Э.К.* Николай II: прерванная преемственность. Политическая биография. М.: РОССПЭН, 2010. С. 85.

В.Н. Ламздорфа, компетентного и умеренного дипломата, на должность министра иностранных дел, чтобы предостеречь Николая II от рискованных шагов на Дальнем Востоке, но император предпочитал слушать других советчиков, по меткому замечанию историка, «вещавших куда более энергичным языком» [65].

Канадский автор Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе в своей монографии исследует дальневосточную политику России рубежа XIX-XX веков под необычным углом. Автор монографии поставил перед собой цель ответить на вопрос, как различные теории, идеи, прожекты и мифы способствовали развитию экспансионистской линии во внешней политике России, таким образом, провоцируя и приближая конфликт с Японией. Самыми известными мифами, рассматриваемыми историком, являются миф о «жёлтой угрозе», которым небезуспешно пугал Николая II Вильгельм II, и миф о любви азиатских народов к российскому самодержцу в образе «белого царя», который якобы должен объединить под своей властью все азиатские народы. Этот миф активно популяризировался П.А. Бадмаевым. Таким образом, Схиммельпеннинк ван дер Ойе считает политику царизма агрессивной и экспансионистской, возлагая на руководство России ответственность за развязывание войны с Японией. Канадский историк характеризует В.Н. Ламздорфа как чиновника до мозга костей, ответственного работника, живущего интересами службы и пожертвовавшего ради неё даже своей личной жизнью. Признавая разумность и конструктивность взглядов министра иностранных дел на дальневосточную политику России, историк совершенно отказывает ему в качествах, необходимых для государственного деятеля. По мнению ван дер Ойе, Ламздорф в делах Дальнего Востока «почти полностью подчинил свою волю воле министра финансов» С.Ю. Витте. Более того, он даже указывает, что «граф Ламздорф… никогда не был особенно влиятельной фигурой»[66].

В монографии Ф. Казем-Заде поднимается вопрос русско-британского соперничества в Персии в начале XX века. Американский историк иранского

---

[65] *Труайя А.* Николай II. М.: Амфора, 2015. С. 118.

[66] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.:Новое литературное обозрение, 2009.С.277, 298.

происхождения демонстрирует, как отставшая и ослабленная политическими раздорами страна стала жертвой политических амбиций и соперничества великих держав. Автор старается не занимать ни сторону России, ни сторону Великобритании, по понятным причинам симпатизируя Персии. Именно через призму интересов Персии автор рассматривает и оценивает действия России и Великобритании. Фигура В.Н. Ламздорфа занимает в монографии значимое место. Автор отмечает дипломатический талант и компетентность В. Н. Ламздорфа, благодаря которым Россия смогла значительно укрепить своё влияние в Персии и потеснить там позиции англичан. По мнению историка, Ламздорфу не хватало харизмы, он был «бесцветный и тихий»[67].

Монография канадской исследовательницы русского происхождения М. Сороки посвящена известному отечественному дипломату, послу в Великобритании в 1902-1916 гг. А.К. Бенкендорфу[68]. Целый раздел в книге повествует о непростых отношениях между А.К. Бенкендорфом и его прямым начальником В.Н. Ламздорфом, с которым они имели по многим вопросам серьёзные расхождения, а подчас прямо противоположные позиции. Бенкендорф обладал непростым характером, бывал своеволен, несговорчив, упрям, поэтому Ламздорфу то и дело приходилось в достаточно жёсткой манере напоминать послу о том, кому он служит и чьи интересы представляет. В монографии обстоятельно изложены взгляды обоих дипломатов на все основные проблемы внешней политики России и российско-британских отношений. Особый интерес для нас в этой монографии представляет то, что в ней подробно исследуется и цитируется обширная переписка между Ламздорфом и Бенкендорфом. Таким образом, эта работа является одной из самых ценных для нашего исследования.

В монографии английского автора М. Картер международная политика конца XIX- начала XX вв. показана через призму взаимоотношений трёх кузенов и одновременно самых могущественных монархов в мире – английского короля

---

[67] *Казем-Заде Ф*. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрополиграф,2004.

[68] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benkendorff (1903-1916). London. Hardcover, 2011.

Георга V, германского кайзера Вильгельма II и русского царя Николая II. В данной монографии России уделено несколько меньше внимания, чем Великобритании и Германии. Темы, связанные с внешней политикой России, раскрываются через взаимоотношения Николая II, подверженного политическому авантюризму и чужому влиянию, с его министром иностранных дел, предостерегающим монарха от рискованных шагов и исправляющего уже совершённые императором ошибки, например, в случае с Бьёркским соглашением. В книге уделено много внимания личности, изысканным манерам и неординарному дипломатическому дарованию В.Н. Ламздорфа[69].

Итак, мы можем сделать вывод, что большинству отечественных историков граф Владимир Николаевич Ламздорф не казался влиятельной политической фигурой. Его образ явно терялся на фоне С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина. Под влиянием мемуаров С.Ю. Витте, в отечественной, а затем и в зарубежной историографии утвердилось мнение о том, что Ламздорф был едва ли не марионеткой в руках Витте, особенно в вопросах, касавшихся Дальнего Востока.

В дореволюционной публицистике графа В.Н. Ламздорфа жестоко порицали за провал политики на Дальнем Востоке, в исторических трудах его образ всецело затмил С.Ю. Витте.

Советские историки признавали за В.Н. Ламздорфом многие качества отличного дипломата, но для них он был проводником империалистической политики царского правительства. Следует отметить, что если в ранних работах советского периода В.Н. Ламздорфу давались уничижительные характеристики, то с эпохи «оттепели» отзывы историков о нём начинают приобретать даже уважительный оттенок. Ламздорфа начинают относить к числу наиболее умных и дальновидных сановников своего времени.

Современные отечественные историки, за редким исключением, высоко оценивают способности графа Ламздорфа и признают его большие заслуги на поприще дипломатии.

---

[69] Miranda Carter The Three Emperors. Three Cousins, Three Empires and the Road to World War One. Penguin books. 2010. p. 295.

Зарубежная историография по теме нашего исследования довольно обширна. Историки, с чьими работами мы ознакомились, придерживаются различных концепций, различно их отношение и к дипломатическому курсу царизма, но примечательно, что авторы большинства рассмотренных нами зарубежных трудов с уважением отзываются о В.Н. Ламздорфе, признавая его профессионализм, миролюбие и стремление к компромиссам.

Источники

§1. Делопроизводственные источники

При подготовке настоящего исследования нами были использованы как неопубликованные, так и опубликованные делопроизводственные источники, представленные различными категориями документов Министерства иностранных дел: всеподданнейшими докладами министра иностранных дел, внешнеполитическими обзорами, служебными и аналитическими записками, инструкциями министра дипломатическим представителям России за рубежом и дипломатической перепиской (депешами, секретными телеграммами). Прежде чем перейти к анализу делопроизводственных документов, следует хотя бы кратко рассказать о судьбе архива В.Н. Ламздорфа, основу которого составляли как раз делопроизводственные документы.

В.Н. Ламздорф, уйдя с поста министра иностранных дел весной 1906 года, оставил в министерстве большую часть своих служебных бумаг, вскоре попавших в архив МИД, а личный архив Ламздорфа, включавший его дневники и частную переписку, оставался при нём до его смерти в 1907 году, а затем, согласно завещанию Ламздорфа, был передан на хранение князю Валериану Сергеевичу Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, близкому другу графа, занимавшему пост товарища министра иностранных дел. После смерти последнего личные бумаги Ламздорфа также были переданы в архив министерства иностранных дел. Уже при советской власти архив В.Н. Ламздорфа был разделён. Часть документов осталась в архиве внешней политики (сейчас Архив внешней политики Российской империи – АВПРИ), а другая часть была передана в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ныне называющийся Государственным архивом Российской Федерации (ГАРФ), в котором находится личный фонд В. Н. Ламздорфа (фонд 568). Основу фонда составляют различные

документы, а также деловая и личная переписка В.Н. Ламздорфа с разными лицами.

В бумагах, отложившихся в фонде Ламздорфа, присутствуют преимущественно черновики и копии дипломатических документов. При подготовке важных документов их текст неоднократно редактировался, выверялся и согласовывался в черновом варианте, лишь затем переписывался или перепечатывался набело, а черновики оставались у составителей документа. Наличие копий документов в бумагах Ламздорфа объясняется тем, что они посылались ему на ознакомление и согласование. Оригиналы документов оставались в канцелярии министерства и сейчас хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Больше всего дипломатических документов, отложившихся в фонде В.Н. Ламздорфа, касается дел Дальнего Востока: депеши дипломатических представителей России в Китае, Корее и Японии министру иностранных дел, а также телеграммы и всеподданнейшие записки наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева и военного министра А.Н. Куропаткина. Меньшее количество документов посвящено другим вопросам внешней политики России того периода: Гаагской мирной конференции, союзу с Францией, свиданиям Николая II с Вильгельмом II, реализации Мюрцштегской программы реформ для Македонии, Алжезирасской конференции и прочее. Как уже было сказано, дипломатические документы, а чаще их копии, отложившиеся в фонде В. Н. Ламздорфа, направлялись министру для ознакомления и, по тем или иным причинам, оставались в его бумагах, поэтому подборки документов оттуда ни в коем случае не могут претендовать на полноту; наиболее полно аналогичные документальные комплексы представлены в АВПРИ. То же самое относится и к документам по личному составу, финансированию и организации работы МИД (списки сотрудников, счета и расписки, отчёты о расходах министерства), отложившихся в фонде В.Н. Ламздорфа.

Значительное количество дипломатических документов, написанных В.Н. Ламздорфом, отложилось в других фондах ГАРФ. Например, в фонде

Г.А. Плансона - начальника дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке (Ф.818) - содержится много документов, составленных В.Н. Ламздорфом и относящихся к делам Дальнего Востока. Как и в случае с фондом В.Н. Ламздорфа, большинство документов в фонде Плансона являются копиями[70]. Копии секретных телеграмм министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа есть и в архивном фонде А.П. Извольского[71]. Также в архивном фонде А.А. Гирса, российского дипломата, занимавшего в разные годы консульские должности в Триесте, Румынии, Каннах и Бушире, племянника Н.К. Гирса, имеется очень интересная и служебная переписка с В.Н. Ламздорфом, затрагивающая достаточно широкий круг тем от финансирования российского консульства в Каннах и вопросов служебной этики дипломата до пересылки книг по почте[72].

Теперь мы переходим к подробной характеристике и анализу каждой группы делопроизводственных источников.

В фонде Ламздорфа в ГАРФ (Ф. 568) имеются *краткие конспекты докладов* министра иностранных дел императору, которые Ламздорф писал для памяти перед каждым докладом сначала для своего предшественника М.Н. Муравьёва, а затем, став министром иностранных дел, продолжил писать их уже для себя. Конспекты, написанные от руки по-русски и по-французски, чаще всего достаточно короткие и малоинформативные, но позволяют уточнить и дополнить данные других источников. Значительно реже среди этих конспектов встречаются развёрнутые доклады, досконально описывающие то или иное событие. Они, разумеется, имеют для нас значительно больший интерес. Так, в одном из

---

[70] В фонде Плансона для нас большой интерес представляют следующие документы: Журналы Особых Совещаний о задачах русской политики на Дальнем Востоке (Д. 49); в которых изложена позиция В.Н. Ламздорфа по этому вопросу; переписка В.Н. Ламздорфа с Плансоном об эвакуации Маньчжурии (Д. 51.); записка В.Н. Ламздорфа о лесной концессии на реке Ялу (Д. 55); телеграммы Ламздорфа Плансону (Д. 56); инструкция Ламздорфа российскому посланнику в Китае П.М. Лессару (Д. 58); телеграмма Ламздорфа адмиралу Е.И. Алексееву (Д. 72);записка В. Н. Ламздорфа по поводу отправления на Дальний Восток судов Черноморского флота (Д. 87); переписка В. Н. Ламздорфа с посланником в Корее А.И. Павловым (Д. 111); телеграммы В.Н. Ламздорфа представителям России за границей о Корее (Д.120); всеподданнейшая записка В. Н. Ламздорфа о восстановлении русского представительства в Корее (Д.131); письмо В. Н. Ламздорфа морскому министру Ф.К. Авелану по поводу статьи адмирала З. П. Рожественского в «Новом времени» (Д. 137); инструкция В.Н. Ламздорфа Плансону, назначенному на должность генерального консула в Сеуле (Д. 150); составленная Г.А. Плансоном брошюра «Портсмутская мирная конференция 1905 года. Отчёт секретаря конференции.» СПб.,1908 г. (Д. 181), в которой освещается роль В.Н. Ламздорфа в организации этой конференции.

[71] ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85.

[72] ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 21, 188.

докладов содержится конспект разговора между В.Н. Ламздорфом и бывшим премьер-министром Японии маркизом Ито Хирабуми, приехавшим в Санкт-Петербург осенью 1901 года со своим планом преодоления русско-японских противоречий на Дальнем Востоке и разделения там сфер влияния между странами. Данный документ является весьма ценным для понимания разницы подходов российской и японской сторон к судьбе Кореи.

Большей информативностью обладают *внешнеполитические обзоры*, самым полным из которых является обзор за 1888 год. В документах такого рода, подготовленных Ламздорфом, содержится обзор отношений России с иностранными государствами, анализ текущих политических событий внутри них и рекомендации о том, какие политические шаги в связи со всем изложенным следует предпринимать.

Следующей важной разновидностью делопроизводственных дипломатических документов, используемых нами, являются *записки*. Они бывают всеподданнейшими на имя императора и внутриведомственными, подготовленными для ознакомления министром, товарищем министра или отдельными сотрудниками министерства. Обычно в служебных записках дипломатов содержалась история какой-либо одной дипломатической проблемы, проводился анализ её текущего состояния и давались рекомендации для её решения. Некоторые дипломатические записки, выявленные нами в фондах ГАРФ, были анонимными. Их авторство возможно установить только по косвенным признакам с большей или меньшей степенью достоверности.

В.Н. Ламздорф за свою дипломатическую карьеру составил десятки аналитических, докладных и всеподданнейших записок, некоторые из которых выявлены нами в фондах ГАРФ. Большое количество записок Ламздорфа опубликовано в различных сборниках документов.

Наиболее систематизированным и информативным видом делопроизводственных дипломатических документов являются *инструкции* русским посланникам, приступающим к исполнению своих обязанностей в иностранных государствах. Обычно инструкции такого рода составлялись лично

министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом. С такой инструкцией знакомился каждый вновь назначенный посланник России в иностранном государстве перед отправлением к месту службы. В ней подробно описывалось политическое и экономическое положение страны, в которую направлялся дипломат. Затем следовал экскурс в историю дипломатических отношений России с этим государством. В последней части инструкции, на основании первых двух частей, делались выводы о политических и экономических интересах России в будущей стране пребывания посланника и формулировались задачи его деятельности в этой стране (развитие торговли, усиление там политического влияния России, сбор важной информации и т. д.). Эта категория делопроизводственных дипломатических документов является для нас одной из самых ценных, потому что в них содержится наиболее полное описание отношений России с иностранными государствами, а также детально излагаются все первоочередные цели и задачи российской дипломатии. Такого рода информация является уникальной, и не встречается ни в каких других видах дипломатических документов.

Самым распространённым видом делопроизводственных документов, использованных в нашем исследовании, является *дипломатическая переписка*. В письмах, депешах и секретных телеграммах дипломатические представители России за границей информировали министра о событиях, происходящих в странах их пребывания, о реакции политических кругов и общественного мнения этих стран на политику России. В ответ дипломатические представители получали от министра иностранных дел в секретных письмах и телеграммах инструкции и распоряжения по текущим делам.

Большой интерес представляет дипломатическая переписка иностранных дипломатов, аккредитованных в России, но недостатком зарубежных источников является то, что в них, как правило, содержится информация, полученная иностранным дипломатом через третьих лиц, не говоря уже о том, что некоторые иностранные дипломаты далеко не всегда утруждали себя проверкой правдивости сообщаемых ими сведений. Исключение составляют те документы, в которых

иностранные дипломаты передают информацию, полученную ими непосредственно от первого лица, то есть в ходе общения с героем нашего исследования.

В архивном фонде В.Н. Ламздорфа сохранилось множество деловых писем к нему от разных лиц, в том числе, от императора Николая II, министров иностранных дел Н.К. Гирса, А.П. Извольского, министров внутренних дел Н.П. Игнатьева, В.К. Плеве, П.Д. Святополк-Мирского, министра финансов С.Ю. Витте, сенатора А.А. Половцова, обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, графа Бюлова, великого князя Николая Михайловича, военного министра А.Ф. Редигера, короля Болгарии Фердинанда и других. Сами по себе эти письма являются ценными историческими источниками. Кроме того, некоторые письма содержат документальные приложения: проекты договоров, копии всеподданнейших записок и дипломатических депеш. Особенно много документальных приложений встречается в письмах С.Ю. Витте.

Значительная часть служебного архива графа В. Н. Ламздорфа к настоящему времени опубликована. Многие важные источники в том числе и из архива В.Н. Ламздорфа впервые были опубликованы в историческом журнале «Красный архив». В связи с тем, что публикации подборок архивных документов в журнале «Красный архив» помимо научных преследовали ещё идеологические и пропагандистские цели, документальные материалы, не соответствующие идеологическим установкам журнала, отсеивались. Кроме того, в некоторых подборках документов имеются никак не отмеченные в тексте и не оговорённые в предисловии к публикации купюры. В этом состоит значительный изъян публикаций «Красного архива», но опубликованные на страницах этого журнала документы являются уникальными, чрезвычайно информативными и освещают важнейшие аспекты внешней политики России конца XIX-начала XX веков.

Большинство используемых нами документов, опубликованных в «Красном Архиве», сейчас находится в АВПРИ, а оставшаяся часть хрантся в ГАРФ. В настоящей работе использованы подборки документов из журнала «Красный Архив», представляющие собой, пожалуй, важнейшую часть служебного архива

министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа. В документальных подборках журнала присутствуют все категории делопроизводственных дипломатических документов, а также тексты протоколов Особых совещаний у императора, на которых присутствовал и выступал В.Н. Ламздорф. *Протоколы Особых совещаний* – эти важнейшие документы, передающие содержание выступлений В.Н.Ламздорфа, других министров и сановников, и реакцию на эти выступления императора, - наиболее полно опубликованы именно в «Красном архиве». Полный перечень использованных подборок документов представлен ниже[73].

[73] 1) По вопросам политики России на Дальнем Востоке и деятельности российской дипломатии в период русско-японской войны: «Портсмут» (документы о заключении мирного договора с Японией) — 1924, Т.6, Т.7. «Боксёрское восстание» (переписка Министерства иностранных дел в апреле-декабре 1900 г. о положении в Китае) 1926. — № 1 (Т.14). «Безобразовский кружок летом 1904 г.» — 1926. — №4 (Т. 17.)«Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г.» (докладная записка министра иностранных дел М.Н. Муравьева в январе 1900 г. о политике царского правительства в отношении Турции, Персии, Афганистана и на Дальнем Востоке; отзывы на эту записку министров: морского — П. Тыртова, военного — А.Н. Куропаткина и финансов - С.Ю. Витте. **«**Конец русско-японской войны» (военное совещание 24 мая 1905 г. в Царском Селе)» (журнал совещания под председательством Николая II) – 1928. — № 3 (Т.28). «Из эпохи японо-китайской войны 1894-1895 гг.» — 1932. — № 1-2 (ТТ.50-51). «Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888-1903 гг.)» (документы о политике России на Дальнем Востоке), — 1932. — № 3 (Т.52). «Накануне русско-японской войны - декабрь 1900 г. – январь 1902 г.» (переписка министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа с другими членами царского правительства и российскими представителями в Японии и других странах относительно политики царского правительства на Дальнем Востоке) – 1934. — - № 2 (Т.63). «Захват Германией Киао-Чао в 1897 г.» (переписка МИД (Муравьёв, Ламздорф) с российскими представителями в Китае, Германии и других странах и с германским правительством в 1895-1896 гг. о позиции царского правительства в связи с захватом Германией китайского порта Киао-Чао) – 1938. — № 2 (Т.87).

2) По проблемам Балкан и Проливов: Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии Босфора. – 1931. - № 3 (Т.46). «Царское правительство о проблеме проливов в 1896-1911 гг.» - 1933. - № 6 (Т.61).

3) По вопросам русско-английского соперничества в Персии: «Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны» (инструкция министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа посланнику в Тегеране А.Н. Штейеру 30 сентября 1904 г. о мерах противодействия английскому влиянию в Персии.). «Англо-русское соперничество в Персии 1890-1906 гг.» (журналы Особых совещаний по персидским делам) – 1933. — № 1 (Т.56).

4) О взаимоотношениях с европейскими державами: «Русско-германский договор, заключённый в Бьёрке» (переписка Николая II и Вильгельма II, текст договора) — 1924. — Т. 5. «Отражение событий 1905г. за границей» (доклады дипломатических представителей России о моральной и материальной поддержке русских революционеров из-за рубежа и договоры с иностранными государствами о недопущении ввоза оружия в Россию); Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905г. – 1925, № 2 (Т.9). «Россия и Алжезирасская конференция» (переписка министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа с послом в Париже А.И. Нелидовым и послом в Берлине И.Д. Остен-Сакеном и русским уполномоченным на Алжезирасской международной конференции по делам Марокко графом А.П. Кассини и др. в январе – марте 1906 г) – 1930. — № 4-5 (ТТ.41-42). **«**Новые документы об Алжезирасской конференции и займе 1906 г.» — 1931. — № 1 (Т.44). **«**Иностранные дипломаты о революции 1905 г.» (выписки из перлюстрированных в департаменте полиции писем представителей иностранных держав в Петербурге с 10 января 1905 г. по 4 февраля 1906 г., содержащие оценки политических событий в России.) – 1932. — № 4 (Т.53).

5) О политике России в Африке: «Николай II – «император кафров» (переписка министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа с посланником в Лиссабоне Кояндером в 1904-1905 гг. и резолюции на этих письмах Николая II, а также другие документы относительно проекта бурского генерала Жубера-Пикара поднять при помощи царской субсидии восстание кафров против господства англичан.) – 1935. — № 2-3 (ТТ.69-70).

Большое количество интересующих нас опубликованных источников можно найти в различных сборниках документов. Самые ранние из привлекаемых нами для исследования сборники документов были опубликованы ещё до 1917 года министерством иностранных дел Российской империи с целью ознакомления широкой общественности с официальной точкой зрения российской дипломатии по некоторым важным международным вопросам. В этих сборниках содержится важная для нашего исследования дипломатическая переписка, которую вёл как граф В. Н. Ламздорф лично, так и его непосредственные подчинённые[74].

Для изучения деятельности В.Н. Ламздорфа в период русско-японской войны 1904-1905гг. важны три сборника документов, выход которых был приурочен к столетию русско-японской войны. Первый сборник называется: «Русско-японская война 1904-1905. Факты. Документы.»[75]. В этой книге опубликованы, ранее уже публиковавшиеся в различных изданиях, документы, посвящённые дипломатической предыстории Русско-японской войны, её ходу и заключению Портсмутского мира в 1905г.

Второй сборник - «Русско-японская война 1904-1905гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии»[76]. В нём опубликованы документы министерства иностранных дел Российской империи за период Русско-японской войны. Большая часть этих документов, хранящихся сейчас в АВПРИ, представляет собой депеши русских дипломатов на имя министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, содержащие информацию разведывательного характера о действиях и потерях японских войск и планах японского командования. Кроме того, в этом сборнике содержатся инструкции В. Н. Ламздорфа русским дипломатам за границей о проведении дальнейших разведывательных мероприятий против Японии. Во второй части сборника приведены также небезынтересные для нашей темы протоколы мирных переговоров в Портсмуте. Большим недостатком данного сборника является то,

[74] Реформы в Македонии 1902-1903. Дипломатическая переписка. СПб.: Изд-во МИД,1906.; Шпицберген 1871-1912. Дипломатическая переписка. Спб.: Изд-во МИД,1912.
[75] Ш*ацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. Факты. Документы. М.: Молодая гвардия, 2004.
[76] *Глушков В.В., Черевко К.Е.* Русско-японская война 1904-1905гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М.: Институт российской истории РАН, 2006.

что документы в нём опубликованы со значительными купюрами или даже в выдержках.

Третий сборник называется «Из истории русско-японской войны 1904-1905гг.»[77]. В сборник включены книга В.А. Апушкина «Русско-японская война 1904-1905гг.», впервые изданная в 1910г.; статья современного историка Е. М. Османова «Деятельность японской разведки и российской контрразведки в годы русско-японской войны 1904-1905гг.»; собрание документов о деятельности разведки и контрразведки в русско-японскую войну. Этот сборник интересен для нашего исследования наличием документов МИД России, показывающих роль ведомства В. Н. Ламздорфа в борьбе с японским шпионажем. Ещё одна интересная подборка документов из Архива внешней политики Российской империи, содержащая переписку В.Н. Ламздорфа, посвящённую походу 2-й Тихоокеанской эскадры и инциденту у Доггер Банки, опубликована в приложении к монографии Д.Б. Павлова «На пути к Цусиме»[78].

В последние годы Историко-документальным департаментом (ИДД) МИД РФ совместно с АВПРИ был издан целый ряд сборников документов, посвящённых двустопронним отношениям России с рядом иностранных государств[79]. В них опубликованы дипломатические документы из фондов АВПРИ и некоторых иностранных архивов. Для нас в этих сборниках наибольший интерес представляет переписка русских дипломатических представителей за границей с В.Н. Ламздорфом.

Несколько в стороне от других сборников дипломатических документов, обычно объединённых общей проблематикой, стоит сборник, составленный

---

[77] Из истории русско-японской войны 1904-1905гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб.: Изд-во СПбГУ,2005.

[78] *Павлов Д.Б.* На пути к Цусиме. Бессмертный поход 2-й Тихоокеанской эскадры. М.: Вече, 2011.-

[79] Россия и Африка. Документы и материалы XVIIIв. – 1960. М.: Институт всеобщей истории РАН,1999; Россия-Марокко: История связей двух стран в документах и материалах(1777-1916). М.: Институт Африки РАН,1999; Россия – Сиам 1863-1917. Документы и материалы. М.: Международные отношения,1997.; Россия и США: Дипломатические отношения 1900- 1917. М.:Международный фонд «Демократия»,1999; Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов 1900-1914 М.: Восточная дитература-, 2005.; Россия – Швейцария 1813-1955. М.: Международные отношения,1995;Россия-Куба 1902-2002. М.: Международные отношения,2004.; СССР(Россия) – Аргентина: страницы истории. 1885-1986гг. Документы и материалы. М.: Политиздат,1990; Российская консульская служба в Австралии 1857-1917 гг. (сборник документов). Составители и авторы вводных статей и комментариев А. Я. Массов и М. Поллард. М.: Международные отношения,2014; «Старая» Россия и «новая» Норвегия. Российско-норвежские отношения (1905 -1917). Сборник документов. М.: ЛЕНАРД, 2014.

И.С. Рыбачёнок объединивший под одной обложкой самые различные проекты, аналитические записки, отчёты и инструкции, составленные государственными деятелями, военными и дипломатами России конца XIX-начала XX века, относящиеся к внешней политике России. В этом сборнике содержится несколько интереснейших записок и инструкций, подготовленных В.Н. Ламздорфом и освещающих его видение ключевых вопросов внешней политики России[80].

Теперь остановимся на доступных нам сборниках документов на иностранных языках. Прежде всего, речь идёт о многотомных сборниках дипломатических документов Великобритании (British Documents on the Origin of War 1898-1914 – BD), Франции (Documents diplomatiques français – DDF) и США (Papers relating to the foreign relations of the United States –FRUS)[81].

В Великобритании и Франции систематическая публикация дипломатических документов периода до Первой мировой войны, как и в СССР, была предпринята в 1920-1930 годах, но если в СССР публикация документов преследовала цель разоблачения агрессивной и империалистической сущности политики царского режима, то во Франции и Великобритании публикация документов имела целью снять с себя ответственность за развязывание Первой мировой войны. Именно этим принципом руководствовались составители BD и DDF при отборе документальных материалов для публикации. Таким образом, если составители документальных подборок в «Красном Архиве» прежде всего отбирали документы, бросающие тень на царский режим, то их британские и французские коллеги, напротив, тщательно избегали публиковать документы, демонстрирующие в не лучшем свете правительства своих стран. Тоже самое можно сказать и про FRUS, каждый следующий том которого освещал внешнюю политику Соединённых Штатов за предыдущий год. Таким образом, зарубежные сборники документов при их бесспорной ценности в качестве исторических

[80] Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных, публицистов. Документальная публикация М.: ИРИ РАН, 2004г. Составитель И.С. Рыбаченок.

[81] British Documents on the Origin of War 1898-1914 Vol. I-XI. London, 1926-1938; Documents diplomatiques français. 1871-1914 2ème série V. 1-7 1931-1937;. Papers relating to the foreign relations of the United States Washington, 1897-1907.

источников и значительной репрезентативности не лишены субъективизма, о котором не следует забывать при работе с ними.

В зарубежных сборниках документов содержится переписка с российскими дипломатами, в том числе и с В.Н. Ламздорфом, и донесения иностранных дипломатов из России своим правительствам, из которых можно почерпнуть много интересной и полезной для нас информации, например, об устных переговорах с графом Ламздорфом, или о том, как иностранные дипломаты оценивали личные и профессиональные качества нашего героя.

Также отдельные сведения о В.Н. Ламздорфе можно подчерпнуть в целом ряде сборников документов, посвящённых отдельным международным проблемам, выпущенных в разные годы министерством иностранных дел Франции[82]. Сборники документов, опубликованные МИД Франции заведомо более тенденциозные, чем DDF, поскольку они преследуют не научные цели, а лишь информируют общественность о внешней политике Франции. Документы в упомянутых сборниках подобраны таким образом, что Франция представляется главной умиротворяющей и созидательной силой в Европе. В связи с тем, что данные сборники документов не являются строго научными, в них отсутствует справочный и ссылочный аппарат, что также заметно понижает научную ценность этих сборников документов. Вместе с тем, в них можно обнаружить ряд представляющих интерес документов, отсутствующих в DDF. Таким образом, эти сборники документов могут в некоторых случаях служить дополнением материалов DDF.

[82] Affaires de Macédoine 1902. Paris,1903; Affaires de Macédoine, janvier-février 1903 Paris,1903 ;Affaires de Macédoine, 1903-1905 Paris 1905;Révision des traités tunisiens, 1881-1897. Paris,1897; Révision des traités tunisiens, 1896- janvier 1897 Paris,1896; Commission internationale d'enquête constituée en vertu de la déclaration du 12/25 novembre 1904 : échangée à Saint-Pétersbourg entre les gouvernements de la Grande-Bretagne et de Russie. Paris, 1906 ; Chine, 1899-1900. Paris, 1900 ; Chine, 1900-1901.Paris, 1901 ;Affaires du Maroc, 1901-1905. Paris. 1905; Affaires d'Orient : autonomie crétoise, mai -décembre 1897. Paris 1898 ; Affaires d'Orient : autonomie crétoise, janvier-octobre 1898. Paris. 1898; Affaires d'Orient : évacuation de la Crète par les troupes ottomanes, installation d'un haut commissaire, octobre-novembre 1898. Paris.1898; Affaires de Crète, 1904-1905. Paris. 1905; Affaires de Turquie, 1900-1901. Paris, 1902;Conférence (11 ; 1903 ; Vienne). Compte rendu de la XIe conférence tenue à Vienne, Palais du Reichsrat, du 7 au 9 septembre 1903 . Vienne, 1903 ; Les origines et les responsabilités de la Grande Guerre : preuves et aveux (2e éd.) E. Bourgeois , G. Pagès. Paris,1922.

§2. Источники личного происхождения

Источники личного происхождения (частная переписка, дневники и мемуары) составляют существенную часть от общего количества источников по нашей теме. Содержащиеся в них сведения дополняют сведения других источников, а подчас носят эксклюзивный характер.

Частная переписка. В.Н. Ламздорф вёл обширную частную переписку, которая до сих пор не опубликована. Некоторая её часть отложилась в архивном фонде Ламздорфа в ГАРФ, а другая часть разбросана по личным архивным фондам его корреспондентов. Круг корреспондентов графа был весьма обширен. В фонде В.Н. Ламздорфа содержится большое количество частных писем к нему от родственников, друзей и знакомых, от служащих министерства иностранных дел и членов их семей, нуждающихся во вспомоществовании, от управляющих его имениями, от лиц духовного звания, с которыми поддерживал отношения набожный министр, и, наконец, от тех, кто рассчитывал на его содействие в различных делах или желал приобрести в его лице полезное знакомство.

Переписка В.Н. Ламздорфа с его начальником и одновременно близким другом Н.К. Гирсом носила как служебный, так и личный характер. Особенность переписки с Гирсом заключается в том, что, как правило, в ответ на достаточно длинные письма Николая Карловича, Ламздорф отвечал короткими записочками, в которых отчитывался в выполнении того или иного поручения как делового, так и частного характера[83].

Одним из ближайших друзей В.Н. Ламздорфа являлся Валериан Сергеевич Оболенский–Нелединский–Мелецкий. Письма Ламздорфа к нему сохранилась за 1900-1903 гг., однако, учитывая, как долго В.Н. Ламздорф знал Оболенского, можно предположить, что в архиве отложились далеко не все письма Ламздорфа к Оболенскому. В письмах к Оболенскому, В.Н. Ламздорф предстаёт добрым и

[83] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 420-32.

заботливым другом. Письма Ламздорфа к Оболенскому охватывают широкий круг тем как служебного, так и частного характера[84].

Ещё более обширная, чем с В.С. Оболенским, переписка В.Н. Ламздорфа, сохранилась в личном архивном фонде дипломата А.С. Ионина, работавшего в Черногории, Болгарии и Бразилии. Письма ему также носят дружеский характер и затрагивают широкий круг тем[85]. Эти письма ценны для нас своей информативностью и тем, что они охватывают значительный временной промежуток (1885-1898 гг.). Из них мы узнаём много нового про жизнь В. Н. Ламздорфа и людей из его ближайшего окружения – Н.К. Гирса и членов его семьи, В.С. Оболенского, П.А. Капниста и других. В этих письмах В.Н. Ламздорф подробно рассказывает о своей повседневной жизни, о различных слухах в стенах министерства иностранных дел, об отношениях с разными людьми, о своих поездках на отдых за границу, о состоянии своего здоровья и о многом другом[86].

Из корреспонденции сугубо частного содержания в личном фонде В.Н. Ламздорфа отложилась его переписка с П.Г. Сипягиным (близким другом графа монахом Пименом), которую они поддерживали во время пребывания Пимена в Китае при русской дипломатической миссии (Ф.568. Оп. 1. Д. 281). В своих письмах Пимен рассказывал Ламздорфу о Китае, о повседневной жизни российского дипломатического представительства, о своих душевных, в том числе религиозных, переживаниях и прочее[87]. Ламздорф также писал Пимену о своей повседневной жизни, особенно подробно останавливаясь на темах, связанных с религией и церковью, о своём здоровье и о лицах из своего ближайшего окружения. Особенно много Ламздорф сообщал о жизни Н.К. Гирса и членов его семьи[88].

[84] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 280
[85] ГАРФ. Ф. 939. Оп. 1. Д. 102.
[86] ГАРФ. Ф. 939. Оп. 1. Д. 102.
[87] ГАРФ. Ф. 568. Оп 1. Д. 766.
[88] ГАРФ. Ф. 568. Оп.1. Д. 281.

Частный характер носит переписка В.Н. Ламздорфа с юристом А.Ф. Кони[89]. В письмах В.Н. Ламздорф благодарит Кони за присланные ему книги и предлагает посетить его подмосковное имение Ашитково.

Также преимущественно частный характер носит переписка В.Н. Ламздорфа с некоторыми сотрудниками министерства иностранных дел. Например, в письмах к В. Е. Львову, директору главного архива МИД в Москве, Ламздорф жалуется на свою крайнюю занятость и сообщает о состоянии здоровья[90].

Итак, частная переписка В.Н. Ламздорфа является очень важным источником для нашего исследования. Благодаря ей, мы можем не только получить некоторые новые сведения о жизни Ламздорфа, но, что ещё более важно, взглянуть на его личность с другой стороны, чтобы увидеть в нём не столько бюрократа, сколько, прежде всего, живого человека со своим неповторимым характером, привычками, сильными и слабыми сторонами. Что касается политических взглядов Ламздорфа, они не находят по понятным причинам своего подробного освещения в его частной переписке, тем не менее, там иногда встречаются ценные замечания по политическим вопросам, преимущественно критического характера, которые граф не мог себе позволить вставить в делопроизводственные дипломатические документы.

Дневники. Упоминания о В.Н. Ламздорфе содержатся в дневниках многих из его известных современников. Для того времени характерно наличие развитой культуры ведения личных дневников. Стиль и характер дневниковых записей целиком зависели от личности автора. Одни предпочитали делать краткие записи о событиях прошедшего дня, а другие доводили свои ежедневные записи почти до уровня литературного произведения, помещая в дневник детальные описания событий дня, содержание своих разговоров с другими лицами и собственные рассуждения о волнующих автора вещах.

Считается, что дневники являются, по определению, более достоверными источниками, чем мемуары, так как дневники, в отличие от мемуаров, фиксируют

[89] ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2309.
[90] ГАРФ. Ф. 982. Оп. 1. Д. 27.

события по свежим воспоминаниям. Кроме того, автор дневника пишет для себя, а не для читателя, поэтому ему нет надобности о чём-то умалчивать или что-либо извращать, с целью представить себя в лучшем свете. Тем не менее, полнота и достоверность событий, изложенных в дневнике, целиком остаётся на совести автора, потому что одни авторы заносили в дневники только проверенную информацию, предпочитая умалчивать о вещах, которые не могли проверить, а другие – кормились слухами и сплетнями, не утруждая себя отделять правду от вымысла.

Среди источников личного происхождения важнейшим для нас, безусловно, является личный дневник графа В.Н. Ламздорфа - главного героя нашего исследования.

В фонде В. Н. Ламздорфа в ГАРФ находятся 26 толстых тетрадей в твёрдых тёмно-синих и ярко-красных переплётах с золотым тиснением. Это - его рукописный дневник с января 1886г. по ноябрь 1896г. Некоторые фрагменты дневника утеряны: отсутствуют тетради за 1888г., 1893г., июнь – август 1894г. и сентябрь 1896г. Имеются также фрагменты дневника за 1898-1906гг. В.Н. Ламздорф вёл свой дневник по-французски с обильным включением документов на немецком и английском языках.

Впервые дневник В.Н. Ламздорфа за 1886-1890гг. был опубликован Центрархивом в 1926г. под редакцией Ф.А. Ротштейна. Дневник за 1891-1892гг. был опубликован в 1934г. Он также был подготовлен к печати Ф.А. Ротштейном и В.М. Хвостовым. Переводчиком дневника был Ю.Я. Соловьев. После 1934г. публикация дневника прекратилась: утратила свою актуальность идея разоблачения внешней политики царизма, а события Второй мировой войны заслонили собой период назревания Первой мировой[91].

К данному историческому источнику исследователи вернулись только в 1972г., когда на кафедре источниковедения Исторического факультета МГУ была защищена дипломная работа И.А. Дьяконовой «Дневник В.Н. Ламздорфа за 1896г. (введение, перевод текста, комментарии). В 1991г. под редакцией

[91] Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. М.: Международные отношения, 1991. С.5-6.

В. И. Бовыкина с переводом и комментариями И.А. Дьяконовой вышел третий том дневника В.Н. Ламздорфа за 1894-1896гг. Таким образом, неопубликованными остались несколько небольших разрозненных черновых записей дневника за 1898-1905гг.

В. И. Бовыкин отмечал, что В.Н. Ламздорф вряд ли имел ясное представление о цели своих дневниковых записей. Очевидно, дневник имел для него прикладное значение, помогая ему осмыслить полученную в течение рабочего дня информацию. Дневник был для В.Н. Ламздорфа и хранителем необходимой служебной информации. Кроме того, в дневнике содержится довольно много подробностей из жизни его автора и мелкие бытовые детали. Ламздорф поверял своему дневнику то, чем он, вероятно, не делился ни с кем из окружающих. Как правило, В. Н. Ламздорф заносил свои записи в основной текст. Иногда он делал черновые записи и оставлял в основном дневнике пустые места, чтобы потом переписать туда черновики, но никогда не делал этого. В результате, черновые записи составляют как бы приложение к основному дневнику. В свою очередь, черновиков записей, сделанных в основном тексте дневника, не обнаружено. В свой дневник Ламздорф часто вклеивал вырезки из русских и иностранных газет и сообщения телеграфных агентств. К некоторым газетным вырезкам он делает собственные примечания, характеризуя источники информации и степень осведомлённости того или иного органа печати. Также в дневнике обильно цитируются документы на русском, французском, немецком и английском языках. Некоторые документы заносились В.Н. Ламздорфом в дневник без всякой субъективной оценки и без сокращений[92].

Дневник даёт исчерпывающее представление о взглядах своего автора на внешнюю и, в значительной мере, на внутреннюю политику России. Как следует из него, убеждённый монархист Ламздорф, тем не менее, позволяет себе резко критиковать императора Александра III[93] или переписать в дневник сатирическое стихотворение[94]. Также на страницах дневника Ламздорф даёт характеристики

[92] Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С. 6-10.
[93] Ламздорф В.Н. Дневник 1886-1890. Минск: Харвест, 2003. С. 397-398.
[94] Там же, 364-365; Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С.126-127.

многим известным современникам. Безусловно, его оценки весьма интересны, так как нельзя усомниться в его информированности и проницательности его ума. Однако надо признать, что в некоторых случаях они бывают и весьма субъективны. Так В.Н. Ламздорф боготворил своего начальника, министра иностранных дел Н.К. Гирса. В дневнике по отношению к нему часто употребляется определение «мой любимый министр». Везде в дневнике Н.К. Гирс оценивается исключительно положительно. В отношении представителей правящей династии Романовых Ламздорф бывает критичным: император Александр III подвергался его нападкам не только из-за резких и неумных суждений по внешнеполитическим вопросам, но и из-за своего невнимания к проблеме голода 1891 года[95]; великого князя Сергея Александровича он обвинял в интриганстве[96] и в преследовании евреев в бытность его московским генерал-губернатором[97]; про великую княгиню Елизавету Федоровну Ламздорф передаёт с чужих слов, что она производит впечатление «личности малоразвитой, бледной и бесцветной»[98], а императрицу Марию Федоровну он укоряет за то, что она в голодный год пользуется услугами массажиста, а потом щедро с ним расплачивается[99]. Надо отметить, что в период, который охватывает дневник, Ламздорф мог встречаться с императором и представителями Царствующего Дома только на балах и официальных церемониях, поэтому его впечатление о них формировалось только на основе слухов и сиюминутных впечатлений во время каких-либо торжеств.

Насколько бы объективным или субъективным ни был В.Н. Ламздорф в своих оценках событий и людей, бесспорно, колоссальная значимость его дневника как источника, заключается в том, что в нём собрана практически вся информация о внешней политике России за 10 лет - от секретных соглашений с Францией до ситуации в Болгарии, Японии и Эфиопии; к этому надо прибавить перлюстрированные специальной службой МИД России, так называемым

[95] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. Минск,2003. С.263
[96] *Ламздорф В.Н*. Дневник 1894-1896. С.103.
[97] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С.123.
[98] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С.102.
[99] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С.310-311

«чёрным кабинетом», депеши и телеграммы послов иностранных государств, помещённые В.Н. Ламздорфом в дневнике. О значимости дневника В.Н. Ламздорфа никто не скажет лучше, чем он сам: «Моё положение даёт мне возможность записывать факты, вскрывать подспудные стороны исторической игры в карты; это может оказаться полезным в будущем. Сколько исследований пришлось бы делать в секретных и недоступных архивах, чтобы выяснить даже частицу того, что мне легко сделать путём фотографирования, если можно так выразиться, своего рабочего дня»[100].

Информативным источником по нашей теме является дневник А.Н. Куропаткина, военного министра в 1898-1904гг. и командующего Маньчжурской армией (7 февраля — 13 октября 1904), а затем главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, действующими против Японии (13 октября 1904 — 3 марта 1905)[101]. Дневник с 1902 по 1906гг. был опубликован в журнале «Красный архив» в т.2 1922г., т.5 и т. 7 1924г., т. 8. 1925г., т.1 1927г., т.1 и 2-3 1935г. Некоторые дополнительные фрагменты дневника за 1902 и 1903гг. были изданы в «Военно-историческом журнале», 1991, №12 и 1992, №1. Автор дневника находился в хороших отношениях с В. Н. Ламздорфом и его заместителем В.С. Оболенским. А.Н. Куропаткин, как видно из его дневника, являлся частым гостем в здании министерства иностранных дел, где проводил время в неформальной обстановке, беседуя с министром или его заместителем за чашечкой чая. Во время таких визитов министр иностранных дел или его товарищ охотно обсуждали с военным министром самые острые на тот момент времени международные проблемы: македонскую и дальневосточную. После этого министр пунктуально заносил содержание разговоров, которые вел за день, в свой дневник. Дневник А. Н. Куропаткина представляется нам достаточно достоверным источником, потому что, во–первых, события фиксировались в нём по свежим впечатлениям, когда они ещё не должны были забыться, а, во-вторых, А.Н. Куропаткин в

[100] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С.7.
[101] *Куропаткин А.Н.* Дневник. М.:ГПИБ, 2010.-455с.

дневнике больше сосредотачивается на описании событий, чем на их анализе и оценках. Исходя из этого, мы можем полагать, что содержание своих разговоров с Ламздорфом и Оболенским А.Н. Куропаткин передаёт максимально точно. Разумеется, дневник А.Н. Куропаткина не лишён субъективизма, но это нисколько не умаляет значимость для нас этого источника.

Много раз В.Н. Ламздорф упоминается в дневнике А.А. Половцова, члена Государственного совета и председателя Императорского Русского исторического общества. Фактически уйдя из политической жизни империи ещё в 1892 году, Половцов, тем не менее, продолжал внимательно следить за ней, посещая заседания Государственного совета и много общаясь с различными представителями высших слоёв бюрократии, имея в этой среде обширнейшие знакомства и связи. Внешняя политика представляла для Половцова не меньший интерес, чем внутренняя. О ней он мог получать регулярную информацию «из первых уст», находясь в дружеских отношениях с рядом высокопоставленных дипломатов: А. Б. Лобановым-Ростовским, П.А. Капнистом и А.П. Извольским. При изучении текста дневника Половцова становится очевидным, что именно из общения с этими лицами у автора дневника сложилось мнение о В.Н. Ламздорфе. Не трудно догадаться, что мнение это было весьма негативным, поскольку Лобанов-Ростовский очень не ладил с Н.К. Гирсом, чьим любимейшим сотрудником являлся В. Н. Ламздорф; П.А. Капнист имел отличную от Ламздорфа точку зрения на русско-австрийские отношения и балканскую политику России; Извольский терпеть не мог сам стиль управления министерством, практиковавшийся при В.Н. Ламздорфе, а самого министра иностранных дел обвинял в бездарности и отсутствии мужества, возлагая на него значительную часть вины за провал дальневосточной политики. Между тем, с графом А. А. Половцов был также знаком лично, поскольку Ламздорф являлся членом исторического общества, возглавляемого Половцовым. Однако личное знакомство не изменило в лучшую сторону мнение автора дневника о графе Ламздорфе, которого Половцов характеризовал как человека «безупречной

честности, скромного трудолюбия, но блестящей бездарности и посредственности»[102].

А.Н. Куропаткин и А.А. Половцов входили в круг людей, хорошо знавших В. Н. Ламздорфа, поэтому на страницах их дневников упоминания министра иностранных дел встречаются сравнительно часто. Другие лица, упомянувшие В. Н. Ламздорфа в своих дневниках, знали его гораздо хуже, либо только понаслышке как высокопоставленного сановника, поэтому информация о нём в их дневниках носит отрывочный характер.

Интерес представляет рукописный фрагмент дневника А.П. Извольского за 1906 год. Этот документ написан по-русски с незначительными вставками на французском языке чрезвычайно неразборчивым почерком, в связи с чем расшифровка данного дневника представляет значительные трудности. Этот источник интересен, потому что написан человеком много лет работавшим в министерстве иностранных дел и лично неплохо знавшим В.Н. Ламздорфа. Несмотря на это, следует сразу оговориться, что субъективность дневника Извольского в отношении оценок личности и деятельности Ламздорфа высока, потому что известно о неприязненных отношениях, сложившихся между двумя дипломатами, и дневник в полной мере отражает неприязнь Извольского к своему предшественнику на посту министра иностранных дел. На страницах дневника Извольский неоднократно обвиняет Ламздорфа в провале политики России на Дальнем Востоке, в ухудшении отношений с Германией, смакует министерские слухи о гомосексуальной связи Ламздорфа со своим секретарём А.А. Савинским и делает вывод: «Граф Ламздорф если, может быть, и не активный педераст, то, во всяком случае, человек ненормальный»[103]. Таким образом, мы можем констатировать, что дневник Извольского является источником, характеризующим не столько самого В.Н. Ламздорфа, сколько нездоровый климат сплетен и интриг, сложившейся при его руководстве в министерстве иностранных дел.

---

[102] *Половцов А.А.* Дневник 1893-1909. СПб.: Алетейя, 2014.С.183-184, 392-393, 490, 529, 283

[103] ГАРФ, Ф. 568, Оп. 1. Д.86. Л. 47. об., 48 об., 50-50 об.

Несколько раз В. Н. Ламздорф упоминается в дневниках военного министра в царствование императора Александра II, Д.А. Милютина. В.Н. Ламздорф, будучи ещё советником МИД, бывал у Милютина, к тому времени уже находившегося в отставке, сопровождая своего начальника, министра Н.К. Гирса, который любил гостить у Милютина и за чаем обсуждать актуальные вопросы международной политики[104].

В дневнике начальника походной канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке адмирале Е.И. Алексееве, Г.А. Плансона, В.Н. Ламздорф упоминается несколько раз, притом личная встреча за весь период, который охватывает дневник, у них была только однажды. Плансон отметил в дневнике, что Ламздорф был с ним холоден, что, впрочем, не удивительно, если вспомнить, что Плансон начинал свою карьеру в МИД, а затем перешёл под крыло наместника на Дальнем Востоке, а, как известно, между Ламздорфом и Алексеевым отношения не были простыми. На Ламздорфа Плансон смотрит глазами адмирала Е.И. Алексеева, чьи высказывания тщательно заносит в свой дневник. Таким образом, дневник Г.А. Плансона доносит до нас мнение адмирала Алексеева о Ламздорфе. Мнение же это заключается в том, что Ламздорф – человек умный, но недальновидный. Также Алексеев признавал факт соперничества с министром иностранных дел за внимание императора, жалуясь Плансону: «Я напишу государю, он со мной согласится, а на другой день придёт Ламздорф или другой и скажет совсем противоположное»[105].

В дневнике министра народного просвещения Российской империи И.И. Толстого в записи от 8 марта 1907 года зафиксировано, что газеты сообщили о смерти В. Н. Ламздорфа, далее автор дневника даёт краткую характеристику покойному, основанную, по собственному признанию автора дневника, на том, что ему приходилось регулярно встречаться с Ламздорфом по пять-шесть дней в неделю в течение шести месяцев в кабинете С.Ю. Витте. Характеристика, данная И. И. Толстым В. Н. Ламздорфу, является весьма уничижительной. Ламздорф

---

[104] *Милютин Д.А.* Дневник 1882-1890. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.С. 90, 178, 194.
[105] Красный Архив. 1930. – № 4-5 (ТТ. 41-42). – С. 194-195; 202-203.

назван образцом «человека ограниченного, без каких бы то ни было государственных идей, с самыми комично-наивными представлениями о действительности…сделавшего карьеру и приобретшего даже недурную репутацию не благодаря своему уму, а благодаря корректности»[106]. Не будем спорить с автором этого пассажа в том, что без корректности карьеру не сделаешь, но как сделать блестящую карьеру только за счёт корректности И. И. Толстой не объясняет.

В дневнике генерала, идеолога неославянофильства Александра Александровича Киреева отмечается сложность ситуации, в которую попал В.Н. Ламздорф по вине правительства на переговорах с японским представителем Курино перед началом русско-японской войны. При этом оценок поведению Ламздорфа Кареев не даёт, но чувствуется, что генерал симпатизирует министру иностранных дел [107]

Дневник хозяйки великосветского петербургского салона, Александры Викторовны Богданович, скрупулёзно фиксировавшей столичные слухи, содержит несколько упоминаний В. Н. Ламздорфа. В частности, она сообщает с чужих слов о том, что Ламздорф был назначен на пост министра с подачи С. Ю. Витте, что он в период болезни императора делал раз в неделю доклады по делам внешней политики императрице Александре Фёдоровне и что по итогам подавления Боксёрского восстания в Китае, в конце 1900г. в числе ещё нескольких высших сановников получил благодарность и щедрое материальное вознаграждение от императора[108].

В дневнике известного журналиста и издателя Алексея Сергеевича Суворина В.Н. Ламздорф упоминается только один раз, но в абсолютно негативном контексте[109]. Это можно объяснить только неприязненными отношениями, сложившимися между министром иностранных дел и издателем «Нового Времени».

---

[106] *Толстой И.И.* Дневник 1906-1909. Т.1. СПб.: Лики России,2010.С. 264-265.
[107] *Киреев А.А.* Дневник 1905- 1910. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.С. 46.
[108] *Богданович А.В.* Три самодержца. Дневники генеральши Богданович М.:Вече, 2008.- 480с.
[109] *Суворин А.С.* Дневник. М.: Новости,1992.-С. 377.

В дневнике писателя и библиографа С.Р. Минцлова имеется упоминание об инциденте с нападением князя Долгорукова на Ламздорфа в мае 1904 г. Подробности происшествия автором переданы на основе слухов. Автор дневника в данной ситуации не слишком сочувствует министру иностранных дел, считая, что после такого позора министру следовало бы подать в отставку, но министр на это не пойдёт, а может быть, даже получит награду от императора как пострадавшее лицо. Во второй раз автор дневника упоминает нашего героя в записи от 21 октября 1905 года. Там автор высказывает мысль о том, что Ламздорф засиделся в министерском кресле, и его следовало бы «фукнуть, как следует»[110]. Данное мнение, очевидно, является отражением настроений, вызванных неудачами в русско-японской войне в обществе, которое возлагало на Ламздорфа вину за её начало.

Также, скорее всего, под влиянием общественного мнения, обрушивается на Ламздорфа в своём дневнике известный публицист Л.А. Тихомиров, утверждавший, что глупая и непрофессиональная политика министра иностранных дел привела к русско-японской войне[111].

Мемуары. Многие коллеги графа Ламздорфа по министерству иностранных дел и Совету министров оставили после себя мемуары. Большая часть этой мемуарной литературы была написана бывшими царскими министрами и дипломатами уже после 1917 года в эмиграции и издана за границей на иностранных языках. Некоторые мемуары были переведены и изданы в Советском Союзе почти сразу после выхода в свет за границей, другие были изданы в последние годы, но некоторые очень интересные мемуарные источники по нашей теме не переведены и не изданы в России до сих пор.

К числу последних, бесспорно, относятся мемуары одного из самых близких к В. Н. Ламздорфу людей, Александра Александровича Савинского, который был незаменимым помощником для графа Ламздорфа, часто выполнявшим и функции его личного секретаря. Ламздорф доверял А.А. Савинскому самые разные

---

[110] *Минцлов С.Р.* Петербург в 1903-1910 гг. Б.м.: Salamandra P. V. V., 2012. С. 71-72, 142.

[111] Красный архив 1930. – №2 (Т.39). – С. 47-75.

поручения от общения с прессой до шифровки и дешифровки секретных телеграмм. В этом отношении роль А.А. Савинского при графе Ламздорфе примерно соответствует роли самого графа Ламздорфа при Н.К. Гирсе. В министерстве иностранных дел А. А. Савинский занимал пост первого секретаря, а позже директора Канцелярии МИД. Мемуары Савинского, по сравнению со всеми другими опубликованными воспоминаниями, наиболее полно раскрывают различные стороны личности Ламздорфа и повествуют о его деятельности на посту министра иностранных дел, так как А.А. Савинский на протяжении целого ряда лет неотлучно находился рядом с В.Н. Ламздорфом как в Петербурге, так и в служебных поездках по Европе. Мемуары Савинского пропитаны пиететом к личности графа Ламздорфа, что вполне понятно, и данное обстоятельство необходимо учитывать, оценивая степень субъективности мемуариста[112].

Подробную характеристику В.Н. Ламздорфу как человеку и дипломату даёт в своих мемуарах С.Ю. Витте. Он считался близким другом графа Ламздорфа и их политические взгляды во многом совпадали, но С.Ю. Витте всегда претендовал на ведущую роль. Он тепло отзывается о Ламздорфе в воспоминаниях, но, описывая те или иные события, всегда отодвигает графа на второй план, приписывая себе авторство всех удачных идей и инициатив. Из текста мемуаров становится ясно, что отношение С.Ю. Витте к Ламздорфу неоднозначно. В случаях, когда взгляды Ламздорфа совпадают со взглядами Витте, последний всячески привозносит графа, но при описании эпизодов, когда их взгляды расходились, он начинает убеждать читателя в том, что Ламздорф никогда не имел независимой точки зрения, будучи даже до известной степени беспринципным, предпочитая ради сохранения своего высокого поста беспрекословно выполнять указания императора, даже тогда, когда они шли вразрез с интересами государства[113].

Примечательное сочинение «Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте»[114] впервые вышло в 1914 году в 12 номерах журнала

---

[112] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. London, 1927

[113] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М.:Альфа-книга,2010.

[114]Пролог русско-японской войны: материалы из архива графа С.Ю. Витте / с предисл. и под ред. Б.Б. Глинского. – Пг.,1916.

«Исторический Вестник». Данный труд был подготовлен доверенными людьми С. Ю. Витте при его непосредственном участии. В 1916г. этот труд был переиздан отдельной книгой. В сочинении, носившем характер «как бы личных мемуаров графа по делам, относящимся к Дальнему Востоку», Витте предстаёт мудрым, осторожным политиком, инициатором мирного экономического проникновения России в Маньчжурию. Историк Б.Б. Глинский, редактор «Исторического Вестника», выведен в качестве автора, но настоящим автором книги, безусловно, был Витте[115]. Оценки событий в этой книге идентичны оценкам в мемуарах С. Ю. Витте. Имя В. Н. Ламздорфа оказывается в ней привязанным к имени С. Ю. Витте. Они вместе противостоят опасной политике правительства, подталкиваемой «безобразовцами». С.Ю. Витте оказывается в большинстве ситуаций инициатором тех или иных действий, а Ламздорф примыкает к нему. Для нашей темы эта книга интересна не столько взглядами С.Ю. Витте на дальневосточную политику, сколько подробным освещением переговоров с Японией. В книге приводится интересная информация о вмешательстве Великобритании в переговоры и разъясняется позиция В. Н. Ламздорфа относительно плана присоединения Маньчжурии к России.

Мемуары преемника В.Н. Ламздорфа на посту министра иностранных дел, А.П. Извольского, до этого бывшего посланником в Токио и Копенгагене, написанные в начале 1920-х гг. в эмиграции, вышедшие из печати на английском и французском языках, а вскоре переведённые и опубликованные в СССР, представляют немалый интерес для нашей темы, так как автор подробно останавливается на описании личности графа Ламздорфа[116]. В своём труде, А. П. Извольский ярко характеризует и красочно обрисовывает портрет своего бывшего шефа. Однако следует отметить, что по отношению к Ламздорфу Извольский весьма далек от беспристрастности, позволяя себе ряд острых высказываний в его адрес. Вероятно, это объясняется историей их далеко не всегда ровных отношений.

---

[115] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте.// Вопросы истории. – 1993. – №8. – С.52.

[116] *Извольский А.П.* Воспоминания. М.: Международные отношения,1989.

Ряд интересных сведений о внешнеполитической доктрине графа В. Н. Ламздорфа мы узнаём из книги воспоминаний юрисконсульта министерства иностранных дел барона М.А. Таубе. Барону, в силу его должности, доводилось часто общаться с Ламздорфом. Случалось, что М.А. Таубе разговаривал с министром иностранных дел и в неформальной обстановке за утренним завтраком, на который граф имел обыкновение приглашать самых близких к себе сотрудников министерства. Хотя со времени близкого общения с графом Ламздорфом до момента написания воспоминаний прошло несколько десятилетий, память мемуариста донесла до нас целый ряд высказываний графа Ламздорфа, ярко очерчивающих особенности его политического мировоззрения[117].

Далекое от лестного мнение сложилось о графе Ламздорфе у известного русского дипломата, бывшего в разные годы посланником в целом ряде государств, включая Японию и США, Романа Романовича Розена[118]. Тем не менее, стремясь к объективности, Р.Р. Розен останавливается и на положительных чертах характера графа Владимира Николаевича Ламздорфа. Взгляд этого мемуариста заслуживает внимания как в силу его признанного ума и наблюдательности, так в силу того, что Розен, работая в различных дипломатических представительствах России за границей, вел обширную деловую переписку с графом Ламздорфом. Между тем необходимо отметить и то, что, не работая в центральном аппарате МИД и не входя в близкий круг В. Н. Ламздорфа, Р.Р. Розен не мог особенно хорошо узнать многих черт его личности и характера.

Отдельно надо рассмотреть ряд мемуарных книг, авторы которых - чиновники министерства иностранных дел, при Ламздорфе занимали сравнительно низкие посты в министерстве. Соответственно, они не были приближены к министру, их личные контакты с графом носили лишь эпизодический характер, поэтому

---

[117] *Таубе М.А.* «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М.: РОССПЭН,2007.

[118] *Rosen R.* Forty Years of Diplomacy. London. George Allen & Unwin ltd,1922.

оценки, которые они дают графу Ламздорфу в своих сочинениях, носят либо характер первого впечатления от кратковременной личной встречи с министром, либо основываются на «общественном мнении», которое складывалось среди чиновников министерства. Тем не менее, данная категория мемуаров представляет интерес для нашего исследования, так как она позволяет узнать о взаимоотношениях внутри министерства иностранных дел и о восприятии графа Ламздорфа его подчинёнными, что, в свою очередь, свидетельствует об управленческих способностях министра.

В мемуарах Ю.Я. Соловьёва[119], работавшего в разные годы в должности первого секретаря в дипломатических представительствах России в ряде небольших европейских государств, а после революции вернувшегося в советскую Россию, В. Н. Ламздорф предстаёт живым воплощением различных пороков, начиная от банального карьеризма и заканчивая сексуальными извращениями. В данном случае можно довольно уверенно говорить о том, что Ю.Я. Соловьёв основывался в своих рассуждениях исключительно на слухах. Также необходимо отметить, что мемуары писались в СССР в конце 1920-х гг., поэтому, по определению, они не могли содержать теплых слов в адрес высокопоставленных царских сановников, тем более, убеждённых монархистов, к которым относился Ламздорф.

В мемуарах другого бывшего дипломата, оставшегося в СССР Б.В. Лопухина[120], занимавшего при Ламздорфе должность делопроизводителя 8 класса Департамента внутренних сношений, министр иностранных дел также предстаёт не в лучшем свете, что не удивительно, ведь дядя Б.В. Лопухина, В.С. Оболенский, близкий друг В.Н. Ламздорфа и товарищ министра иностранных дел, отказался оказывать протекцию своему племяннику.

Пожалуй, самую отрицательную характеристику В.Н. Ламздорфу из всех мемуаристов даёт Е.Н. Шелкинг[121]. До 1903 г. он работал в дипломатических

---

[119] *Соловьёв Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893-1922. М.: Изд-во социально-экономической литературы,1959.
[120] *Лопухин Б.В.* Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. Спб.: Нестор-История, 2008.
[121] *E. Schelking* The Game of Diplomacy by a European Diplomat. London: Hutchinson & co,1918.

миссиях в Европе и дослужился до поста первого секретаря посольства. Однако по неизвестной причине Шелкинг ушёл из министерства иностранных дел, продолжив свою карьеру в качестве журналиста в ряде изданий, в том числе в газете «Новое время», известной своей враждебностью к Министерству иностранных дел. Возможно, отношение Шелкинга к фигуре В.Н. Ламздорфа объясняется перипетиями в карьере мемуариста.

Наличие резко негативных характеристик графа В.Н. Ламздорфа в некоторых мемуарных источниках не свидетельствует о том, что граф не пользовался уважением в своём министерстве, так как мы располагаем мемуарами, которые вполне благосклонны к личности нашего героя. Таковыми, например, являются мемуары Н.Н. Шебеко[122], при Ламздорфе являвшегося чиновником второго департамента МИД, а позже дослужившегося до должности посла в Вене, и С. В. Чиркина[123], работавшего в дипломатических миссиях России в странах Азии.

Несколько в стороне от основной массы мемуаров бывших дипломатов, находится сочинение барона Б.Э. Нольде. Сам он определяет жанр своего сочинения как исторические очерки. Действительно, эта книга по жанру ближе к публицистике, чем к мемуарам, но, тем не менее, некоторые черты мемуаров в ней имеются. Б. Э. Нольде устроился на работу в МИД уже после отставки Ламздорфа, но, несмотря на это, он даёт графу Ламздорфу достаточно точную и ёмкую характеристику: «Когда в 1906 г. граф В.Н. Ламздорф ушёл с поста министра иностранных дел, можно было сказать, что классическая традиция русской императорской дипломатии была исчерпана: консервативную формулу русской внешней политики сменила формула по существу своему революционная, искавшая радикальных перемен в освящённом договорами международном политическом порядке. В том поколении, к которому он принадлежал, и которое сходит со сцены после 1905 г., Ламздорф занимал одно из первых мест и по своим способностям, и по своему характеру, и по коренной

[122] *N. Schebeko* Souvenirs. Essai historique sur les origins de la guerre de 1914. Paris, 1936.
[123] *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006.

добросовестности своего умственного и нравственного уклада. Конечно, ни калибра, ни удачи государственного человека в нём не было, но в нём была школа, серьёзность, опыт и выдержка, дававшие ему право стоять в первых рядах у огромной русской государственной машины»[124].

Отдельно следует рассмотреть мемуарные источники, относящихся к нашей теме, авторами которых были иностранцы. Их «взгляд со стороны» на личность русского министра иностранных дел интересен для нас тем, что они могут посмотреть на ситуацию под другим углом зрения и отметить то, что выпадает из поля зрения отечественного наблюдателя. С другой стороны, взгляд иностранца на высокопоставленного деятеля России во многом не отделим от его взглядов на страну в целом. Это также надо иметь в виду.

Ряд интересных сведений и характеристика В.Н. Ламздорфа, содержатся в мемуарах британского подданного, корреспондента «The Daily Telegraph» в России Эмиля Джозефа Диллона[125]. Близкие отношения у Диллона сложились с С. Ю. Витте, являвшегося основным информатором Диллона в высших кругах российского общества. Можно уверенно констатировать, что в значительной мере сообщаемая Диллоном информация получена от С.Ю. Витте.

Мемуары Джорджа Бьюкенена[126], который в последнее десятилетие существования романовской монархии был послом Великобритании в России, интересны для нас тем, что в них, среди прочего, рассказывается о поездке В. Н. Ламздорфа по Балканам в 1902 г. Также Бьюкенен сообщает немало важного о деятельности русской дипломатии в лице В.Н. Ламздорфа в период кризиса вокруг Македонии. Бьюкенен характеризует личность и политическую тактику графа Ламздорфа в контексте борьбы великих держав за влияние на Балканах. Министр иностранных дел граф Ламздорф в описании Бьюкенена - умный, хитрый и вероломный конкурент в большой политической игре, за которым требуется постоянно следить и чьи следующие ходы необходимо просчитывать.

---

[124] *Нольде Б.Э.* Далёкое и близкое. Исторические очерки. Париж.: Современные записки, 1930. С. 36.
[125] *E. J. Dillon* The Eclipse of Russia. New York, George H Doran Co. N.Y., 1918.
[126] *Бьюкенен Джордж* Моя миссия в России. М.:Захаров,2006.-440с.

Также интересное описание внешности графа Ламздорфа находим в письме флигель-адъютанта Вильгельма II Хельмута фон Мольтке своей дочери[127]. Однако сразу отметим, что Мольтке не даёт развёрнутой характеристики нашего героя, а делает только портретную зарисовку графа, под впечатлением от короткой встречи с ним. Тем не менее, данное описание сделано настолько талантливо и ярко, что его нельзя проигнорировать.

§3. Периодическая печать

В.Н. Ламздорф ни до, ни даже после своего назначения на должность министра иностранных дел, не являлся человеком публичным. Пристальное внимание к своей личности его смущало и раздражало. В отличие от своего друга С.Ю. Витте и преемника на посту министра иностранных дел А.П. Извольского, любивших давать интервью журналистам, В.Н. Ламздорф общения с прессой избегал, поручая в случае необходимости, эту миссию своему секретарю А.А. Савинскому. Особенностями менталитета В. Н. Ламздорфа можно объяснить и тот факт, что в распоряжении газетчиков находились только пара его фотографий, которые воспроизводились в статьях о нём в различных периодических изданиях в течение многих лет. Часто, очевидно за неимением фотографии, в газетах помещались рисованные портреты министра, сходство которых с реальным человеком было весьма условным.

При работе над диссертацией в нашем распоряжении имелась отечественная, а также франкоязычная (Франция) и англоязычная (Великобритания, США, Канада, Австралия) периодическая печать. Общее представление о том, как освещала деятельность В.Н. Ламздорфа пресса Германии, Австро-Венгрии и балканских государств – Сербии и Болгарии, мы можем получить благодаря многочисленным ссылкам на неё в доступных нам отечественных и зарубежных периодических изданиях.

---

[127] *Мольтке Хельмут фон.* Русские письма СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова,2008.С.96-97.

Отечественная периодическая печать Отечественная периодическая печать уделяла В. Н. Ламздорфу меньше внимания, чем зарубежная. Главная причина этого состояла в том, что в Российской империи традиционно формирование и осуществление внешней политики считалось исключительной прерогативой царствующего императора. В связи с этим, министра иностранных дел было принято рассматривать только как управляющего, осуществлявшего замыслы монарха, хотя на самом деле такое положение министра, как правило, не соответствовало действительности. Именно в связи с такой, общепринятой тогда установкой, отечественная пресса куда чаще ссылалась на «Высочайшую волю», чем на министра иностранных дел. Это было характерно для совершенно разных изданий.

Большинство российских газет и самые популярные в стране иллюстрированные журналы «Нива» и «Огонёк» уделяли вопросам внешней политики очень мало внимания. Читаемый в интеллектуальной среде и позиционировавший себя как либеральный, ежемесячный журнал «Вестник Европы» в разделе «Иностранное обозрение», как правило, не упоминал даже фамилий министра иностранных дел и других ведущих русских дипломатов, делая аналитический обзор максимально обезличенным.

Единственным исключением была газета «Новое время», являвшаяся одним из ведущих периодических изданий Российской империи. В Европе она считалась официозом российского министерства иностранных дел, и отчасти так оно и было. Эта газета регулярно информировала своих читателей о событиях в министерстве иностранных дел: назначениях, увольнениях, награждениях, торжественных мероприятиях и прочее. Разумеется, что во всех этих случаях министр иностранных дел обязательно упоминался. «Новое время» также помещало информацию о вручении дипломатических нот (например, от Курино – Ламздорфу накануне начала русско-японской войны), о встречах министров иностранных дел (например, Ламздорфа и Делькассе, Ламздорфа и Голуховского), о визитах министра иностранных дел (например, о визитах Ламздорфа в Белград, Софию, Вену, Париж). Регулярно на страницах «Нового

времени» публиковались большие редакционные статьи по актуальным проблемам. Многие статьи, касавшиеся внешней политики России, публиковались по заказу МИД. В этих статьях разъяснялась позиция дипломатического ведомства России по острым вопросам международных отношений и декларировались его намерения. Разумеется, во всех публикациях подобного рода министр иностранных дел В.Н. Ламздорф изображался в самом лучшем свете, но, как правило, в соответствии с традицией, не в качестве независимого инициативного политика, а только как усердный исполнитель воли монарха.

Положение изменилось с конца русско-японской войны, когда, на В.Н. Ламздорфа обрушилась целая серия критических статей с обвинениями в некомпетентности, слабости и недальновидности. Очевидно, это было связано с желанием защитить императора от нападок и переложить всю ответственность на плечи министра, который, как известно, был фактически отстранён от дел Дальнего Востока ещё в 1903 году. Главным критиком министра иностранных дел выступил издатель А.С. Суворин со страниц своей газеты «Новое время»[128].

Но не только нападки на министерство иностранных дел и В.Н. Ламздорфа появлялись в этот период в периодической печати. 1905 год принёс с собой свободу слова. Пресса стала свободнее, в печати стали появляться разные мнения по актуальным вопросам общественной и политической жизни. Так, например, в журнале «Нива», который раньше обходил стороной сложные политические вопросы, появился раздел политического обозрения, вполне благосклонный к министру иностранных дел. Так, в статье «Развязка гулльского недоразумения» в связи с передачей этого дела в международный суд в Гааге, говорилось: «По справедливому замечанию графа Ламздорфа, эта война (гипотетическая русско-английская – А. Л.) явилась бы позором для XX столетия, и уже одного этого достаточно, чтобы вся Европа могла приветствовать новые, впервые испытанные на практике способы к улаживанию международных недоразумений, указанных Гаагской конвенцией»[129]. В данном случае, журнал отдал должное министру

[128] *Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция: Маленькие письма 1904-1908гг. М.: Алгоритм,2005. С. 229,696.
[129] Нива. – 1905. – № 9. – С.176.

иностранных дел за его усилия в улаживании Гулльского инцидента и за участие в создании Гаагской конвенции. Исключительно благотворная деятельность В. Н. Ламздорфа во время проведения Альжезирасской конференции была отмечена «Нивой» ещё более рельефно. Даже по заголовку статьи: «Примирительная политика графа Ламздорфа»[130] мы можем судить о том, что после 1905 года принципы освещения событий российской прессой подверглись определённой трансформации. Теперь «Высочайшая воля» перестала играть определяющую роль. Периодическая печать признала, что министр иностранных дел, хорош он или плох, является не столько простым исполнителем воли монарха, сколько основным организатором и проводником внешней политики империи.

Зарубежная периодическая печать. Зарубежная периодическая печать с самого начала рассматривала В.Н. Ламздорфа в качестве самодостаточной политической фигуры, сановника, честно и преданно служащего своему монарху, но независимого во взглядах и суждениях.

Французская пресса, вне зависимости от политической ориентации, относилась к Ламздорфу чрезвычайно дружелюбно. Официозная газета «Le Monde», либеральная «Le Figaro» и консервативная «La Croix» видели в лице министра иностранных дел России большого друга Франции. Особенно ярко это проявилось в ходе визита В. Н. Ламздорфа в Париж осенью 1903 года[131]. Только левая французская печать, например, «L'Humanité» не разделяла тёплых чувств к России и её министру иностранных дел, поскольку в её глазах Россия являлась деспотическим и агрессивным государством. Очевидно, что чрезвычайное дружелюбие французской прессы к В.Н. Ламздорфу объясняется наличием русско-французского союза и большими надеждами, которые Франция возлагала на помощь России в случае агрессии Германии.

---

[130] Нива. – 1906. – №12. – С. 190.

[131] *Лошаков А.Ю.* Визит министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа в Париж в 1903 году в зеркале французской прессы. //Россия и мир: история, политика, культура, образование. Материалы XVI Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Москва, 16 апреля 2014 г. М.,2014.

Английская и американская пресса, в отличие от французской, не отличалась дружелюбием по отношению к России. Это вполне объяснимо, учитывая англо-русские противоречия на Ближнем Востоке, в Персии, Тибете и Китае, и русско-американские противоречия на Дальнем Востоке. То и дело в самой влиятельной британской газете «The Times» и самой влиятельной американской газете «The New-York Times» появлялись статьи, утверждавшие, что Россия хочет расчленить Турцию, захватить Маньчжурию и установить свой протекторат на Балканах. Тем не менее, и английская и американская пресса, как правило, лично о В.Н. Ламздорфе отзывались с большим уважением.

В Министерстве иностранных дел внимательно следили за тем, как зарубежная печать освещает деятельность министра иностранных дел. Доказательством этому является довольно большая коллекция газетных вырезок о В.Н. Ламздорфе и о деятельности МИД, собранная в личном фонде В.Н. Ламздорфа Больше всего там вырезок из французских газет, но также имеются газетные статьи на русском и немецком языках. Также представлено множество вырезок из сербских и болгарских газет, посвящённых визиту В.Н. Ламздорфа в эти страны в декабре 1902 года[132].

Так в каком свете изображала В.Н. Ламздорфа европейская и американская пресса? Какие черты характера нашего героя выделяла? Прежде всего, подавляющее большинство зарубежных периодических изданий отмечали тот факт, что В. Н. Ламздорф всю жизнь проработал в центральном аппарате министерства иностранных дел и никогда не работал за границей. Отмечая блестящий карьерный рост В.Н. Ламздорфа, журналисты единогласно признавали большой ум, незаурядную память и чрезвычайную работоспособность министра, о которой ходили легенды. Однажды известная французская газета то ли в шутку, то ли всерьёз заметила по этому поводу, что, вероятно, Ламздорфу доставило бы большое удовольствие, если бы были отменены все праздники и развлечения[133]. Также пресса отмечала такие нехарактерные для дипломата качества как

[132] ГАРФ, Ф. 568, Оп. 1, Д. 3, 8, 10
[133] Le Temps. – -1902. – 22. 12.

одиночество, замкнутость, нелюдимость и стеснительность и при этом принципиальную честность, личную порядочность и откровенность в разговоре. Из всего этого обозреватели делали вывод о том, что В.Н. Ламздорф – первоклассный администратор, но неважный дипломат-переговорщик. Осторожность, миролюбие и стремление к компромиссам в политической линии В.Н. Ламздорфа отмечали даже критиковавшие Россию за агрессивную политику английские и американские газеты. Сообщения о болезни и смерти В.Н. Ламздорфа в Сан-Ремо поместили на своих полосах все ведущие европейские и американские газеты. В многочисленных некрологах отмечался большой личный вклад графа в дело мира в Европе, особенно в связи с Первой конференцией мира в Гааге в 1899 г. и подготовкой ко Второй конференции мира, которой вплотную занимался В. Н. Ламздорф накануне своей отставки. Обширный некролог В. Н. Ламздорфа в России был опубликован от имени редакции в журнале «Исторический вестник». Среди прочего в некрологе сообщалось, что В. Н. Ламздорф пользовался расположением Н.К. Гирса и А.Б. Лобанова-Ростовского, потому что «для разного рода справок по канцелярии и по прошлой деятельности министерства он был незаменим». Там же совершенно справедливо отмечалось: «Назначенный товарищем министра, граф В. Н. принял на себя, между прочим, приготовление созыва Гаагской конференции и неоднократно выезжал за границу для личных переговоров с представителями иностранных держав. Затем, во время осложнений в балканских государствах, совершил туда продолжительную поездку для улаживания на месте разных вопросов. Управляя министерством в течение шести лет, он старался устранить и предотвратить всякие политические осложнения, но это не всегда удавалось ему, как не удалось это и в дипломатических переговорах с Японией перед войной. При нём деятельность министерства иностранных дел подвергалась за свой канцелярский характер и за не всегда удачный выбор представителей России в иностранных державах нападкам, но покойный считал такие нападки личными, а не деловыми и не изменял характера своей деятельности, пока обстоятельства не принудили его покинуть пост министра». Что же касается

причин отставки, то в некрологе однозначно утверждается: «…война с Японией, не предвиденная миролюбивой политикой покойного, заставила его передать портфель министра А.П. Извольскому»[134].

Итак, рассмотрев источники по теме нашего исследования, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, они довольно многочисленны и разнообразны - делопроизводственная документация МИД (отчёты, доклады, инструкции, служебная переписка), источники личного происхождения (дневники, мемуары, личная переписка), и периодическая печать; во-вторых, различные источники охватывают и освещают разные стороны служебной и личной жизни героя нашего исследования - графа Владимира Николаевича Ламздорфа. Делопроизводственные документы знакомят нас с его службой на разных должностях в министерстве иностранных дел, а источники личного происхождения и, в меньшей степени, периодическая печать позволяют лучше изучить его личность, психологию и повседневную жизнь; в-третьих, источники по теме нашего исследования обладают разной степенью полноты и достоверности информации, потому что документы содержат лишь сухие сведения о произошедших событиях, источники личного происхождения и пресса содержат, как правило, подробности событий, но степень их искажения в этих типах источников заведомо большая, нежели в делопроизводственных источниках и, наконец, в-четвёртых, исходя из всего выше указанного, источники по нашей теме репрезентативны, поскольку освещают в совокупности все основные сферы жизни и деятельности В.Н. Ламздорфа, дополняют друг друга и информация из одного источника может быть проверена с помощью другого источника. В итоге, мы можем получить для восприятия на основе совокупности источников целостную картину жизни В.Н. Ламздорфа. Также на основе взятых вместе источников личного происхождения вырисовывается психологический портрет нашего героя, необходимый для понимания мотивов, которыми он руководствовался в своей деятельности на посту министра иностранных дел.

[134] Исторический вестник. – 1907. – №4. – С. 352-353.

Глава 1. Жизнь и карьера успешного дипломата

§1. Род Ламздорфов

Граф Владимир Николаевич Ламздорф родился 25 декабря 1844г. Он принадлежал к знатному дворянскому роду, который уходит своими корнями в XIII век к германскому рыцарю Отто фон Ламездорпе. В XIV-XIX вв. представители этой фамилии проживали в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии. В России фамилия Ламбздорф обычно транскрибировалась как Ламздорф. Первым Ламздорфом, многого достигшим в нашей стране, стал Матвей Иванович Ламздорф - первый губернатор присоединённой к России Курляндии, дед В.Н. Ламздорфа[135]. Из «Русского биографического словаря» можно узнать, что Ламздорфы происходили из фамилии von der Wegen Genannt Lambsdorff из Вестфалии. «В 1464г. Фома Ламздорф получил от гроссмейстера ливонского ордена лен в Лифляндии. В начале XVII века Матвей Фридрих Ламздорф переселился в Курляндию. Его правнук, Иоанн Рейнгольд Ламздорф, находился на русской службе, достиг чина полковника и оставил двоих сыновей: Якова – впоследствии тайный советник, - и Матвея». Про Матвея словарь сообщает, что он получил домашнее образование, в 1763г. был определён на военную службу. Во время русско-турецкой войны 1768-1774гг. он был адъютантом графа Н.И. Салтыкова. В 1782-1784гг. командовал Казанским кирасирским полком. В 1784-1794гг. состоял кавалером при великом князе Константине Павловиче. После должности губернатора Курляндии в 1797-1798гг., он стал в 1799-1800гг. директором шляхетского (первого) кадетского корпуса. В ноябре 1800 г. ему было поручено воспитание великих князей Николая Павловича (будущего Николая I) и Михаила Павловича. Автор статьи в словаре упрекает Матвея Ламздорфа в незнании педагогики, психологии своего воспитанника и жестоком обращении с ним. Между тем отмечается, что Матвей Ламздорф отличался «патриархальной

[135] Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. С.11.

простотою, добротою и строгим отношением к своим обязанностям – насколько он их понимал»[136].

Воспитательный процесс, организованный М.И. Ламздорфом, базировался на муштре, страхе и телесных наказаниях. Причину этого следует искать как в мировоззрении самого М.И. Ламздорфа, так и в том, что он, не имея педагогического опыта и таланта, просто не мог справиться с упрямым характером Николая Павловича. Об этом писали в мемуарах сам Николай I и Н. М. Ламздорф, сын М. И. Ламздорфа. Несмотря на прежние обиды, Николай I в последующие годы очень благосклонно относился к М.И. Ламздорфу и его семейству[137].

За свою многолетнюю безукоризненную службу М.И. Ламздорф многократно удостаивался наград и различных монарших милостей, самой значимой из которых является возведение рода Ламздорфов в графское Российской империи достоинство. В «Общем Гербовнике Дворянских Родов Всероссийской империи» в десятой части имеется описание герба графа Ламбздорфа: «Щит разделён на четыре части, посредине коих находится малый золотой щиток, с изображением чёрного двуглавого орла с тремя коронами, на груди коего в голубом поле вензеловое имя блаженная памяти Государя Императора Александра Первого, а в лапах скипетр и держава. В первой и четвёртой частях, в серебряном поле по одной красной крепости, а во второй и в третьей частях, в красном поле золотые якори (так в тексте – А. Л.) с дубовыми венками. Щит покрыт Графскою короною, на коей поставлены три шлема, крайние два с дворянскими коронами, имеющими на поверхности красного цвета башни, а средний увенчан Графскою короною, на которой виден чёрный двуглавый орёл с тремя коронами. Намёт на щите золотой и красный, подложенный красным и серебром. Щит держит с правой стороны Минерва, а с левой воин. Под Щитом девиз: «Богу предаю мою надежду». Далее в Гербовнике сказано: «Граф Матвей Иванович Ламбздорф в службу вступил из

[136] Русский биографический словарь: Лабзина - Лященко — Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. СПб., 1914 Т. 10. С.54

[137] *Выскочков Л.В.* Николай I. М.:Молодая гвардия,2006. С. 19-20.

Курлянских дворян в 1763г. и, происходя в оной постепенно чинами, в 1810г. произведён в генерала от инфантерии, 1817г. июля в 1 день Всемилостивейше пожаловано с потомством графское Российской империи дворянство, на которое 5 июня 1819г. пожалован он дипломом с коего копия хранится в Герольдии»[138].

Граф Владимир Николаевич Ламздорф гордился своим дедом. И.А. Дьяконова считает, что дед Ламздорфа «стал для него самого как бы символом высшего взлёта его дворянского рода в России в смысле общественного положения и богатства»[139]. Ламздорф отметил в дневнике день 150-летней годовщины со дня рождения деда[140].

Отец В.Н. Ламздорфа Николай Матвеевич (1804-1877) был директором лесного департамента и генерал-адъютантом[141]. В 1821г. он, в числе лучших выпускников, окончил Пажеский корпус и был произведён в камер-пажи. В 1823г. начал службу в Преображенском полку. Принимал участие в подавлении восстания декабристов в 1825г. и в усмирении польского восстания в 1830г. В 1852г. был назначен членом совета министерства государственных имуществ. В 1857г. вышел в отставку по болезни. В 1861г. стал почётным опекуном и управляющим Гатчинским Николаевским сиротским институтом. В 1869г. назначен в генерал-адъютанты Его Величества[142].

Из родителей В.Н. Ламздорф был более привязан к матери. Она была, в его глазах, хранительницей домашнего очага, залогом семейного благополучия: «… с тех пор как в 1873г. умерла моя любимая мать, я вижу, что всё идёт в нашем доме к неизбежной катастрофе». С отцом Ламздорф не нашёл взаимопонимания. Отец не посвящал его в свои дела, но сам с ними не справлялся. В результате, семья оказалась перед угрозой разорения[143]. У самого В.Н. Ламздорфа поместья в Полтавской губернии, общей стоимостью более 1 миллиона рублей, оказались

---

[138] Общий Гербовник Дворянских родов Всероссийской империи часть10. СПб., 1836. С.20-21.
[139] *Дьяконова И.А. //Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С.11.
[140] Там же, С.297.
[141] Новый Энциклопедический Словарь Брокгауз и Ефрон. Т.24 Пг.,1914. С.16.
[142] Русский биографический словарь: Лабзина - Лященко — Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н.Д. Чечулина и М.Г. Курдюмова. СПб., 1914 Т. 10. С.56.
[143] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С.88

убыточными. Ему самому пришлось посылать деньги управляющему, чтобы наладить управление[144].

С родственниками Владимиру Николаевичу Ламздорфу не всегда легко было найти взаимопонимание. Судя по дневникам, Ламздорф, дослужившись до высоких чинов, опасался, что, если кто-либо из его родственников покажет себя не с лучшей стороны, это негативно отразится на его карьере. Кроме того, для него не пустыми словами было понятие «честь рода». Вот почему он часто критиковал родственников. Будучи чрезвычайно трудолюбивым, дипломатичным и осторожным, не позволяя себе ничего лишнего ни в словах, ни в делах, Владимир Николаевич того же требовал и от своих родственников. Он сетовал в дневнике на брата Александра(1835-1902), гофмейстера двора, за его статью в журнале, где тот прогнозировал сближение России с Францией, особенно в экономике[145]. Судя по дневнику В.Н. Ламздорфа, между братьями имелось соперничество. Александр был старше Владимира на 10 лет, но их положение в чиновной иерархии было почти одинаковым. В 1895г. два брата почти одновременно были награждены орденом Белого Орла. «Таким образом, - пишет В. Н. Ламздорф, - продолжается одинаковость нашего с ним (братом Александром –А. Л.) официального положения; я предпочёл бы… чтобы вообще наши ранги и качества как можно более отличались друг от друга»[146].

В. Н. Ламздорфа волновал и племянник Николай, сын Александра, работавший в дипломатическом представительстве России в Штутгарте. Являясь в представительстве вторым человеком и даже по необходимости заменяя Э.К. Коцебу, руководителя представительства, Николай казался сотрудникам педантичным и неприятным. Владимир Николаевич выразил в дневнике пожелание, чтобы племянник приобрёл больше благоразумия и выдержанности в служебных делах[147]. По возможности, граф Владимир Николаевич старался помочь племяннику. Узнав, что поездка за дипломатической почтой в Париж и

---

[144] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С.342
[145] Там же, С. 7.
[146] Там же, С. 168.
[147] Там же, С. 64

обратно может быть предложена Николаю, он немедленно донёс эти сведения до своей племянницы Марии, чтобы она передала их своему брату[148].

Пользуясь положением, Ламздорф покровительствовал своим родственникам. Так в марте 1894г. к нему обратился двоюродный брат Карл из Курляндии, прося ускорить продвижение дела своей свояченицы, желавшей перейти в германское подданство. По мнению Ламздорфа «непостижимые переходы в иностранное подданство» его курляндских родственников «способны оказать самое прискорбное действие»[149]. Чуть позже, в ответном письме кузену Карлу, он пояснил свою мысль: «Вы не можете себе представить, насколько неприятное, чтобы не сказать больше, впечатление производят здесь переходы в иностранное подданство членов семьи, которая всем обязана России; меня лично это тем более коробит, что моё положение «русского Ламздорфа» очень близко моему сердцу»[150].

Если представитель его рода добивался успехов, Ламздорф испытывал неподдельную радость и гордость. Когда племянница Ламздорфа, Мария, по-семейному, Мэри, дочь его брата Александра, в конце 1894г. оказалась при дворе, а вскоре стала фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны, Ламздорф внимательно следил за её успехами[151].

С появлением Мэри при дворе, произошло существенное сближение В.Н. Ламздорфа с братом Александром и сестрой Марией. Однажды, в начале января 1895г. они собрались у него и вели беседу. Ламздорф не удержался от того, чтобы не похвастаться и показал гостям секретные дипломатические документы с резолюциями Николая II «вполне одобряю» и «хорошо»[152]. Вскоре племянница Ламздорфа Мэри перестала быть фрейлиной потому, что собралась замуж за дипломата Михаила Апполинарьевича Хрептович-Бутенёва. Ламздорф

[148] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 93.
[149] Там же, С. 46.
[150] Там же, С. 51.
[151] Там же, С. 91, 93, 102.
[152] Там же, С. 111.

по этому поводу сожалел, так как функции фрейлины «могли бы стать как полезными, так и интересными»[153].

Несмотря на наличие родственников и друзей, Ламздорф ощущал себя весьма одиноким человеком. Он ни разу не был женат и не имел детей. Как-то в разговоре со своим другом, монахом Пименом (Сипягиным) он признался, что его «почти ничего уже не связывает» с миром и продолжил: «Вы знаете, что я вижусь только с родственниками, друзьями и с теми, с которыми мой долг и жизнь сами меня заставляют быть в сношении. С мирянами у меня общения нет; им скучно со мной, отшельником, а мне ещё тяжелее с ними…». Согласимся, что такое добровольное «отшельничество», - на самом деле просто нелюдимость, - не может являться чертой, характерной для дипломата. Таким образом, граф Ламздорф своим поведением довольно резко выделялся среди своих коллег. Также примечательно, что он, в отличие от подавляющего большинства своих коллег, никогда не работал в дипломатических представительствах за границей.

Своеобразие некоторых черт характера В.Н. Ламздорфа способствовало распространению слухов о нём[154]. Ламздорф ощущал, что его далеко не всегда воспринимают правильно и это его расстраивало. Он даже пожаловался в одном из писем А.С. Ионину: «Мне кажется, что я уже век тут мучаюсь и что я не доживу до счастливой минуты выбраться из этого странного положения человека, прибывшего по делам службы, с которым обращаются, как с каким-то юродивым или ребёнком»[155].

§2. Начало карьеры дипломата

Семнадцатилетним юношей, после трёх с половиной лет обучения в Пажеском корпусе, в 1861 г. Владимир Николаевич Ламздорф был определён на службу в Собственные Его Императорские Величества канцелярию. 24 ноября 1861г. Ламздорфа на лестнице Михайловского дворца встретил Александр II. Ламздорф

[153] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С.187.
[154] *Суворин А.С.* Дневник. С. 377; E. Shelking The Game of Diplomacy. London. 1918. P.134.
[155] ГАРФ. Ф. 939 Оп. 1. Д. 102. Л. 47-47 об.

тогда имел придворную должность камер-пажа. Император спросил Владимира Николаевича, не из Ламздорфов ли он, опознав молодого человека по фамильному сходству. Этот эпизод остался в памяти графа на всю жизнь[156]. Четыре года спустя, в чине титулярного советника, он переводится в департамент внутренних сношений министерства иностранных дел. За первые десять лет В.Н. Ламздорф дослужился до чина статского советника и стал первым секретарём канцелярии. В ГАРФ сохранились личные документы В.Н. Ламздорфа, из которых можно узнать подробности его служебной деятельности в этот период. Это его подорожные, иностранные паспорта и свидетельства об отпусках. Из них мы узнаём, что Ламздорф часто ездил за границу в качестве курьера. Так в августе 1871г. надворный советник, камер-юнкер В.Н. Ламздорф был направлен курьером с депешами через Вену в Италию[157]. В апреле 1873г. - в Берлин[158]. В мае этого же года он снова едет в Берлин[159]. В 1877г., после нескольких лет перерыва в зарубежных командировках, Владимир Николаевич, ещё камер-юнкер, но уже статский советник и первый секретарь канцелярии МИД, отправляется в феврале с депешами в Вену[160], в июне – через Берлин и Лондон в Париж[161], а в сентябре – через Берлин в Берн[162].

За эти годы В.Н. Ламздорф несколько раз уходил в двухмесячный отпуск с августа по октябрь и уезжал в Московскую, Орловскую и Курскую губернии. Сохранились документы об этом за 1872[163], 1874[164] и 1875[165] годы. С 1878г. началось его быстрое продвижение по службе[166].

После завершения Берлинского конгресса министр иностранных дел А.М. Горчаков назначил графа Ламздорфа своим секретарём. Впрочем, злые языки утверждали, что В.Н. Ламздорф обязан своим выдвижением красивому

---

[156] *Ламздорф В. Н.* Дневник 1894-1896. С. 61.
[157] ГАРФ. Ф.568. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[158] Там же, Л. 4.
[159] Там же, Л. 8.
[160] Там же, Л. 12
[161] Там же, Л. 14
[162] Там же, Л. 16.
[163] Там же, Л. 3.
[164] Там же, Л. 10
[165] Там же, Л. 11.
[166] Российская дипломатия в портретах/под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбачёнок, Г.А. Санина. М.,1992. С.283.

почерку и умению чинить карандаши и гусиные перья для Горчакова[167]. Однако, как мы увидим, эти умения были отнюдь не самыми важными достоинствами молодого дипломата.

Быстро Ламздорф завоевал особое доверие министра иностранных дел Н.К. Гирса. Значимым свидетельством этого доверия было то, что министр посвящал его абсолютно во все тайны внешней политики, даже в те, о которых не знал товарищ министра[168]. Ламздорф очень гордился своими успехами по службе, ему нравилось ощущать свою причастность к событиям исторической важности, и ему очень льстили знаки внимания и признание его заслуг со стороны начальства и особенно со стороны императора. Об этом свидетельствует запись в его дневнике от 1 апреля 1895г.: «Надо признаться, что, начиная с июля 1878г. меня всячески награждали; отрицать это значило бы проявлять неблагодарность. 17 лет тому назад, в это время года я был статским советником и камер-юнкером, первым секретарём канцелярии министерства; у меня не было ни копейки состояния; получал 2000 рублей жалованья. 15 июля 1878г. канцлер Горчаков, вернувшись с Берлинского конгресса, вызвал меня в Царское Село, чтобы замещать Фредерикса. В августе я поехал вместе с г-ном Гирсом в Ливадию и с того времени в смысле службы всё шло благополучно.

В декабре 1878г. я получил орден св. Владимира 3-й степени.

В августе 1879г. – сан камергера.

В декабре 1881г. – ранг действительного статского советника.

В мае 1883г. по случаю коронации – орден св. Станислава 1-й степени.

В апреле 1885г. получил 3000 рублей.

В апреле 1886г. – орден св. Анны 1-й степени.

1 января 1889г. – аренду ценностью 1500 рублей сроком на 6 лет.

В апреле стал гофмейстером, что соответствует 3-му классу табели о рангах.

В апреле 1890г. получил 3000 рублей.

В апреле 1892г. – орден св. Владимира 2-й степени

---

[167] *Соловьёв Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893-1922. С. 30.

[168] Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С.284.

В декабре 1894г. – получил табакерку в память бракосочетания их императорских величеств.

1 января 1895г. – аренду ценностью 2000 рублей сроком на четыре года.

В апреле 1895г. – орден Белого Орла.

Не упоминаю о 12 или 14 иностранных орденах, полученных за тот же промежуток времени. В декабре 1879г. я был назначен начальником литографии, что предоставило мне право на квартиру при министерстве; в апреле 1881г. я второй советник; в сентябре 1882г. – директор канцелярии; в апреле 1886г. – первый советник. На сегодняшний день я получаю 7000 рублей жалованья, 2000 рублей аренды и 1500 рублей за цензуру политических телеграмм; занимаю одну из наиболее обширных квартир министерства. А сколько воспоминаний! Пять пребываний в Ливадии с императорами Александром II и Александром III. Участие во всех исторических встречах, начиная со встречи в Александрове в 1879г., Данциг в 1881г., Скернивицы в 1884г., Кремзир в 1885г., Брест-Литовск в 1886г., Петергоф в 1888г. Буду ли я когда-нибудь иметь время, чтобы связать все эти впечатления в единое целое, оставить от них какой-либо поучительный и полезный след!»[169] Успехи графа Ламздорфа объясняются, прежде всего, его незаурядным усердием и работоспособностью: он систематически работал даже по праздникам и выходным[170]. В последний раз Ламздорф ездил в качестве курьера с депешами в Берлин в августе 1881г., будучи уже советником МИД и камергером[171].

Занимая с 1886 года должность первого советника Н.К. Гирса, Ламздорф стал фактически вторым человеком в министерстве. Однако в конце 1894 года, в связи с тяжёлой болезнью Н.К. Гирса, исключительное положение графа оказалось под угрозой. Группа влиятельных лиц, включавшая великого князя Владимира Александровича и сенатора А.А. Половцова, предложила Николаю II назначить новым министром иностранныхдел посла в Вене князя А.Б. Лобанова-Ростовского. В.Н. Ламздорф, отмечавший «надменные повадки» Лобанова-

[169] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С.167.
[170] Там же, С.12.
[171] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д.1 Л. 18.

Ростовского, присоединился к противникам назначения князя министром иностранных дел, среди которых был товарищ министра Н.П. Шишкин и члены семьи Гирса[172]. Противники Лобанова пытались недопустить назначения его министром, отправив послом в Берлин. Реализацией этого занялся В. Н. Ламздорф, успев подготовить необходимые документы, но сторонники Лобанова опередили Ламздорфа, заручившись личным обещанием императора назначить князя министром[173]. В итоге, А.Б. Лобанов-Ростовский стал министром иностранных дел, а В.Н. Ламздорф потерял при новом министре часть своего прежнего влияния, но сохранил должность. Влияние В.Н. Ламздорфа восстановилось после смерти Лобанова в августе 1896 года[174].

§3. Образ жизни В.Н. Ламздорфа

Десять лет жизни графа Владимира Николаевича Ламздорфа с 1886 года по 1896 год отображены в его дневнике. Дневник Ламздорфа далеко не так хроникален, как, например, дневник Николая II, но по нему вполне возможно восстановить уклад жизни и распорядок дня его автора. Вставал Ламздорф довольно рано, не позже 8 часов. В этот десятилетний период его рабочий день начинался около 11 часов утра с общения с министром иностранных дел Н. К. Гирсом: «Поднимаюсь к министру около 11 часов…» (16 января 1887г.); «Около 11 часов меня зовут к министру…» (17 января 1887г.) Иногда он приходил чуть раньше: «Поднимаюсь к министру около 10 ½ часов…» (27 января 1887г.)[175]. Когда было какое-нибудь важное дело, министр сам вызывал Ламздорфа, чтобы дать ему поручение. «Министр просит меня к себе раньше, чем обычно, и говорит, что желал поскорее сообщить мне нечто важное…» (24 декабря 1886г.). Иногда министр Н.К. Гирс присылал Ламздорфу важные документы прямо на квартиру, находившуюся в том же здании министерства иностранных дел. Об

[172] *Голечкова О.Ю.* Бюрократ Его Величества в отставке: С.72.
[173] Там же, С. 78.
[174] *Лошаков А.Ю.* Граф Владимир Николаевич Ламздорф.//Вопросы истории. – 2014. – №3. – С. 29.
[175] *Ламздорф В.Н*. Дневник 1886-1890. С. 63, 65, 76.

этом свидетельствует запись в дневнике от 2 января 1887 года: «Утром, когда я ещё одеваюсь, министр присылает мне пакет с бумагами, которые государь вернул вчера поздно вечером …»[176]. Рабочий день мог начаться и раньше: «Проснулся рано и приступаю к работе; в 9 часов все мои проекты готовы, и я их отсылаю министру…» (17апреля 1891г.).

Зимой 1891 года утреннее расписание графа дополнил курс массажа, который, как видно из дневника, продолжался чуть более месяца. Первое упоминание о массажисте в дневниковой записи от 6 декабря 1890 года. 25 января Ламздорф записал: «Массаж. В обычное время поднимаюсь к министру…». 1 марта он записывает: «Я больше не массируюсь, но, тем не менее, продолжаю вставать в 7 $^{1}/_{2}$ часов…». Массажист Ламздорфа, соответствовал высокому статусу своего клиента: он имел большие связи среди духовенства. Во время сеанса массажа духовные лица с удовольствием делились с массажистом слухами, бродящими по коридорам Священного Синода (главный их герой, конечно, обер-прокурор К. П. Победоносцев), а массажист передавал их Ламздорфу[177]. Помимо массажиста Ламздорф обсуждал великосветские новости со своим парикмахером (о запрещении женитьбы великого князя Михаила Михайловича)[178].

В.Н. Ламздорф имел обыкновение завтракать с коллегами по министерству, с которыми у него были хорошие дружеские отношения. Чаще всего он разделял трапезу с директором канцелярии министерства иностранных дел князем Валерианом Сергеевичем Оболенским-Нелединским–Мелецким (1848-1907), которого он ласково называл в дневнике Олой, а в письмах – «Cherissime Ami» [179].

Днём В. Н. Ламздорф много работал с документами, которые возвращались от императора[180]. Через графа Ламздорфа проходили абсолютно все документы, уходившие из министерства иностранных дел к императору и возвращавшиеся обратно. Иногда в возвращённых от императора бумагах Ламздорф находил нечто необычное. Однажды в возвращённых бумагах на депешах, написанных на

---

[176] *Ламздорф В.Н*. Дневник 1886-1890. С. 27,36.
[177] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С. 13, 70, 45, 112, 390.
[178] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С.100.
[179] Там же, С. 19, 43.; ГАРФ, Ф. 568, Оп. 1, Д. 280.
[180] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С.78.

французском языке, император оставил пометы, предписывающие употребление русского языка, со ссылками на соответствующий циркуляр. Реакция Ламздорфа, была несколько ироничной: «В сущности, почему бы и нет, но меня поражает то, что наш государь настаивает на этом в момент, когда он должен гораздо больше заниматься содержанием, а не формой». В другой раз, в перлюстрированной телеграмме турецкого министра иностранных дел Саида – паши к турецкому послу в Петербурге Хусни – паше перлюстраторы ошиблись и написали в заголовке телеграммы: «Хусни – Саиду». Александр III подчеркнул заголовок и написал: «Я думаю, наоборот». Ещё в одном случае, среди бумаг, возвращённых императором, оказалась присланная ему неким солдатом - евреем, скрывшемся в Америке, карикатура и письмо с угрозой смерти[181]. К огромным кипам бумаг, которые ежедневно проходили через рабочий стол Ламздорфа, надо прибавить его колоссальную переписку с представительствами России за рубежом, потому что именно ему, как правило, поручалось составлять для них письма и циркуляры. Об этом он тоже неоднократно упоминает в дневнике[182].

Ламздорф входил в состав экзаменационной комиссии для лиц, желавших поступить на службу в МИД. К экзаменам допускались лица с 16 лет. Как указывалось в инструкции о правилах приёма на работу в МИД, разработанной при А.М. Горчакове, «…испытание должно производиться при двух ассистентах начальником той части, куда желает поступить определяющийся». Экзаменационные требования были весьма жёсткими. Они включали владение практически в совершенстве одним (как правило, французским) или несколькими языками: требовалось написать довольно обширное сочинение на французском языке на предложенную тему по какому-либо вопросу из области международных отношений. Кроме того, требовались знания по международному и морскому праву, истории русской дипломатии со времён Екатерины II, политической

[181] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С.71, 306, 380.
[182] Там же, С.219, 244.

экономии и всеобщей статистике[183]. И действительно, как свидетельствует Ламздорф, далеко не все желающие успешно сдавали эти экзамены[184].

Обедал Ламздорф один[185]; либо приглашал к себе князя Валериана Сергеевича Оболенского: «День проходит как обычно. Ола обедает у меня…» (22 декабря 1886г.)[186]; либо его, в свою очередь, приглашал к себе министр. Тогда он обедал в компании Н.К. Гирса и его супруги. Чета Гирсов была чрезвычайно любезна с Ламздорфом и гостеприимна. Он чувствовал себя у них очень комфортно[187]. С Гирсами Владимир Николаевич отмечал праздники, например, Новый 1890 год[188]. Среди руководящих сотрудников центрального аппарата министерства иностранных дел практиковались коллективные обеды и чаепития[189].

В свободное время Ламздорф совершал небольшие пешие прогулки по городу, заходил в магазины[190]. Еженедельно ходил в Волковские бани[191] или баню на Бассейной[192]. Летом иногда выезжал на один день за город. Так, например, 3 июня 1891г. он отправился на экскурсию в Шлиссельбург[193], а 13 июля того же года поехал купаться в Петергоф[194].

За работой Владимир Николаевич засиживался до позднего вечера. Ужинал с кем-то из коллег, но чаще один. Заполнением своего дневника занимался по вечерам перед отходом ко сну, но иногда и утром: «Утром я работаю над своим дневником»[195].

Помимо дневника Ламздорф писал и мемуары. На это есть указания в его дневнике: «…Вернувшись к себе, обедаю по обыкновению в одиночестве, а вечером работаю над своими мемуарами за март»[196]. После обмена

---

[183] *Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. С. 76-77.
[184] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 310.
[185] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С.279
[186] Там же, С.22.
[187]Там же, С. 9-10; 119
[188] Там же, С. 280.
[189] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 54, 218.
[190] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С. 10, 151; *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 384.
[191] Там же, С. 31.
[192] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 63.
[193] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891- 1892. С. 170.
[194] Там же, С. 186.
[195] Там же, С. 191.
[196] Там же, С. 99.

воспоминаниями с коллегами о русско-турецкой войне 1877-1878гг., Ламздорф записал: «У меня возникает сильное желание пополнить свои записки и мемуары, относящиеся к этому времени»[197]. К сожалению, судьба мемуаров графа В. Н. Ламздорфа неизвестна. В его личном фонде в ГАРФ таковых не сохранилось. Остаётся только надеяться, что они когда-нибудь ещё объявятся в нашей стране или за границей. Если же они утрачены безвозвратно – это крупная потеря для истории.

Привычный распорядок дня мог нарушиться, если, например, сотрудники министерства иностранных дел получали приглашение на торжественные мероприятия. Так было вечером 22 декабря 1886 года, когда по приглашению Александра III, Ламздорф и другие сотрудники МИД во главе с Гирсом вместе с супругами прибыли в Гатчину, любимую загородную резиденцию императора. Сначала всё общество присутствовало в дворцовом театре. Давались три одноактные пьесы – две русских и одна французская. Спектакль закончился в 12 ночи. Затем следовал торжественный ужин. Обратно в Петербург на поезде Ламздорф вернулся в 3 часа ночи и лечь успел только в половине четвёртого[198].

Владимир Николаевич Ламздорф был глубоко верующим человеком православного вероисповедания. Он регулярно посещал богослужения в министерской церкви[199], Исаакиевском[200] и Казанском соборах[201]. Помимо обычных богослужений и официальных торжественных церемоний, Ламздорф посещал храм и в ответственные для министерства дни, чтобы помолиться за успешное завершение дела[202]. Одна из особенностей служебного положения В.Н Ламздорфа заключалась в том, что он мог в любой момент понадобиться своему министру. Некоторые служебные вопросы не терпели отлагательств. Для него же посещение богослужений было делом очень важным, можно даже сказать,– необходимым, поэтому, когда его срочно требовал министр, и не было

[197] *Ламздорф В. Н*. Дневник 1891- 1892. С. 107.
[198] *Ламздорф В. Н.* Дневник 1894-1896. С. 22-26.
[199] *Ламздорф В. Н*. Дневник 1886-1890. С.279, 322,
[200] Там же, С.173,193
[201] Там же, С. 179;
[202] Там же, С. 17.

возможности достоять до конца службу, Ламздорф с трудом скрывал досаду[203]. Когда Ламздорф хотел помолиться о чём-то личном и сокровенном, он предпочитал делать это в одиночестве: «Я не иду на панихиду за упокой души покойного императора в министерской церкви, где собрался весь наш официальный персонал, но зажигаю свою лампаду и молюсь перед иконами в полном уединении своей кельи»[204]. Это может показаться удивительным, но отношение графа к Александру II было глубоко личным, как и переживания по поводу его гибели. Александр II как самодержавный государь, проводивший либеральный курс, был близок сердцу В.Н. Ламздорфа – монархиста с либеральными взглядами.

О хороших отношениях В.Н. Ламздорфа с представителями духовенства свидетельствует его обширная переписка. В основном, корреспондентами Ламздорфа являются монахи из братии Сергиевского монастыря, который находился близ Петергофа. Он переписывался с архимандритом Афанасием[205], монахом Алексеем[206], архимандритом Варлаамом[207], иеродьяконом Варсонофием[208], архимандритом Иаковом[209], архимандритом Игнатием[210], иеромонахом Иосафом[211] и многими другими лицами духовного звания. В числе корреспондентов В. Н. Ламздорфа был кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев, канонизированный в 1990 году Русской Православной Церковью Иоанн Кронштадтский. В личном фонде В.Н. Ламздорфа сохранилось только два его письма. В первом письме, датированном декабрем 1894 года, он ходатайствует о назначении некоего В.В. Кирсанова на должность врача при русском посольстве в Тегеране[212]. Во втором письме, датированном 1900 годом, Иоанн Кронштадтский поздравляет В.Н. Ламздорфа с назначением на должность министра иностранных

[203] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 87.
[204] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С.71.
[205] ГАРФ. Ф. 568 Оп. 1. Д. 306.
[206] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 293.
[207] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 367.
[208] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 368.
[209] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 502.
[210] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 504.
[211] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 513.
[212] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 761. Л. 1.

дел[213]. Как было принято среди высших слоёв общества, у В.Н. Ламздорфа с юности был духовник. В личном фонде Ламздорфа в ГАРФ сохранилась записка с просьбой «приобщить Св. Тайн камер-юнкера Владимира Николаевича Ламздорфа, духовного моего сына, исповедавшегося сего 7 марта. Протоирей (неразб.)[214]». Летом Ламздорф часто отдыхал в Сергиевском монастыре. Летом 1892г., когда он в очередной раз отдыхал там, в Петербурге произошла вспышка холеры. Игумен монастыря архимандрит Игнатий не предпринимал никаких санитарных предосторожностей, но болезнь в монастырь не проникла, несмотря на то, что монахи питались супами из овощей и фруктами, пили не фильтрованную воду. Ламздорф разделял скромную монашескую трапезу. Архимандрит Игнатий был симпатичен ему своей твёрдостью и верой в силу молитвы[215].

Будучи глубоко верующим, В.Н. Ламздорф старался следовать христианским принципам добра по отношению к людям. Архивные документы свидетельствуют о том, что он активно занимался благотворительностью. Граф был членом нескольких благотворительных обществ, куда он вносил пожертвования и членские взносы. Вот их список: 1) «Попечительное общество о трудовом убежище для беспризорных девочек в Санкт-Петербурге»[216], 2) «Попечительное общество о Первом ночлежно-работном доме для бесприютных детей и подростков в Санкт-Петербурге»[217], 3) «Комитет для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития в Санкт-Петербурге»[218], 4) «Приют для выздоравливающих»[219].

В период русско-японской войны Ламздорф стал пожизненным членом «Санкт-Петербургского Михайловского общества врачебной помощи бедным жёнам, вдовам, детям и сиротам воинов», основанного 12 января 1905 года[220],

---

[213] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 761. Л. 2-8.
[214]ГАРФ. Ф.568. Оп. 1. Д. 7. Л. 244.
[215] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С.406-407.
[216] ГАРФ. Ф.568. Оп. 1. Д. 6. Л.51.
[217] Там же, Л.45.
[218] Там же, Л. 35.
[219] Там же, Л. 32-33.
[220] Там же, Л. 39.

членом «Санкт-Петербургского дамского лазаретного комитета общества попечения о раненых и больных войнах»[221]. С февраля 1904г. по август 1905г. он из патриотических побуждений также ежемесячно перечислял на нужды военного времени по 122 рубля 50 копеек[222].

Не отказывал В.Н. Ламздорф в помощи и частным лицам, нуждавшимся в помощи или собиравшим деньги на какие-либо благие цели. В его архивном фонде сохранилось множество расписок от разных людей в получении денежных сумм из собственных средств графа В.Н. Ламздорфа на различные цели. Сохранилось также множество писем в его адрес с просьбами о помощи и благодарственных писем за уже оказанную помощь. Так, например, из собственных средств Владимира Николаевича получил 25 рублей на лечение дочери 21 ноября 1904г. Григорий Нечаев[223]; 11 сентября 1904г. получила 150 рублей Вера Бахрушина на обмундирование при отправке сестрой милосердия на Дальний Восток[224]; Лука Петров в период с 1 сентября по 31 декабря получил 50 рублей для «содержания и прокормления» своего сына Петра[225]; сторож здания МИД Фёдор Фёдоров получил 9 сентября 1904г. 15 рублей на «обмундирование» своей дочери[226]. Также В.Н. Ламздорф в сентябре 1904г. оплатил обучение дочери сторожа Фёдорова на курсах домоводства при «Обществе поощрения женского профессионального образования»[227]. Проявлял граф и чуткую заботу к своим слугам: «Около $5^1/_2$ часов иду к Никонову просить рекомендации для моего лакея, которому, кажется, придётся лечь в больницу и которого я желал бы поместить в нашу общину сестёр милосердия»[228].

В.Н. Ламздорф всерьёз интересовался историей и состоял членом «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III»[229]. Также он являлся членом Императорского Русского

[221] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.
[222] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д.263. Л.73-92.
[223] Там же, Л. 12.
[224] Там же, Л. 14.
[225] Там же, Л.16.
[226] Там же, Л. 49.
[227] Там же, Л. 48.
[228] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С. 231.
[229] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д.263. Л. 44.

исторического общества, председателем которого был А.А. Половцов, широко известный благодаря своему знаменитому дневнику. На заседаниях исторического общества В.Н. Ламздорф делал сообщения наравне с известнейшими историками того времени В.О. Ключевским, Н.Ф Дубровиным и Е.С. Шумигорским. В частности, в своих сообщениях В. Н. Ламздорф освещал тему русско-английских переговоров, состоявшихся во время визита Николая I в Лондон в 1844 году. В другой раз темой сообщения министра иностранных дел стала критика петровских преобразований со стороны ряда сподвижников Петра I, последовавшая вскоре после смерти императора[230].

Несмотря на мнение о замкнутости графа Ламздорфа, иногда он очень легко сходился с людьми. Так было в случае с Петром Григорьевичем Сипягиным (Пименом), монахом, отправившимся нести слово Божие в Китай. К сожалению, Ламздорфу пришлось разочароваться в этом человеке, которого он поначалу идеализировал. Тем не менее, проявляя сочувствие, граф не раз помогал Сипягину избежать серьёзных неприятностей, причиной которых становился бурный темперамент последнего. Познакомившись с Сипягиным в 1892г., Владимир Николаевич поверил в душевный порыв Пимена служить Богу. В письме Ламздорфу Пимен (Сипягин) писал, выражая графу сердечную благодарность за тёплый приём, что как человек простого происхождения, испытывал благоговение и робость перед графским титулом Ламздорфа и был приятно удивлён его добротой и внимательным отношением. Пимен объяснил графу своё решение стать монахом стремлением найти некий Абсолют добра и справедливости[231]. Когда Пимен уехал в Китай, между ними завязалась переписка. В своих письмах Пимен называл В. Н. Ламздорфа «Володя», а Ламздорф его – «Петя». Меньше, чем через 2 года, Пимен стал добиваться отозвания из церковной миссии в Пекине. Ламздорфу это не понравилось, но он обратился к товарищу обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблеру, который обещал уладить вопрос с отозванием Пимена из Пекина. Отношение к личности Пимена у Ламздорфа стало

[230] *Половцов А.А.* Дневник 1893-1909. С. 280, 282, 412, 490, 504, 506.
[231] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 766. Л. 1-2.

меняться: «Год тому назад возвращение моего Петюши сделало бы меня совершенно счастливым. Письма, полученные от него за последнее время, полностью сняли в моих глазах с его образа поэтический покров». Однако дружеские отношения между Ламздорфом и Пименом сохранились и после возвращения последнего в Россию. Вскоре, Пимен решил оставить монастырь, и найти себе занятие «в миру». Желание Пимена раздражало Ламздорфа, но граф ему снова помог, и освобождение от монашеского обета прошло для Пимена без поражения в правах, как это обычно практиковалось в Российской империи по отношению к расстригам. В дальнейшем, отношения Ламздорфа и Пимена продолжились. Пимен, теперь снова Пётр Григорьевич Сипягин, стал просить для себя должность в министерстве иностранных дел, жалуясь, что находится в отчаянном положении и подумывает о самоубийстве. Поведение Сипягина возмущало Ламздорфа, но граф видел в Пимене, прежде всего, «бедного малого», который «совсем одурел»; человека, которому нужно непременно помогать, иначе он наделает глупостей и погубит себя. Сипягин умело воспользовался такой заботой Ламздорфа. Он решает стать дипломатом и получить назначение в одно из южных консульств. Ламздорф решил помочь ему, тем более, что к собственному удивлению, обнаружил у него хорошую работоспособность и усидчивость – качества, которые, как видно, Ламздорф очень ценил. Сипягин не обманул ожиданий графа и 9 ноября 1895г. успешно сдал экзамены на должность в МИД, восхитив даже одного из авторитетнейших дипломатов России специалиста по международному праву профессора Ф.Ф. Мартенса. В скором времени, Сипягин благополучно женился и получил назначение в Барселону[232].

Следует сказать, что В.Н. Ламздорф имел небольшой, но постоянный круг близких друзей, с которыми он поддерживал многолетнюю частную переписку. Прежде всего, следует назвать Н.К. Гирса, переписка с которым носила как деловой, так и личный характер.

[232] *Ламздорф В.Н*. Дневник 1894-1896. С. 26, 52, 79, 118, 269, 286, 289, 308, 312, 329.

Об эстетических и культурных предпочтениях графа В.Н. Ламздорфа мы можем судить по его дневнику и по документам, сохранившимся в его архивном фонде в ГАРФ.

В.Н. Ламздорф, в силу своего дотошного и любознательного характера, очень много читал. В его профессиональные обязанности входило цензурировать прессу в части международных отношений. Кроме того, его работа с дипломатическими документами требовала постоянно находиться в курсе событий в России и за рубежом. Вот почему периодическая печать, наряду с дипломатическими документами, составляла львиную долю прочитанного им за день. Очень часто в дневнике Ламздорф упоминает газету “Journal de St.-Peterbourg” - правительственную газету на французском языке. Этот печатный орган был создан для того, чтобы доносить позицию России по всем международным вопросам до иностранного читателя, поэтому публикуемые там статьи и сообщения утверждались в МИД. Другая официальная газета, «Правительственный вестник», также часто упоминаемая Ламздорфом, публиковала официальные правительственные распоряжения. Служба сотрудника министерства требовала внимательного ознакомления с материалами этой газеты. В.Н. Ламздорфа - монархиста, придерживавшегося умеренно либеральных взглядов, раздражали консервативные газеты «охранительного направления», такие как газета князя Мещерского «Гражданин»: «Сегодня, просматривая газету «Гражданин», я был поражён, до какой степени этот инспирированный орган нашей прессы, на который даже в Гатчине (т.е. в резиденции Александра III – А.Л.) смотрят как на представителя «хорошего направления», ультраконсервативен.»[233].

Часы отдыха Ламздорф также любил проводить за чтением. Он с большим интересом читал исторические сочинения и мемуарную литературу, погружаясь мыслями в прошлое, открывал для себя с новых сторон исторические события и характеры исторических личностей. «Принесли последний номер «Русского вестника», и я с большим интересом читаю статью Каратыгина о кончине

[233] *Ламздорф В. Н.* Дневник 1886-1890. С.260.

Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны» (4 января 1887г.)[234]. В марте – апреле 1890 года граф с глубочайшим интересом прочитывает один за другим 3 тома мемуаров польского короля Станислава Августа Понятовского[235]. Исторические интересы Ламздорфа были обширными. Он интересовался и новейшей историей, и современными ему общественными процессами – с радостью принял для прочтения из рук Н. К. Гирса только что вышедший труд генерала Шебеко «Хроника социалистического движения в России в 1878-1887гг.»[236], а в другой раз, в письме известному юристу А.Ф. Кони, Ламздорф, сердечно поблагодарив его за присланные книги, высоко оценил его сочинения, сообщив, что они были ему очень полезны для прояснения ряда интересующих его вопросов, связанных с его профессиональными обязанностями[237].

Интересовался Ламздорф и новинками мастеров отечественной художественной литературы: «Вчера я провёл добрую часть ночи, читая запоем новый рассказ графа Л. Толстого «Поликушка»[238]. Сохранился счёт из книжного магазина «Нового времени», свидетельствующий о покупке графом собрания сочинений Тургенева в 10 томах[239].

Ламздорф отличался безупречным вкусом, мастерски создавая шикарную, но одновременно элегантную и изысканную обстановку, полностью соответствующую его высокому материальному достатку и общественному положению. 18 декабря 1900г. (31 дек. н. ст.) Ламздорф, недавно назначенный министром иностранных дел, устроил большой приём в здании МИД, посвящённый наступлению Нового года в «заграничном мире». На следующий день петербургские газеты писали: «18 декабря в день Нового года в заграничном мире министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф устроил у себя блестящий раут. Великолепные залы министерства гостеприимно открыли свои двери огромному числу приглашённых, среди которых был весь дипломатический

[234] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С. 39.
[235] Там же, С. 290.
[236] Там же, С. 376.
[237] ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2309. Л. 1-2.
[238] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1890-1892. С. 220.
[239] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 263. Л. 114.

корпус, весь великосветский мир столицы и представители науки, литературы, художеств и искусств… Всех гостей встречал гостеприимный хозяин в убранной экзотическими растениями приёмной, из которой образовывалась целая анфилада богатейших комнат в стиле Empire… Оживление царило всюду в залах. В буфетах разливалось шампанское и крюшоны. Разъезд начался в исходе первого часа»[240]. Особенно газеты отмечали: «…Отличительными чертами раута … были выдающаяся роскошь сервировки, и убранство апартаментов отеля и широкое гостеприимство хозяина раута»[241].

Своё рабочее место Ламздорф устроил так, чтобы оно было одновременно удобно и в тоже время отвечало эстетическим вкусам своего хозяина. 25 августа 1904г. в магазине ювелира Высочайшего двора К. Фаберже граф приобрёл: 1) золотую ручку для пера с камнями, 2) стакан розовой эмали для перьев, 3) ковш красной эмали с нефритом и рублём Екатерины II – всё вместе на сумму в 325 рублей[242]. 12 ноября того же года он купил у фабриканта серебряных изделий А. Любавина папиросницу за 45 рублей[243].

Мы проследили развитие дипломатической карьеры и познакомились с укладом жизни В. Н. Ламздорфа. Можно утверждать, что и уклад его жизни, и карьера, и система ценностей соответствовали среде придворной аристократии, из которой он происходил. Образование Ламздорфа, закончившего Александровский (бывший Царскосельский) лицей и Пажеский корпус (оба учебных заведения являлись кузницами управленческих кадров империи) было образцовым для аристократа. Вхождение в придворную службу, а затем переход на дипломатическую, были в порядке вещей для того круга, к которому принадлежала фамилия Ламздорфов. Единственное, чего, вероятно, не хватало Ламздорфу, – это пребывания на действительной военной службе в каком-нибудь привилегированном кавалерийском или гвардейском полку, что было особенно престижно в аристократической среде. Государственной службе В.Н. Ламздорф

[240] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
[241] Там же, Л.64 об.
[242] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д.263. Л. 21.
[243] Там же, Л. 27.

отдавался полностью. Именно такой стиль работы позволил ему сделать блестящую карьеру, но, вероятно, помешал устроить личную жизнь. Став министром, Ламздорф не изменил своим правилам, продолжая лично вникать во все дела министерства и всем руководить. В частном письме В. Е. Львову, начальнику архива МИД, от 25 февраля (10 марта) 1902 г. Ламздорф сетовал: «Я…каждый день собирался Вам писать, но Вы себе и представить не можете до какой степени всё (подчёркнуто В. Ламздорфом – А. Л.) моё время занято. При всём желании на частную переписку не остаётся ни сил, ни свободной минуты»[244].

Во всём остальном В.Н. Ламздорф полностью соответствовал своему положению аристократа, высокопоставленного чиновника и придворного: устраивал приёмы, роскошно, но со вкусом обустраивал свою квартиру, интересовался доходностью своих поместий, на лето выезжал в Крым[245], за границу, например, в Италию[246], или в своё подмосковное имение Ашитково[247].

Отдельно стоит упомянуть о набожности Ламздорфа. В то время формальная религиозность, являлась обязательной для государственных служащих, но Ламздорф отличался именно искренней верой (он даже не хотел заселяться в новую квартиру без её предварительного освящения)[248].

Итак, В.Н. Ламздорф являлся, по-нашему мнению, безусловно талантливым и незаурядным человеком со своими особенностями, а иногда даже чудачествами, которые, тем не менее, не приносили вреда, а придавали образу графа индивидуальность.

[244] ГАРФ. Ф. 982. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.
[245] ГАРФ. Ф. 939 Оп. 1. Д. 102. Л.27-30об.
[246] Там же, Л.43-70 об.
[247] ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2309. Л.8-9.
[248] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 280. Л. 3 об.

Глава 2. Европейская стратегия Ламздорфа: от германофильства к политике балансирования

§1. Между Германией и Францией

Европейское направление на рубеже XIX-XX веков продолжало оставаться приоритетным для российской дипломатии. Традиционный курс внешней политики России на европейской арене базировался на союзе с Германией и Австро-Венгрией. Напротив, отношения с Францией были далеки от идеальных, посольку в самодержавной Российской империи по определению не могли благосклонно воспринимать парламентскую республику, каковой являлась Франция. Тот факт, что русские революционеры спокойно и свободно чувствовали себя в Париже, усугублял непростые отношения двух государств.

В.Н. Ламздорф в 1880-е гг., как и его начальник, министр иностранных дел Н.К. Гирс и многие другие высокопоставленные российские дипломаты, придерживался ярко выраженных германофильских взглядов[249]. Они получили своё полное отражение в документе под названием: «Обзор внешней политики России за время царствования Александра III», составленном советником министра иностранных дел. В нём Ламздорф объяснил причину создания в 1881г. второго Союза Трёх Императоров необходимостью «ограждения России от коалиций, во главе которых встала бы наверняка Англия»[250]. Союз Трёх Императоров снова продлевался в 1884г. на три года, но одновременно с этим в 1882г. был создан Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, заключенный, фактически, за спиной России. Многие в МИД, включая В. Н. Ламздорфа, понимали, что Союз Трёх Императоров исчерпал себя. Слишком сильны были противоречия России и Австро-Венгрии на Балканах. Сохранение влияния в этом регионе было для России делом принципа. Как отмечал В. Н. Ламздорф в «Обзоре…»: «…опыт выяснил полную несовместимость интересов Австро-Венгрии на Балканском полуострове, как в то

[249] *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. С. 226.
[250] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

время их понимало правительство Франца-Иосифа, с нашими задачами в этих странах. Политика Австро-Венгрии, принявшая тогда весьма вызывающий и экспансионистский характер, делала для России дальнейшее участие в союзе с нею крайне затруднительным»[251]. Сложившиеся обстоятельства требовали сближения России с державой, являющейся противовесом австро-германскому союзу. Такой державой была Франция.

Политические реалии Франции были непривычны для России, поэтому в Санкт-Петербурге придавали неоправданно большое значение деятельности и заявлениям некоторых французских политиков. Так, большое беспокойство у Александра III вызвала реваншистская пропаганда, призывавшая к войне с Германией для возвращения потерянных в ходе франко-прусской войны провинций – Эльзаса и Лотарингии. Организатором пропагандистской кампании явился военный министр Жорж Буланже, в честь которого всё движение получило название «буланжизм». Граф Ламздорф относился с иронией к политическим скандалам во Франции, связанным с именем Буланже. Разборки «буланжистов» и сторонников конкурирующих политических течений часто заканчивались потасовками. Ламздорф по этому поводу замечал: «Французы всегда остаются самими собой, несмотря на всё их непостоянство»[252]. Советника министра иностранных дел тревожило только, как бы Буланже не втянул Россию в какую-либо политическую авантюру[253]. Причины для беспокойства исчезли, когда в мае 1887г. Буланже оставил свой пост[254].

Другим неприятным моментом в русско-французских отношениях было дело «атамана вольных казаков» Николая Ивановича Ашинова - искателя приключений, который пытался организовать русскую колонию в Африке, на территории, которая уже была занята французами. Французы, применив артиллерию, разбомбили крепость Сагалло, построенную русскими переселенцами. При обстреле погибли 6 человек. Ашинова и других переселенцев

[251] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Л. 2об.
[252] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С. 118
[253] Там же, С. 199
[254] Там же, С. 150-151.

французские власти арестовали и депортировали в Россию[255]. У царя, министра иностранных дел Н.К. Гирса и В.Н. Ламздорфа применение силы со стороны французов вызвало возмущение[256]. Тем не менее, обе стороны, в интересах дальнейшего сотрудничества, предпочли замять инцидент.

Несмотря на то, что формально отношения Российской империи с Германией и Австрией оставались дружественными, нарастание противоречий ощущалось всё сильнее. Дошло до того, что в МИД всерьёз стали рассматривать вероятность войны с Австро-Венгрией[257]. Всё это вызывало у В.Н. Ламздорфа нешуточное беспокойство. По мнению известного советского историка А.З. Манфреда, Ламздорф полагал, что война неизбежно приведёт к революции в России[258]. Вот почему последовательный сторонник сохранения мира и существующего баланса сил в Европе, он решительно осуждал тон некоторых русских газет, допускавших оскорбительные выпады в адрес Германии.

Действительно, ряд журналистов и публицистов, среди которых самым известным был М. Н. Катков, организовали в прессе целую антигерманскую кампанию. Например, 18 июля 1886г. в №197 «Московских Ведомостей» вышла статья М. Н. Каткова «Достоинство России требует её полной независимости и отсутствия всяких союзов». В статье говорилось: «Да и теперь стоит только России возвратить свободу своих действий, то есть перестать быть подстилкой, - и призрак всемогущества Германии мгновенно исчезнет, и она займёт своё место в ряду других государств»[259]. В архиве сохранилась целая коллекция записок В. Н. Ламздорфа в МИД о Каткове, в которых граф выражает возмущение тем, что журналист позволяет себе на страницах «Московских Ведомостей» критиковать не только отдельных дипломатов, МИД в целом, но даже официальные сообщения и распоряжения, утверждённые императором и опубликованные в «Правительственном Вестнике». Также Ламздорфа волновало то, что Катков позволял себе давать министерству иностранных дел советы,

---

[255] *Ерёменко М.В.* Царствовавние Александра III. М.: Мир книги, 2008. С.84.
[256] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С. 144, 164-165.
[257] Там же, С. 9.
[258] *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. С. 227
[259] *Катков М.Н.* Империя и крамола. М.: ФИВ,2007С. 321.

превратно толковать политику министерства и публиковать без разрешения секретную информацию, неизвестными путями попавшую к нему в руки[260]. По мнению дипломата, неосторожные и провокационные публикации в печати могли подтолкнуть Германию к враждебности по отношению к России[261].

1887 год во многом стал переломным в отношениях России с Францией и Германией, ознаменовавшись военной тревогой, давшей начало русско-французскому сближению, и заключением нового важного русско-германского договора, так называемого «Договора перестраховки».

1(12) января 1887г. русский посол граф П.А. Шувалов в своей записке доложил, что он обсуждал с Бисмарком возможность заключения нового договора с Германией и изложил суть германских предложений, заключавшихся в том, что Россия не будет оказывать противодействие Германии в случае её нападения на Францию, а Германия не будет мешать России восстанавливать своё влияние в Болгарии и захватить Константинополь[262]. Однако, в тоже самое время в русской прессе начинается новая мощная антигерманская кампания. 6 января В. Н. Ламздорф упоминает в дневнике о «глупых и непристойных» статьях в «Московских ведомостях» и «Гражданине», направленных против Германии[263]. Александр III прислушивался к мнению «Гражданина», издатель которого, В. П. Мещерский, был в фаворе у императора, и всё больше склонен был разделять его. Стремясь сохранить хорошие отношения с Германией, Александр III, одновременно, демонстрировал готовность поддержать Францию. В. Н. Ламздорф не разделял такую позицию императора, так как в тот период он, как и министр иностранных дел Н.К. Гирс, занимал прогерманские позиции[264].

Отношение императора к Германии и Франции прояснилось в период так называемой «военной тревоги» января 1887 г. когда германское правительство во главе с Бисмарком, обвиняя Францию в реваншистских намерениях, активно готовилось к предстоящей войне с ней. 10(22) января Александр III, отвечая на

[260] ГАРФ Ф. 568. Оп. 1. Д. 54. Л.5-5об.; 9-10об.
[261] *Катков М.Н.* Империя и крамола. С. 20.
[262] История дипломатии. С. 652.
[263] Там же, С. 41.
[264] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890 С.48.

телеграмму Нелидова, в которой спрашивалось, будет ли Россия оказывать «моральную поддержку» Франции в случае конфликта с Германией, написал: «Конечно, да»[265]. В этот момент твёрдая позиция, занятая российским императором, позволила не допустить войны и сорвала агрессивные планы Германии.

Для В.Н. Ламздорфа и Н.К. Гирса тем не менее предпочтительным оставался союз с Германией – монархией, символизировавшей, по их мнению, «порядок и устойчивость». Они верили, что всё происходящее – провокация канцлера Бисмарка, а германский император не хочет войны.[266]

Подтверждением правоты Н.К. Гирса и В.Н. Ламздорфа стало заключение 6 (18) июня 1887г. Россией и Германией так называемого «Договора перестраховки» сроком на 3 года. Стороны обязались придерживаться нейтралитета в случае войны одной из них с третьей стороной, за исключением случая нападения России на Австро-Венгрию или Германии на Францию[267].

В следующем 1888 году Германия, менее чем за полгода, потеряла двух кайзеров. В итоге, на престол вступил Вильгельм II, к которому Александр III не испытывал симпатии. Владимир Николаевич Ламздорф и его начальник министр иностранных дел Николай Карлович Гирс, наоборот, надеялись на то, что с приходом к власти молодого кайзера отношения с Германией улучшатся, а Тройственный союз или, как его иначе любили называть в Германии, «Лига мира» уйдёт в прошлое. Составленный графом В.Н. Ламздорфом «Политический обзор за 1888 год» был полон оптимизма в отношении Германии. В обзоре утверждалось, что после смерти кайзера Вильгельма I внутренний кризис в Германии «невыгодным образом влияет на прочность “Лиги мира”»[268]. Про нового кайзера Ламздорф писал: «Новый царствующий император Вильгельм II с самого вступления своего на престол обнаружил желание быть по отношению к

[265] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890 С.52.
[266] Там же, С.48, 54-55.
[267] *Боханов А.Н.* Император Александр III М.: Русское слово, 2009. С. 412.
[268] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об.

России приверженцем политики, основанной на дружбе и освящённой узами родства между Царствующими Домами»[269].

Постепенно отношения России и Германии стабилизировались. Германский кайзер Вильгельм приветствовал переговоры о возможном заключении брака между цесаревичем Николаем Александровичем и гессенской принцессой Алисой. Он надеялся, что это хороший повод к сближению с Россией[270]. В те дни цесаревич, как свидетельствует В. Н. Ламздорф, общался с кайзером на «ты»[271]. Очевидно, уже в это время Вильгельм II стремился влиять на будущего императора Николая II и давать ему советы на правах старшего кузена.

Стабилизация политической ситуации в Европе после кризиса 1887г. давала В. Н. Ламздорфу надежду на мирное разрешение франко-германских противоречий. Он считал, что вопрос об Эльзасе и Лотарингии можно решить только «полюбовным соглашением» с Германией. Возможность союза с Францией Ламздорф также рассматривал, но только тогда, когда там будет «сильное, устойчивое и благоразумное правительство»[272].

В «Политическом обзоре за 1888г.» Ламздорф писал: «Императорское правительство не думает, что симпатия к нам французского народа, выражаемая не всегда в удобной для нас форме, основана исключительно на расчёте вовлечь нас в войну с Германией в пользу идей реванша. Подобными расчётами могут руководствоваться отдельные личности или партии. Мы лучшего мнения о народных чувствах… Французский народ желает мира и, потому мы думаем, что он видит в добром к нему отношении России лишь верную гарантию внешней своей безопасности. Внутренняя неурядица во Франции и шаткость в ней власти умаляют, к сожалению, её влияние на решение международных дел»[273].

Тенденция к взаимному отдалению друг от друга России и Германии продолжала беспокоить В.Н. Ламздорфа. Дипломата откровенно раздражало, что Александр III при любом удобном случае демонстрировал своё неуважение к

---

[269] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об.
[270] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890 С.99.
[271] Там же, С. 107.
[272] Там же, С.114.
[273] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 55. Л. 7-7об.

Германии и её канцлеру Бисмарку, называя его «мошенником и господинчиком, который слишком много о себе воображает и думает, что все его обожают»[274]. В. Н. Ламздорф видел в Бисмарке умного и опытного профессионального политика, адекватно осознавал силу Германской империи, поэтому стремился сохранить дружеские отношения с Германией. На тот момент основной повод для беспокойства В. Н. Ламздорф видел в предпринимаемых Берлином попытках сближения с Великобританией. В.Н. Ламздорф считал необходимым не допустить такого сближения любой ценой, так как союз двух сильнейших европейских держав, направленный против России, был чрезвычайно опасен[275].

Опасения испортить отношения с Германией подкреплялись у Ламздорфа недоверием к Франции. Он небезосновательно склонялся к мысли, что Франция хочет поссорить Россию с Германией и заставить её «таскать каштаны из огня»[276]. Подозрения усугублялись непоследовательным поведением французских властей по отношению к России, например, в 1890 году французы обещали передать русскому военному агенту образец бездымного пороха, но затем отказались без какой-либо видимой причины. По нашему мнению, прав А.З. Манфред, утверждавший, что Гирс и Ламздорф не только не доверяли Франции, опасаясь испортить отношения с Германией, но и в принципе считали прочное русско-французское соглашение невозможным[277].

Таким образом, развитие событий подсказывало, что Россия в своей внешней политике не может всецело доверять ни одной державе. В.Н. Ламздорф прекрасно понимал, что Россия заинтересована в союзнике, но также он понимал, что нельзя ради союза с одной державой портить отношения с другими могущественными государствами. Вот почему в конце 1890 г. он предложил компромиссный вариант для российской политики, заключающийся в сохранении баланса между двумя противоборствующими полюсами европейской политики. Ламздорф писал по этому поводу: «Чтобы жить в мире и не возбуждать тревоги у других, мы

---

[274] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890 С.128.
[275] Там же, С.136.
[276] Там же, С.286.
[277] *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. С. 313.

должны находить до поры, до времени соответствующий «модус вивенди» по отношению к Германии и Лиге (Тройственному Союзу – А. Л.). Сдержанность г. Гирса отнюдь не служит препятствием к дружеским проявлениям со стороны французов, и в тоже время не нарушает доверчивого спокойствия немцев»[278]. Данный принцип будет служить основой политики В.Н. Ламздорфа на европейской арене и в последующие годы, когда он станет министром иностранных дел.

Новый кризис в русско-германских отношениях, в очередной раз подтолкнувший Россию в сторону Франции, случился в 1890 году и был вызван отказом Германии продлевать договор 1887г. с Россией, несмотря на то, что «со стороны Германии даны были уверения, что, несмотря на отсутствие письменного соглашения, она будет по-прежнему придерживаться истинной дружбы с Россией»[279]. Н. К. Гирс нашёл объяснения германской стороны по этому поводу неубедительными и неудовлетворительными[280].

Ламздорф объяснял такой шаг Германии переменой политического курса этой страны в связи с отставкой Бисмарка и приходом на его место генерала Каприви. В этом он был абсолютно прав. Как отмечал историк В.М. Хвостов, «Новый канцлер, генерал Каприви, был заражён настроениями генерального штаба. Он считал, что избежать войны с Россией нельзя, и что договор с ней ввиду этого бесполезен[281].

Таким образом, несмотря на все миролюбивые заявления Германии, в России даже германофилы, включая В.Н. Ламздорфа и Н.К. Гирса, всё яснее понимали, что союзные отношения остались в прошлом, и пока их восстановление не представляется возможным, поскольку кайзер Вильгельм II хочет не дружить с Россией, а поставить её в зависимое от себя положение. Но, в таком случае, России требовался новый союзник. В.Н. Ламздорф и Н.К. Гирс постепенно пришли к выводу, что таким новым союзником может стать только Франция.

---

[278] Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С.261-262.
[279] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Л. 2 об.
[280] *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. С.342.
[281] История дипломатии. С. 663.

Правда есть и противоположные мнения, например, А.З. Манфред полагал, что, несмотря на симпатии к Франции многих военных и влиятельных дипломатов, таких как Д. Толстой и Нелидов, Гирс и Ламздорф сохраняли твёрдую германофильскую линию[282]. Бесповоротно курс на сближение с Францией был принят в 1891 году, хотя ещё в феврале 1891г. министр иностранных дел Н.К. Гирс, доказывая В.Н. Ламздорфу, что франко-русский союз нужен в противовес Германии и для поддержания равновесия в Европе, подчёркивал, что Россия не должна связываться ни какими договорами, накладывающими на Россию определённые обязательства и могущими быть обременительными[283]. Гирсу удалось убедить в своей правоте Ламздорфа, который также, не желая обременять Россию серьёзными обязательствами союзнического договора с Францией, рассчитывал на то, что Германия не долго будет являться угрозой Франции и России по причине ослабления из-за внутренних кризисов. В случае, если бы расчёты В. Н. Ламздорфа оказались верны, краткосрочный союз с Францией мог бы позволить России решить свои стратегические задачи на Ближнем Востоке, включая проблему Проливов[284].

Уже в июле 1891 года стал готовиться проект соглашения с Францией. 21 июля 1891г. французский министр иностранных дел сообщил Гирсу выработанный французами текст взаимных обязательств, по которому, в случае мобилизации одной из держав Тройственного союза, Россия и Франция должны без предварительного обсуждения тотчас и одновременно мобилизовать свои вооружённые силы. Этот вариант договора не устраивал российскую сторону потому, что при такой формулировке соглашения Россия оказывалась зависимой от Франции, и могла быть легко втянута в войну, не отвечавшую интересам страны. Вот почему Ламздорф решил скорректировать текст таким образом, чтобы придать «гораздо большую широту соглашению». Он считал необходимым так согласовать образ действий России и Франции, чтобы остановить всякие осложнения «прежде, чем они приняли бы размеры, угрожающие миру в Европе».

---

[282] *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. С. 327.
[283] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С.36.
[284] Там же, С.44.

Важно было учесть не только возможность нападения одной из держав Тройственного союза, но и поддержку, которая «может исходить от какой-либо державы, оставшейся вне лиги, но симпатизирующей её помышлениям и могущей в некоторых обстоятельствах даже выступить в качестве инициатора». Это был прямой намёк на Англию.

В соответствии с указанием императора о необходимости чёткого определения случая нападения на одну из договаривающихся сторон, Ламздорф изменил редакцию второго пункта. Поясняя свою формулировку, граф подчеркнул, что Россия окажется связанной обязательством «только в случае, если Франция будет атакована. А это тот принцип, которого мы придерживались и ранее». Так юридически была исключена поддержка «авантюрного правительства, которое может возглавить республику, и задумает взять инициативу нападения»[285].

Теперь русско-французское соглашение состояло из двух основных пунктов: 1) оба правительства будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру; 2) в случае, если мир окажется действительно в опасности, если одна из двух сторон окажется перед угрозой нападения, обе стороны условливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется, в случае наступления означенных событий, настоятельным для обоих правительств[286].

В. Н. Ламздорф был вполне удовлетворён, так как добился, чтобы Россия и Франция стали равноправными партнёрами. Риск втягивания России в ненужную ей войну был сведён к минимуму, зато выгоды от союза были очевидны, и самая главная выгода заключалась в том, что русско-французский союз превратился в мощный сдерживающий фактор для агрессивных намерений Германии и Австро-Венгрии. Именно эту сдерживающую функцию русско-французского союза подчеркнул В.Н. Ламздорф, охарактеризовав его как «…могущественный противовес Тройственному союзу, постоянно увеличивающему свои военные силы». Вдохновленный успешным заключением союзного договора с Францией,

[285] Российская дипломатия в портретах. С. 262-263.
[286] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С.201.

Ламздорф сперва даже переоценивал его возможности в противодействии Тройственному союзу, ожидая кризиса последнего в самое ближайшее время. Так, например, в дневниковой записи от 23 августа 1891г. он, выдавая желаемое за действительное, трактует отставку правительства в Турции как признак ослабления Тройственного союза[287].

Несмотря на ожидания скорого ослабления Германии и всего Тройственного союза, В. Н. Ламздорф считал необходимым, сохраняя союз с Францией, вновь наладить отношения с Германией. Министр иностранных дел Н.К. Гирс, полностью согласный с мнением Ламздорфа, всячески старался наладить личные отношения между Александром III и Вильгельмом II. Например, в октябре 1891г. Гирс убеждал императора заехать в Берлин на обратном пути из Дании, но император не захотел прислушаться к совету министра иностранных дел. Кайзер воспринял отказ нанести ему визит как личную обиду[288].

Тем временем, у В. Н. Ламздорфа стали исчезать чрезмерные надежды, которые он возлагал на русско-французский союз. Появилось осознание хрупкости созданной политической конструкции, как писал сам Ламздорф, «ничтожный инцидент на Балканах» мог втянуть Россию в войну[289]. В поисках выхода из сложившегося положения, Ламздорф пришёл к мысли о том, что гарантией политической стабильности должна стать договоренность о всеобщем разоружении и пересмотре статей старых трактатов[290]. Таким образом, он выразил в общих чертах идею, которая позже была озвучена на Первой конференции мира в 1899 году в Гааге.

В 1892г. русско-французский союз претерпевал дальнейшее развитие. Итогом стало заключение русско-французской военной конвенции. В 20-х числах февраля 1892г. фактически был утвержден план военной конвенции России и Франции. План был совместно разработан Генштабами двух стран (с российской стороны – генерал Н. Н. Обручев, с французской – генерал Буадефр)[291]. В конвенции

---

[287] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С.214-215.
[288] Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 266.
[289] Там же, С. 268.
[290] Там же, С.241.
[291] *Ерёменко М.В.* Царствование Александра III. С. 74.

признавалось, что самой сильной и опасной страной Тройственного союза является Германия, поэтому державы обязались направить главные удары против неё. Если Германия будет разбита, то её союзники сдадутся сами – вот главная мысль документа. Германия, обладавшая густой сетью железных дорог, могла быстро концентрировать войска на любом фронте, поэтому требовался одновременный удар двух армий – русской и французской, чтобы не позволить германской армии сначала бросить все силы на запад, а потом на восток. Франция выставляла 1млн. 300 тыс. солдат – 5/6 своей армии, а 1/6 Франция бросала против Италии. Россия же выставляла армию в 800 тыс. человек и бросала её против как Германии, так и Австро-Венгрии, так как разгром этой державы был необходим как с военно-тактической точки зрения, так и с политической: необходимо было заручиться поддержкой славян Габсбургской монархии[292].

Военная конвенция была уже фактически готова, но у В.Н. Ламздорфа и многих других дипломатов сохранялись подозрения в отношении Франции. В. Н. Ламздорф писал в дневнике 25 февраля: «Мы разгромили бы Германию на пользу французам, а они после этого со своей стороны в лучшем случае предоставили бы нам самим управляться с австрийцами и на востоке, как мы сумеем, не приходя нам ни в чём на помощь»[293]. Он считал, что договоренности с Францией приведут к долгому противостоянию двух вооруженных до зубов союзов государств. По его мнению, Франция втягивала Россию в ненужный конфликт с Германией. Россия могла бы получить большую пользу, оставаясь в стороне от европейских конфликтов и сосредоточившись на балканской политике[294], но В. Н. Ламздорфу оставалось только сетовать, потому что изменить он уже ничего не мог, ибо Александр III всерьёз загорелся идеей разгрома Германии[295].

В 1893 году был ратифицирован русско-французский военный договор. 15-23 декабря Россия и Франция обменялись нотами о его вступлении в силу[296]. Таким

[292] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. С. 340.
[293] Там же, С.343.
[294] Там же, С.370.
[295] Там же С.344.
[296] Там же, С. 77.

образом, окончательное оформление русско-французского союза было завершено. Итог данному процессу В.Н. Ламздорф подвёл в «Обзоре внешней политики России в царствование Александра III»: «…стремясь… к упрочению мира, Россия вступила в соглашение с Францией, которое и является противовесом союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии. Мощь Тройственного союза была, таким образом, парализована»[297].

Положительные аспекты союза с Францией немедленно дали о себе знать в отношениях с Германией. Рейх, понимая всю невыгодность для себя конфликта с Россией, старался всячески показать дружеское отношение к России. Так, 26 октября 1894г. кайзер в знак дружбы отменил, введённые ещё Бисмарком в 1887г., меры против русских фондов[298]. Вскоре был заключён русско-германский торговый договор[299]. Проявленное Германией желание вновь сблизиться с Россией позволило В.Н. Ламздорфу надеяться на скорый конец Тройственного союза.

Между тем, русско-французский союз продемонстрировал свою выгоду и в экономической сфере. Россия, после долгих и упорных переговоров с французскими и английскими Ротшильдами, получила крупный заём во Франции. Однако у В.Н. Ламздорфа данная финансовая операция вызвала серьёзные сомнения в её выгодности для России[300].

Взаимное недоверие между Россией и Францией не исчезло. В России многих консервативно настроенных представителей правящей элиты откровенно раздражало влияние социалистов на политику, которое только усилилось в 1899 году, когда портфели в новом правительстве П.М. Вальдека-Руссо получили сразу два социалиста. В связи с этим в России опасались изменения политического курса Франции. Также в военных кругах скептически оценивали военные возможности Франции, сомневаясь в ценности такого союза. Во Франции, в свою очередь, против союза с Россией агитировала левая печать, а в правительственных

---

[297] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Л. 2 об.
[298] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896.
[299] История дипломатии. С. 669.
[300] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С.177

кругах опасались активизации российской политики на Ближнем Востоке[301]. Непростые русско-французские отношения наиболее полно были обрисованы В.Н. Ламздорфом в инструкции МИД новому русскому послу в Париже Л.П. Урусову от 28 января (9 февраля) 1898 г. В начале документа констатировалось, что русско-французское соглашение «положило начало новой эре в всемирной международной политике». Значение союза в инструкции определялось тем, что он восстановил нарушенное Германией равновесие в Европе, обеспечив ей мир и свободное развитие. В документе подчёркивалось, что союз в большей степени выгоден Франции, поскольку именно он позволил ей значительно укрепить своё международное положение и обезопасится от Германии и Великобритании. В этой связи примечательно, что Великобритания объявлена в инструкции едва ли не большей угрозой для Франции, чем Германия. Данная оценка, при бесспорном наличии в англо-французских отношениях целого комплекса противоречий, в первую очередь, в области колониальной политики, является чрезмерно субъективной, неся явный отпечаток русско-английской конфронтации. Для России выгоды от русско-французского союза были обозначены в документе следующим образом: «…соглашение с Францией и являющееся результатом его, возможное содействие французских войск и в особенности флота представляется для нас весьма выгодным, увеличивая международное значение наше, побуждая наших политических соперников осмотрительнее относиться к нашим интересам и посильно удерживая их от вторжения в нашу сферу влияния». Обрисовав цели, задачи и текущее состояние русско-французского союза, Ламздорф перешёл к перечислению задач, которые необходимо будет решать новому послу. Прежде всего, ему следовало поддерживать и укреплять союз двух держав и стремиться направлять французскую политику в нужное России русло. Согласно инструкции, Россия рассчитывала на содействие Франции в борьбе с английским и германским влиянием в Турции, в урегулировании ситуации вокруг Крита и «во всех делах, возбуждаемых отношениями нашими к другим балканским государствам, в

[301] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С.67-70.

которых Франция не имеет никаких собственных для неё важных интересов», а также в политике на Дальнем Востоке. Теме Дальнего Востока в данном документе уделено много внимания. В.Н. Ламздорф считал, что Франция недостаточно активно поддерживает Россию в отношении Китая, Кореи и в переговорах с Японией. В.Н. Ламздорф намеревался донести через Урусова до французских властей, что Россия намерена ограничиться только развитием железных дорог на Дальнем Востоке, что принесёт колоссальную прибыль всем государствам. Граф подчеркивал, что Россия не намерена покушаться на независимость Кореи, но при этом не позволит Японии, нарушать там российские интересы. Помимо позитивных сторон русско-французского союза и перспектив двустороннего сотрудничества, в инструкции послу Л.П. Урусову не были оставлены без внимания и серьёзные разногласия двух государств. На первое место В.Н. Ламздорф поставил разногласия из-за Совета по Оттоманскому долгу, в расширении и укреплении компетенции которого была чрезвычайно заинтересована Франция, имевшая в Турции значительные финансовые интересы. Напротив, Россия практически не имела там чисто экономических интересов, зато, рассматривая берега Босфора в качестве зоны своих исключительных политических интересов, очень опасалась, что деятельность международной финансовой комиссии, подчиняющей себе турецкое правительство, может перечеркнуть все амбициозные планы России в этом регионе. Вторым принципиальным противоречием в русско-французских отношениях оставался вопрос о поддержке христиан на Святой Земле. Россия с неизменной энергией продолжала поддерживать там претензии православного духовенства на исключительные права, а Франция – католического. В данном вопросе В. Н. Ламздорф исходил из того, что для России православие наряду с самодержавием является основополагающим столпом, а для Франции этот вопрос, менее принципиален, поэтому Париж, ради сохранения выгодного союза с Россией, мог бы пойти здесь на уступки[302].

[302] Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. Авт.-сост. И.С. Рыбачёнок. М.,2004. С. 163-181.

В июле 1899 года, во время визита в Санкт-Петербург министра иностранных дел Франции Т. Делькассе, условия союзного договора были скорректированы таким образом, что срок действия военной конвенции переставал ограничиваться временем существования Тройственного союза, а становился постоянным[303]. Кроме того, летом 1900 года, в ходе консультаций начальников Генеральных штабов России и Франции, военная конвенция держав была расширена. Теперь она предполагала не только военную помощь друг другу в случае войны с Германией, но также в случае войны с Великобританией[304].

В.Н. Ламздорф, несмотря на свой личный вклад в заключение русско-французского союза, отнёсся к его дальнейшему углублению с очевидной настороженностью, предостерегая от чрезмерной демонстрации союзных отношений с Францией, что, по его мнению, могло быть небезопасно, а также не рекомендовал связывать Россию формальными обязательствами по отношению к Франции, считая образцовыми первоначальные условия русско-французских договоров, действовавших в конце царствования Александра III. Исходя из таких установок, он весной 1901 года решительно выступил против попыток французского министра иностранных дел Т. Делькассе и начальника французского Генерального штаба Пендезека навязать России невыгодный договор, обязывающий Россию в случае войны перейти в наступление против Германии не на восемнадцатый, а на четырнадцатый день. Отказавшись ставить свою подпись под документом, В.Н. Ламздорф в письме Делькассе обстоятельно объяснил невозможность для России принятия подобных обязательств. Делькассе, очевидно, не желая развития конфликтной ситуации, не ответил на письмо Ламздорфа. Таким образом, вопрос был исчерпан[305].

Как мы видим, сохранение мира в Европе было приоритетным для В.Н. Ламздорфа. Даже в отношениях с Францией, ближайшей союзницей России, он выступал против соглашений, демонстрирующих готовность сторон совместно решать спорные вопросы силовыми методами.

---

[303] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С. 64.
[304] Там же, С. 68-69.
[305] Там же, С. 71-73.

§2. Участие В. Н. Ламздорфа в подготовке Первой конференция мира 1899 года в Гааге

Важнейшей вехой в борьбе за сохранение мира в Европе явилась Первая конференция мира 1899г. в Гааге, в подготовке которой В.Н. Ламздорф сыграл важную роль. Как известно, идея проведения конференции по разоружению родилась в Санкт-Петербурге 28 февраля(12марта) 1898 года из предложения военного министра А.Н. Куропаткина Николаю II заключить договор с Австро-Венгрией о взаимной приостановке на десять лет производства скорострельных пушек. Предложение Куропаткина было благосклонно принято императором, но в министерстве иностранных дел под руководством товарища министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа проект Куропаткина изменили до неузнаваемости, существенно расширив его рамки и превратив идею частного соглашения двух государств в проект международной конференции по вопросам разоружения и поддержания всеобщего мира[306].

Идеи о необходимости международного соглашения о сокращении вооружений уже появлялись в России. Например, в 1891 г. министр финансов И. А. Вышнеградский в разговоре с Н.К. Гирсом высказался в пользу подобного международного соглашения. Мысли Вышнеградского нашли горячий отклик и поддержку у тогда ещё первого советника министерства иностранных дел В. Н. Ламздорфа, самостоятельно пришедшего к подобным выводам, но Ламздорфа смущало, согласятся ли державы, много лет накапливавшие вооружения на случай войны друг с другом, добровольно разоружаться. Он пришёл к выводу, что необходимо создать подходящие условия. Для заключения нового всеобщего международного договора, который стал бы заменой далёкого от совершенства Берлинского трактата. Таким образом, В.Н. Ламздорф, ещё за несколько лет до Гаагской конференции, подошёл к пониманию формы и сути будущего международного соглашения о разоружении и поддержании мира.

[306] *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899г. в Гааге. С. 17-20.

Однако в царствование Александра III, считавшего идеи о разоружении утопическими и невыгодными России, реализовать проект мирной конференции было невозможно[307]. Дело сдвинулось с места только при Николае II.

23 июня (5 июля) 1898г. министр иностранных дел М.Н. Муравьёв запросил императора о выборе времени и формы обращения к державам с предложением созвать мирную конференцию. Первоначально планировалось разослать главам ведущих европейских государств письма от имени Николая II, но затем было решено придать документу форму памятной записки. Подготовку документа курировал В.Н. Ламздорф. К началу августа записка была готова. После редактирования и перевода на французский язык, нота, одобренная императором, 12(24) августа была вручена представителям иностранных держав в Петербурге, а 16(28) августа текст документа был опубликован в газетах[308]. В.Н. Ламздорф, как всегда, не подвёл и показал свой фирменный стиль работы: текст обращения к державам был скрупулёзно выверен, слова о разоружении в нём отсутствовали, а упор делался на сохранении всеобщего мира, недопущении военной катастрофы, сокращении избыточных вооружений и совместном признании начал права и справедливости, на которых основана безопасность и процветание государств и народов. Для придания обращению необходимой торжественности, МИД подготовил подборку классических латинских изречений о мире. Также была подготовлена обширная цитата из Ф.М. Достоевского, которая затем была использована в одной из официальных статей о предстоящей конференции в официальном периодическом издании МИД «Journal de St-Pétersbourg»[309]. Идея мирной конференции, предложенная Россией, вызвала нешуточное беспокойство в Париже, там в ней увидели нежелание России исполнять свои союзнические обязанности. Чтобы переубедить французов, понадобились совместные усилия Муравьёва, имевшего в Петербурге продолжительный разговор с послом Монтебелло, и Куропаткина, посетившего Париж, чтобы встретиться там с военным и политическим руководством Франции. Французам были даны

[307] *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899г. в Гааге. С. 21-24.
[308] Там же, С. 32-35.
[309] Там же, С.39-41.

обещания, что предстоящая конференция никак не затронет существующие военные конвенции[310].

Подготовка документов к предстоящей конференции шла полным ходом. В качестве главного эксперта по правовым вопросам В.Н. Ламздорф привлёк к работе Ф. Ф. Мартенса, виднейшего юриста-международника, под руководством которого была составлена программа конференции[311]. Немного позднее, В. Н. Ламздорф, опасаясь, что позиция России может быть истолкована превратно как желание узурпировать руководящую роль на конференции, сделал в конспекте всеподданнейшего доклада от 2 (14) февраля 1899 года уточнение: «Никакой программы для конференции мы не предлагали. Текстуально нами указаны в общих чертах положения, могущие служить основанием для международного обсуждения в заседаниях конференции. Это ничего не предрешает и оставляет нам, также, как и всем другим державам полную свободу оценок»[312].

По предложению Ламздорфа, местом проведения конференции была выбрана Гаага, спокойный город в Нидерландах, расположенный вдалеке от зон европейских политических баталий, но одновременно легкодоступный с точки зрения транспорта и связи[313]. На должность уполномоченного от России на конференции претендовал Ф.Ф. Мартенс, но В.Н. Ламздорф считал, что у него не имеется необходимого для этого дипломатического опыта. Также, по мнению Ламздорфа, Мартенс обладал слишком экспрессивным характером для такой деликатной миссии. В итоге, Ламздорф не без труда уговорил возложить на себя эту почётную, но крайне ответственную миссию опытного дипломата, посла в Лондоне Е.Е. Стааля, кандидатура которого была одобрена министром иностранных дел Муравьёвым, а затем и Николаем II, что очень задело Ф.Ф. Мартенса[314].

---

[310] *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899г. в Гааге. С.44-48.
[311] Там же, С. 56-58.
[312] Там же, С. 81-82.
[313] Там же, С. 66-67.
[314] Там же, С.85-86.

§3. Политика балансирования В.Н. Ламздорфа

Поддерживая тесный союз с Францией, Россия стремилась сохранить дружественные отношения с Германией. Балансирование между Германией и Францией стало фундаментальным принципом российской внешней политики в Европе при В.Н. Ламздорфе, который однажды сказал юрисконсульту МИД М.А. Таубе: «Может быть, это недостаточно эффективная внешняя политика – за что, я знаю, иногда меня и ругают – балансировать между Францией (нашей союзницей) и Германией, с которой мы связаны тысячами исторических, династических, культурных и экономических уз». Тем не менее, министр полагал, что, если отойти от такой политической стратегии, соединившись с одной из держав в ущерб отношениям с другой, то подобный шаг неминуемо приведёт к катастрофе[315].

Исходя из положения о необходимости поддержания хороших отношений с Германией, Николай II (иногда в сопровождении Ламздорфа) регулярно обменивался визитами с германским кайзером Вильгельмом II. В 1896 г. император и кайзер встречались в Бреслау и Берлине, а летом 1897 г. Вильгельм II посетил Кронштадт и Петергоф. Осенью 1899 г. Николай II опять гостил в Германии, на этот раз в Вольфсгартене и Потсдаме[316].

В сентябре 1901 г. Николай II по приглашению Вильгельма присутствовал на военно-морских манёврах в Данцигской бухте, куда он прибыл из Дании на своей яхте «Штандарт». Французы, узнав о предстоящем визите русского императора в Данциг, были обеспокоены, о чем официально Делькассе известил посла Урусова. Ситуация сложилась несколько щекотливая, но выход был найден довольно быстро: Ламздорф договорился с французской стороной и согласовал с императором вопрос о его визите во Францию сразу после завершения мероприятий в Данциге, который стал как бы «компенсацией» за Данциг для французской общественности[317]. Из Германии Николай II отправился во Францию

---

[315] *Таубе М.А.* «Зарницы». С. 84.
[316] *Мультатули П.В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917). С. 112-119, 132.
[317] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С. 75.

морем, в то время, как Ламздорф – на поезде. Прибыв во Францию за несколько дней до императора, Ламздорф «подготовил почву» для визита на высшем уровне, проведя в Париже в течение двух дней многочисленные консультации как с русским послом, так и с различными французскими государственными деятелями, а 4(17) сентября Ламздорф, в сопровождении российского посла, а также представительной французской делегации, состоящей из целого ряда министров, депутатов и сенаторов, включая председателей Палаты депутатов и Сената, выехал на специальном поезде в Дюнкерк, где в присутствии французского президента Лубе и Николая II должны были пройти манёвры французского флота[318]. Следующие четыре дня были заняты манёврами в самом Дюнкерке, а также торжественными церемониями и приёмами в замке Компьен, избранном в качестве временной резиденции для российского императора, куда торжества переместились из Дюнкерка уже на второй день. Данное мероприятие в очередной раз продемонстрировало прочность союза и сердечное согласие между Россией и Францией. Из Компьена Николай II отправился в свою польскую резиденцию Спала, а В. Н. Ламздорф – в Петербург[319].

Ответный визит президента Лубе в Петербург в мае 1902 года состоялся уже в новых политических условиях, обусловленных тем, что в связи с заключением англо-японского договора, Россия и Франция 3 (16) марта 1902 г. опубликовали декларацию о совместной защите своих интересов на Дальнем Востоке. Таким образом русско-французский союз наполнялся новым содержанием, но Николай II был недоволен степенью поддержки со стороны Франции. В связи с этим император даже поставил под вопрос необходимость визита Лубе, но В. Н. Ламздорф убедил Николая II, что принять французского президента всё же надо, чтобы не портить отношения с Францией. В итоге, визит Лубе, прибывшего в сопровождении эскадры французских военных кораблей, прошёл вполне успешно[320].

---

[318] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 18-19.
[319] Ibid., P. 19-22.
[320] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С. 77.

Продемонстрировав единство с Францией, российская дипломатия в 1902 году снова сделала реверанс в сторону Германии. В июле в Ревеле произошла новая встреча Николая II и Вильгельма II[321]. Темой переговоров стал Дальний Восток. В результате, Николай II получил от Вильгельма дружеские, но ничем не подкреплённые обещания поддерживать спокойствие на Балтике, в то время как Россия занята делами Дальнего Востока[322].

Опираясь на союз с Францией и сохраняя видимость дружественных отношений с Германией, Россия, тем не менее, искала способ разрушить или, как минимум, ослабить Тройственный союз, в самом существовании которого в Санкт-Петербурге видели большую опасность. Самым слабым звеном Тройственного союза оказалась Италия, имевшая территориальные претензии к Австро-Венгрии и, в силу своих культурных и экономических особенностей, тяготевшая больше к Франции, чем к австро-германскому союзу, в котором она с каждым годом всё сильнее ощущала себя «третьим лишнем». В 1902 году началось сближение Италии с Францией. Итальянская эскадра с официальным визитом посетила Тулон. В.Н. Ламздорф понял, что у России появился уникальный шанс дипломатическими методами выдернуть Италию из Тройственного союза, тем более, что срок действия Тройственного соглашения подходил к концу. Теперь Италия могла либо возобновить действие договора с Германией и Австрией, либо отказаться от него. Министр иностранных дел командировал в Рим своего ближайшего и самого доверенного помощника А. Савинского с целью навести справки о вероятности визита итальянского короля Виктора Эммануила в Россию и о потенциальных возможностях заключения русско-итальянского союза. Миссия Савинского окончилась безрезультатно, поскольку русский посол А.И. Нелидов убедил его, что сейчас не может быть и речи о том, чтобы король оставил Италию, поскольку он, якобы, очень занят внутриполитическими вопросами[323]. Тем не менее, через два месяца итальянский посол в России объявил Ламздорфу о намерении своего короля посетить Санкт-

[321] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 27-28.
[322] *Мультатули П.В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917). С. 137-138.
[323] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 25.

Петербург летом. Такая резкая смена позиции Виктора Эммануила вызвала удивление русских дипломатов, но быстро нашла своё объяснение. Получив от Вильгельма II приглашение на осенние военные манёвры, Виктор Эммануил, успевший к тому времени уже основательно устать от замашек кайзера, решил сперва посетить Россию, продемонстрировав Германии свою независимость. 30 июня Виктор Эммануил вместе со своим министром иностранных дел Дж. Принетти прибыли в Петергоф, пробыв в России до 1 июля. По мнению А. Савинского, визит Виктора Эммануила в Россию был очень плодотворным и «посеял семена дружбы» между Италией и Россией[324].

После обмена любезностями и декларациями о необходимости сохранения дружбы и периодического обмена мнениями на дипломатическом уровне для предотвращения недоразумений в двусторонних отношениях, стороны перешли к переговорам, в ходе которых Принетти выразил готовность Италии к совместным с Россией и Австро-Венгрией действиям во имя сохранения status quo на Балканах и в Средиземном море, но, подчёркивая отсутствие у Италии завоевательных планов, он сообщил об особой «заинтересованности» своей страны в Албании и Триполитании – регионах, куда, как известно, будет направлена итальянская экспансия в последующие годы[325]. Не обошли стороны и главный вопрос об участии Италии в Тройственном союзе. По этому поводу Принетти заверил Ламздорфа, что «возобновление Тройственного союза ни в чём не изменит общего политического положения, и что Италия менее всего склонна участвовать в комбинациях враждебных России или Франции»[326]. Таким образом, Ламздорфу не удалось спровоцировать Италию на решительный разрыв с австро-германским союзом, но уже то, что Италия твёрдо заявила о нежелании быть орудием германской политики явилось значительной победой русской дипломатии.

В последующие годы В.Н. Ламздорф продолжил курс на сближение с Италией, одновременно стремясь максимально отдалить её от Германии и Австро-Венгрии.

---

[324] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 25-26.

[325] *Яхимович З.П.* Русско-итальянские отношения в преддверии Первой Мировой войны. // Россия и Европа. Дипломатия и культура. Вып. 4. М.,2007. С. 90.

[326] *Яхимович. З.П.* Трудный диалог: возможности и перспективы сотрудничества России и Италии (1902-1909) // Россия и Италия XX век. Вып. 3. М.,1998. С. 19-20.

Об этом свидетельствуют инструкции Ламздорфа российским послам в Риме – Л.П. Урусову в 1903г. и Н.В. Муравьёву в 1905 году. Ламздорф инструктировал Урусова: «было бы желательно доказать итальянскому правительству всеми свойствами, что дружеские отношения между обеими странами продолжают быть неизменными, и, что государь император твёрдо надеется на дальнейшее и постоянное их укрепление», а Муравьёву спустя два года Ламздорф писал о необходимости «содействовать укреплению франко-итальянского сближения, как вполне соответствующему русским интересам», а также о том, что «немаловажное значение для России имеет отношение Италии к членам Тройственного союза, к Австро-Венгрии в особенности», поскольку «Россия не считает себя призванной содействовать улучшению итало-австрийских отношений»[327].

В 1903 году всё внимание российской дипломатии было приковано к Балканам и Дальнему Востоку, а на европейской арене, тем временем, наметились судьбоносные изменения, связанные с начавшимся англо-французским сближением. Весной состоялся обмен визитами между главами Великобритании и Франции: английский король Эдуард VII посетил Париж, а французский президент Лубе – Лондон. В России внимательно следили за развитием событий, и реакция на это сближение была неоднозначной. Ламздорф решил, что такое соглашение может быть даже полезным. Во всяком случае, жертвовать прочностью русско-французского союза Ламздорф был не намерен. Тем не менее, министр иностранных дел не торопился, воспользовавшись случаем, начать сближаться с Великобританией. Он считал, что это пока преждевременно, но вовсе не исключал возможности заключения соглашения с Великобританией в недалёком будущем, в случае, если из Лондона предложат приемлемые для России условия[328].

---

[327] *Мизиано К.Ф.* Русско-итальянские отношения в начале XX века. // Россия и Италия. Материалы IV конференции советских и итальянских историков. Рим. 1969. Русский и итальянский средневековый город. Русско-итальянские отношения в 1900-1914 гг. М.: Наука,1972. С.108.

[328] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С. 77.

Осенью 1903 года состоялся короткий визит В.Н. Ламздорфа в Париж, где он встречался с Делькассе и Лубе. Официальным предлогом для визита стало письмо Николая II Лубе, которое было поручено передать Ламздорфу. На самом деле, стороны обсуждали целый ряд серьёзных вопросов, включая реализацию Мюрцштегской программы и визит царя в Висбаден[329]. Французская пресса очень живо отреагировала на визит русского министра иностранных дел, собирая любую информацию об этом визите, анализируя каждую деталь и строя самые невероятные гипотезы о причинах и последствиях визита В.Н. Ламздорфа[330].

Итак, на рубеже XIX-XX вв. внешняя политика России на европейской арене вращалась, главным образом, вокруг противостоящих друг другу Германии и Франции. Заключив союз с Францией, Россия частично обезопасила себя от набирающей мощь агрессивной Германии, но, с другой стороны, приобрела союзника, надёжность которого вызывала большие сомнения, и оказалась перед угрозой втягивания в общеевропейскую войну. В.Н. Ламздорф хорошо осознавал такое неоднозначное положение, в котором оказалась Россия, поэтому выбрал тактику балансирования между двумя державами, с которыми Россию связывало множество политических, экономических и культурных нитей, любой разрыв которых был бы страшно болезненным для России. Балансируя между Германией и Францией, он успешно пресекал любые попытки манипулирования Россией или навязывания ей невыгодных соглашений. Однако так не могло продолжаться вечно. С завершением русско-японской войны новый расклад сил неумолимо поставил перед руководством страны вопрос о том, к какому лагерю в Европе примкнуть.

---

[329] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 62

[330] Подробнее о визите В. Н. Ламздорфа в Париж и о реакции французской прессы см.: *Лошаков А.Ю.* Визит министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа в Париж в 1903 году в зеркале французской прессы//Россия и мир: история, политика, культура, образование. Материалы XVI Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Москва, 16 апреля 2014 г. М., РУДН, 2014. С. 49-58.

Глава 3. Участие В.Н. Ламздорфа в разрешении кризисов на Балканах

В.Н. Ламздорф всегда хорошо понимал стратегическое значение Балканского полуострова для России, поэтому поддержание политического равновесия в данном регионе являлось для него одной из приоритетных задач.

Непростая ситуация сложилась для России на Балканах после Берлинского конгресса. На конгрессе Россия оказалась в международной изоляции, а российская дипломатия продемонстрировала свою слабость и не смогла отстоять многие выгоды и завоевания, полученные в Сан-Стефано. Молодые балканские государства – Сербия и Болгария, чьи территории по решению Берлинского конгресса были сильно урезаны по сравнению с итогами мирного договора в Сан-Стефано, начали сомневаться в способности России защитить их политические интересы. К тому же, ухудшение экономического положения и развитие революционного движения существенно снизили активность русской внешней политики на Балканах в начале 1880-х годов[331]. Ещё, будучи первым советником министерства иностранных дел, В.Н. Ламздорф предложил формировать курс внешней политики России, исходя из сложившихся обстоятельств, справедливо определив наилучший для России политический расклад на Балканах: «…для нас всегда выгодно, чтобы на Балканском полуострове были лишь небольшие государства, достаточно слабые, чтобы нуждаться в нашем покровительстве, в то время как любое государство более значительное и независимое стало бы нашим врагом»[332].

§1. В.Н. Ламздорф о ситуации в Болгарии

Дипломатические отношения между Россией и Болгарией с 1886 года прекратились по той причине, что в Болгарии, возглавляемой князем Александром Баттенбергом, а с 1887 года – князем Фердинандом Кобургским,

[331] Балканы в конце XIX- начале XX века. Очерки становления национальных государств и политические структуры в Юго-Восточной Европе/под ред. Ю. А. Писарева. М., 1991. С. 17.
[332] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891-1892. Минск, 2003. С. 67.

пришедшим к власти после череды государственных переворотов, восторжествовала проавстрийская и антироссийская политическая линия[333].

Российского императора Александра III сильно раздражало, что Баттенберг, а позже Фердинанд Кобургский предоставили Австро-Венгрии концессии на постройку железных дорог в своей стране, подчинив Болгарию австро-германскому влиянию[334], что, в свою очередь, значительно облегчило для австрийского капитала завоевание рынков всего Балканского полуострова[335].

Желая переломить ситуацию, Александр III был готов пойти на радикальные меры, например, он благосклонно отнёсся к письму от 4 октября 1886г. влиятельного издателя «Московских Ведомостей» М.Н. Каткова в отношении Болгарии. Катков предлагал опереться на связанных с Россией болгарских офицеров, готовых совершить очередной государственный переворот, и ручался за них[336]. Император Александр III оставил на письме резолюцию: «Переговорите об этом с Ванновским. Конечно, желательно поддержать этих болгарских офицеров и поощрить их».[337] Для В.Н. Ламздорфа такие методы были неприемлемы, поэтому он выступил категорически против плана М.Н. Каткова. Ламздорф считал, что такая помощь могла бы только скомпрометировать Россию[338]. Мнение своего советника поддержал министр иностранных дел Н.К. Гирс, отговоривший императора от рискованного плана.

После воцарения в Болгарии Фердинанда Кобургского, реальная власть в государстве постепенно сосредоточилась в руках президента Совета министров С. Стамболова, подчинившего себе князя Фердинанда, не имевшего твёрдых прав на престол. Властолюбивый Стамболов, ориентировавшегося на Австро-Венгрию, не пользовался поддержкой болгарского населения. Фердинанд Кобургский лавировал между различными политическими силами внутри и вне Болгарии, чтобы найти для себя точку опоры. «Болгарский Принц Кобургский не имеет

---

[333] *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. С.86.
[334] Там же, С. 21-22.
[335] История дипломатии С. 642.
[336] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 96. Л. 47-48.
[337] Там же, Л. 47.
[338] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886 -1890. С. 13.

никакой серьёзной опоры в стране и до сих пор он держался благодаря лишь безграничной уступчивости, которую соблюдал относительно Президента Совета Министров Стамбулова (так в источнике – А. Л.)», - отмечал граф Ламздорф в политическом обзоре за 1888 год[339]. Анализируя ситуацию в Болгарии, В.Н. Ламздорф отметил, что Кобург не исключает в ближайшем будущем непосредственного столкновения со Стамболовым в борьбе за власть, поэтому он стремится заручиться поддержкой болгарской армии[340].

В этих условиях у советника министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, как и у его шефа, не было чёткого ответа на вопрос, какие шаги должна предпринимать Россия в отношении Болгарии.

С одной стороны, в Санкт-Петербурге не исключали того, что выходом может стать очередной государственный переворот. Подбирались кандидаты на болгарский престол. Главными претендентами были великий князь Михаил Михайлович и принц Ольденбургский. В.Н. Ламздорф поддерживал великого князя Михаила Михайловича, собиравшегося сочетаться морганатическим браком с графиней Игнатьевой. В таком случае, предварительно отказавшись от титула великого князя, он мог бы спокойно занять болгарский престол, не нарушая пункта Берлинского трактата, которым Болгарии запрещался выбор лица, принадлежащего к одной из царствующих династий великих держав[341].

С другой стороны, В.Н. Ламздорф, вслед за своим начальником Н.К. Гирсом, многократно повторял: «Императорское правительство… не считает себя вправе подвергать Россию новым осложнениям и тяжёлым жертвам ради освобождения болгарского народа от тяготеющего над ним гнёта»[342].

Некоторое время Ламздорф продолжал подспудно подбирать кандидатов для болгарского престола. Следующим кандидатом, который, по его мнению, мог бы идеально подойти на эту роль, был князь Юрьевский, сын Александра II от морганатического брака с княгиней Долгорукой-Юрьевской. Происхождение

---

[339] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 55. Л. 4об.
[340] Там же, Л. 5.
[341] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886 -1890. С.111.
[342] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 55. Л. 5об.

князя Юрьевского позволило бы обойти пункт Берлинского трактата о родстве с царствующим домом великой державы. Кроме того, отъезд князя Юрьевского из России и утрата им его фамилии, устранили бы воспоминания о любовной связи Александра II, продолжавшей бросать тень на императорскую семью[343]. Но к 1890 году для В. Н. Ламздорфа стал очевиден тупик, в который зашла русская дипломатия в болгарском вопросе. Много размышляя над этой проблемой, граф подробно фиксировал ход своих рассуждений в дневнике. По мнению Ламздорфа, единственное, что могла бы сделать Россия в сложившихся обстоятельствах – это признать Фердинанда Кобургского на условиях, в наименьшей степени задевавших престиж России. Например, женить его на православной черногорской княжне, чтобы наследник престола был православным. Однако, мать Фердинанда, ревностная католичка, могла бы воспротивиться такому браку[344].

Разрабатывая различные комбинации в отношении Фердинанда, В. Н. Ламздорф не забывал, что реальная власть находится в руках С. Стамболова, лавирующего между великими державами, стремясь к максимальной выгоде для своего народа. Отдавая ему должное, Ламздорф называл С. Стамболова первоклассным администратором и патриотом. Пытаясь понять глубинные причины кризиса русско-болгарских отношений, В.Н. Ламздорф пришёл к выводу, что после окончания русско-турецкой войны 1877-1878гг., было большой ошибкой отдать Добруджу Румынии, вместо того, чтобы присоединить её к российским владениям, чтобы создать сухопутную границу с Болгарией. Естественно, что тогда России было бы несравненно легче заполнять болгарский рынок российскими товарами, тем самым завоёвывая там экономическое влияние. Имея общую границу, России, разумеется, было бы значительно легче в случае необходимости оказывать на Болгарию и военно-политическое давление. Также Ламздорф вынужден был признать, что серьёзной ошибкой русской политики в Болгарии было то, что она базировалась только на доверии, а не на чём-либо

[343] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886 -1890. С. 229.
[344] Там же, С.387.

более прочном[345]. Всё вышеизложенное позволяет констатировать, что В. Н. Ламздорф пришёл к единственно правильному выводу, заключавшемуся в том, что России проще и выгоднее найти с болгарским режимом взаимопонимание, чем пытаться свергнуть его или подчинять своей воле с помощью давления и угроз.

15 марта 1891г. на С. Стамболова было совершено покушение. Вскоре было совершено убийство Бельчева, ещё одного болгарского политического деятеля. Иностранная пресса обвинила Россию в организации обоих преступлений. Чтобы убедить Запад, что это не так, В.Н. Ламздорф предложил написать об этом в дипломатической почте на имя управляющего домами русского агентства в Софии, чтобы это письмо перехватили и перлюстрировали австрийцы. Тогда, по мнению В.Н. Ламздорфа, они должны были бы убедиться в непричастности России к этим преступлениям[346]. Кроме того, граф высказался за то, чтобы Россия впредь не вмешивалась в дела Болгарии, чтобы такое вмешательство не было истолковано как враждебное по отношению к болгарскому народу[347]. Россия осудила теракты и заявила, что они являются ещё одним свидетельством отсутствия порядка в Болгарии[348]. Тем не менее, легитимность болгарской власти отрицать продолжили.

В мае 1891г. С. Стамболов начал переговоры с церковью (экзархом) и Османской империей (Киамиль-паша) по вопросу признания болгарской власти. МИД России, в свою очередь, через посла Нелидова начал переговоры с Киамиль-пашой, направленные против Фердинанда Кобургского. Россия выдвигала два главных условия: 1) Баттенбергский не возвращается на престол; 2) новый болгарский князь должен быть православным (вариант – лютеранином), но не католиком[349]. В. Н. Ламздорф верил в то, что и сам С. Стамболов устал от Фердинанда Кобургского и готов его сместить, но считал, что с ним надо быть

[345] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886 -1890. С.388.
[346] Там же, С. 90.
[347] Там же, С.86.
[348] Там же, С.92.
[349]Там же, С.153-158.

очень осторожным, потому что он может дискредитировать Россию[350]. Осторожность в отношении Стамболова, учитывая его коварство, была вполне оправдана.

В конце мая российский посланник Нелидов предпринял переговоры со Стамболовым при участии болгарского экзархата, но вскоре они зашли в тупик как по причине несговорчивости Стамболова, так и из-за чрезмерно жёсткой позиции российского дипломата[351].

В июле 1891 года В.Н. Ламздорф составил объёмную записку, названную архивистами «Записка о Тройственном союзе», черновик которой отложился в личном архивном фонде В.Н. Ламздорфа[352]. На самом деле, в центре внимания автора записки находится Болгария, политическая ситуация внутри и вокруг неё. Начинается записка с констатации факта, что возобновление Тройственного союза и возможное присоединение к нему Великобритании создало в Европе ситуацию политического напряжения, которая пока не угрожает войной, но ставит под угрозу безопасность и процветание государств. Далее в записке Ламздорф задаётся вопросами почему европейские державы разделяются на вооружённые лагеря, вместо того, чтобы поддерживать status quo и modus vivendi, что в большей степени соответствовало бы их национальным интересам. Если же несколько Великих держав объединяются в союз с целью сохранения мира, что делать державам, оставшимся вне союза, опасаться за свою безопасность или объединяться? Отвечая на эти вопросы, Ламздорф пришёл к выводу, что Россия может рассматривать Тройственный союз в качестве своего рода дани уважения своей громадной мощи, поскольку ни одна страна в мире не является столь могущественной, чтобы противостоять России изолированно. С другой стороны, многие государства стремились сближаться с Россией и вставать под её защиту. Ламздорф полагал, что, правильно используя своё положение в мире, Россия могла пойти навстречу государствам, которые её боялись и указать всем державам выход из ненормальной ситуации, связанной с недоверием и

[350] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886 -1890. С.165.
[351] Там же, С. 171, 176.
[352] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 50.

состоянием неопределённости, которая рано или поздно приведёт к глобальному потрясению[353].

Обращаясь к истории вопроса, Ламздорф констатировал, что Берлинский конгресс урегулировал некоторые спорные вопросы и установил принципы, которые могли бы служить основой в отношениях между европейскими державами, но за 13 лет, прошедших с тех пор, договор многократно нарушался под различными предлогами и общая ситуация в мире существенно изменилась. Однако, писал Ламздорф, в интересах держав, подписавших Берлинский договор, действовать сообща. Точкой приложения совместных усилий держав могла бы стать Болгария, по мнению Ламздорфа – самое уязвимое место во внешней политике России[354].

Переходя к отношениям с Болгарией, Ламздорф отмечал, что переговоры со Стамболовым и его правительством, также как расчёты, основанные на его возможном свержении, оставляют очень мало шансов на успех и несовместимы с достоинством России, но совсем ими пренебречь нельзя. С другой стороны, все старания признать принца Фердинанда в качестве легитимного правителя Болгарии, как и возможное провозглашение независимости Болгарии вопреки воле России, поставило бы российскую дипломатию в тупик и грозило бы значительными сложностями. В такой ситуации Ламздорф считал необходимым как можно быстрее восстановить отношения с княжеством, обязанным России своим существованием, внедрив туда агентов России, что, по мнению Ламздорфа, было бы не так сложно сделать, но чего так опасаются недоброжелатели России. Ламздорф отмечал, что, если бы удалось это сделать, Россия могла бы признать объединение Болгарии с Восточной Румелией, заявив державам, что Россия, будучи верна своей подписи на Берлинском конгрессе, не считала возможным признавать объединение Болгарии, но, поскольку державы не противятся этому свершившемуся факту, Россия требует закрепить его формально. Первый советник МИД полагал, что подобная инициатива со стороны России произвела

[353] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 50.Л. 1-2
[354] Там же, Л.2-2об.

бы наилучшее впечатление на болгар. Затем Ламздорф советовал признать Фердинанда Кобургского правителем Болгарии, с оговоркой, что Россия не считала его приход к власти законным, но сейчас делает уступку, дабы положить конец плачевному состоянию, в котором находится Болгарское княжество. Тем не менее, требование о крещении наследника болгарского престола в православие должно было сохранить свою силу. В итоге, согласно замыслу Ламздорфа, Россия на абсолютно законных основаниях восстановила бы нормальные отношения с Болгарией, а все недоброжелатели оставались бы в недоумении[355]. В заключительной части записки Ламздорф вновь возвращался к ситуации в Европе, предлагая, опираясь на Францию, предложить всем европейским державам договор о поддержании в Европе глобального status quo и modus vivendi[356].

Следует отметить, что записка Ламздорфа «О Тройственном союзе» не является детально продуманным и проработанным документом. Более того, записка недостаточно структурирована, её можно даже назвать сумбурной. При чтении записки логическая связь между её частями, особенно теми, которые касаются общеевропейской политики и русско-болгарских отношений, порой теряется. Тем не менее, в записке изложены важные идеи, в дальнейшем составившие основу политического курса Ламздорфа – это сохранение существующего положения вещей и баланса интересов держав, сохранение мира в Европе, разрешение конфликтов между державами мирным путём. Что же касается Болгарии, то, как мы увидим, дальнейшие шаги Ламздорфа в отношении этой страны в своей основе опирались на принципы, изложенные в записке – нормализация отношений между Россией и Болгарией, восстановление там российского влияния и признание Фердинанда Кобургского правителем Болгарии при условии крещения его сына, наследника престола, в православную веру.

В 1892 году произошло очередное обострение ситуации на Балканах. Назревала угроза войны между Болгарией и Сербией. Чтобы этого не допустить, Россия, совместно с Францией, обратилась к Турции (сюзерену Болгарии) с

[355] ГАРФ Ф. 568. Оп. 1. Д. 50. Л.2об – 3об.
[356] Там же, Л. 3 об- 4об.

просьбой сделать жесткое предупреждение Софии. В.Н. Ламздорф считал, что к этому обострению могли привести козни Австро-Венгрии, заинтересованной в вытеснении России из этого региона[357]. Продолжая внимательно следить за событиями в Болгарии, он стал приходить к убеждению, что Кобург формирует свою партию, но пока ему по-прежнему нужна будет поддержка Стамболова, в случае смерти которого, он может быть свергнут революционерами. Стамболов, полагал граф, будет стремиться поддержать status quo, поскольку сложившееся положение вещей его вполне устраивает, ему льстит внимание всей Европы, и он чувствует себя почти Бисмарком[358].

Осознавая прочность болгарского режима, Ламздорф все более склонялся к мысли о том, что Россия вполне могла бы признать принца Кобургского в качестве законного болгарского монарха. Даже его католическое вероисповедание не наносило, по большому счёту, ущерба Болгарии и интересам России. Ламздорф выступал за признание принца при единственном условии: наследник престола должен быть православным. По мнению Ламздорфа, после его официального признания Россией, Ф. Кобургский отправил бы С. Стамболова в отставку и позволил бы России вернуться в Болгарию на правах главного партнёра. Косвенно правоту В. Н. Ламздорфа подтверждало то, что Фердинанда Кобургского официально отказалась признавать даже Австрия, а представитель Италии заявил болгарскому послу, что ни одна европейская держава не решится поссориться с Россией из-за Болгарии[359]. Эти соображения Ламздорф изложил директору Азиатского департамента МИД Зиновьеву в апреле 1892 года. Ход мысли Ламздорфа оказался верным, но его задумки ещё долго ждали своего воплощения.

Летом 1895 года в Петербург пришло известие о смерти С. Стамболова от ранения, полученного им во время очередного покушения. В.Н. Ламздорф отметил это событие в своём дневнике, сожалея о кончине человека, которого считал патриотом, выразив надежду на то, что со смертью Стамболова русско-

[357] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1890 -1892. С.260.
[358] Там же, С. 293.
[359] Там же, С.372-373.

болгарские отношения наладятся быстрее[360]. Ламздорф не ошибся в своих прогнозах, и в феврале 1896 года Борис, наследник болгарского престола, был крещён в православную веру. Его крестным отцом стал российский император Николай II. Сразу после этого, в Петербурге была составлена телеграмма на имя посла в Константинополе Нелидова. В этой телеграмме говорилось, что Россия больше не видит никаких препятствий к признанию болгарского князя всеми державами, подписавшими Берлинский трактат[361]. Дипломатические отношения России и Болгарии были восстановлены.

Таким образом, бескомпромиссная политика в отношении Болгарии, которой первоначально придерживались в Санкт-Петербурге, оказалась несостоятельной. Напротив, политика компромиссов, активным сторонником которой в течение ряда лет выступал В. Н. Ламздорф, принесла наиболее ощутимые плоды.

§2. В.Н. Ламздорф о сложностях в русско-сербских отношениях

Ситуация, аналогичная болгарской, сложилась в Сербии, находившейся под властью короля Милана Обреновича. Отношения России и Сербии были дружественными до 1878 года, когда сербский король Милан Обренович, разочарованный неспособностью России защитить на Берлинском конгрессе притязания Сербии в сфере территориального разграничения, начинает в своей политике ориентироваться на Австро-Венгрию[362].

Как известно, в 1885 году король Милан, склонный в своей политике к авантюрам, спровоцировал военный конфликт с Болгарией, в котором Сербия потерпела поражение после сражения при Сливнице. Война, показавшая пагубность политического курса короля Милана, вместе с ухудшением экономического положения в стране, укрепила позиции оппозиции. Популярность завоевала ориентирующаяся на Россию радикальная партия. Первоначально в

[360] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. М., 1991. С. 231.
[361] Там же, С. 374-376.
[362] Там же, С.39.

правящих кругах России к «радикальной партии» относились настороженно и даже негативно из-за её «революционного» и «нигилистического» духа, но со временем отношение к ней стало меняться. Россия стала оказывать «радикалам» поддержку за их твёрдую антиавстрийскую позицию[363].

Все обозначенные выше особенности политического развития Сербии нашли своё отражение в «Политическом обзоре за 1888 год», составленном первым советником МИД В.Н. Ламздорфом. В документе указывалось, что результаты выборов в Великую скупщину в Сербии «дают ясное понятие о том, насколько политика, которой держался в последние годы король Милан, мало соответствовала стремлениям сербского народа. Посылая в скупщину почти одних представителей оппозиции, сербский народ выражал порицание королю не за то или другое проявление незаконного образа его действий, не именно за развод с королевой Наталией, но за искажение всей политической жизни народа, за подчинение не только его национальных стремлений, но и жизненных интересов выгодам чужеземной державы»[364].

В 1887-1888 гг. русский посланник Персиани неоднократно получал от оппозиционных королю Милану кругов информацию о готовности совершить государственный переворот, но, руководствуясь инструкциями из Петербурга, запрещавшими вмешиваться во внутренние дела Сербии, всякий раз отказывал в поддержке такого рода замыслов[365], потому что, как указывал В.Н. Ламздорф: «императорское правительство надеется, что король и вожаки народной партии смогут сохранить Сербию от смут»[366].

В феврале 1889 года король Милан отрёкся от престола в пользу своего 12 летнего сына Александра, мотивировав своё решение «потерей авторитета у народа и отсутствием поддержки партий»[367]. К власти пришла радикальная партия.

---

[363] Балканы в конце XIX-начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С.18.
[364] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 55. Л. 3об. - 4.
[365] *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. С. 102.
[366] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.
[367] *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. С. 106.

Решение Милана об отречении благоприятно сказалось на русско-сербских отношениях. В марте 1889г. граф Ламздорф констатировал, что влияние России в Сербии восстанавливается[368]. Однако влияние Австро-Венгрии сохранялось, более того, ей удалось навязать Сербии продление договора 1881г. до совершеннолетия Александра, то есть до 1893 года[369].

Новое обострение русско-сербских отношений произошло в 1894 году, и было вызвано возвращением бывшего короля Милана в Белград. В.Н. Ламздорф по этому поводу писал: «Новости из Сербии далеко не хороши. Обстановка здесь осложняется, и весьма нелегко заниматься какими-либо предсказаниями относительно предстоящего развития событий. Молодой король Александр отныне не вызывает у нас большого доверия, и всё же очень важно не слишком нажимать на него, чтобы не создать себе ещё одного противника на Балканах, отбросив Александра в объятия Австрии. Милан, по всей вероятности, не уберётся из страны, не получив за это соответствующего вознаграждения»[370].

Сербские власти решили уладить с Россией этот щекотливый вопрос. В Санкт-Петербург был отправлен сербский посланник Симич с объяснительным письмом от короля Александра. Помощник Н.К. Гирса, В.Н. Ламздорф, подготовил телеграмму в адрес посланника России в Сербии Персиани, чтобы он проинформировал сербов о том, что успех миссии Симича будет напрямую связан с удалением короля Милана из Белграда[371]. Император, в свою очередь, заявил, что вообще не примет Симича до отъезда Милана[372]. Такая позиция царя расстроила Ламздорфа, так как это противоречило прежнему решению о приёме сербского посланника[373]. Таким образом, Симичу было отказано во въезде в Россию. Сербскому посланнику оставалось только выразить сожаление и надежду на то, что «Государю Императору благоугодно будет сохранить и на будущее время к королю Александру и Сербии то драгоценное сочувствие и ту

[368] *Ламздорф В.Н*. Дневник 1886-1890. С. 179.
[369] *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. С. 107.
[370] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 23.
[371] Там же, С. 34.
[372] Там же, С. 36
[373] Там же.

могущественную поддержку, которое его Императорское Величество оказывал до сих пор»[374].

Россия в такой ситуации могла оказать давление на сербов дипломатическими средствами, но русские дипломаты опасались, что такие меры могут привести к самым неожиданным и неприятным для России последствиям, включая провозглашение в Сербии республики[375].

К счастью, активное вмешательство России во внутренние дела Сербии не понадобилось, потому что под давлением оппозиционной сербской общественности, Милан был вынужден покинуть Белград[376].

Таким образом, отношения России и Сербии нормализовались. Когда в 1895г. на Балканах была сложная ситуация из-за восстания на Крите, король Александр попросил помощи у России в вооружении сербской армии[377]. Стремясь доказать своё дружеское отношение к России, король Александр отказался от возобновления военной конвенции с Австро-Венгрией, срок которой истёк в 1894г. Более того, король передал русскому посланнику текст этого сверхсекретного документа[378].

Как мы видим, и в случае Сербии умеренная и осторожная позиция, которую занимал В.Н. Ламздорф, оказалась наиболее плодотворной. Тем не менее, нельзя забывать, что удаление Милана являлось только временной мерой, способствовавшей нормализации обстановки в Сербии. Новый король Сербии Александр, сын Милана, взойдя на престол, доставит России ещё немало неприятностей, устранять которые придётся В.Н. Ламздорфу, дослужившемуся к тому моменту до поста министра иностранных дел.

---

[374] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С.38.
[375] Там же, С. 50.
[376] *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. С.112
[377] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 347.
[378] Там же, С. 359.

§3. В.Н. Ламздорф и русско-австрийский договор 1897 года

Самым важным событием, относящимся к политике России на Балканах за период пребывания В. Н. Ламздорфа в должности товарища министра иностранных дел, безусловно, является соглашение России и Австро-Венгрии о поддержании status quo на Балканах, заключённое в апреле 1897 года в ходе визита императора Франца-Иосифа и министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховского в Санкт-Петербург. Как обычно, всю подготовительную часть дипломатической работы, связанной с подписанием русско-австрийского соглашения возложил на себя В.Н. Ламздорф. Переговоры продемонстрировали заинтересованность обеих сторон в поддержании на Балканах существующего положения. Совпадение позиций сторон именно по этому пункту и стало основой русско-австрийского соглашения. Его формой явился обмен нотами министров иностранных дел Австро-Венгрии и России с австрийским послом в Петербурге Лихтенштейном. К соглашению сторонам удалось прийти только по одному пункту - о поддержании status quo. Переговоры по остальным вопросам зашли в тупик из-за непреодолимых расхождений во взглядах сторон[379].

Как отметил известный историк международных отношений В.М. Хвостов, реальное значение русско-австрийского договора 1897 года заключалось в том, что обе стороны были заинтересованы «заморозить» «восточный вопрос», потому что Австро-Венгрия находилась в очередном кризисе, а для России необходимо было иметь свободные руки для активизации политики на Дальнем Востоке[380].

§4. Политика В.Н. Ламздорфа в период кризиса на Крите

В 1896 г. начался новый кризис – восстание на острове Крит. Оно началось в марте, а в мае восставшие обратились за помощью к Греции. Реакция на эти события, как свидетельствует граф В.Н. Ламздорф, была неоднозначной.

---

[379] *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. С. 192-194.
[380] История дипломатии. С. 686.

Преемник Н. К. Гирса на посту министра иностранных дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский считал, что требуется сохранить status quo, а посланник в Греции М.К. Ону считал, что Россия должна занять жёсткую позицию в отношении Турции, иначе она потеряет поддержку местного греческого населения.

Критяне с самого начала восстания возлагали большие надежды на Великие державы и, прежде всего, на Россию. В Санкт-Петербург даже прибыла делегация от восставших критян, но им заявили, что сохранить расположение России к себе они могут только «спокойствием и терпением». В конце мая 1896 года Великие державы, обеспокоенные насилием на Крите, потребовали от Турции проведения реформ на острове, состоявших в расширении прав христианского населения. Султан обещал провести реформы на Крите - назначить губернатора христианина, судей христиан, реформировать жандармский корпус и т. д., но все эти обещания оказались невыполненными. Осенью 1896 года Великие державы приняли решение вмешаться в конфликт и направить в критские воды свои военные корабли. Россия также отправила на Крит несколько военных кораблей. Возглавил отряд русских кораблей контр-адмирал Н.И. Скрыдлов[381].

В 1897 году в дела Крита вмешалась Греция. Открыто поддержав повстанцев, греческое правительство отправило на Крит свои войска. Великие державы, в том числе Россия, были сильно обеспокоены угрозой войны, которая из-за слабости Греции могла привести к её поражению. Российская дипломатия в сложившейся ситуации выбрала тактику сохранения status quo, предлагая сохранить Крит в составе османских владений, наделив его значительной автономией. Чтобы сохранить спокойствие на острове, министр иностранных дел Муравьёв, сменивший умершего А.Б. Лобанова-Ростовского, и В.Н. Ламздорф, ставший товарищем министра иностранных дел, предложили высадить на Крите десанты войск великих держав.

В апреле 1897 года Греция, несмотря на предупреждения держав, начала военные действия против Турции, но уже в мае запросила помощи в заключении мира. Оказав политическое давление на Турцию, державы не позволили Турции

[381] *Соколовская О.В.* Россия на Крите. С. 17-20.

полностью разгромить Грецию. В качестве ответного шага, Греция согласилась убрать свои войска с Крита, при условии, что остров получит автономный статус[382].

Несмотря на присутствие во всех крупных населённых пунктах Крита военных гарнизонов держав, беспорядки там продолжались. Больше всего неприятностей державам доставляли банды мусульман-башибузуков, нападавших как на мирных греков, так и на солдат держав. Больше всех от башибузуков пострадали английский и французский отряды, в которых были убитые и раненные. В ответ, англичане подвергали пленённых башибузуков смертной казни. Что же касается российского гарнизона, то В.Н. Ламздорф в письме Скрыдлову призвал его по возможности воздерживаться от принятия крайних мер. Тем не менее, Ламздорф решительно поддержал идею усиления российского военного присутствия на Крите. Однако просил не посылать корабли с военными на Крит через Босфор, чтобы не требовать разрешение на это от Турции.

В октябре 1898 года, с целью предупреждения новых беспорядков, Англия, Франция, Россия и Италия потребовали от Турции вывести свои войска с Крита. Против этого решения выступила только Германия под предлогом того, что критские мусульмане имеют те же права, что и христиане. А в декабре на Крит прибыл уполномоченный держав – греческий принц Георг, назначенный верховным комиссаром Крита[383].

Между Ламздорфом и принцем Георгом сложились непростые отношения. В сентябре 1900 года Георг посетил Санкт-Петербург, встретившись с Ламздорфом и Николаем II. Во время беседы с Ламздорфом Георг всячески подводил нового министра иностранных дел к идее присоединения Крита к Греции или, как минимум, ещё большего расширения автономии острова. Ламздорф, считавший существующую ситуацию вполне приемлемой, с неохотой обещал обсудить эту идею с императором. Позже, во время встречи с Николаем II, Георг якобы получил от него некоторые неопределённые устные гарантии, на которые

[382] *Соколовская О.В.* Россия на Крите. С. 27-28.
[383] Там же, С. 53-59.

ссылался как на вполне твёрдые в столицах других великих держав. В итоге, Ламздорфу потребовалось составлять специальную записку, в которой оговаривалось, что Россия желает сохранения status quo[384]. Отдельно позицию России по критскому вопросу пришлось разъяснять и турецким властям[385]. Посетив столицы великих держав, принц Георг так и не смог заручиться поддержкой в вопросе о присоединении Крита к Греции. Ламздорф был этим весьма доволен, о чём сообщил в письме В.С. Оболенскому, товарищу министра иностранных дел, от 3 декабря 1900 года[386].

Принципы, на которых базировалась русская политика в отношении Крита в последующие годы, В.Н. Ламздорф изложил в конце 1902 года новому посланнику в Афинах Ю.Н. Щербачёву: 1) Россия готова была бы содействовать присоединению Крита к Греции, но только при условии согласия всех великих держав. 2) Созданный на Крите порядок вещей вполне благоприятен для политического развития острова. 3) В таких условиях единственно правильной политикой для Греции было бы выжидать и не вызывать осложнений на острове[387].

Постепенно Ламздорф стал дистанцироваться от проблем Крита, особенно заметно это стало после начала русско-японской войны. Министр в переписке с послом в Константинополе И.А. Зиновьевым высказывал мысли о необходимости эвакуации русского контингента с Крита в случае повторного обострения ситуации на острове. Ламздорф считал, что, в условиях русско-японской войны, у России есть более насущные задачи, поэтому принимать участие в преодолении очередных политических затруднений на Крите не в интересах России. И. А. Зиновьев не разделял взглядов Ламздорфа, полагая, что потеря Крита вызовет политические затруднения. В итоге, было принято решение сохранить военное присутствие на Крите[388]. Таким образом, критский вопрос перешёл по наследству к новому министру иностранных дел А.П. Извольскому.

---

[384] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С. 216-217.
[385] Там же, С. 219
[386] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 280. Л. 6-7об.
[387] *Соколовская О.В.* Россия на Крите. С. 86.
[388] Там же, С. 92.

§5. Дипломатические усилия В.Н. Ламздорфа по разрешению кризиса в Македонии

Самой острой проблемой на Балканах, с которой пришлось столкнуться Ламздорфу, безусловно, являлась ситуация, сложившаяся в трёх балканских вилайетах Турции - Солунском, Коссовском и Монастырском, которые вместе составляли историческую область Македония. Регион охватили кровавые беспорядки, главной причиной которых стали накопившиеся между христианским и мусульманским населением противоречия.

В 1893 г. для борьбы с османским владычеством в Македонии была создана революционная организация, вскоре распавшаяся. В 1895 г. один из осколков этой организации оформился в Верховный македонский комитет с центром в Софии. Именно действия этого комитета по заброске на территорию Македонии вооружённых отрядов в наибольшей степени способствовали разжиганию смуты в Македонии в 1902г. Параллельно македонские комитеты были созданы на территории Греции и Сербии[389].

На территории самой Македонии Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО) на своём съезде в Салониках в 1896 году приняла решение формировать комитеты. С 1898 года македонские комитеты стали создавать постоянные вооружённые отряды – четы. Четниками становились как идейные революционеры, так и обыкновенные разбойники. Различные отряды македонских четников, несмотря на поддержку из Болгарии, Сербии и Греции, предпочитали жить за счёт поборов с местного населения. С местными жителями, проявлявшими недовольство революционными порядками, четники жестоко расправлялись вне зависимости от религиозной принадлежности. Часто от действий македонских революционеров страдали христиане, особенно

[389] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С.184-186

относившие себя к Константинопольскому патриархату. Между тем, все свои преступления четники предпочитали списывать на зверства турецких властей[390].

Обострение ситуации в Македонии, вызванное активизацией пропаганды македонских комитетов, стало заметно уже в самом начале 1902 г. О реакции России на македонские события сообщал 28(15) февраля из Петербурга министру иностранных дел Франции М. Делькассе посол Монтебелло. Французский посол отметил хладнокровие российских властей, с которым они рассматривают ситуацию на Балканах. Он также сообщил, что граф В.Н. Ламздорф, полностью владеющий ситуацией, уверен, что Болгария приняла все предосторожности против агитаторов, но справиться с революционной организацией будет не просто. Особую надежду на разрешение ситуации посол Монтебелло связывал с совместными действиями России и Австро-Венгрии - странами ответственными за поддержание там стабильности согласно договору 1897 года[391].

27 (14) марта посол Монтебелло сообщил Делькассе, что снова имел возможность переговорить с графом Ламздорфом относительно революционной агитации в Болгарии и Македонии. В.Н. Ламздорф заверил французского посла, что российские власти постоянно находятся в контакте с Константинополем и с Софией. Россия, по словам Ламздорфа, постоянно призывала Турцию и Болгарию к сдержанности и благоразумию. В.Н. Ламздорф также сообщил Монтебелло, что Болгария заявила, что предпринимает всё возможное, чтобы пресекать революционную агитацию македонских комитетов, но жаловалась на сложности, вызванные тяжёлым финансовым положением. Турецкие меры борьбы с агитацией комитетов Ламздорф считал чрезмерно репрессивными. По итогам переговоров, Ламздорф и Монтебелло договорились совместно заявить о чрезмерности турецких репрессий османскому правительству[392].

Существенную обеспокоенность положением, сложившимся в Македонии, российские власти стали испытывать с осени 1902 года. 3декабря (20 ноября)1902

---

[390] *Ямбаев М.Л.* Четы Внутренней македонской революционной организации на начальном этапе деятельности//Славяноведение. – 2006. – №1. – С. 23-25.

[391] Documents diplomatiques. Affaires de Macédoine. Paris, 1903. P.1-2.

[392] Ibid., P. 10-11.

года в «Правительственном Вестнике» было опубликовано сообщение относительно положения, сложившегося на Балканах. Известно, что министр иностранных дел В.Н. Ламздорф предпочитал, при необходимости, лично редактировать все важные правительственные сообщения, касающиеся внешней политики. Данное сообщение относилось именно к их числу. В нём констатировалось, что «положение дел на Балканском полуострове … не исключает возможности серьёзных осложнений», тем не менее, высказывалась надежда на то, что благодаря «своевременно принятым мерам и вследствие наступления зимнего периода» волнение в Македонии не будет иметь дальнейшего распространения. В документе также сообщалось, что российское правительство незамедлительно сделало Турции представления, в которых указало на необходимость скорейшим образом провести преобразования административного строя Македонии, направленные на улучшение быта православного населения. В сообщении подчёркивалось, что «Императорское Правительство уже не раз имело случай высказывать взгляд свой на македонский вопрос, осуждая всякие попытки славянских народностей к *насильственному* (выделено в тексте –А.Л.) изменению существующего на Балканском полуострове порядка вещей, обеспеченного международными трактатами». В этой связи, в документе высказывалась надежда на то, что славянские государства, равно как и Турция, последуют советам российского правительства с целью предотвратить дальнейшее развитие смуты, дабы избежать опасных осложнений[393].

Дальнейшие действия, направленные на урегулирование ситуации в македонских вилайетах Турции, предпринятые министром иностранных дел России В.Н. Ламздорфом, практически целиком соответствуют мерам, перечисленным в правительственном сообщении. Так, например, в депеше от 4 декабря (21 ноября) 1902 года, посол в Константинополе И. Зиновьев сообщает о глубоком впечатлении, которое произвели на султана представления, сделанные ему русским послом по распоряжению министра иностранных дел. Далее, Зиновьев обещал контролировать предоставление христианам гарантий,

[393] Реформы в Македонии 1902-1903. Дипломатическая переписка. СПб.,1906. С. 1-3.

защищающих от административного произвола[394]. В одной из следующих депеш Зиновьев уточняет, о чём именно идёт речь: 1) расширение полномочий местных властей по наведению порядка, 2) упорядочение личного состава полиции и жандармерии, 3) наладить финансирование органов местной власти из доходов провинции, 4) разрешить населению христианских деревень иметь свою сельскую стражу, 5) обуздать своеволие албанских отрядов, грабящих христиан[395].

Вскоре В.Н. Ламздорф принял решение лично отправиться в турне по Балканам, дабы от имени императора Николая II донести до властей Сербии и Болгарии позицию России по македонскому вопросу. Очевидно, министр иностранных дел полагал, что в разговорах с глазу на глаз с сербским королём Александром и болгарским князем Фердинандом это можно будет сделать обстоятельнее и убедительнее, нежели посредством переписки или через посредников. Уникальные факты и детали дипломатической миссии графа Ламздорфа на Балканах приводит в своих мемуарах А.А. Савинский, в то время занимавший должность первого секретаря МИД и являвшийся одним из самых доверенных сотрудников министра иностранных дел, который сопровождал В.Н. Ламздорфа во всех деловых поездках. Согласно воспоминаниям Савинского, балканскому турне Ламздорфа предшествовал довольно большой подготовительный этап.

Первоначально, были высказаны различные мнения о пункте назначения и целях предстоящего вояжа министра иностранных дел, хотя необходимость самой поездки, на фоне всё новых сообщений о кровопролитии в Македонии, никто не оспаривал. Посол в Австро-Венгрии, П. Капнист, рекомендовал командировать Ламздорфа в Вену, дабы согласовать позиции России и Австро-Венгрии по ситуации на Балканах в личных переговорах с Императором Францем-Иосифом и австрийским министром иностранных дел графом А. Голуховским[396]. С таким же

[394] Реформы в Македонии 1902-1903. С. 3-4.
[395] Там же, С. 9-11.
[396] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P.28

упорством посол в Константинополе И. Зиновьев настаивал на визите Ламздорфа в столицу Турции[397].

Неожиданно, намечавшееся турне Ламздорфа чуть не было сорвано самим Николаем II. Шокированный приходившими в Петербург известиями о злодействах турецких властей, император предложил своему министру иностранных дел подумать об организации против Турции военно-морской демонстрации в Средиземном море. Графу Лаздорфу удалось отговорить императора, указав на то, что, несмотря на необходимость для России защищать балканских славян, ради спасения которых России уже доводилось проливать кровь, надо не забывать об угрозе столкновения с Великобританией и о том, что подобные односторонние действия России не одобрит её ближайшая союзница – Франция. Ламздорф обратил внимание Николая II на то, что военно-морская демонстрация против Турции ослабит русский флот на Дальнем Востоке, чего, в связи со складывающейся там обстановкой, допускать нельзя. Граф высказался решительно против даже коллективных военно-морских демонстраций в отношении Турции, так как в этом случае не обошлось бы без ввода иностранных военных кораблей в Проливы, что для России было бы весьма нежелательным[398].

Во время этого разговора с императором у министра иностранных дел созрел план путешествия из Константинополя в Вену через Белград и Софию. Такой тур казался Ламздорфу максимально своевременным, хотя у него возникали сомнения в уместности его пребывания в Софии и Белграде. В итоге, Ламздорф всё же пришёл к выводу, что посещение Сербии и Болгарии необходимо, так как Австро-Венгрия расположена к России дружественно, а перед Сербией Россия в долгу из-за того, что уделяла ей слишком мало внимания. Охлаждения в отношениях с Сербией дошли до того, что Николай II отказался принимать в Ливадии сербского короля Александра с супругой королевой Драгой. Император согласился со всеми аргументами графа Ламздорфа[399]. Однако вскоре сам В.Н. Ламздорф внёс коррективы в свои планы в связи с докладом посла в Константинополе

[397] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P.29.
[398] Ibid., P.29-30.
[399] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 30.

И. Зиновьева, сообщившего, что султан Абдул-Гамид в ходе переговоров с ним давал российской стороне по вопросу реформ в Македонии чрезвычайно расплывчатые ответы. Получив доклад посла И. Зиновьева, Ламздорф принял решение не ехать в Константинополь, а использовать свой визит в Австрию, Сербию и Болгарию в качестве инструмента давления на Турцию, рассчитав, что неловкое положение, в которое его визит поставит султана, может стать необходимым стимулом для последнего, чтобы начать реформы в Македонии[400].

Перед началом турне В.Н. Ламздорфа по Балканам, была составлена полная программа, содержащая список уступок, требовавшихся от Турции в пользу славянского населения[401].

6 (19) декабря 1902 года отмечалось тезоименитство Николая II. В.Н. Ламздорф вместе со своим ближайшим сотрудником А. Савинским присутствовали по этому поводу на торжественном богослужении, а затем были приглашены на званый обед в Ливадийский дворец. Следующим утром 7(20) декабря В.Н. Ламздорф и А.А. Савинский выехали из Ялты в Симферополь на лошадях, а оттуда на специальном поезде в сторону австрийской границы до станции Волочиск, куда прибыли 9(22) декабря. Там министра иностранных дел ожидал австрийский поезд. На нём Ламздорф отправился в Будапешт, прибыв туда 10 (23) декабря[402]. В Будапеште В.Н. Ламздорф пробыл около суток. Как сообщала газета «Le Temps», министр, чувствуя себя очень уставшим, решил задержаться в столице Венгрии для отдыха. Желая сохранить инкогнито, Ламздорф никого не принимал в гостинице, сделав исключение для генерального консула России. Во второй половине дня он совершил прогулку по городу в экипаже. Министру не удалось долго сохранять инкогнито. Новость о его прибытии быстро распространилась по городу и вскоре гостиницу, где остановился Ламздорф, осаждала многочисленная любопытствующая публика[403]. Достоверность газетного сообщения подтверждает собственноручное письмо

---

[400] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 31.
[401] Ibid., P. 31.
[402] Ibid.
[403] Le Temps. – 1902. – 25. 12.

Ламздорфа послу в Вене П.А. Капнисту от 11(24) декабря из Будапешта, в котором министр сообщает некоторые подробности своей поездки, планы на следующие дни и жалуется на недомогание, преследующее его с самого отъезда из Ялты, и усталость[404].

Из Будапешта 11 (24) декабря министр иностранных дел отбыл в Белград. В столицу Сербии поезд прибыл в тот же день, около 23 часов. В Белграде министр иностранных дел провёл ночь в здании российского посольства, а на следующее утро 12 (25) декабря на специальном поезде, предоставленном королём Сербии, В.Н. Ламздорф отправился в город Ниш, где в это время находился сербский королевский двор. На каждой станции толпы народа приветствовали русского министра иностранных дел. В его честь произносились торжественные речи и ему вручались приветственные адреса. На вокзале Ниша графа Ламздорфа встречали сенатор Гвоздич и адъютант сербского короля Милич. Встреча министра иностранных дел России получилась максимально церемонной. По дороге в королевский дворец, который ещё не так давно был резиденцией турецкого губернатора, эскорт Ламздорфа составляли высшие сановники сербского королевства[405].

Вечером того же дня граф Ламздорф был принят королём Сербии. Аудиенция началась в пять часов вечера и продолжалась более двух часов. Король Александр спросил Ламздорфа о его намерениях в отношении Македонии и думает ли он дать Македонии автономию. Министр ответил, что в настоящее время об автономии Македонии говорить рано и следует решать те проблемы, которые являются неотложными. Ламздорф сообщил королю, что российская сторона желает сохранения status quo в Македонии одновременно с введением некоторых улучшений. На вопрос короля Александра, какие это могут быть улучшения, министр иностранных дел ответил, что этот вопрос ещё не вполне решён и сообщил королю, что русскому послу в Константинополе поручено совместно с австрийским коллегой составить план реформ, которые будут удовлетворять

[404] ГАРФ. Ф. 568. Оп.1. Д. 279. Л. 8-11.
[405] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 32-33.

самые неотложные нужды Македонии. После этого В.Н. Ламздорф предложил королю изложить позицию Сербии по македонскому вопросу и обещал сделать всё возможное, чтобы согласовать позицию Сербии с общим планом реформ. В ответ король Александр изложил Ламздорфу четыре пункта, которые, по мнению Сербии, было необходимо выполнить в Македонии: 1) удалить албанцев из Македонии, предоставив им преимущества и компенсации где-нибудь на другой территории; 2)ввести греков, болгар и сербов в административный аппарат тех вилайетов Турции, в которых проживают представители этих национальностей; 3) если невозможно полностью обойтись без турецких войск в европейских вилайетах Османской империи, то они должны быть набраны из уроженцев азиатских, но, ни в коем случае, не европейских провинций Турции; 4)усовершенствовать работу судов[406]. Кроме того, В.Н. Ламздорф указал королю Александру на рискованность его политики и отговаривал его от военных приготовлений противТурции[407]. Министр предупредил Александра Обреновича об угрозе революции и порекомендовал ему смягчить политический режим, отметив, что население недовольно внешней и внутренней политикой короля[408]. Пренебрежение короля Александра предупреждениями В.Н. Ламздорфа оказалось фатальным для всей династии Обреновичей[409].

По завершении аудиенции, в королевском дворце Конак, представлявшем из себя двухэтажный деревянный особняк, был дан торжественный ужин в честь графа В. Н. Ламздорфа, на котором присутствовали как представители высшей сербской знати, так и иностранные дипломаты[410].

13(26) декабря в 11 часов утра Ламздорф покинул Ниш и отправился в Болгарию. На болгарской границе на станции Цариброд министра иностранных дел дожидался поезд, предоставленный болгарским князем Фердинандом. На вокзале в Софии, куда поезд прибыл в 16 часов вечера, Ламздорфа встречал

---

[406] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P.33-34.
[407] *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия 1888-1903. С. 43.
[408] Балканы в конце XIX-начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 27.
[409] *Нюркаева А.З.* Майский переворот 1903г. в Сербии (его причины и последствия). Вопросы истории. – 1977. – № 7. – С. 68.
[410] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 35.

специально уполномоченный по этому случаю князем Фердинандом генерал Николаев, а также различные болгарские депутации и почётный караул. Оркестр исполнил гимн России. Князь Фердинанд встретил графа Ламздорфа на ступенях своего дворца и лично проводил министра в покои, отведенные для него на время его трёхдневного пребывания в Софии[411]. В тот же день князь Фердинанд дал торжественный ужин в честь министра иностранных дел. После торжественного ужина был официальный приём, на котором князь Фердинанд представил графу Ламздорфу болгарских министров. После официальной части, министр и болгарский князь имели долгий разговор наедине, который затянулся глубоко за полночь. Во время разговора Ламздорф понял, что князь Фердинанд, стремясь воспользоваться македонским кризисом, желает получить полную независимость для своей страны от Турции и добиться самоуправления для Македонии, что будет являться, по его мнению, первым шагом на пути к инкорпорации Македонии в состав Болгарии[412]. В свою очередь, В.Н. Ламздорф дал понять князю Фердинанду, что не позволит македонским революционерам втянуть Россию в вооружённый конфликт на Балканах[413]. Об этом свидетельствует бывший тогда британским посланником в Болгарии, а позднее ставший послом в России Джордж Бьюкенен, который внимательно следил за визитом Ламздорфа на Балканы, как и дипломаты других великих держав.

Через полтора месяца, 11 февраля (29 января), в письме из Санкт-Петербурга министр иностранных дел напомнил князю Фердинанду то, о чём уже говорил ему лично в Софии. Граф Ламздорф сообщил болгарскому князю, что в ходе его переговоров с графом А. Голуховским в Вене удалось прийти к соглашению относительно ситуации в Македонии, на основании которого послы России и Австро-Венгрии в Константинополе должны будут сформулировать требования, адресованые султану. Затем В.Н. Ламздорф предупредил князя, что попытка решить македонскую проблему радикальными методами может привести только к осложнениям и непреодолимым затруднениям, в то же время, следование уже

---

[411] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 35.
[412] Ibid., P. 36- 37.
[413] *Бьюкенен Дж.* Мемуары. С. 53.

выработанному курсу приведёт к неизмеримо более удовлетворительным результатам. Министр уверял князя, что административные распоряжения будут подкреплены достаточными гарантиями их выполнения. Таким образом, постепенно реализация плана реформ приведёт к умиротворению Македонии. Дополнительными гарантиями осуществления реформ станет, по мнению Ламздорфа, участие в мирном процессе всех держав, подписавших Берлинский трактат 1878 г. В заключительной части письма Ламздорф снова призвал болгарского князя к благоразумному патриотизму и акцентировал его внимание на том обстоятельстве, что Россия уже проливала свою кровь за свободу балканских народов и поэтому имеет право давать им благоразумные советы. В случае же, если славянские народы не пожелают прислушаться к благоразумным советам и отказаться от неприемлемых для России методов борьбы с помощью незаконных комитетов и революционной агитации, русский император не намерен жертвовать своими подданными и их благосостоянием для защиты революционеров[414].

Второй день визита в Болгарию 14 (27 декабря) начался для графа Ламздорфа с завтрака в компании С. Данева, председателя Совета министров и министра иностранных дел Болгарии. Затем для Ламздорфа была ознакомительная прогулка по Софии и её окрестностям. Министру иностранных дел показали мавзолей князя Александра, музей и древнюю церковь. Вечером князь Фердинанд пригласил Ламздорфа на неформальное мероприятие в узком кругу, а позже торжественный приём в честь визита министра был дан в посольстве России[415].

Последний день пребывания В.Н. Ламздорфа в Софии 15(28) декабря ознаменовался торжественным воскресным богослужением в главном храме болгарской столицы. Далее в программе министра иностранных дел значились встреча с высшими церковными иерархами и участие в торжественной церемонии закладки основания памятника Царю–Освободителю Александру II[416].

---

[414] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 97 Л. 68-69 об.
[415] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 37-38.
[416] Ibid., P. 38.

Церемония проводов министра иностранных дел отличалась особенной помпезностью. Вслед за князем на вокзал прибыл весь княжеский двор. Там же выстроился почётный караул, играли музыканты. На прощание князь Фердинанд, всё время старавшийся произвести на Ламздорфа впечатление, сказал графу: «Вот так вассал султана сопровождает своего друга на вокзал![417]» Ламздорф отбыл в 18 часов курьерским поездом[418].

Вечером 16(29) декабря В.Н. Ламздорф прибыл в Вену. Следующим утром министр был принят императором Францем-Иосифом. В течение дня, Ламздорф имел длительные переговоры со своим австрийским коллегой А. Голуховским и беседу с русским послом в Вене графом Капнистом. Вечером того же дня Ламздорф присутствовал на приёме в Хофбурге, который давал Франц-Иосиф. По завершении торжественной части, последовали переговоры между министрами иностранных дел России и Австро-Венгрии, которые продолжались почти всю ночь[419].

На следующий день, 18 (31) декабря В.Н. Ламздорф имел деловой завтрак с А. Голуховским и обед с эрцгерцогом Францем–Фердинандом в Бельведерском дворце. Позже граф Ламздорф присутствовал на традиционных новогодних торжествах при венском дворе[420].

19 декабря 1902 (1января 1903) Ламздорф покинул Вену и прибыл в Петербург через двое суток[421].

Результатами своего визита на Балканы и в Австро-Венгрию, а также своими впечатлениями В.Н. Ламздорф поделился с военным министром А.Н. Куропаткиным, который, после встречи с министром иностранных дел, занёс краткое содержание их разговора в свой дневник. Согласно этому источнику, результаты визита графа В.Н. Ламздорфа на Балканы выглядели следующим образом: 1) Сербия. Ламздорф отметил дружелюбие общественного мнения к России: «Встреча с народом умилительная». Тем не менее, сербский монарх

[417] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P.38
[418] Ibid.
[419] Ibid., P. 39.
[420] Ibid.
[421] Ibid., P. 40

откровенно разочаровал министра иностранных дел: «Король не глуп, но растолстел, старообразен, подозрителен. Временами кажется ненормален». Зато сербская королева Драга произвела на Ламздорфа самое хорошее впечатление: «Умна. Держится России. Её желательно приласкать». Общий вывод, который сделал В.Н. Ламздорф после посещения Белграда, был следующим: «Ныне не стоит связываться с Сербией каким-либо военным соглашением: выдадут австрийцам. Нам выгодна рознь Сербии и Болгарии. Сербы до сих пор не доверяют болгарам. Сербам не желательно автономное устройство Македонии». Также Ламздорф выразил мнение, что сербы не заинтересованы в разжигании полномасштабной войны на Балканах.

2.) Болгария. Ламздорф сказал, что князь Фердинанд произвёл на него впечатление умного, но нервного и впечатлительного. Фердинанд говорил министру иностранных дел, что не в его силах повлиять на действия болгарских комитетов в Македонии, но затем согласился с мыслью, что катастрофу можно будет избежать, если в Македонии начнутся реформы.

3.) Австро-Венгрия. Граф Ламздорф рассказал, что в Австрии его приняли очень тепло. Император Франц-Иосиф выражал свои нежные чувства к русскому императору. Ламздорфа в Вене заверили, что Австрия готова совместно с Россией решать македонскую проблему, но предупредили, что, если Сербия вдруг вмешается в македонские дела, Австрия будет вынуждена оккупировать Сербию. По-видимому, это заявление следует рассматривать в качестве политического шантажа, с целью показать Петербургу, что Австрия не позволит России действовать на Балканах самостоятельно, игнорируя мнение Вены.

Помимо македонских дел, в разговоре с В.Н. Ламздорфом, Франц–Иосиф затронул боснийский вопрос, уверив министра иностранных дел, что Австрия не хочет присоединять Боснию, чтобы не увеличивать количество славянских депутатов в парламенте. Вене гораздо спокойнее управлять Боснией «самодержавным способом». Также Франц–Иосиф попросил Ламздорфа передать Николаю II просьбу, чтобы Россия не препятствовала соединению австрийских железных дорог с турецкими через Митровицу.

По итогам своего балканского турне В.Н. Ламздорф наметил план действий, которые необходимо было осуществить в кратчайшие сроки: «… граф Ламздорф вынес убеждение в необходимости оказать быстрое и сильное давление на Турцию, дабы она выполнила свои обещания по Македонии. Франция и Германия поддержат наши требования, а Австрия пойдёт с нами рука об руку»[422].

Вернувшись в Россию, В.Н. Ламздорф активно продолжил развивать успех, достигнутый в ходе турне по Балканам. 7 января 1903 года (25 декабря 1902г.) министр иностранных дел направил послу в Константинополе И. Зиновьеву письмо с приложенным к нему проектом реформ, который был выработан В. Н. Ламздорфом совместно с А. Голуховским. Как утверждал Ламздорф, данный проект являлся практическим развитием шести пунктов, предложенных ранее Зиновьевым. Ламздорф поручил И. Зиновьеву войти в контакт с австрийским послом в Турции бароном Каличе, чтобы совместно решить, насколько проект реформ соответствует местным условиям и в зависимости от этого дополнить или изменить его, сохраняя главные принципы, положенные в основу документа. Отдельное внимание Ламздорф обратил на то, что в разговоре с Голуховским он упомянул о полной амнистии лиц, осуждённых за политические преступления, о чём ходатайствовало болгарское правительство[423]. Проект, выработанный Ламздорфом и Голуховским, предусматривал прописать права и обязанности комиссара или генерального инспектора, который должен будет следить за порядком в балканских вилайетах Турции и защищать жизнь, имущество и честь христианского населения на основании султанского ираде, установленного в соответствии с циркуляром великого визиря от 18 декабря 1902 года. Кроме того, согласно документу, местные вали, под управлением генерального инспектора, должны предпринимать меры против албанских посягательств на христиан. Также документ предусматривал реорганизацию полиции и жандармерии в вилайетах под руководством европейских специалистов или инструкторов. Набор в полицию и жандармерию должен был производиться среди мусульманского и

[422] *Куропаткин А.Н.* Дневник. С. 92-94.
[423] Реформы в Македонии. 1902-1903. С. 11-12.

христианского населения вилайетов пропорционально численности мусульман и христиан, причём сельская полиция должна была состоять из христиан, так как они составляют большинство сельского населения. Ужесточались требования и к самим полицейским. Теперь они должны были уметь читать и писать по-турецки. Также в документе прописывались способы формирования бюджета вилайетов[424].

Выработка окончательной редакции проекта преобразований в Македонии проходила достаточно быстро, и уже 9 февраля (27 января) 1903 года В.Н. Ламздорф разослал его дипломатическим представителям России в Берлине, Лондоне, Париже и Риме. При этом министр добавил, что указания о том, когда и в какой форме следует сообщить об этом руководству страны, в которой аккредитован дипломатический представитель, будут сообщены дополнительно[425].

Параллельно, В. Н. Ламздорф не переставал оказывать давление на Болгарию, дабы заставить её отказаться от поддержки македонских комитетов. 24 января 1903 года министр отправил по этому поводу русскому дипломатическому агенту в Софии надворному советнику Лермонтову секретную телеграмму, в которой просил передать министру иностранных дел Болгарии Даневу, что Болгария может рассчитывать на поддержку России лишь при неукоснительном следовании указаниям из Петербурга. Ламздорф подчеркнул, что необходимо донести до болгар мысль о том, что Россия направляет все усилия для улучшения быта христианского населения Турции мирными путями. В скором времени будут введены преобразования, которые получат дальнейшее развитие, но только при условии спокойного состояния в Македонии. Ламздорф в очередной раз повторил в телеграмме, что Россия «не может быть заступницей революционных происков и вожделений», а революционная агитация в любом случае может обернуться против Болгарии и привести к самым тяжёлым для неё последствиям[426]. Вслед за этим министр отправил рассмотренное выше письмо князю Фердинанду. 5 февраля (23 января) 1903г. он получил ответ из Софии от Лермонтова, в котором

[424] Реформы в Македонии. 1902-1903. С. 12-13.
[425] Там же, С. 14.
[426] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 97 Л. 66-66 об.

тот сообщил, что Данев обещал сообщить меры, которые болгарское правительство решит принять и обратил внимание Лермонтова на стягивание турецких войск к болгарской границе, укрепление ими приграничных крепостей и на установку на границе турецкой дальнобойной артиллерии[427]. Рекомендации болгарам сыграли положительную роль.

16 (3) февраля 1903 г. Ламздорф телеграфировал дипломатическому агенту в Софии, что «принятие Болгарией решительных мер против македонских комитетов производит повсюду самое благоприятное и успокаивающее впечатление», а также попросил агента от имени русского правительства выразить болгарским министрам полное одобрение их распоряжений[428].

В течение следующих двух дней В.Н. Ламздорф получил от послов в Берлине, Париже и Риме сообщения о том, что правительства государств, в которых они аккредитованы, приняли и поддержали проект реформ для трёх македонских вилайетов, выработанный министрами иностранных дел России и Австро-Венгрии. Только правительство Великобритании уклонилось от ответа, сославшись на нехватку времени для изучения документа, заверив, что в целом принимает данный проект[429]. 18(5) февраля В.Н. Ламздорф телеграфировал послу в Константинополе, что правительства Германии, Франции и Италии с одобрением приняли проект преобразований в Македонии, а правительство Великобритании, выразив принципиальное согласие, оставило за собой право дальнейших дополнений или изменений предъявляемых требований. Ввиду этого, Ламздорф поручил послу в Константинополе И. Зиновьеву, совместно с австрийским послом бароном Каличе, незамедлительно предъявить султану изложенные в проекте требования. Также Ламздорф просил посла заявить турецкому правительству, что в интересах Турции принять проект в кратчайший срок, так как малейшие колебания могут привести лишь к опасным последствиям[430].

---

[427] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 97 Л. 67.
[428] Реформы в Македонии. 1902-1903.С. 16.
[429] Там же, С. 17-19.
[430] Там же, С. 19-20.

24 (11) февраля 1903 г. В.Н. Ламздорф получил депешу от посла в Константинополе о том, что 21 (8) февраля последний совместно с послом Австро-Венгрии бароном Каличе посетил великого визиря. Оба посла явились каждый со своим экземпляром проекта реформ в Македонии. Визирь был ознакомлен послами с документом, после чего оба экземпляра проекта были переданы визирю. Послы потребовали от визиря ответа об одобрении данного проекта визирем в течение двух суток, на что визирь ответил, что вряд ли это удастся сделать в столь короткие сроки по техническим причинам. Послы ещё раз ему напомнили о том, что скорейшее принятие проекта реформ в интересах самой Турции, так как от степени готовности Турции последовать указаниям держав, будет зависеть и отношение последних к Турции[431].

На следующий день, 25(12) февраля, в «Правительственном вестнике» появилось сообщение, в котором довольно обстоятельно излагались события, связанные с подготовкой проекта реформ для Македонии и суть самого проекта. Из всего изложенного в сообщении делался оптимистичный вывод: «Вышеизложенные мероприятия, могущие естественно иметь широкое развитие в будущем, нельзя не признать достаточными, чтобы при нынешних обстоятельствах вполне обеспечить существенные улучшения быта христианского населения трёх вилайетов»[432]. В заключение, в сообщении было повторено почти дословно то, что В.Н. Ламздорф в устной и письменной форме неоднократно доводил до сведения правящих кругов Сербии и Болгарии: «Призванные к самостоятельной жизни ценою неисчислимых жертв России, балканские государства могут с полною уверенностью рассчитывать на постоянное попечение Императорского Правительства об их действительных нуждах и на мощную защиту духовных и жизненных интересов христианского населения Турции. Но вместе с тем, однако, они не должны терять из виду, что Россия не пожертвует ни единой каплей крови своих сынов, ни самой малейшей долей достояния русского народа, если бы славянские государства, вопреки

[431] Реформы в Македонии. 1902-1903.С. 25-26.
[432] Там же, С. 35.

заблаговременно преподанным им советам благоразумия, решились домогаться революционными и насильственными средствами изменения существующего строя Балканского полуострова»[433]. Тем не менее, Россия продолжала оказывать военную помощь балканским государствам. Так в марте 1903 года французский посланник в Белграде докладывал Делькассе, что русский царь согласился на передачу Сербии десяти миллионов патронов для винтовок системы «Бердан». При этом Ламздорф от имени Николая II выразил пожелание сербской стороне, чтобы эти патроны не использовались против болгар[434].

Принятые султаном проекты реформ для македонских вилайетов сыграли положительную роль и, первоначально могло показаться, что всё идёт как нельзя лучше. В.Н. Ламздорф в течение февраля и марта регулярно получал депеши от посла в Турции И. Зиновьева, который докладывал, что для разработки каждого конкретного вопроса созданы специальные комиссии, что решено пригласить инструкторов из Швеции и Бельгии для жандармерии – 6 человек, а для полиции – 4 человек, что проведена амнистия, по которой освободились 1050 человек и т. д. Тем не менее, сохранялись и проблемы, связанные как с непрекращающейся деятельностью македонских комитетов, так и с нехваткой у турецкого правительства денежных средств для проведения всех предусмотренных мероприятий.[435]

Объективно, утверждённая программа реформ должна была бы быть выгодна как христианскому, так и мусульманскому населению македонских вилайетов Турции, так как защищала первых от произвола турецких властей и албанских банд, а вторых – от нападений македонских революционеров. Тем не менее, проведение в жизнь реформ столкнулось с активным противодействием как христианских, так и мусульманских радикалов. Первые были недовольны тем, что Македония не только оставалась в составе Турции, но даже не получала автономии. Вторые – самим фактом уступок христианам.

---

[433] Реформы в Македонии.1902-1903. С. 35.
[434] DDF, 2-emè série T.3., P. 189-190.
[435] Реформы в Македонии. С. 37-40.

Ещё 21 (8) февраля консул в Митровице Щербина доносил в МИД, что «движение арнаутского населения против введения реформ в Старой Сербии принимает всё более решительный характер» и что «в местности Лука … собрался новый съезд албанских главарей для обсуждения мер и способов противодействия проектируемым преобразованиям»[436]. К середине марта ситуация стала выходить из-под контроля. Согласно депешам и телеграммам того же Г. Щербины, албанцы издевались над христианами, захватили город Вучетырн, затем неоднократно нападали на Митровицу, но были отбиты. Турецким властям пришлось перебрасывать в район беспорядков дополнительные войска[437].

Такие же неутешительные новости приходили и о деятельности македонских революционеров. Как доносил российский консул в Битоли, члены македонских комитетов «далеко не удовлетворены предложенным державами проектом преобразований и мечтают о введении в трёх вилайетах автономии, при коей они могли бы получить хорошо оплачиваемые выдающиеся места в администрации»[438]. Российские дипломаты доносили, что македонские революционеры силой и угрозами заставляют местных жителей помогать себе деньгами и провиантом, убивают сербских учителей и священников, отговаривающих молодёжь от сотрудничества с революционерами, и жестоко расправляются с мусульманами, дабы навлечь на христиан мусульманский гнев и тем самым спровоцировать державы на новое вмешательство в македонские дела[439].

31 (18) марта 1903 г. было совершено покушение на русского консула в Митровице Г. Щербину. Преступником оказался солдат Ибрагим, албанец по национальности[440]. Турки просили прощения, обещая сурово наказать преступника[441]. По поручению министра иностранных дел, посол в

[436] Реформы в Македонии. 1902-1903. С.16.
[437] Там же, С. 44-47.
[438] Там же, С. 47.
[439] Там же, С. 47-51.
[440] Там же, С. 52.
[441] Там же, С. 53.

Константинополе И. Зиновьев потребовал от султана после покушения на Щербину активизировать борьбу с албанцами. Султан обещал принять все необходимые меры, но стремился преуменьшить размах албанского движения[442]. Между тем, кровопролитие с обеих сторон только множилось. Турецкая армия оказалась задействована как в борьбе против албанских банд, так и против отрядов (чет) македонских революционеров[443]. Посол в Константинополе докладывал В. Н. Ламздорфу 30 (17) июля о своей долгой беседе с султаном, во время которой пытался побудить его «к принятию деятельных мер к прекращению насилия»[444]. К сожалению, такие меры оказывались бесплодными.

Какова была реакция министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа на происходившие события? Об этом мы можем узнать из конфиденциального письма английского посла в Петербурге Ч.Скотта министру иностранных дел Великобритании маркизу Лансдауну. 10 июня (28 мая) посол сообщил в Лондон, что 3 июня (21 мая) он имел разговор с графом Ламздорфом, в ходе которого министр иностранных дел очень ясно и подробно изложил свои взгляды на ситуацию на Балканах. В начале разговора Скотт спросил мнение Ламздорфа о смене кабинета министров в Софии и о том, что министру известно о миссии болгарского дипломата Г. Начевича в Константинополе. Граф ответил послу, что Россию мало интересует, какой кабинет министров у власти в Софии, лишь бы он следовал правильной политике во время нынешнего кризиса. На второй вопрос В. Н. Ламздорф ответил, что болгарское правительство не адресовало ни каких сообщений российским властям в связи с миссией этого дипломата в столице Турции. Однако добавил, что в ответ на его запрос о миссии Начевича, болгарский дипломатический агент уверил его, что единственной целью миссии является преодоление непонимания, установление примирительных отношений с Турцией и уверение султана в благожелательности князя Фердинанда и желании сотрудничать в деле умиротворения. Ламздорф сказал, что в этом случае он готов благословить миссию Начевича, но надо посмотреть, как султан примет от своего

[442] Реформы в Македонии. 1902-1903. С.54-57.
[443] Там же, С. 61-70.
[444] Там же, С. 71-74

вассала помощь в умиротворении своих собственных подданных. Также Ламздорф сказал, что, очевидно, болгарское правительство отказалось от попыток предлагать проекты реформ альтернативные проекту держав[445].

Далее министр иностранных дел перешёл к теме террора в македонских вилайетах, высказав мнение, что российское и австро-венгерское правительства должны настаивать на доскональном и беспристрастном расследовании, которое должно быть предпринято специальной комиссией. Ламздорф сообщил, что турки в консульских отчётах упорно отрицали причастность башибузуков к террору, но выяснилось, что консульские работники, претендовавшие на то, чтобы быть свидетелями, на самом деле могли почерпнуть свою информацию только из различных слухов, поэтому их информации доверять нельзя. Тем не менее, В. Н. Ламздорф сказал, что султан заслуживает большого уважения за ту энергию, которую он проявил при успешном подавлении восстания албанцев, а также за цели, которые он ставит, что, принимая во внимание настроения придворных группировок, не лишено личной опасности[446].

Следующая тема, которую обсудили посол и министр, касалась острого вопроса убийства русского консула в Митровице Г. Щербины. В.Н. Ламздорф рассказал Ч. Скотту, что его позиция как министра иностранных дел по вопросу о том, как должна была реагировать Россия на такой вызов, была неоднозначной. С одной стороны, наказание преступнику должно быть показательным, с другой стороны, Ламздорф хорошо знал о существовании развитых традиций кровной мести среди албанцев, поэтому понимал, что смертная казнь для преступника могла привести к долгосрочным деструктивным последствиям. Оценив ситуацию, министр предложил вариант, при котором убийце сначала выносится смертный приговор, а затем, по воле российского императора, смертная казнь в качестве акта помилования заменяется пожизненным заключением. Одновременно, султану делается представление о необходимости подавления албанских беспорядков и прекращения сопротивления проведению реформ[447].

---

[445] British Documents on the Origin of the War. 1898-1914. V.5. London, 1928. P. 58.
[446] Ibid., P. 58.
[447] Ibid.

Рассуждая о роли славян в македонском кризисе, Ламздорф сравнил кризис в Македонии с событиями 1870-х гг. на Балканах, которые привели к русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и сказал, что не позволит, чтобы повторились ошибки 1876 г., когда из-за отсутствия своевременного решения со стороны князя А.М. Горчакова, волна народных чувств, подпитываемая различными влияниями, вышла из-под контроля и подтолкнула правительство к военной интервенции в Турцию. Ламздорф рассказал, что в его памяти хорошо сохранилась картина прощания солдат со своими семьями на вокзале и добавил, что не считает себя негуманным или нечувствительным по отношению к угнетённым славянским народам Турции, но как государственный человек он не имеет права жертвовать миром, жизнью и благополучием людей даже на основании гуманных и благих побуждений[448].

Затем В. Н. Ламздорф рассказал, что, находясь в Ливадии с царём, получал сообщения, которые свидетельствовали о желании македонских комитетов втянуть Россию в новую войну на Балканах. Представив Николаю II свои аргументы, министр получил от него санкцию отправиться в Белград и Софию и там ясно и твёрдо объявить, что Россия ни под каким предлогом не позволит втянуть себя в военную интервенцию. А в Вене, где ему удалось прийти к взаимопониманию с австрийскими властями, Ламздорфу, по его собственному признанию, пришлось наслушаться многочисленных призывов и даже упрёков тех, кто хотел видеть Россию, идущей по тому же пути, что и в 1876 году[449].

Министр считал, что своими действиями ему удалось сбить волну общественного возбуждения в России по поводу македонских событий, которая грозила выйти из-под контроля, как в 1877 г. Этим, по мнению Ламздорфа, ему удалось сослужить лучшую службу человечеству и миру, чем, если бы он был активным сторонником угнетаемых в Турции христиан. Также Ламздорф заявил, что данная ситуация явилась хорошим уроком как для маленьких балканских государств, так и для революционеров-агитаторов, показав им, что не в их силах

[448] British Documents on the Origin of the War. 1898-1914. V.5. London, 1928. P. 58.
[449] Ibid, P. 59

изменить политику великих держав в собственных интересах и использовать их огромную военную силу. Теперь им придётся достигать своих целей мирными средствами или действовать на свой страх и риск, не прячась за спину могущественного союзника[450].

В конце разговора с английским послом В.Н. Ламздорф высказал убеждённость, что теперь не только балканские правительства, но и революционные комитеты осознают, что ничто не заставит Россию изменить свою позицию, и что в настоящих обстоятельствах предложенные реформы являются последней уступкой им и единственной возможной для них мирной помощью[451].

8 августа (26 июля) 1903 года в Македонии было совершено ещё одно нападение на дипломатического агента России. На этот раз жертвой стал консул в Битолии А. А. Ростковский. Убийцей оказался снова местный полицейский и снова это был албанец[452]. На этот раз, В. Н. Ламздорф счёл нужным изменить тактику и потребовать от имени российского императора у турок полного удовлетворения и примерного наказания «как преступника, так и всех военных и гражданских лиц, на коих падает ответственность за совершённое дерзкое злодеяние»[453]. 11 августа (29 июля) в телеграмме послу в Константинополе В. Н. Ламздорф конкретизировал требования, которые было решено предъявить турецким властям: скорейшее и самое суровое наказание для убийцы, арест и наказание сообщников, ссылка битольского валия, наказание всех военных и гражданских чинов, ответственных за безопасность консула. Помимо этого, «в целях общего умиротворения вилайетов» туркам были предъявлены дополнительные требования: безотлагательное и строгое наказание чиновников, ответственных за притеснения христиан, наказание чиновников, замешанных в злоупотреблениях, восстановление в должности уволенного турецкого чиновника Исмаила Хакки, о деятельности которого были даны положительные отзывы, а

[450] British Documents on the Origin of the War. 1898-1914. V.5. P. 59.
[451] Ibid.
[452] Реформы в Македонии.1902-1903. С. 76-77.
[453] Там же, С. 78.

также безотлагательное назначение иностранных офицеров в состав армии и полиции. Одновременно министр иностранных дел сообщил послу, что из Севастополя будет направлен в турецкие воды отряд кораблей Черноморского флота[454].

Теперь необходимое давление на Турцию было оказано, но Ламздорфа беспокоило, как бы действия России не были расценены в Болгарии и Македонии в качестве благословения к новым антитурецким акциям. Чтобы избежать такого развития событий В.Н. Ламздорф уже на следующий день отправляет дипломатическому агенту в Болгарии телеграмму с поручением «позаботиться о том, чтобы энергическое воздействие России в Константинополе не могло быть истолковано ни Болгарским правительством, ни македонскими комитетами в смысле изменения политической программы, обнародованной в правительственных сообщениях»[455].

Давление на турецкие власти принесло плоды. 14 (1) августа Ламздорф получил из посольства в Турции несколько телеграмм, подтверждающих ссылку монастырского вали, казнь убийцы и его сообщника, а также отстранение от должностей целого ряда турецких чиновников[456]. Вслед за этим 18 (5) августа В.Н. Ламздорф получил письмо от управляющего морским министерством с сообщением о том, что группа кораблей Черноморского флота прибыла к турецкому порту Инада[457]. Следует отметить, что данная морская демонстрация была свёрнута, не успев толком начаться, в связи с тем, что от султана было получено официальное сообщение «о мерах, принятых и предпринимаемых во исполнение всех предъявленных Россиею требований». О данном решении В. Н. Ламздорф проинформировал посла в Константинополе 22 (9) августа[458]. На следующий день официальное сообщение об этом решении появилось в «Правительственном Вестнике»[459].

---

[454] Реформы в Македонии. 1902-1903. С. 78-80.
[455] Там же, С. 80-81.
[456] Там же, С. 81-83.
[457] Там же, С. 83-84.
[458] Там же, С. 84.
[459] Там же, С. 84-85.

В середине сентября 1903 года, по просьбе Николая II, В.Н. Ламздорф отправился сопровождать императора в Австрию, где в местечке Мюрцштег, охотничьих угодьях императора Франца – Иосифа монархи планировали поохотиться, а их министры иностранных дел – подготовить новую программу реформ в Македонии. Незадолго до отъезда Ламздорф имел разговор о балканских проблемах с военным министром А.Н. Куропаткиным, который затем занёс его содержание в свой дневник. Ламздорф заявил Куропаткину, что уже не довольствуется предъявленной программой реформ и хочет добиваться, чтобы иметь в Македонии русского представителя, вместе с представителями других держав, указав при этом на генерал-майора Ф.А. Шостака, помня его успешную деятельность на острове Крит. Также Ламздорф сообщил, что у России полное согласие с Австрией и что есть большая надежда удержать Болгарию от войны. При этом Ламздорф посетовал на то, что у него руки связаны делами Дальнего Востока. Завершил в разговоре Ламздорф македонскую тему тем, что отверг идею Куропаткина о «Македонии для македонцев», сказав, что это невозможно, хотя бы потому, что македонцев нет, а есть конгломерат народностей и большое количество турок[460].

Ещё один любопытный разговор В.Н. Ламздорф имел с Николаем II. Министр сказал императору, что обычно он предпочитает воздерживаться от согласованных с другими державами действий, но есть некоторые психологические моменты, когда это полезно. Эксперимент с коллективными действиями был проведён в отношении Японии и Крита, а в случае с балканскими делами Россия пришла к соглашению с Австрией и обязательно должна сохранить поддержку других держав. Найти поддержку иностранных правительств являлось целью России, с которой она успешно справилась. Ламздорф продолжил: «Если мы не сделаем этого, малейшее непонимание с Турцией станет козырной картой для других держав». Убеждая Николая II, что России не нужна война ни на Балканах, ни на Дальнем Востоке, Ламздорф сказал: «В самом деле, благодеяние как от войны, так и от хирургической операции такое, что никто не может

[460] *Куропаткин А.Н.* Дневник С. 179-180.

предсказать последствия. Даже наша победоносная война 1877-1878 гг. имела своим последствием революционную пропаганду. Действия правительства той эпохи были часто далеки от патриотических тенденций»[461]. Данная мысль министра иностранных дел ясно перекликается с тем, что он до этого говорил британскому послу Ч. Скотту.

К середине сентября В.Н. Ламздорф прибыл в Дармштадт, а оттуда 29 (16) сентября вместе с императором выехал в Вену[462].

В мемуарах А.А. Савинского, выполнявшего функции личного секретаря министра, можно найти множество интересных описаний времяпрепровождения императоров, их министров и всех сопровождающих лиц в Мюрцштеге, включая прогулки, торжественные обеды и, конечно, охоту. Правда, как утверждает Савинский, В.Н. Ламздорф в отличие от обожавших это развлечение русского и австрийского императоров, не сделал ни единого выстрела[463].

Как свидетельствует А. Савинский, самым важным днём в Мюрцштеге стало 2 октября (19 сентября). День у министров начался с долгой прогулки по берегам озера Мюрц, продолжился завтраком, а затем последовали переговоры двух министров, на которых помимо их секретарей, записывавших стенограмму переговоров для того, чтобы затем составить идентичную ноту для послов России и Австро-Венгрии в Константинополе, присутствовал барон Л. Эренталь, тогда бывший послом Австрии в России. Совместная нота русскому и австро-венгерскому послу в Константинополе, составленная министрами иностранных дел, предусматривала широкий план реформ для Македонии, включая административные, финансовые и религиозные. Реформы должны были проводиться под контролем обеих держав с помощью специальных военных уполномоченных. Во второй половине дня два министра встретились снова и утвердили содержание ноты. Когда два императора вернулись с охоты, В. Н. Ламздорф направил свой проект Николаю II, а Голуховский лично представил свой вариант Францу-Иосифу. Когда монархи утвердили варианты ноты,

---

[461] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P.42
[462] Ibid, P.52-53.
[463] Ibid, P. 54.

министры отправили их своим послам в Константинополь. День закончился торжественным ужином. Все были чрезвычайно довольны, а Франц-Иосиф выразил коллективное мнение, сказав: «Вы работали очень много сегодня и результаты блестящие! Давайте надеяться, что это приведёт к восстановлению мира на Балканах»[464].

Введение новых реформ в Македонии натолкнулось на сопротивление турецких властей, которые отказывались признавать свою вину, стремились переложить всю ответственность за беспорядки в Македонии на Болгарию, покрывающую македонских революционеров, и отрыто требовали у представителей держав пересмотра проекта реформ[465]. В связи с этим 6 ноября (24 октября) 1903 г. В. Н. Ламздорф телеграфировал из Дармштадта послу в Константинополе: «Ввиду неудовлетворительного ответа Порты благоволите, совместно с австро-венгерским послом, энергично продолжать Ваши настояния»[466].

Несмотря на то, что российский посол действовал в соответствии с инструкцией графа Ламздорфа, турки продолжали упорствовать[467]. В ответ последовала жёсткая реакция графа Ламздорфа. Министр 20(7) ноября поручил послу в Константинополе передать турецкому правительству, что продолжающееся более двух лет кровопролитие доказало неспособность турецких властей контролировать ситуацию и добавил, что сопротивление реформам обернётся против самой Турции и она окажется в изоляции, так как европейское общественное мнение настроено против турок из-за их зверств в Македонии[468]. На этот раз предупреждение возымело действие и уже 2 декабря (19 ноября) министр иностранных дел смог отправить послу в Константинополь телеграмму, в которой просил передать султану, что российский император с удовлетворением

[464] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 56-57.
[465] Реформы в Македонии. 1903-1905 Дипломатическая переписка СПб., 1906. С. 9-12; 21-22.
[466] Там же, С. 29.
[467] Там же, С. 32-33.
[468] Там же, С. 33-36.

узнал о принципиальном согласии Турции на осуществление Мюрцштегской программы реформ[469].

После того как Турция согласилась принять проект реформ, опека со стороны держав стала приобретать характер тотального контроля. Когда в декабре 1903 г. турки решили пригласить на пост начальника в македонских вилайетах генерала французской службы, Ламздорф потребовал незамедлительно довести до сведения султана, что должность эту следует отдать генералу итальянской службы, сославшись при этом на коллективное мнение держав[470]. Вскоре на эту должность был назначен итальянский генерал-лейтенант Деджиорджис[471].

В ходе реализации программы реформ наметилось улучшение турецко-болгарских отношений. В. Н. Ламздорф приветствовал эту новость в феврале 1904 г. в письме управляющему дипломатическим агентством в Софии[472].

Однако до спокойствия Македонии было ещё очень далеко. Едва в августе 1904 г. Ламздорф констатировал, что в вилайетах установилось относительное спокойствие и можно приступать к финансовым реформам[473], как в сентябре министру пришлось констатировать, что необходимо предпринять срочные меры, чтобы остановить революционную деятельность, на этот раз, греков[474].

Следующей серьёзной проблемой стала финансовая реформа. Предложенный Турцией проект реформы был решительно отклонён, о чём Ламздорф сообщил послу в Константинополе 22 февраля (7 марта) 1905г. [475] В марте, по предложению И. Зиновьева и с согласия Ламздорфа, к обсуждению финансовой реформы были привлечены послы других великих держав в Константинополе[476]. В начале июля 1905 г. в связи с отказом Турции принимать условия финансовой реформы, граф Ламздорф начал обмен мнениями по этому поводу с послом в Константинополе[477]. А в сентябре Ламздорф поднял вопрос о принудительных

[469] Реформы в Македонии. 1903-1905 . С. 39.
[470] Там же, С. 44.
[471] Там же.
[472] Там же.
[473] Там же, С. 125
[474] Там же, С. 129.
[475] Там же, С. 194.
[476] Там же, С.202.
[477] Там же, С. 214.

мерах в отношении Турции[478]. 11 октября (28 сентября) Ламздорф подтвердил в телеграмме послу в Вене, что Россия со своей стороны готова к более жёстким мерам в отношении Турции, не исключая и морской демонстрации[479]. 16 (29) октября Ламздорф сообщил послу в Константинополе, что в связи с отказом султана принять послов на коллективной аудиенции, необходимо разработать все условия предстоящей морской демонстрации[480]. Вскоре были выработаны и требования к Турции: признание контроля в трёх вилайетах, признание регламента, выработанного финансовыми комиссарами и продление контрактов с иностранными офицерами[481].4 (17) декабря турецкое правительство, наконец, дало согласие на требование держав об учреждении финансовой комиссии[482].

Итак, каковы были цели и задачи политики, проводимой В.Н. Ламздорфом на Балканах и каковы её объективные результаты? Две важнейшие задачи, которые ставил перед собой В.Н. Ламздорф на Балканах, проходят красной чертой по всем основным источникам. Первая задача заключалась в поддержании политического влияния России в этом стратегически важном регионе, путём, с одной стороны, игры на противоречиях балканских государств между собой, а также с Турцией и Австро-Венгрией, а с другой стороны, путём внушения малым балканским государствам идеи о том, что только единокровная и единоверная великая и могучая Российская империя может быть единственным и надёжным защитником политической независимости и интересов этих государств. Второй задачей было поддержание мира в регионе и недопущение втягивания России в войну, как это произошло в 1877г.

Основные результаты деятельности В.Н. Ламздорфа на Балканах, состояли в том, что министру удалось заметно укрепить влияние России в регионе, сведённое почти на нет в 1880-е гг. В значительной мере именно благодаря дипломатическим усилиям Ламздорфа удалось поддержать мир в регионе, несмотря на несколько опасных кризисов, способных перерасти в войну (Крит,

[478] Реформы в Македонии. 1903-1905 С. 250.
[479] Там же, С. 260.
[480] Там же, С. 277.
[481] Там же, С. 278.
[482] Там же, С. 357.

Македония) и, что ещё более важно, Ламздорфу удалось убедить императора не вмешиваться открыто в балканские конфликты, чтобы не повторить ошибок 1876-1877 годов.

Тем не менее, ни одной фундаментальной проблемы на Балканах В.Н. Ламздорфу решить не удалось. У России сил для этого было явно недостаточно, особенно учитывая фактор дальневосточных проблем. На прочный союз с Австро-Венгрией Россия рассчитывать не могла, потому что коренные интересы двух империй были противоположными. Ламздорф всё это прекрасно понимал[483]. В таких условиях министру не оставалось ничего другого как просто «подмораживать», по образному выражению И.С. Рыбачёнок, взрывоопасную ситуацию на полуострове путем поддержания status quo с Австро-Венгрией, тем самым просто отдаляя неизбежный взрыв.

[483] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX-XXвв.: цели, задачи и методы. М.,2012. С.206.

Глава 4. Политика В.Н. Ламздорфа на Ближнем и Среднем Востоке

Политический курс, избранный В.Н. Ламздорфом на Ближнем и Среднем Востоке, в основных чертах соответствовал тому, который проводили его предшественники на посту министра иностранных дел, и состоял в том, чтобы политическими и экономическими мерами укреплять там влияние России и не допускать укрепления позиций других великих держав, прежде всего, Великобритании.

§1. Взгляд В.Н. Ламздорфа на политическое состояние Османской империи и его мнение по вопросу Проливов

Как и ранее, ключевой задачей политики Ламздорфа в Турции оставалось сохранение существующего положения вещей в зоне проливов Босфор и Дарданеллы, поскольку для их захвата, несмотря на многочисленные планы, разрабатываемые военными и дипломатами, у политического руководства России не было ни сил, ни средств, ни воли, а интересы двух великих держав – Великобритании и Германии угадывались в зоне Проливов всё яснее.

Гарантией того, что с интересами России в зоне Проливов будут считаться, являлось сохранение дружественных отношений с Турцией. Со своей стороны, султан, осознавая степень мощи и влияния России, также стремился к поддержанию хороших отношений с Петербургом, тем более, что его к этому подталкивало шаткое положение внутри собственного государства, особенно кризисы на почве религиозных конфликтов, регулярно сотрясавшие её провинции.

В.Н. Ламздорф ещё в 1888 году, будучи советником министра иностранных дел, абсолютно верно указал на неустойчивое положение Турции: «Благодаря нерешительности характера Абдул-Гамида и постоянным его колебаниям положение в Турции крайне неопределённо и требует бдительного с нашей стороны наблюдения. При всём том мы имели случай убедиться, что султан,

опасаясь осложнений с Россией, желал бы поддерживать с ней добрые отношения»[484].

Летом 1895 года в Турции начался очередной масштабный кризис, вызванный выступлением армян в ряде мест Малой Азии, на что турецкие власти ответили террором против мирного армянского населения[485]. В конфликт, под предлогом защиты христиан, поспешила вмешаться Великобритания, предложив России оказать совместное давление на османское правительство Великобритания рассчитывала таким способом укрепить своё политическое положение в регионе, столкнув Россию и Турцию. В Петербурге министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский и первый советник министерства В.Н. Ламздорф ощущали подвох в британских предложениях, полагая, что англичане намерены создать на востоке Анатолии, в Турецкой Армении, зону своего влияния, что англичане, разумеется, старательно отрицали[486]. Не получив желаемого из Санкт-Петербурга, английский премьер-министр Р. Солсбери провёл в начале августа 1895 года переговоры с Вильгельмом II о возможном разделе Османской империи, причём англичане предложили передать контроль над Босфором России. Таким образом, Великобритания пыталась обезопасить себя со стороны Германии, в то время как предложение передать Босфор под контроль России было рассчитано на то, чтобы натравить на неё все европейские державы[487]. Со своей стороны, кайзер потребовал долю при разделе Турции для себя и для Австрии, параллельно предложив передать России Сирию, на которую давно претендовала Франция, чтобы спровоцировать разногласия между союзниками. Англичанам предложения Вильгельма не понравились, поэтому всё вернулось к исходной точке[488].

1 августа 1895г. граф Ламздорф занёс в дневник информацию о том, что получен ответ турецкого правительства на проект реформ для Турецкой Армении, разработанный послами России, Англии и Франции. Этот проект был составлен

---

[484] ГАРФ. Ф. 568. Оп.1. Д. 55. Л. 8.
[485] История дипломатии С. 680.
[486] *Мультатули П.В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917). С.164.
[487] *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века С. 182.
[488] *Мультатули П.В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917). С. 164-165.

по результатам работы специальной международной комиссии. Османское правительство подвергло жёсткой критике программу послов. Однако Ламздорф считал отрадным уже то, что Порта согласилась допустить христиан в состав администрации данного района. Также отрадным для Ламздорфа был тот факт, что Британия отказалась от планов превращать Турецкую Армению в «привилегированную провинцию», особый статус которой предусматривал бы там фактическое английское управление[489].

Активизация Великобритании в Турции вызвала в Петербурге далеко не безосновательные опасения за судьбу Проливов. В военных кругах появились мысли о необходимости форсировать события и первыми захватить Константинополь и Проливы, чтобы они не достались англичанам. В июне 1895 года в Петербурге прошло совещание с участием начальника генерального штаба Обручева, представившего свой проект под названием «Наши вооружённые силы на Чёрном море». В проекте утверждалось, что русские вооружённые силы и флот полностью готовы для решения «самой великой» из исторических задач, стоящих перед Россией – к захвату Босфора. По мнению генерала, реализация такой военной операции позволила бы России обезопасить свои границы и получить главенствующее положение на Балканах[490]. Военные, сторонники радикального решения проблемы Проливов, понимая, что дипломаты будут противодействовать им, решили представить свой проект Николаю II, не посвящая в свои планы министерство иностранных дел, а император, любивший принимать важные решения единолично, посчитал целесообразным провести совещание с военными в тайне от министра иностранных дел. В итоге, о совещании в МИД узнали только в ноябре. Естественно, что пренебрежение мнением дипломатов было для них болезненным и неприятным. В.Н. Ламздорф не без раздражения выразил своё отношение к проекту военных в дневнике: «Всё это кажется великолепным, но подёрнуто налётом политических иллюзий, от которых никогда не свободны проекты генерала Обручева»[491]. Однако Николаю II хватило здравого смысла,

[489] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 235.
[490] Там же, С. 296.
[491] Там же, С. 235

чтобы понять, что реализация такого проекта может обострить ситуацию, поэтому план военного десанта на Босфор в очередной раз был положен под сукно.

Чуть позже, в сентябре 1895 года, посол в Турции А.И. Нелидов, сообщая о крупных беспорядках в Константинополе, устроенных армянами, и, опасаясь ввода английской эскадры в Босфор под предлогом обеспечения безопасности в городе, рекомендовал готовить операцию по захвату Босфора[492], но у России к этому моменту на Чёрном море было только два броненосца, поэтому, по мнению Ламздорфа, не было шансов решить вопрос Проливов силой[493]. Также рассуждал и Николай II, отвергнувший предложение Нелидова, как раньше план Обручева.

В. Н. Ламздорф, в отличие от Нелидова и Обручева, предпочитал действовать тоньше и аккуратнее. Граф считал необходимым поддерживать официальное турецкое правительство, не давая султану повода усомниться в лояльности к нему России, чтобы не допустить сближения Константинополя с другими державами. Ламздорф полагал, что необходимо защищать Турцию от посягательств со стороны Великобритании, но в армянском вопросе Ламздорф считал важным добиться от Константинополя серьёзных уступок, которые только и могли привести к умиротворению региона и к недопущению масштабного иностранного вмешательства в дела Турции[494].

Именно в сохранении status quo в Турции граф В.Н. Ламздорф видел способ защитить интересы России в зоне Проливов, несмотря на то, что, как он отметил в письме Нелидову, status quo этот был «прогнившим» и мог существовать только при условии согласия между державами[495]. Вот почему Ламздорф был сторонником привлечения к решению кризиса Австро-Венгрии, Франции и Германии – держав, заинтересованных в сохранении status quo в Турции.

Мнение Ламздорфа о необходимости взаимодействия со всеми заинтересованными в деле преодоления кризиса в Турции державами, нашло поддержку у министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского и у

---

[492] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 250.
[493] Там же, С. 254.
[494]Там же, С. 329.
[495] *Лунёва Ю.В.* Ближневосточный кризис 1895-1897 гг. и планы раздела Османской империи. //Вопросы истории. – 2011. – №9. – С.124.

императора. 23 ноября 1896 г. в ходе совещания в Царском Селе было принято решение: «Поручить послу Нелидову, по возвращении к своему посту, изыскать вместе с представителями других держав, согласно предложению великобританского правительства, средства для упорядочения и поддержания Оттоманской империи, при непременном условии обеспечить безопасность христианского населения, тщательно избегая, однако, таких мер, которые клонились бы к постепенной замене турецких правительственных учреждений общеевропейскими и к установлению международных порядков на берегах проливов»[496]. Особенные надежды Ламздорф возлагал на Францию, ближайшую союзницу России. И граф не ошибся: именно Франция, в лице своего министра иностранных дел Ганото, сыграла ключевую роль в выработке программы международного контроля над делами Турцией, принятой в декабре 1896 года и позволившей не только преодолеть кризис, но и обезопасить интересы России и других держав[497].Однако следует оговориться, что принятые меры лишь частично решали возникший конфликт. В итоге, кризис был преодолён, но конфликт, явившийся его причиной, не был исчерпан.

Политический курс, избранный МИД России в Турции на завершающем этапе кризиса, отражён в инструкции, подготовленной товарищем министра иностранных дел В.Н. Ламздорфом новому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву от 12(24) декабря 1897 г. В документе говорилось, что России необходима свобода действий на Дальнем Востоке, поэтому она не заинтересована связывать себя делами Турции. Тем не менее, интересы России в регионе не должны от этого пострадать. Для достижения указанной цели Ламздорф считал необходимым стремиться к поддержанию и укреплению дружеских отношений с Турцией. Он писал о том, что России выгодно сохранение существующего порядка вещей в Турции, а окончательное решение «Восточного вопроса» следует оставить на неопределённое будущее. Единственное о чём должны были заботиться, по его мнению, военные – это о

[496] Красный Архив. – 1931. – № 4-5. (ТТ. 47-48). – С. 65.
[497] *Мультатули П.В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917). С. 175.

том, чтобы преградить доступ через Проливы в Чёрное море военному флоту какой-либо третьей державы, пользуясь при этом содействием самой Турции. Сохранение благоприятного для России порядка вещей требовало поддержки Турции Россией на международной арене, для чего Россия, как отмечал Ламздорф, стремилась действовать в Константинополе в согласии с другими державами, препятствуя покушению какой-либо из них на территориальную целостность Турции, на права султана, а также противодействуя преобладанию какой-либо державы в Турции в ущерб интересам России[498].

Что касается противостояния с Великобританией в Турции, Ламздорф здесь затронул два аспекта: Египет и лишь недавно затихшее армянское движение в Восточной Анатолии. По оценке Ламздорфа «Египет является для нас не целью, а средством, которым может быть всего удобнее и выгоднее будет воспользоваться при возможном возникновении вопроса о разделе Турции». В связи с тем, что Египет являлся предметом спора между Великобританией и Францией, Ламздорф полагал, что России невыгодно, чтобы Великобритания приобрела Египет или договорилась бы с Францией об урегулировании его статуса, поскольку неурегулированный вопрос с Великобританией сильнее привязывает Францию к России, но, если соглашения не удастся избежать, писал Ламздорф, оно должно быть заключено не иначе, как при участии России[499].

В отношении армянского движения В.Н. Ламздорф полагал, что оно может дать «свои зловредные всходы, в особенности, если к этому приложит свои усилия иностранная интрига», намекая на роль англичан, поощрявших революционные армянские комитеты, некоторые из которых даже базировались в Лондоне. Признавая правоту армян, требовавших от султана реформ, Ламздорф констатировал, что, вследствие необходимости сохранять дружбу с Турцией, Россия не может брать на себя в этом почин. Тем не менее, это не означает, что Россия отказывается от покровительства христианскому населению Турции[500].

---

[498] Коренные интересы России. С.153
[499] Там же, С. 156.
[500] Там же, С. 156.

Следующим документом, в котором В. Н. Ламздорф изложил свои взгляды на политику России в Турции и на проблему Проливов, явилась обширная записка «О задачах внешней политики России в связи с англо-бурской войной», подготовленная для министра иностранных дел графа Муравьёва весной 1900 года. Данная записка хорошо известна историкам, поскольку неоднократно публиковалась (в первый раз была опубликована в журнале «Красный Архив»)[501].

Раздел записки, посвящённый Турции Ламздорф начал с тезиса о том, что утверждение России на берегах Босфора – заветное историческое призвание России, необходимость которого укоренилась в сознании всех людей, но сразу же оговорился, что последствия такого шага будут столь разнообразны, что обсуждение этого вопроса должно стать предметом Особого совещания с участием представителей всех заинтересованных ведомств. Однако Ламздорф считал необходимым, чтобы Россия была готова в любой момент опередить своих возможных конкурентов и немедленно занять берега Босфора в случае, если для этого будут благоприятные обстоятельства, либо, если сложится реальная угроза занятия Босфора военными силами третьей державы. Дабы облегчить задачу захвата Босфора в случае необходимости и не допускать усиления влияния иностранных держав в зоне Проливов, Ламздорф рекомендовал добиться согласия султана на выделение определённого района на южном берегу Чёрного моря, в пределах которого будет запрещена выдача иностранцам железнодорожных и любых других концессий, а также прекращения работ по укреплению Босфора. Данные меры в отношении проблемы Проливов Ламздорф считал вполне достаточными на текущий период и полагал, что, если от султана удастся добиться исполнения указанных выше требований, то Россия сможет спокойно выжидать дальнейшего хода событий[502]. В ответ на появившиеся в некоторых кругах идеи подыскать базу для русского флота на Средиземном море, Ламздорф указывает, что реализация подобного проекта распылит силы государства и будет настолько дорогой, что выгода не будет окупать материальных затрат[503].

---

[501] Красный Архив. – 1926. – №5. (Т.18). – С. 3-29.
[502] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 84. Л. 13; Коренные интересы России С.257-259.
[503] Коренные интересы России С.257-259.

§2. В.Н. Ламздорф и интересы России в Персии

В Персии в фокусе внимания В.Н. Ламздорфа находились пути сообщения. Россия была заинтересована строить в Персии железные дороги и развивать судоходство с целью укрепления там своего экономического и политического влияния. Через Персию Россия могла получить доступ к Персидскому заливу и Индийскому океану – зонам британского доминирования. Лондон не желал видеть конкурента на важных для себя торговых путях, тем более, что в непосредственной близости находилась Британская Индия. Россия также не могла позволить себе утратить позиции в Персии – под боком русский Туркестан. Вот почему русско-британское соперничество в Персии носило принципиальный характер.

Россия договорилась с Персией о концессии на строительство железной дороги. Персидское правительство параллельно заключило с Великобританией договор, согласно которому обещало предоставить аналогичную концессию на постройку железных дорог на юге страны англичанам в случае вступления в силу договора о концессии с Россией. Реакция Александра III была суровой. Узнав в марте 1887г. из депеши о желании персидского шаха, направляющегося в путешествие в Европу, проехать через Россию и посетить Петербург, царь сделал на документе помету: «И с этим шах воображает, что мы его примем в Петербурге? Пока он не уступит нам во всем, что мы от него требуем, он в Петербурге не будет»[504]. Как сообщает в дневнике первый советник МИД граф Ламздорф, министр иностранных дел Н.К. Гирс полностью поддерживал жёсткую позицию царя в персидском вопросе[505]. В.Н. Ламздорф, однако, не видел причин резко реагировать на политику Персии, тем более, что директор Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев уверенно заявил, что уже невозможно заставить шаха отказаться от этого договора с Британией[506]. Вместо жёстких выпадов в адрес Персии граф Ламздорф предложил «…просто объявить, что мы

[504] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С. 187.
[505] Там же.
[506] Там же, С. 202.

понимаем обязательства шаха в отношении России так и так, а затем прекратить до поры до времени разговор»[507]. Отказ шаху во въезде в Россию также был сочтён нецелесообразным, потому что, как сообщал посланник в Персии Долгоруков, это решение в будущем очень неблагоприятно отразилось бы на отношениях России с Персией. Шах, в случае отказа во въезде в Россию, воспользовался бы советом находящегося при его дворе англичанина Д. Вольфа и всё равно поехал бы в Европу, но только через Турцию[508]. В Тегеран только послали телеграмму, целью которой было выяснить точный смысл принятых на себя шахом обязательств[509]. Шах сделал все необходимые разъяснения, и Александр III дал согласие на его приезд в Петербург, правда в своей обычной грубоватой манере: «Пусть себе едет в Петербург, но желательно, чтобы он был здесь до приезда греческих величеств, то есть в середине мая самое позднее»[510]. Смягчение позиции России по отношению к шаху было абсолютно правильным решением, ведь, как указывалось в заметке персидского посланника в Вене, попавшей в руки русских дипломатов, ещё в январе 1887 года, шах стремился к соглашению с Россией, но всякий раз получал отказы. Такая политика, как следовало из перехваченной телеграммы персидского посланника в Вене, вызвало у персидских верхов подозрения о том, что Россия хочет держать Персию в униженном состоянии и мешать ей развиваться, что заставляло персов искать сближения с Великобританией. Ламздорф счёл информацию персидской телеграммы вполне достоверной[511].

В итоге, Россия договорилась с Персией, чтобы та не допускала железнодорожного строительства на своей территории в течение 4 лет. Директор азиатского департамента МИД Зиновьев считал, что России нужно стремиться продлить это соглашение, в то время как русские промышленники требовали разрешить им там железнодорожное строительство. В.Н. Ламздорфу доводы Зиновьева казались справедливыми, но запрещать железнодорожное

[507] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С. 202.
[508] Там же.
[509] Там же С. 203.
[510] Там же, С. 213.
[511] Там же С. 103.

строительство независимому государству – это, по представлениям графа, было неслыханно и невозможно[512].

В 1890 г. России удалось заставить шаха Насреддина взять на себя обязательство не допускать при своей жизни строительства железных дорог в Персии. Зиновьев считал этот договор крупным успехом, так как твёрдо полагал, что «любая железная дорога была бы полезна только иностранной торговле и вредна русской»[513].

Александр III после ряда дипломатических успехов настолько уверился в прочности позиций России в Персии, что предложил дать «как инструкцию посланнику… в Тегеране» статью из газеты «Русская жизнь», в которой говорилось: «Наши представители в Персии должны зорко наблюдать за всеми подкупами, ведущимися во вред России, противопоставляя этим последним не подкуп безличных и корыстных министров шаха, а своё «veto», которое одно без всякого золота, если будет поддержано твёрдо авторитетом России, достаточно для того, чтобы парализовать козни наших врагов», а также о том, что представителям России в Персии «надо держать «честно и грозно» русское знамя на Востоке, не давая ослабеть тому престижу России, который создан ценой права, а не подкупом и тайной интригой»[514]. Такие взгляды Александра III показались Ламздорфу самоуверенными и наивными[515].

Политический курс, выбранный В.Н. Ламздорфом в отношении Персии в период его пребывания на посту министра иностранных дел, был сформулирован в его записке 1900 года и состоял в том, чтобы поощрять русскую промышленность и торговлю, сооружать колёсные пути к ближайшим от России персидским рынкам, организовывать мореходное сообщение, обустраивать Энзелийский порт, улучшать почтовую и телеграфную связь. Однако Ламздорф был против получения Россией концессий на строительство железных дорог в Персии как по экономическим, так и по политическим соображениям.

---

[512] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. С. 262.
[513] Там же, С. 377.
[514] Там же, С.398.
[515] Там же.

Экономические соображения состояли в дороговизне строительства железной дороги, в низкой привлекательности этого проекта для российских капиталистов и в сомнительной прибыльности дороги. Политические соображения состояли в том, что строительство дороги немедленно спровоцировало бы английскую концессионную активность на юге Персии, чему Россия не смогла бы воспрепятствовать. Вот почему В.Н. Ламздорф высказался за продление на десять лет соглашения с Персией, обязывающего шаха не разрешать иностранцам строительства железных дорог в Персии, при условии, что и Россия не будет их там строить. Относительно неоднократных предложений Великобритании о разделе сфер влияния в Персии, Ламздорф замечает, что это «не принесло бы нам никакой пользы», потому что Россия, по его мнению, прочнее укрепилась на севере Персии, чем англичане на юге страны, «поэтому разделом Персии Россия поставила бы себе преграду к дальнейшему для нас движению за пределы северных провинций Персии»[516].

Месяц спустя, 29 февраля (13 марта) В.Н. Ламздорф подготовил для Муравьёва ещё одну записку, посвящённую железнодорожному вопросу в Персии. В документе пояснялось, что при получении моратория, расчёт строился на том, что за этот срок Россия произведёт изучение местных условий в Персии и подготовит необходимые средства для быстрого сооружения выгодных ей дорог, тем более, что на территории России на границе с Персией железные дороги до сих пор не были построены. Записка заканчивалась призывом не торопиться вступать в экономическую борьбу с иностранными предпринимателями в Персии, а дождаться времени, когда российские промышленники к ней будут вполне готовы[517].

Став министром иностранных дел, В.Н. Ламздорф старался придерживаться положений, сформулированных им в записке 1900 года. Разумеется, практика дипломатических отношений внесла поправки в теоретические конструкции, изложенные Ламздорфом. Некоторые положения, изложенные в записке «О

[516] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 84. Л. 14-14 об.
[517] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С. 400-401.

задачах внешней политики России…» нашли своё развитие или переосмысление в инструкции новому послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу в декабре 1902 года. Так, в частности, в отношении Проливов Ламздорф повторяет мысль, изложенную ещё в инструкции Зиновьеву в 1897г. и в записке 1900г., о том, что «императорское правительство стремится противодействовать усилению всякого иноземного влияния в Константинополе», оговариваясь, однако, что речь идёт, прежде всего о Германии, неожиданно приобрётшей в Турции преобладающее значение. Также В.Н. Ламздорф в инструкции Бенкендорфу выразил надежду на то, что удастся заручится поддержкой Великобритании в противодействии германскому проекту Багдадской железной дороги, поскольку он бросал вызов не только интересам России в регионе, но и интересам Великобритании. В отношении принадлежности Египта Ламздорф частично повторяет суждения, изложенные в инструкции Зиновьеву: Россия и Франция заинтересованы в сохранении Египта под властью Турции. Также Ламздорф не изменил свои взгляды на дела Персии. Он по-прежнему отказывался от идеи раздела там сфер влияния, считая, что от этого выиграет только Лондон[518].

Как мы видим из инструкции А.К. Бенкендорфу, уже к 1902 году курс России в отношении Великобритании стал постепенно меняться. Лондон по-прежнему рассматривался как главный соперник в Азии, но Ламздорфа и его коллег всё больше начинали беспокоить растущие амбиции Германии, для противодействия которым руководство МИД сочло необходимым идти на сближение с Великобританией. Перед лицом растущей угрозы со стороны Германии, старые противоречия с Лондоном перестали казаться непреодолимыми.

Важную роль в постепенном сближении между Россией и Англией сыграл новый российский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф. Ещё будучи посланником в Копенгагене, он в письме В.Н. Ламздорфу от 27 марта (9 апреля) 1901 года изложил свои взгляды в том духе, что, с превращением Японии в глобальный фактор международной политики, Россия нуждается в союзнике, но, по его мнению, поскольку только Великобританию и Германию можно рассматривать в

[518] Коренные интересы России. С.332-356.

качестве великих держав, Франция не может играть роль противовеса им в Европе, а в случае европейской войны она покажет свою бесполезность в качестве союзника, поэтому Бенкендорф предлагал искать сближения с Великобританией или Германией, с которыми, по его оценке, Россия могла бы найти общий язык как на почве дальневосточной политики, так и по проблемам Европы[519].

Каким бы англофилом ни был А.К. Бенкендорф, он не мог прекратить русско-английское соперничество в Азии, ярче всего проявившееся в начале 1900-х гг. в Персии, пока для этого не появились объективные предпосылки.

Курс на распространение российского влияния в Персии и сдерживание Великобритании, базировавшийся как на политико-дипломатическом, так и на экономическом фундаменте, оказался очень успешным. В 1901 году в Петербурге приняли решение выделить Персии заём. Англичане попытались воспротивиться этому. Первому секретарю английского посольства Ч. Гардингу было поручено предложить В. Н. Ламздорфу заключить русско-английский договор о совместном предоставлении Персии займа. По данному вопросу состоялось несколько бесед между В.Н. Ламздорфом и Гардингом. Сначала Ламздорф вообще отрицал факт переговоров между Россией и Персией, но обещал навести справки у министра финансов С. Ю. Витте, затем, признав факт персидского займа, объявил его частной инициативой Витте. Через некоторое время Ламздорф заявил Гардингу, что переговоры о займе с Персией всё ещё продолжаются. Препирательства Ламздорфа и Гардинга закончились на вопросе о независимости Персии. Ламздорф настаивал на том, что Персия как независимое государство имеет право заключать любое соглашение с любой другой державой, Гардинг настаивал на том, что Россия, предоставляя Персии заём, потребует от неё уступок в таможенной сфере и новых концессий, тем самым нарушая её независимость, что Ламздорф отрицал. Переговоры закончились ничем, и у Гардинга сформировалось мнение о Ламздорфе как о беспринципном лицемере[520]. Русско-персидский договор о займе вызвал в Лондоне панику и уныние. Англичане

[519] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 33-34.
[520] *Казем-Заде Фируз* Борьба за влияние в Персии. С. 300-301

всерьёз опасались, что влияние России в Персии станет настолько сильным, что Персия превратится во вторую Бухару. В январе 1902 года посол Великобритании Ч. Скотт вновь поднял тему персидского займа в разговоре с Ламздорфом, спросив, почему Россия не позволяет Персии взять в долг у Великобритании, упрекнув Россию в посягательстве на независимость Персии. Ламздорф спокойно выслушал Скотта, сделал несколько возражений и предпочёл сменить тему разговора[521]. Не добившись успеха в борьбе против российского займа Персии, англичане направили свои усилия против 6-й статьи договора, обязывающей Персию предоставить концессию на строительство нефтепровода, но и здесь успехов у англичан не было, потому что Ламздорф постоянно уходил от обсуждения этого вопроса, ссылаясь на Витте, так что у англичан сложилось представление, что всеми делами вокруг Персии руководит именно Витте, а Ламздорф лишь исполнитель его воли. Спустя ещё некоторое время, в середине февраля, В. Н. Ламздорф по согласованию с Витте заявил англичанам, что Россия не может дать исчерпывающего ответа на английские запросы, ввиду того, что концессию запрашивает частное учреждение, Учётно-ссудный банк Персии, но, по имеющейся у МИД информации, нефтепровод предназначен для перекачки только российской нефти, а потому не затрагивает иностранные интересы в Персии. Однако определённых успехов англичане всё-таки добились. В письме от 15 (28) февраля 1902 года В.Н. Ламздорф рекомендовал Витте ввиду британского вмешательства пойти на уступки, чтобы не подвергать риску сам заём для Персии, ведь шах может легко занять деньги у англичан. С.Ю. Витте согласился с мнением Ламздорфа: Россия предоставила Персии заём в 10 миллионов рублей под 5 % годовых, но отказалась от концессии на строительство нефтепровода[522].

Предоставленный Персии заём способствовал укреплению там влияния России. Промежуточные итоги русского проникновения в Персию были подведены на Особом Совещании в МИД под руководством В.Н. Ламздорфа. В Персии, как отмечалось в журнале Особого Совещания 7 июня 1904 г., России

[521] *Казем-Заде Фируз* Борьба за влияние в Персии. С. 310-311.
[522] Там же, С. 313-316.

удалось добиться крупных успехов. Особенно это касалось банковской сферы и транспорта. Контролируемый Россией Учётно-ссудный банк стал могущественным соперником Шахиншахского банка, учреждённого англичанами. Русский капитал принялся за железнодорожное строительство, организовал морское сообщение с персидским заливом[523]. Несмотря на успехи России, констатировалось, что Великобритания не оставляет попыток ослабить влияние России в Персии или вовсе его ликвидировать. Один из важнейших вопросов, обсуждавшихся на Особом Совещании, касался финансовой сферы. Ламздорф и министр финансов В. Н. Коковцов сообщили участникам совещания о том, что за последние годы Персии было предоставлено два займа: 22,5 миллионов рублей в 1900 г. и 10 миллионов рублей – в 1902 году, но Персия постоянно обращается с просьбами о новых займах, а также по отсрочкам платежей по накопившимся долгам. Была констатирована фактическая неплатёжеспособность Персии. В результате, Совещание постановило, что подходить к финансовым операциям в Персии необходимо с большой осторожностью. Вкладывать деньги туда можно только в случае конкретной выгоды, либо в случае острой необходимости[524]. Всесторонний анализ ситуации в Персии содержится в инструкции Ламздорфа посланнику в Персии А.Н. Шпейеру от 3 сентября 1904 года. В ней отмечалось, что в Персии происходит усиление агитации «враждебных и соперничающих с нами элементов», которые стараются «доказать персиянам, что великий северный сосед потерял для них значение»[525]. Ламздорф сообщил в инструкции, что для «борьбы с ложными слухами в Тегеране была организована доставка и распространение телеграмм торгово-телеграфного агентства»[526]. Министр иностранных дел инструктировал посланника в Персии, что главная цель России в Персии – «сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию.

[523] Красный Архив. – 1933. – № 1. (Т. 56). – С. 50.
[524] *Казем-Заде Фируз* Борьба за влияние в Персии. С.377-378.
[525] Красный Архив. – 1932. - № 4. (Т. 53). - С. 13
[526] Там же.

Сделать Персию политически послушной и экономически сохранить обширный персидский рынок для свободного применения на нём русского труда и капиталов»[527]. Особо Ламздорф отмечал необходимость вести в Персии упорную борьбу с Англией[528].

Благодаря политике В.Н. Ламздорфа, России даже в период войны с Японией удалось сохранить своё влияние в Персии. Уже в августе 1905 года Ламздорф докладывал очередному Особому Совещанию о том, что шах решил отказаться от политики метаний между английским и русским влиянием и бесповоротно принять сторону России. Однако надо заметить, что успехи в Персии обходились российской казне достаточно дорого: к тому моменту Россия уже вложила в Персию около 70 миллионов рублей[529]. Таким образом, Россия имела все основания не идти на уступки Великобритании в Персии, поскольку её положение там было весьма прочным. Только революция и возросшая германская угроза заставили российское правительство пойти с Великобританией на переговоры о разделе сфер влияния в Персии, что было сделано в 1907 году уже новым министром иностранных дел А.П. Извольским.

Итак, В.Н. Ламздорфу по наследству от прошлых министров иностранных дел достались многочисленные противоречия с Великобританией на Ближнем и Среднем Востоке. В.Н. Ламздорф, стремясь защитить интересы России, продолжил курс своих предшественников, направленный на закрепление за Россией как можно более обширной сферы влияния в этом регионе и на сдерживание британской экспансии. Степень успешности такой политики была различной: в Турции России удалось не допустить усиления английского влияния, и вопрос Проливов оказался на некоторое время «заморожен»; в Персии России удалось не только сохранить свою сферу влияния, но даже укрепить её.

Уже при Ламздорфе наметилась тенденция к расширению русско-английского взаимодействия. Отчасти это было вызвано усилиями российского посла –

---

[527] Красный Архив. – 1932. – № 4. (Т. 53). – С. 14.
[528] Там же, С. 15.
[529] *Казем-Заде Фируз* Борьба за влияние в Персии. С.389.

англофила А.К. Бенкендорфа, отчасти объективными причинами, связанными с опасениями возрастания мощи Германии.

После окончания русско-японской войны и революции 1905-1907гг. политически ослабленной России перед лицом нарастающей германской угрозы понадобился новый мощный союзник. Таким союзником стала Великобритания. Ради союза с ней Россия была вынуждена пойти на определённые уступки, согласившись, в частности, на раздел Персии на сферы влияния, но эти соглашения с Великобританией заключал уже новый министр иностранных дел А.П. Извольский.

Глава 5. В.Н. Ламздорф и дальневосточная политика России

§1. В.Н. Ламздорф о дальневочточной политике России в 1880-е гг.

Дипломатические сношения с государствами Дальнего Востока - Китаем, Японией и Кореей - никогда не являлись для Российской империи приоритетными. Главной ареной внешнеполитической активности России традиционно являлась Европа, Балканы и Ближний Восток. Однако на рубеже XIX-XX веков ситуация значительно изменилась. Россия сделала в своей внешней политике крутой разворот, обратив взор на Восточную Азию, где, как казалось многим государственным деятелям, перед Россией открываются грандиозные перспективы. Эти иллюзии в будущем имели роковые последствия, способствовав вовлечению России в войну с Японией. В.Н. Ламздорф входит в число тех государственных деятелей, кто, перенаправив вектор внешней политики империи на восток, пожинал горькие плоды своих ошибочных решений.

До середины 1890-х гг. события, происходящие на берегах Тихого океана, редко попадали в поле зрения В.Н. Ламздорфа. Самым ранним из обнаруженных нами документов, в которых сформулированы его взгляды на дальневосточную политику России, является «Политический обзор за 1888 год». В данной аналитической записке тогда ещё советник министра иностранных дел бегло рассматривает ключевые вопросы русско-японских, русско-китайских отношений и формулирует официальную позицию российского МИД относительно положения Кореи. Состояние русско-японских отношений В.Н. Ламздорф считал вполне удовлетворительным: «Благодаря отсутствию каких бы то ни было поводов к соревнованию, отношения наши с Японией сохранили дружественный характер»[530]. Однако не обошел он и некоторые неприятные инциденты, которые возникали в русско-японских отношениях. Так, например, дипломат сообщает: «Минувшим летом появилась было в одной из официальных японских газет

[530] ГАРФ. Ф. 568. Оп 1. Д. 55. Л.13.

статья, в коей повторялись избитые инсинуации относительно честолюбивых замыслов России и необходимости не доверять ей»[531].

Отношения России с Китаем Ламздорф считал более напряжёнными, нежели с Японией. Причиной напряжённости являлась Корея. Ламздорф писал: «Положение Кореи служит по-прежнему предметом частых объяснений наших с китайскими министрами… Правительство Богдыхана, под влиянием враждебных нам внушений подозревает нас в намерении принять под протекторат России означенную страну. Такое намерение совершенно нам чуждо…»[532].

Подозревать Россию в желании присвоить находящуюся в вассальной зависимости от него Корею, Китай заставляли сами корейцы, испытывавшие притеснения со стороны империи Цин и желавшие найти другого покровителя, в качестве которого, как им казалось, могла выступить Россия. Корейцы обратились к властям России с просьбой принять их страну под свой протекторат, но министр иностранных дел Н.К. Гирс посоветовал императору Александру III руководствоваться в корейском вопросе принципом строгого нейтралитета[533]. Солидарен с Н. К. Гирсом был и В.Н. Ламздорф. Оба дипломата считали, что оккупация и подчинение Кореи не принесут пользы России, так как Корея имеет протяжённую изрезанную береговую линию, очень неудобную с точки зрения её обустройства и охраны[534].

Решение не вступать в конфликт с Китаем было официально принято руководством страны по результатам Особого Совещания, проходившего 26 апреля (8 мая) 1888 года. В журнале Особого Совещания было записано его решение: «Приобретение Кореи не только не обещало бы нам никаких выгод, но и не преминуло бы повлечь за собой весьма неблагоприятные последствия»[535]. Этот вывод конкретизировался следующим образом: «Так как принятие корейских интересов под нашу исключительную защиту, не обещая нам никаких выгод, может вовлечь нас в затруднения, то корейскому правительству, в случае

[531] ГАРФ. Ф. 568. Оп 1. Д. 55. Л. 13об.
[532] Там же, Л. 14об.
[533] Там же.
[534] Там же.
[535] Красный Архив. – 1932. – № 3. (Т. 52). – С. 55.

встреченной им потребности во внешней поддержке, надлежит советовать прибегать к содействию всех вообще иностранных представителей в Сеуле. Вмешательство наше во внутренние дела Кореи должно быть крайне осторожно и строго ограничено лишь теми случаями, когда оно может помешать внутренним осложнениям и смутам»[536].

Мирные и добрососедские отношения с Китаем были заявлены в качестве приоритета российской дипломатии: «Мы должны стараться поколебать в китайцах поддерживаемое в них нашими недоброжелателями подозрение, что мы сами имеем виды на Корею и вселить в них убеждение, что точное соблюдение Тяньцзинского соглашения вполне нас удовлетворяет»[537].

§2. Отношение В.Н. Ламздорфа к экспансии России на Дальнем Востоке

В 1890-е гг. Россия всё больше обращала свой взор на Дальний Восток. Поворот во внешней политике был тесно связан с двумя факторами: началом строительства Транссибирской железной дороги и японо-китайской войной1894-1895гг.

Реализация грандиозного плана строительства Транссибирской железной дороги, нацеленного на освоение российского Дальнего Востока и на экономическую экспансию за пределы империи, прежде всего в Китай, который должен был стать новым гигантским рынком сбыта продукции для быстро развивающейся российской промышленности, связана с именем С.Ю. Витте[538]. Успешно начавший претворение в жизнь своего амбициозного плана, министр финансов, дал толчок появлению в недрах бюрократического аппарата целой серии прожектов, касающихся Дальнего Востока.

---

[536] Красный Архив. – 1932. – № 3. (Т. 52). – С. 61.
[537] Там же, С. 59.
[538] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 622-623.

Один из самых известных авантюрных планов такого рода был изложен в обширной записке на имя императора в 1893 г. Петром Александровичем Бадмаевым, тогда чиновником азиатского департамента МИД[539].

В марте 1894 г. военный министр П.С. Ванновский тоже написал записку о политике России в Китае, в которой предлагал присоединение к России части китайской территории. Записка была благожелательно принята императором. Реакция Ламздорфа, напротив, была прямо негативной[540]. Для В.Н. Ламздорфа и его коллег на том этапе экспансионистские планы в отношении государств Востока были неприемлемы. Все высокопоставленные сотрудники МИД прекрасно осознавали, что у России на восточной окраине не было необходимых ресурсов для осуществления сколь-либо масштабных экспансионистских замыслов. Однако вскоре взгляды руководства МИД вообще и В.Н. Ламздорфа в частности были серьёзно скорректированы начавшейся японо-китайской войной.

В Санкт-Петербурге рассчитывали на победу Китая, поэтому неожиданные успехи японцев очень озадачили российских дипломатов. В панических тонах была составлена депеша посланника в Китае графа А.П. Кассини писавшего, что в недалёком будущем можно ожидать развала империи Цин, свержения династии и избиения иностранцев, если не удастся без промедления заключить мир[541].

В Петербурге пришли к выводу, что успехи Японии затрагивают интересы России. В. Н. Ламздорф зафиксировал в своём дневнике, что на совете, состоявшемся 20 января (1февраля) было решено договориться с Англией и Францией об умиротворении Дальнего Востока и совместно рекомендовать Японии проявить умеренность в её требованиях к Китаю. Совещание пришло к выводу, что важнейшей задачей России является сохранение независимости и неприкосновенности Кореи. На случай сопротивления со стороны Японии было принято решение усилить военно-морские силы[542]. Несмотря на доминирование на этом совещании военных во главе с великим князем Алексеем

---

[539] За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. М., 2011. С. 68-73.
[540] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С.139
[541] Там же, С. 140
[542] Там же.

Александровичем, предлагавшаяся ими идея воспользоваться ситуацией и приобрести незамерзающий порт в Корее не получила поддержки[543]. Позднее, на исходе 1896 года, А.А. Половцов, знакомый с дальневосточными делами по рассказам А.Б. Лобанова-Ростовского, критиковал в своём дневнике такую позицию Гирса, Ламздорфа и Капниста, утверждая, очевидно вслед за Лобановым-Ростовским, что главной задачей России в данной ситуации являлось сохранить у своих границ слабый Китай и не позволить агрессивной и динамичной Японии утвердиться на материке[544].

Однако решающее слово оставалось за императором Николаем II, проявлявшим, как отметил граф Ламздорф, симпатию к китайцам и недоверие к японцам[545].

Именно по инициативе Николая II, горячо поддержанной Витте, в марте 1895 году между Россией, Францией и Великобританией было достигнуто соглашение об ограждении независимости Кореи[546], а 11(23) апреля, вскоре после подписания Симоносекского мирного договора между Китаем и Японией, представители России, Франции и Германии один за другим нанесли визит японскому министру иностранных дел графу Тадасу Хаяши, и каждый вручил ему послание аналогичного содержания. В посланиях выражались опасения того, что захват Японией Ляодунского полуострова угрожает Пекину и независимости Кореи. Державы «рекомендовали» Японии очистить Ляодунский полуостров. Требование было подкреплено появлением флотов всех трёх держав в Тихом Океане. На случай сопротивления Японии Россия мобилизовала ещё и Приамурский военный округ[547]. В конце апреля Япония согласилась уступить Ляодун в обмен на увеличение репараций на 30 миллионов таэлей[548].

Граф Ламздорф, внимательно следивший за развитием событий, считал, что России не следовало в столь резкой форме навязывать Японии свою волю. Он

---

[543] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С.197.
[544] *Половцов А.А.* Дневник 1893-1909. С.184.
[545] Там же.
[546] История дипломатии. С. 677.
[547] Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д. Навстречу Восходящему Солнцу С. 209-210.
[548] История дипломатии М., 2009. С. 678.

полагал, что Россия должна была ясно и твёрдо изложить Японии свои возражения ещё до подписания мирного договора. Тогда, по его мнению, можно было бы добиться желаемого от этой страны, сохранив с ней наилучшие отношения. Согласованность с Германией и Францией графу также казалась не безупречной, поскольку Франция колебалась, а Германия, присоединившись к коалиции, стремилась «вбить клин» между Россией и Францией. Также, Ламздорф не исключал, что такая дальневосточная политика приведёт к войне, что было бы «плачевно» для России[549].

2 мая Ламздорф обратил внимание на две телеграммы, касающиеся Дальнего Востока. Первая телеграмма из Кореи сообщала о том, что японцы, несмотря на договорённости относительно независимости Кореи, оказывают давление на корейское правительство. Вторая телеграмма из Йокогамы сообщала о сильном возмущении в японском обществе, вызванном уступками европейским державам[550], что свидетельствовало о том, что Япония рано или поздно попытается взять реванш.

Между тем, уже в середине мая Англия стала подозревать, что реальной целью русской политики является захват Ляодунского полуострова с Порт-Артуром[551]. И эти подозрения не были безосновательными. В.Н. Ламздорф 20 мая записал в дневнике содержание своего разговора с И.А. Зиновьевым, посланником в Швеции. Вернувшись с торжественной церемонии спуска на воду новых боевых кораблей Балтийского флота, Зиновьев сообщил, что моряки поговаривают о необходимости приобретения незамерзающего порта на Тихом океане, потому что Балтийский флот в случае войны оказывается под угрозой блокады, а суровая природа Балтийского моря плохо влияет на сохранность брони кораблей[552].

Между тем, положение, в котором оказался Китай, благоприятствовало воплощению мечты российских моряков о приобретении незамерзающей стоянки для военно-морского флота. Поскольку доходы Китая в год обычно не превышали

---

[549] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 168.
[550] Там же, С.171.
[551] Там же, С.171.С.182.
[552] Там же, С. 186.

90 млн. таэлей, китайское правительство, чтобы выплатить контрибуцию, вынуждено было обратиться к международной помощи. Первоначально борьба за предоставление займа Китаю развернулась между Лондоном и Берлином, но китайское правительство принципиально не захотело брать деньги у англичан из-за их симпатий к Японии. Этим решил воспользоваться С.Ю. Витте, считавший, что организовать предоставление займа Китаю было бы полезно для укрепления там русского влияния.

В середине мая 1895г. российская сторона обратилась к французским банкирам. Согласно договорённости с Китаем, ни Великобритания, ни Германия не должны были участвовать в сделке. Несмотря на англо-германские возражения, уже через месяц Китай согласился на русско-французское предложение. 24 июня (6 июля) 1895 г. было подписано соглашение о предоставлении займа Китаю в размере 100 млн. руб. золотом под 4 % с 36-летним сроком погашения. Заём покрывал две пятых контрибуции, которую должен был выплатить Китай. Основную сумму выкупил французский банковский синдикат, а Россия выступила гарантом займа[553].

Как констатировал в дневнике В.Н. Ламздорф, политический ход С.Ю. Витте с займом для Китая стал полной неожиданностью как для иностранных политиков и финансистов, так и для русских дипломатов, включая директора Азиатского департамента. Французское правительство было озадачено: с одной стороны, оно хотело удружить России, но, с другой стороны, до конца не понимало на какие цели пойдёт заём, каковы гарантии и боялось критики парламентской оппозиции. Германские дипломаты и банкиры, в свою очередь, были обеспокоены тем, что, если переговоры о займе с Россией завершатся успешно, то будет сорвано заключение займа с синдикатом ведущих банков Англии, Франции и Германии.

В связи со сложившейся обстановкой, Ламздорфа беспокоила перспектива испортить отношения с Германией и Францией. Также он опасался, что сумма

[553] Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д. Навстречу Восходящему Солнцу С. 219-220.

займа будет недостаточной для отвода японских войск с Ляодунского полуострова[554].

В самом конце мая Германия перешла к тактике давления на Россию. Германский дипломат барон Маршаль сообщил, что немецкая пресса и общественное мнение считают русский заём для Китая актом враждебным Германии и унижающим её перед Францией. Маршаль, ссылаясь на трудное положение германского правительства, которое находится под давлением общественного мнения, умолял не допускать ратификации соглашения с Китаем[555]. В ответ на просьбу немецкой стороны, министр иностранных дел Лобанов-Ростовский телеграфировал русскому посланнику в Берлине, что Россия не может взять обратно слово, данное Китаю, потому что это подорвало бы престиж России. Необеспеченной займом оставалась вторая половина контрибуции Китая, поэтому Лобанов сообщил, что Россия готова действовать совместно с другими державами в обеспечении займа для второй половины китайской контрибуции.

Великобритания и Германия оказывали давление и на Китай, убеждая его правительство в том, что Россия стремится превратить Китай в своего вассала[556]. Кроме того, Германия, в пику России, стремившейся как можно быстрее очистить Ляодунский полуостров от японского присутствия, уговаривала Японию не выводить оттуда свои войска до получения, причитающегося ей возмещения.

Граф В.Н. Ламздорф скептически относился к стратегии, выбранной российской дипломатией в дальневосточной политике. Он считал, что в итоге в выигрыше останется одна Франция, чьи банкиры получат хорошую прибыль, а Россия окончательно испортит отношения с Германией и получит новые осложнения на Дальнем Востоке[557].

Несмотря на обеспокоенность великих держав резкой активизацией российской политики на Дальнем Востоке, план «мирного проникновения» в

---

[554] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 191-193.
[555] Там же, С. 195.
[556] Там же, С. 198.
[557] Там же, С. 202-203.

Китай, принадлежащий С.Ю. Витте, начал осуществляться вполне успешно. России удалось за короткий срок и с минимальными затратами не только вытеснить Японию из Китая, но и предоставить ему заём, ставший удобным рычагом политического давления на Поднебесную.

Тем временем, Транссибирская железнодорожная магистраль, призванная связать центр России с Владивостоком, уже была доведена до Байкала. Оставалось достроить восточный отрезок дороги, но его проект оказался спорным. Исследования инженеров показали, что прокладывать дорогу вдоль Амура по русской территории будет проблематично из-за слишком холмистой или наоборот часто затопляемой местности[558]. Также выяснилось, что, прокладка железной дороги к Владивостоку по китайской территории позволила бы сократить протяженность пути с 2000 до 1400 километров и значительно уменьшить стоимость проекта[559].

Летом 1895г. новый министр путей сообщения князь М.И. Хилков санкционировал негласную отправку группы инженеров в Китай для прокладки маршрута. Министерство иностранных дел первоначально не было проинформировано об этой экспедиции. В итоге, Кассини с удивлением передал в Петербург жалобы китайского правительства по поводу разъезжающих по северу Китая русских офицеров и инженеров[560]. Вскоре недоразумение было улажено. Китайские власти согласились оказывать содействие 4 русским инженерам с переводчиками и конвоем (всего 88 человек). Предложение сохранять инкогнито было отвергнуто во избежание новых недоразумений с китайцами.

Параллельно с железнодорожниками экспедицию в Китай, на Ляодунский полуостров готовило военное министерство, но затем экспедиция была отменена, очевидно, под давлением министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского, боявшегося международных осложнений. Об этом граф Ламздорф узнал случайно

---

[558] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 226.

[559] Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д. Навстречу Восходящему Солнцу С. 225.

[560] Там же, С. 227.

из соответствующей телеграммы, которую он обнаружил, вскрывая пакет с дипломатической почтой[561].

29 октября в Петербург пришло сообщение о том, что Китай оплатил первый взнос по военной контрибуции, соглашение об эвакуации Ляодуна было подписано, и Япония отказалась от статьи договора, обязывавшей Китай никогда не уступать полуостров другой державе[562].

Теперь Россия действовала в Китае свободно. 15 ноября на секретной телеграмме посланника в Пекине графа Кассини, в которой он сообщал о заключении франко-китайской железнодорожной конвенции и намекал, что теперь Россия может договариваться с Китаем на аналогичных условиях, Николай II сделал помету: «Прошу переговорить с министром финансов. Я думаю, что теперь именно время на переговоры с Китаем для получения концессии на постройку через Маньчжурию железной дороги из Забайкалья прямо во Владивосток». В.Н. Ламздорф, всегда предпочитавший осторожность в делах внешней политики, на этот раз подпал под влияние всеобщего воодушевления, царившего в обществе, и, находясь в сладком предвкушении плодов дипломатических побед, записал дневнике: «Итак, мы вот-вот начнем, наконец, пытаться извлечь некоторые реальные и ощутимые выгоды из наших блестящих дипломатических успехов на Дальнем Востоке!»[563]

Дальнейшие шаги в сторону усиления российского влияния в Китае не заставили себя долго ждать. Вслед за получением концессии на строительство железной дороги через территорию Китая, туда началось активное проникновение российского капитала. 29 ноября группой французских банков и одним русским банком был учреждён Русско-Китайский банк. Банк пользовался покровительством русского правительства и проводил разнообразные операции на Дальнем Востоке, включая финансирование китайских властей, сбор налогов, получение различных концессий на всей территории Китая[564].

---

[561] *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894-1896. С. 283-284.
[562] Там же, С. 289.
[563] Там же, С. 315-316.
[564] История дипломатии. С. 679.

В марте 1896г. делегация Поднебесной империи отправилась на торжества, посвящённые коронации Николая II. Возглавил делегацию Ли Хунчжан. За это время Витте удалось убедить Ли Хунчжана, что железная дорога нужна самому Китаю, так как Россия сможет перебрасывать войска на помощь Китаю в случае нападения на него Японии. Кроме того, С.Ю. Витте использовал подкуп.

Обещания Витте, сделанные Ли Хунчжану относительно защиты Китая, были подкреплены 22 мая (3июня) 1896 года подписанием русско-китайского союзного договора, направленного против Японии, и предусматривавшего обоюдную военную помощь в случае нападения Японии на одну из договаривающихся сторон. В договоре также было прописано, что Россия сооружает железную дорогу через территорию Китая с целью быстрейшей переброски войск на помощь этой стране[565]. Чтобы сделать менее заметной роль русского правительства, было решено во главе проекта по сооружению железной дороги поставить Русско-Китайский банк.

27 августа того же года был подписан договор о начале строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Концессия на железную дорогу в 1500 километров была самой большой, на которую когда-либо соглашались Цины. Общество КВЖД получало щедрые привилегии в виде освобождения от налогов; пошлины с товаров, перевозимых по железной дороге, были на 33% ниже, чем по морю. Администрация дороги располагала вооружённой охраной и фактически осуществляла сбор налогов и судопроизводство в зоне железной дороги[566].

Вмешательство крупных международных игроков – России и Японии в дела Китая привели к своеобразной «цепной реакции». Получить свою долю при разделе Поднебесной пожелали и другие великие державы. Германия стала первой в этой череде, захватив 2 ноября 1897 года китайский порт Циндао под предлогом мести за двух убитых в провинции Шандун немецких миссионеров[567].

---

[565] История дипломатии. С. 230-232.

[566] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 233-234.

[567] Там же.

Для русских правящих кругов случившееся стало неожиданностью, несмотря на то, что ещё в августе 1896 г. посланник в Пекине Кассини сообщал о намерениях Германии: «…барон Гейкинг конфиденциально передал мне, что германское правительство поручило ему, между прочим, попытаться выговорить от китайского правительства постоянную угольную станцию для германской эскадры на Дальнем Востоке; он объяснил также, что Германия сперва имела виды на Амой, но что различные соображения заставили ее отказаться от этого порта и что вслед за тем германское правительство обратило свое внимание на бухту Киао-Чао в Шандунской провинции, как на порт, во всех отношениях представляющий существенные преимущества»[568]. Захват Циндао вызвал в политических верхах России смятение. В Санкт-Петербурге никто не хотел ссориться с Германией из-за Китая, но и смириться со случившимся было непросто. Император Николай II телеграфировал Вильгельму, что он не может «ни одобрить, ни не одобрить» занятие Циндао, но опасается, что «строгие карательные меры могут вызвать беспорядки и недружелюбные отношения на Дальнем Востоке и, может быть, создадут еще более глубокую пропасть между христианами и китайцами»[569]. Министр иностранных дел граф Муравьёв, выражая коллективное мнение МИД, возложил надежды на вмешательство других держав, которые могли бы заставить Германию покинуть Шандун. Позицию МИД Муравьёв изложил поверенному в делах в Берлине Палену: «Мы надеемся, впрочем, что германо-китайский инцидент будет мирно улажен и, благодаря вмешательству других держав, положение не осложнится»[570].

В начале ноября прошло Особое Совещание под председательством императора. Помимо С.Ю. Витте были приглашены военный министр П.С. Ванновский, морской министр П.П. Тыртов и министр иностранных дел Муравьёв. Участники совещания предварительно были ознакомлены с запиской графа Муравьёва, в которой он указывал, что захват немцами Циндао является удобным моментом для приобретения Россией незамерзающего порта на Тихом

[568] Красный Архив. – 1938. – № 2 (Т. 87). – С. 30.
[569] Там же, С. 37.
[570] Там же, С. 39.

океане. В записке предлагалось занять Порт-Артур или соседний портовый город Далянвань. С.Ю. Витте был решительно против такого шага, считая, что он нарушит хорошие отношения с Китаем и Японией. Графа Муравьёва поддерживал военный министр, а морской министр высказался, что России следовало бы иметь стоянку в Корее. Во время совещания император соглашался с мнением Витте, но спустя несколько дней, после доклада министра иностранных дел об угрозе захвата Ляодунского полуострова англичанами, принял решение отправить русскую эскадру для занятия портов на полуострове[571]. Записка Муравьёва была представлена императору 11 ноября; Особое Совещание прошло 14 ноября, но ещё раньше, 4 ноября товарищ министра иностранных дел В.Н. Ламздорф предложил Николаю II воспользоваться представившемся случаем, чтобы занять какой-либо удобный для русских интересов порт[572]. 1 декабря контр-адмирал Реутов, находившийся в Нагасаки, получил приказ следовать в Порт-Артур в обстановке полной секретности. 4 декабря он, имея под своим командованием 2 крейсера и канонерскую лодку, беспрепятственно вошёл в Порт-Артур[573].

Министерство иностранных дел первоначально ввело в заблуждение китайцев, объяснив появление русской эскадры целями защиты Китая[574]. Китайцы сами попросили помощи в выдворении немцев, а китайское правительство специально для этой цели открыло российским кораблям все порты региона[575]. Разумеется, Россия не стала предпринимать никаких шагов для выдворения немцев из Циндао. Китайским чиновникам было объяснено, что, так как китайцы сами ушли из Циндао, то появление там после этого русских судов «было бы равносильно признанию нами установившегося там ненормального порядка»[576].

Вскоре новый русский посланник в Пекине А.И. Павлов предъявил условие, по которому Китай должен был передать России в аренду на 25 лет всю

---

[571] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 449-452.
[572] *Лукоянов И.В.* Порт-Артур в политике России (конец XIX в.). Вопросы истории, 2008, № 4 С.52-53.
[573] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 256.
[574] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 454
[575] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 256
[576] *Лукоянов И.В.* Порт-Артур в политике России (конец XIX в.).// Вопросы истории. – 2008. – № 4. – С. 52.

Квантунскую область вместе с городами Порт-Артуром и Даляньванем. Д. Д. Покотилов, агент министерства финансов, ведший переговоры с двумя высокопоставленными китайскими чиновниками Ли Хун-Чжаном и Чан Ин-Хуаном, обещал им соответственно 500 и 250 тыс. рублей. Соглашение об аренде было подписано 15 марта 1898 года[577]. Помимо взяток свою роль сыграли угрозы применения силы и разрыва с Китаем оборонительного союза[578]. Что же подтолкнуло руководство министерства иностранных дел (В.Н. Ламздорфа, а с его подачи и министра М.Н. Муравьёва), обычно избегавшее политического авантюризма, настаивать на фактическом захвате иностранного порта? Почему для такого решения был избран именно данный момент? Наконец, почему был выбран именно Порт-Артур? Ответы на эти вопросы, по-видимому, следует искать в сложившейся на тот момент ситуации. Во-первых, Россия действительно нуждалась в наличии незамерзающего военно-морского порта для укрепления своего положения в тихоокеанском регионе. Об этом много раз заявляли представители Морского министерства. Захватив Циндао, Германия создала для России чрезвычайно удобный прецедент, проигнорировать который было просто невозможно. В противном случае, прецедентом обязательно бы воспользовался кто-нибудь другой, тем более, что уже в МИД поступали недвусмысленные сигналы от русских дипломатических представителей, свидетельствовавшие о намерении Великобритании воспользоваться ситуацией. Во-вторых, занятие китайского порта давало российским властям дополнительный рычаг политического давления на Поднебесную, который мог понадобиться в любой момент, как в связи с нестабильностью в самом Китае, так и в связи с активностью там иностранных держав, стремившихся оторвать Китай от союза с Россией. Наконец, в-третьих, дипломаты, и прежде всего Ламздорф, были убеждены, что альтернативный Порт-Артуру вариант – приобретение незамерзающего порта в Корее – невозможен в связи с позицией Японии. Ламздорф был убеждён, что попытки России приобрести порт в Корее вызовут

[577] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 456.
[578] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 257.

самую враждебную реакцию в Японии, рассматривавшей Корею в качестве зоны своих интересов и своего влияния. Напротив, получение порта в Китае могло, по его мнению, способствовать урегулированию русско-японских противоречий. Недовольство же самого Китая, слабого и зависимого от российских денег, не могло, по его мнению, причинить интересам России значительного ущерба[579].

Тем не менее, последствия такого грубого навязывания Китаю своей воли были далеко не однозначными как с точки зрения международного права, так и с точки зрения интересов самой России. Например, С.Ю. Витте весьма резонно отметил, что захват Россией Ляодунского полуострова спровоцировал Великобританию захватить китайский порт Вэйхайвэй, а Японию требовать для себя прав в Корее[580].

Следует заметить, С.Ю. Витте, неизменно позиционирующий себя в качестве дальновидного и благоразумного сановника, внёс в тот период времени весомую лепту в обострение отношений России с иностранными державами, настоятельно рекомендовав руководству МИД с целью обеспечения безопасности Порт-Артура потребовать от Китая запретить иностранцам любое железнодорожное строительство на юге Маньчжурии. Министру финансов удалось убедить в своей правоте В. Н. Ламздорфа, который в середине февраля направил А.И. Павлову инструкцию, предписывающую требовать у китайских властей запрещения на получение иностранцами концессий на строительство железных дорог в Маньчжурии. В случае отказа китайцев исполнять русские требования, Ламздорф предписал Павлову пригрозить им использованием силы. Высокопоставленные китайские чиновники предложили Павлову компромиссный вариант: железная дорога будет достроена только до Мукдена, а дальше до соединения с КВЖД её будут строить русские, но по распоряжению Ламздорфа Павлов наотрез отказался от такого варианта[581].

Чтобы несколько смягчить недовольство англичан, было принято решение не требовать удаления от строительства железной дороги британского инженера К.

---

[579] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С.307-308

[580] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 457.

[581] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 146.

Киндера, а предложить выгодный контракт на сооружение русской магистрали, о чём В. Н. Ламздорф также телеграфировал А.И. Павлову. Тем не менее, контракт так и не был заключён, и снова по инициативе министра финансов Витте, очевидно приобрётшего необходимую для такого шага уверенность после подписания с Китаем соглашения об аренде Ляодунского полуострова[582].

С. Ю. Витте, чувствовавший себя абсолютным хозяином Маньчжурии, неизменно находил поддержку своим действиям в МИД. В этой связи характерен случай, относящийся к январю 1900 года, когда Ламздорф по просьбе министра финансов дал указание посланнику в Пекине просить китайское правительство не давать разрешения экспедиции, организованной сотрудником Русско-Китайского банка В. Ю. Гротом проводить изыскание для будущего строительства железной дороги Пекин – Калган – Кяхта. Данный проект являлся конкурентом плана Витте довести КВЖД до Пекина.

Несмотря на то, что, как было сказано выше, министерство иностранных дел оказывало всякое содействие деятельности Витте, его чрезмерные амбиции вызывали понятное раздражение дипломатов, которые не желали становиться безмолвным орудием его воли и обслуживать интересы министерства финансов. Красной чертой, за которой заканчивалась уступчивость МИД, явилось предложение Витте, заключающееся в том, чтобы МИД давал своё согласие на передачу концессий только по рекомендации министерства финансов. Естественно, что В. Н. Ламздорф ответил на такое предложение вежливым, но твёрдым отказом[583].

Напряжённая ситуация, сложившаяся в отношениях России с рядом иностранных держав в связи с приобретением Россией Ляодунского полуострова, требовала незамедлительного решения, и российскому МИД удалось на время разрядить ситуацию путем заключения соглашений с Великобританией и Японией о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке. 13(25) апреля 1898г. был подписан русско-японский протокол о равенстве прав в Корее. Державы

---

[582] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 147.
[583] Там же, С. 185.

взаимно признали независимость Кореи, обязались воздерживаться от вмешательства в её внутренние дела, взаимно обязались не назначать без консультаций друг с другом военных инструкторов, а Россия дополнительно обязалась не препятствовать японской торговле и промышленности в Корее[584]. По мнению С. Ю. Витте, МИД пошёл на соглашение с Японией, опасаясь военного столкновения с этой страной. Договор действительно способствовал на некоторое время успокоению японской дипломатии[585]. За год до подписания данного договора помощник министра иностранных дел В.Н. Ламздорф очертил основные принципы русской политики в Корее в инструкции посланнику в Токио Р.Р. Розену. Из инструкции хорошо видно, что уже тогда российская дипломатия, ожидавшая в самое ближайшее время перехода Кореи в зону влияния Японии, направляла усилия на максимальное смягчение для России негативных последствий от этих политических изменений. Прежде всего, в инструкции однозначно констатировалось то, что Россия не намерена аннексировать Корею ни сейчас, ни в будущем. Приоритетом русской политики в Корее было определено усиление там русского влияния с целью недопущения потенциальных опасностей, которые могли бы исходить оттуда после подпадания Кореи под влияние Японии. Наряду с этим, вторым приоритетом было выбрано поддержание дружеских отношений с Японией, во имя чего российская сторона признавала торговые преимущества Страны Восходящего Солнца в Корее[586].

Что же касается рассмотренного выше русско-японского соглашения по Корее, то В. Н. Ламздорф относился к числу его сторонников, рассчитывая, правда, что России удастся сохранить своё военное влияние в Корее, уступив японцам в торговой сфере. Именно поэтому Ламздорф рекомендовал не спешить с заключением договора, считая, что сперва следует договориться с Великобританией. Но японцы не желали ждать, спровоцировав беспорядки в Сеуле под антироссийскими лозунгами. События в Сеуле подтолкнули чрезвычайно осторожного по своей природе Ламздорфа не только, форсировав

---

[584] Ш*ацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 72-73.
[585] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 458.
[586] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 257.

события, пойти на переговоры с японцами, но и оправдываться перед ними, доказывая, что русская активность в Корее не носила экспансионистский характер и имела своей целью поддержку независимости Кореи[587]. Такое поведение российской дипломатии японцы могли трактовать только как проявление слабости. Таким образом, мы с сожалением можем констатировать крупный политический просчёт В.Н. Ламздорфа. Однако он сам рассчитывал на то, что японцы будут готовы к встречным уступкам по отношению к России. Именно в таком ключе товарищ министра иностранных дел освещал дальневосточный вопрос во всеподданнейших докладах императору. В частности, он ожидал от японцев признания независимости Кореи и ограниченного вмешательства во внутренние дела этого государства. В случае же упорства с их стороны, Ламздорф предлагал ввести войска на север полуострова. При этом собственно корейские интересы В.Н. Ламздорф предпочитал начисто игнорировать, отказывая даже в приёме корейских официальных лиц[588].

Договориться с Великобританией для России было куда важнее, чем с Японией. Интересы Великобритании и России постоянно сталкивались в зоне черноморских проливов, в Турции, Персии, Центральной Азии. Теперь они столкнулись и на Дальнем Востоке. В январе 1898 года англичане инициировали по дипломатическим каналам консультации с министерством иностранных дел России на предмет возможного раздела сфер влияния на Дальнем Востоке. По поручению из Лондона британский посол в Петербурге О’ Конор 7 и 13 января встречался с министром иностранных дел России Муравьёвым. Англичане пространно намекали на желание разделить Турцию и Китай на сферы влияния. Черноморские регионы Турции, по их мнению, могли бы отойти в зону влияния России, а аравийские и африканские владения Османов тогда попадали бы под протекторат Лондона. В Китае долина реки Хуанхэ и территории к северу от неё, по английскому плану, могли быть закреплены за Россией, в то время как долина Янцзы и территории южнее становились зоной влияния Британии. Однако вскоре

[587] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 271-272.
[588] Там же, С. 274.

англичане стали формулировать вопрос осторожнее, говоря только о договоре с целью сохранения status quo. Муравьёв, со своей стороны, сдержанно отреагировал на рассуждения О' Конора, ответив, что Россия уже обладает признанной зоной влияния на севере Китая. Кроме того, Муравьёв опасался, что заключение сепаратных соглашений с Великобританией может вызвать осложнения в отношениях с Францией, также имевшей в Китае свои интересы. Тем не менее, консультации с англичанами продолжились. На этот раз переговоры в свои руки взял Ламздорф. Казалось, что вмешательство его придало переговорам второе дыхание. Обе стороны вновь заговорили о расширении предмета соглашения на всю Азию, но вмешательство Николая II сорвало наметившийся прогресс. Император настоял, чтобы предмет переговоров не выходил за рамки дальневосточной проблематики. Постепенно сами переговоры сползали к всё более частным вопросам, таким как предоставление британского займа Пекину и право России на получение и закрепление за собой портов на Ляодунском полуострове. Россия опасалась, что британские займы Китаю непозволительно усилят влияние Альбиона в Поднебесной. Англичане, в свою очередь, не желали укрепления российского военного присутствия на Тихом океане за счёт получения незамерзающего морского порта. 6 февраля на встрече с Ламздорфом, убеждавшим английского посла в том, что владение Россией Порт-Артуром и железной дорогой к нему никак не угрожает суверенитету Китая и британским интересам, О' Конор заявил, что данные условия неприемлемы для Лондона, но предположил, что позиция Великобритании может измениться, если она получит достойную компенсацию. В Петербурге, в свою очередь, надеялись предложить Великобритании компромиссный вариант, который бы заставил её отказаться от займа Китаю, но 17 февраля Британия, за спиной России договорившись с Германией, подписала контракт о совместном займе Китаю. Ламздорф, как и Николай II, был сильно разочарован таким ходом дел, о чём сообщил английскому послу[589]. В правительственных кругах понимали необходимость наладить диалог с англичанами, но вопрос о том, на каких

[589] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С.482- 484.

условиях это возможно, вызывал противоречия. Именно из-за расхождений по данному вопросу произошло столкновение Ламздорфа и Витте. Ламздорф вместе со своим начальником Муравьёвым полагали, что ради установления твёрдого соглашения с Великобританией можно пожертвовать югом Китая, «отдав» его англичанам взамен на признание с их стороны исключительных прав России на севере Поднебесной. Такой договор, был убеждён В.Н. Ламздорф, не стеснит Россию. Напротив, Витте, очевидно опасаясь, что договор с англичанами ограничит его влияние в Китае, решительно выступил против договора и перспектив сближения с Великобританией, настаивая на том, что требования англичан непомерны, а также на том, что сближение с Альбионом непременно нанесёт удар по русско-французскому союзу[590]. Ламздорф и М.Н. Муравьёв энергично принялись за выработку условий договора. Ламздорф занялся определением будущих границ сфер влияния. В отличие от Витте дипломаты уделяли пристальное внимание железнодорожным концессиям, опасаясь появления серьёзных конкурентов в Маньчжурии[591]. Министр финансов, заботясь, об интересах контролируемого им Русско-Китайского банка, не желал принимать главное условие Великобритании – свобода торговли и предпринимательской деятельности при равенстве сторон. Об этом Витте дал знать новому послу Великобритании Ч. Скотту[592].

С Ламздорфом Ч. Скотту удалось переговорить предметно и обстоятельно. Товарищ министра иностранных дел объяснил англичанину, что поведение Витте вызвано его беспокойством за интересы частных российских предприятий в Китае, прежде всего Русско-китайского банка. Тем не менее, Ламздорф заверил английского дипломата в том, что между Россией и Англией нет серьёзных противоречий в Китае, что Россия уважает территориальную целостность Китая, а также что Россия не намерена препятствовать там иностранной коммерческой деятельности или расширять свою зону влияния. Англичанин остался доволен разговором с Ламздорфом.

---

[590] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 332.
[591] Там же, С.334-335.
[592] Там же,

Однако пока договор так и не был подготовлен: в Петербурге продолжалось межведомственное противостояние. Витте и его министерство финансов стремились выторговать выгодные для Русско-Китайского банка условия и фактически претендовали на то, чтобы развивать свою активность и на юге Китая в английской зоне влияния. Данные обстоятельства раздражали чиновников министерства иностранных дел настолько, что Ламздорф даже в докладе царю заявил о том, что Витте защищает не государственные интересы, а интересы Русско-Китайского банка.

Более-менее министерствам удалось прийти к консенсусу в декабре 1898 года. Проект договора предполагал сохранение территориальной целостности Китая, свободу торговли и декларацию о том, что стороны не будут полностью закрывать свои зоны влияния. Консенсус состоялся, несмотря на его некоторую условность: Ламздорф желал бы сохранить замкнутость Маньчжурии, но считал благом, что договор не связывал России руки; Витте, в свою очередь, продолжал считать уступки, сделанные Великобритании чрезмерными[593]. Договор России с Великобританией 16(28) апреля 1899г. в основном касался сферы железнодорожных интересов двух держав в Китае. Россия обязалась не домогаться железнодорожных концессий в бассейне Янцзы и не оказывать противодействия в этой области ходатайствам о концессиях, поддерживаемых британским правительством. Великобритания взяла на себя аналогичные обязательства перед Россией в отношении китайских территорий на север от Великой Китайской стены[594]. Таким образом, к середине 1899 г. на Дальнем Востоке временно утвердился баланс интересов держав, нарушенный уже через год Боксёрским восстанием.

[593] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 337-340.
[594] Ш*ацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 73-74.

§3. Дипломатические баталии из-за Маньчжурии и Кореи

К маю 1900 г. в Китае восстание тайного общества «Ихэтуань» - «Кулак во имя справедливости и согласия», направленное против иностранцев, достигло своей высшей точки. В Пекине восставшими был осаждён посольский квартал[595]. В Санкт-Петербурге в ответ решили отправить в Китай 4-х тысячный отряд «с одной стороны, для охраны жизни и имущества членов императорской миссии и проживающих в Пекине христиан, а с другой - во избежание опасности вызова в охранительных целях японских или иных иностранных войск»[596]. В.Н. Ламздорф и С. Ю. Витте были против участия России в интервенции держав в Китай, потому что они собирались, вне зависимости от других держав, восстановить добрые отношения с Цинами[597]. Однако восстание не прекращалось, а наоборот распространялось, угрожая КВЖД, где восставшие принялись разрушать железнодорожное полотно и инфраструктуру дороги. Политика невмешательства теперь стала невозможной. В МИД прекрасно это осознавали, но стремились к тому, чтобы русское вмешательство в минимальной степени повлияло на дальнейшие русско-китайские отношения. 14 и 15 июня соответственно В.Н. Ламздорф, ставший к тому времени управляющим министерством иностранных дел, в циркулярной депеше и в телеграмме адмиралу Алексееву изложил меры, которые, по мнению МИДа, необходимо предпринять во избежание осложнений с Китаем. Граф предлагал, сохраняя общее согласие держав, не допускать изменения государственного строя Китая и посягательств на его территориальную целостность. Также Ламздорф весьма пространно рекомендовал избегать всего того, что могло бы являться в глазах китайцев доказательством враждебных действий России[598].

Между тем, нарастающие, как снежный ком, события в Китае заставили действовать и Витте, который 26 июня сообщил о необходимости ввода войск на

---

[595] Ш*ацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 73-74.С. 275

[596] Красный Архив. – 1926. – № 1 (Т. 14.). – С. 13.

[597] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907). С. 93.

[598] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С. 494.

всю территорию КВЖД. В Китай было отправлено до 150 тыс. русских солдат. К осени 1900г. Российские войска взяли под свой контроль всю Маньчжурию[599]. Русская армия приняла активное участие и в действиях международных сил, например, в захвате Дагу и битве за Тяньцзинь, но основная задача русских войск, которая была успешно решена, состояла в очищении территории КВЖД от мятежников и в защите жизней работников дороги. Каждое действие русской армии сопровождалось торжественными заявлениями русской дипломатии о том, что Россия ничего не имеет против династии Цин, а, наоборот, стремится с ней сотрудничать для восстановления порядка в интересах самого Китая[600].

Несмотря на то, что все державы декларировали союзнический характер своих действий в Китае, некоторые из них стремились извлечь из ситуации выгоду в ущерб другим, не гнушаясь откровенной провокации. Например, Великобритания активно отстаивала идею об использовании японских войск на севере Китая, скрывая желание не позволить закрепиться в этом регионе армиям других государств, прежде всего, России. В ответ на назойливые запросы Великобритании о возможности использовать японские войска на севере Китая, В. Н. Ламздорф ответил, что не против участия Японии, если она будет согласовывать свои действия с другими державами. Однако одновременно с этим заявлением, российский МИД вошёл в контакт с Берлином. Так как хитрость англичан могла навредить не только русским, но и немецким интересам, Россия и Германия подготовили совместный отрицательный ответ. Замысел Великобритании, таким образом, провалился[601].

Когда встал вопрос, нужно ли русскому отряду присоединяться к международным войскам, которые идут на Пекин, в руководстве России начались споры. Военный министр Куропаткин, во что бы то ни стало, хотел послать войска в Пекин. Если понадобится, даже в секрете от министерства иностранных дел[602]. Ламздорф и Витте убеждали царя не посылать войска в Пекин, чтобы не

---

[599] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907). С. 95.
[600] *Схиммельпенninк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 279.
[601] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С.495-496
[602] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 95.

раздражать китайцев. Они говорили, что в Пекине у России интересов нет[603]. Граф Ламздорф подробно мотивировал свою позицию в телеграмме вице-адмиралу Алексеву от 15(28) июня: «Меры, подобные срытию Пекина и Тянь-цзина, как и вообще всякие попытки к насильственному водворению в Китае при настоящих обстоятельствах новых порядков, не только трудновыполнимы, но неминуемо поведут к еще большим осложнениям, а посему нам надлежит воздерживаться от участия в указанных мероприятиях. Наша цель ныне должна ограничиться освобождением императорской миссии, обеспечением безопасности русских подданных, проживающих в северном Китае, и восстановлением в Пекине законного правительства, с которым возможно было бы поддерживать дружественные сношения, необходимые в интересах обеих соседних империй. Не отделяясь от других держав, дабы зорко следить за их действиями и иметь возможность во всякое время предъявить свои требования, мы должны, однако, избегать всего того, что могло бы хоть сколько-нибудь связать нашу полную свободу действий или явиться в глазах китайцев доказательством враждебных намерений России»[604].

Дополнительные аргументы в свою пользу Ламздорф приводит в письме русскому послу в Париже от 27 июля (9 августа): «В настоящем же случае речь идет о взаимном соперничестве нескольких держав из-за политического преобладания на юге Китая, где у России не имеется прямых интересов. Чем более подобное соперничество породит между ними недоразумений и неудовольствий и будет отвлекать их силы и внимание от северного Китая, тем это окажется выгоднее для нашего общего положения на берегах Тихого Океана; а посему нам решительно нет никакого расчета входить в какие бы то ни было соглашения с соперничествующими в этой области державами»[605].

Как мы видим, аргументация В.Н. Ламздорфа проста и логична – зачем ввязываться в конфликт с дружественным государством и жертвовать жизнями своих солдат ради чуждых интересов иностранных держав, если можно

---

[603] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 483.
[604] Красный Архив. – 1926. – № 1 (Т. 14.). – С. 17.
[605] Там же, С. 23.

ограничиться только защитой своих подданных и государственных интересов, но при этом даже извлечь определённую выгоду из соперничества конкурентов? Однако возмущённый до глубины души боксёрским восстанием император, по-видимому, не желал слышать разумных доводов. Отчаявшись переубедить Николая II, Ламздорф засобирался в отставку «по состоянию здоровья». С.Ю. Витте тоже не удалось переубедить императора, но он добился от Николая II утверждения своего друга и единомышленника В.Н. Ламздорфа в должности министра иностранных дел[606]. С.Ю. Витте детально осветил расклад в политической борьбе вокруг отправки российских войск на Пекин в письмах к министру внутренних дел Дмитрию Сергеевичу Сипягину. Примечательно, что большое внимание Витте уделил В. Н. Ламздорфу и его противостоянию с новым военным министром А.Н. Куропаткиным. В письме от 14 июля Витте пишет: «Алексей Николаевич (генерал-адмирал, великий князь – А. Л.), как всегда, зарывается – сам начал вести переговоры с дипломатами, мобилизовал до 150 тысяч войск и всё хочет лезть вперёд, Китай обезоружить, японцев устранить, Пекин взять и даже под шумок залезть в Корею. Гр. Ламздорф, конечно, всему этому не сочувствует и хочет действовать успокоительно, но покуда довольно безуспешно. Ему оказывают мало внимания. Взявши Тянь-цзин, пришлось решать - идти ли в Пекин, или нет? Куропаткин, конечно, идти – и всех разгромить. Ламздорф – нет. Наконец, гр. Ламздорф пришёл ко мне и объяснил, что его положение невозможно как для дела, так и лично для него, - что он хочет заявить, что здоровье его заставляет оставить (совсем) службу… Необходимо не зарываться, а стараться локализовать болезнь, и, установивши порядок в нашем районе (Маньчжурии), удалиться восвояси. Сегодня же во время доклада я решился прямо говорить о министре иностранных дел. Я высказал ту мысль, что теперь необходим министр иностранных дел, что положение гр. Ламздорфа невозможно. Если есть кандидат, нужно его немедленно назначить, а гр. Ламздорфа освободить, - если нет, то назначить гр. Ламздорфа. Затем я высказал моё мнение о графе – это не Бисмарк, не Салюсбюри, но он никогда Государя не

[606] *Игнатьев А.В.* Витте – дипломат. С.132.

подведёт, и из всех дипломатов я его считаю наиболее соответствующим. В результате, Его Величество сказал, что на днях назначит Ламздорфа. Это Куропаткину будет неприятно, так как он думает, что совсем престиж Ламздорфа уничтожил»[607].

В письме от 25 июля Витте продолжал ту же тему: «Вчера Его Величество объявил гр. Ламздорфу, что его назначает управляющим министерства иностранных дел, с добавлением «не временно, а постоянно». Вчера же гр. Ламздорф просил назначить кн. Оболенского товарищем. Я всему этому очень рад. Вчера же Государь несколько осадил пыл А.Н. Куропаткина, высказавши, что спешить идти в Пекин не следует… А.Н. Куропаткин совсем ошалел, всё и всех хотел громить и страшно интриговал против назначения гр. Ламздорфа Ему, очевидно, хотелось это трудное время быть хозяином положения»[608]. В очередном письме от 31 июля Витте признавался: «Я и гр. Ламздорф, серьёзно говоря, более боимся Куропаткина, нежели китайцев»[609]. В письме от 6 августа Витте снова жалуется на Куропаткина, чьи действия могут привести к «уничтожению Маньчжурии как провинции Китая» и пишет об угрозе столкновения с Японией, которая в случае оккупации Маньчжурии, потребует себе Корею[610].

Как мы видим, в Санкт-Петербурге оформились две условные партии. Первая состояла преимущественно из военных, желавших примерно наказать Китай и силой навязать ему свою волю. Вторая объединяла финансистов и дипломатов, рассчитывавших подчинить себе Китай экономически и опасавшихся того, что грубое силовое вмешательство сорвёт их планы. Николай II не отдавал предпочтение ни одной из линий поведения до того момента, пока не получил информацию об убийстве «боксёрами» в Пекине германского посланника Клеменса фон Кеттлера, которое побудило императора наконец принять решение об отправке в Пекин русского военного отряда. Одновременно с этим, китайский сановник Ли Хун-чжан сумел связаться с русскими дипломатами и предложил

[607] Красный Архив. – 1926. – № 5 (Т.18). – С. 33-35.
[608] Там же, С. 35.
[609] Там же, С.37-38
[610] Там же, С. 38-39.

переговоры от имени императрицы Цы Си, но, несмотря на уговоры России, европейские державы, США и Япония не захотели вести с китайцами никаких переговоров. 1 августа международный отряд освободил Пекин[611].

Как выясняется из письма С.Ю. Витте Д.С. Сипягину от 10 августа, поход на Пекин был неожиданностью для В.Н. Ламздорфа, потому что приказ войскам о выступлении дал генерал-адмирал великий князь Алексей Николаевич по секрету от графа. Ламздорф был взбешен, что его поставили в глупое положение, и ожидал массу международных осложнений, конечно, особенно он боялся, что Цины возненавидят Россию[612]. Чрезвычайно интересно данное Витте в том же письме описание встречи Ламздорфа с императором Николаем II, случившееся на следующий день после того, как Ламздорф узнал о походе на Пекин: «Вероятно, вследствие моего письма Его Величество в тот же вечер приказал гр. Ламздорфу приехать на другое утро. Гр. Ламздорф развивал ему то же, жалуясь на Куропаткина, то, что мы влезаем в чреватые события. Особенно жаловался на факт и способ занятия Пекина. Его Величество был милостив, но перебивал гр. Ламздорфа, выражая, что всё-таки азиатов нужно было проучить. В конце концов, он согласился дабы гр. Ламздорф подтвердил, что, несмотря на последние события, Государь остаётся верным своей первоначальной программе. Гр. Ламздорф особенно настаивал на том, что нельзя говорить одно, а делать другое, что слова Государя священны, что нельзя говорить именем Государя неосторожно, но раз что-либо сказано, должно быть исполнено»[613].

Похоже, что В.Н. Ламздорфу удалось тогда убедить в своей правоте императора. Витте заметил: «Если бы ещё не было такого разумного министра иностранных дел, то совсем была бы беда»[614]. Уже 12 августа Россия объявила о выводе своих войск из Пекина. Ламздорф и Витте таким образом смогли минимизировать отрицательное впечатление Цинов от участия России в захвате китайской столицы[615]. По случаю окончания военной кампании против

---

[611] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 280
[612] Шацилло *В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 149.
[613] Там же, С. 150.
[614] Там же, С. 151.
[615] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 95.

«боксёров», Ламздорф, Куропаткин и Витте за свои успешные действия были награждены императором денежными подарками по 200 тыс. рублей[616].

После завершения боевых действий против мятежников, великие державы озаботились тем, чтобы добиться от Цинов как можно большей компенсации. Россия, наоборот, не была заинтересована в разорении Китая, с которым планировалось восстановить дружеские отношения, поэтому В.Н. Ламздорф настаивал на том, чтобы требования, предъявляемые Китаю, не были чрезмерными. Российский министр иностранных дел даже предлагал передать китайский вопрос в суд в Гааге, но инициатива России не нашла поддержки у других держав, желавших извлечь из ограбления и унижения Китая максимальную выгоду[617]. Только в августе 1901г. была названа сумма контрибуции – 450 млн. таэлей (ок. 500млн. руб.). Эта сумма в 4 раза превышала годовой доход китайского правительства[618]. На долю России пришлось 184 миллиона рублей[619]. Российское правительство, в отличие от правительств держав коалиции, принялось защищать Китай, чтобы сохранить хорошие отношения с цинским правительством и не допустить попадания Китая в зависимость от остальных великих держав. Такая позиция России вызвала раздражение и даже гнев в правящих кругах Великобритании и Германии. Эти две державы заключили 3 (16) октября 1900 года соглашение, предусматривавшее открытие всех китайских портов для иностранной коммерции при условии сохранения территориальной целостности Китая. В случае посягательств на свои права, державы договорились действовать совместно и привлекать к решению вопроса другие державы. По поводу данного договора Ламздорф прогнозировал, что Великобритания не войдёт в союз с Германией, а будет лавировать между двумя группами держав. Россия же, по его мнению, в данной ситуации должна была действовать самостоятельно, чтобы иметь возможность вести с Китаем сепаратные переговоры. Такая позиция МИДа нашла выражение в

---

[616] *Богданович А.В.* Дневник. С. 202.
[617] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С. 500.
[618] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 281.
[619] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 105.

Правительственном сообщении, опубликованном в «Правительственном Вестнике» 28 октября. Даже единственная крупная держава, на которую Россия в данной ситуации могла продолжать рассчитывать – Франция - официальная союзница России, тем не менее, уже не скрывала своего удивления и разочарования[620].

Боксёрское восстание не могло не отразиться и на русско-японских отношениях. Страна Восходящего Солнца намеревалась воспользоваться ситуацией, получив от России дополнительные уступки в Корее. 15 июля 1900 года японский дипломат Ю. Комура встретился в Санкт-Петербурге с Ламздорфом. Очевидно, прощупывая позицию российских властей, японец спросил Ламздорфа о том, как отнесутся в России к мерам, которые, возможно, придётся предпринять японским властям в Корее, в связи с угрозой распространения боксёрского восстания на корейскую территорию. При этом, говоря о желательности русских уступок в Корее, в очередной раз упомянул Ляодунский полуостров. На этот раз Ламздорф не намеревался идти на уступки, но, чтобы не раздражать японца, дипломатично предложил ему представить предложения японской стороны в письменном виде. Переговоры по данному вопросу прошли осенью 1900 года. Предварительно японцы пытались оказать воздействие на правящие круги Кореи, чтобы они попросили Японию о протекторате, но корейцы не поддались. Переговоры с японской стороной, вскоре зашедшие в тупик, вёл новый посланник России в Токио А.П. Извольский, стремившийся добиться нейтрализации Кореи. Одновременно, как и просил В.Н. Ламздорф, японская сторона предоставила свои предложения в письменном виде. В японской записке предлагалось отложить переговоры по Корее до восстановления status quo в Маньчжурии. Таким образом, Япония недвусмысленно дала понять, что она связывает эти два вопроса. Стороны, не придя к соглашению, предпочли отложить этот вопрос на будущее, но так и не смогли выработать основу для обсуждения. Расхождения во мнениях касались степени уступок японцам. Если Извольский считал возможным и даже

[620] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 281-282.

желательным отдать японцам Корею, взамен на их отказ от притязаний в Маньчжурии, то Ламздорф, надеялся на присоединение Кореи в будущем к азиатским владениям России, а пока предлагал тянуть время и избегать коренного решения корейского вопроса[621].

После завершения подавления боксёрского восстания, в Маньчжурии остались русские войска. В русских правительственных кругах созрела идея закрепить такое положение на неопределённо долгое время, но США и Япония дали понять России, что они хотят восстановления в Китае довоенного положения.

В январе 1901г. Витте предложил предъявить Китаю следующие требования: 1) отказ от предоставлений иностранцам концессий в Маньчжурии, Монголии и Западном Китае, 2) предоставление новых концессий обществу КВЖД, 3) предоставление России железнодорожной концессии на строительство дороги к Пекину, 4) вывод китайских войск из Маньчжурии до окончания строительства КВЖД, 5) смена любых местных властей в Маньчжурии по требованию России. Министр финансов планировал потребовать от Китая ещё больших уступок, которые, фактически, превращали Маньчжурию в русскую провинцию[622]. В частности, Витте намеревался потребовать расширения зоны отчуждения КВЖД, контроля над портом Инкоу и предоставления целого ряда дополнительных концессий на рубку леса, добычу золота и угля. Против выступил В.Н. Ламздорф, только что утверждённый в должности министра иностранных дел, опасаясь отрицательной реакции держав в ответ на слишком большие аппетиты России. По распоряжению Николая II 28 января 1901 года министры – военный, финансов и иностранных дел собрались на совещание для выработки единого плана действий. В ходе дискуссии Ламздорфу удалось несколько сократить список требований к Китаю[623]. Однако державы негативно отреагировали и на уже озвученные запросы России. 11 марта 1901г. Китай отказался от требований России, а 12 марта Япония выразила открытый протест против нарушений Россией прав иностранцев в

[621] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 279-283.
[622] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 109-110
[623] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 364-365.

Китае[624]. Вскоре к протесту Японии присоединились США. Такой мощный международный напор заставил российские правящие круги пойти на попятную: 21 марта 1901 года МИД разослал российским представителям за границей инструкцию, в которой сообщалось, что Россия отказывается от заключения сепаратного соглашения с Китаем[625].

Параллельно иностранные державы побуждали Россию вывести войска из Маньчжурии. Только Франция поддержала действия России в Маньчжурии, потому что в январе 1901г. Ламздорф заключил соглашение, согласно которому Франция будет поддерживать русские интересы в Маньчжурии, в обмен на поддержку Франции со стороны России в отношении Юньнаньской железной дороги[626].

Большую обеспокоенность русской активностью в Маньчжурии выражала Великобритания. 6 февраля 1901г. английский посол Чарльз Скотт с озабоченностью спрашивал Ламздорфа, не собирается ли Россия превратить Маньчжурию в свой протекторат. Министр иностранных дел ответил, что подобная информация, появляющаяся в газетах, не более, чем слух[627]. 23 марта Скотт снова, но в более жёсткой форме, попросил разъяснения русской политики на Дальнем Востоке. Ламздорф снова его уверил в том, что Россия не собирается отказываться от эвакуации Маньчжурии[628].

Не менее сильное раздражение, чем у Великобритании укрепление позиций России в Маньчжурии вызывало у Соединённых Штатов. 3февраля 1902 г. посол США в России Тауэр направил ноту на имя министра иностранных дел России, в которой выражалась обеспокоенность в связи с тем, что китайские власти согласны подписать с Русско-Китайским банком конвенции о предоставлении банку эксклюзивных привилегий в Маньчжурии, связанных с промышленным развитием этого региона. Американский дипломат указывал на то, что создание монополии ущемляет права американских граждан на свободную торговлю,

---

[624] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 111.
[625] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С.372.
[626] История дипломатии Т. 2.М., 1963. С. 527.
[627] Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Пг., 1916. С. 149-150.
[628] Там же, С.172.

разрушает политику равенства наций в торговых отношениях с Китаем, а также нарушает суверенитет этого государства[629]. Последовавший 9 февраля ответ графа Ламздорфа на американскую ноту был выдержан в достаточно жёстких тонах. Министр иностранных дел напомнил послу Соединённых Штатов, что договор двух независимых государств не требует одобрения других держав, что неприемлемо отказывать независимому государству в праве свободно подписывать договоры о концессиях, что договор не несёт в себе угрозу принципу «открытых дверей», и подобные договоры уже заключались между другими державами с Китаем. При этом Ламздорф задал собеседнику вопрос, почему «открытые двери» для отдельных наций должны быть закрыты для России? Русский министр сообщил послу США, что Россия твёрдо намерена вывести свои войска из Маньчжурии, но только тогда, когда там будет полностью восстановлен порядок и повторение волнений станет невозможным[630]. В дальнейшем, В. Н. Ламздорфу ещё не раз придётся сталкиваться с протестом американцев против действий России в Маньчжурии. Например, в 1903 году американцев очень волновало заключение российско-китайской конвенции, которая, по их информации, предусматривала запрещение организации открытых портов и консульств, а также удаление всех иностранцев, кроме русских, из китайских администраций. 29 апреля 1903 года у графа Ламздорфа был по этому поводу разговор с послом США Маккормиком. Ламздорф категорически отверг такие предположения, заявив, что Россия никоим образом не покушается на принцип «открытых дверей», что она не стремится к монополии в Маньчжурии и что все преимущества держав, которыми они обладали в этом регионе Китая, будут сохранены. Ламздорф в разговоре особо отметил дружественный и открытый характер русско-американских отношений и предложил США сотрудничать с Россией для общей выгоды в проекте КВЖД. Также министр иностранных дел вернулся к вопросу вывода российских войск из Маньчжурии, отметив, что оно

[629] FRUS 1902.,Washington, 1903 P.928

[630] Ibid., P.929; Россия и США: дипломатические отношения 1900-1917. Документы. М.,1999. С. 28-29.

затягивается по соображениям безопасности железной дороги, подвергавшейся периодическим набегам банд китайских разбойников-хунхузов[631].

Важно отметить, что министр иностранных дел нисколько не лукавил в общении с иностранными дипломатами, обещая вывод русских войск из Маньчжурии. 19 июля Ламздорф, обращаясь к Витте и Куропаткину, писал о том, что сохранение неопределённого положения Маньчжурии рискованно для России и не соответствует достоинству великой державы. Не исключая гипотетически возможность присоединения Маньчжурии, но указывая на целый ряд связанных с этих трудностей, как в финансовом, так и в политическом плане, Ламздорф подводил сановников к необходимости озаботиться организацией эвакуации войск из Маньчжурии[632].

В верхах рассматривались различные варианты эвакуации Маньчжурии. Например, в августе 1901 года Витте поведал А.А. Половцову о том, что он и Ламздорф представили императору проект вывода войск из Маньчжурии в течение трёх лет, который был благосклонно принят Николаем II, несмотря на горячие возражения Куропаткина. Также Ламздорф и Витте рекомендовали Николаю II лично показать германскому кайзеру Вильгельму II этот проект и заручиться его одобрением, а затем согласовать его ещё и с французским правительством. Данный шаг, по мнению Ламздорфа и Витте, позволил бы найти поддержку российских мирных инициатив в Европе и укрепил бы взаимное доверие[633].

Ещё более рьяно, чем Великобритания и Соединённые Штаты, требовала эвакуации русских войск из Маньчжурии Япония. Как видно из донесений посланника в Токио графа А.П. Извольского, с декабря 1900 года в Японии набирала силу пропаганда против России. Был организован «Национальный союз за целостность и неприкосновенность Китая»[634]. В начале 1901 г. антирусская пропаганда только усилилась[635]. В феврале 1901г. Извольский доносил, что в

---

[631] FRUS 1903. Washington, 1904. P. 709-710.
[632] *Игнатьев А.В.* Витте – дипломат. С.142-143.
[633] *Половцов А.А.* Дневник. С. 312.
[634] Красный Архив. – 1934. – № 2. (Т.63). – С. 7.
[635] Там же, С. 10.

японских правящих кругах идёт борьба двух партий – лояльной России во главе с маркизом Ито и враждебной России во главе с Като[636]. В той же телеграмме на имя Ламздорфа русский посланник сообщал и о том, что Япония ищет союзников против России, настраивает против неё Англию, Германию и Китай[637]. В самой Японии агитация против России достигла своего пика, выйдя далеко за пределы возмущения оккупацией Маньчжурии. Идеологи японской экспансии ставили перед собой гораздо более масштабные цели, чем просто возвращение Ляодунского полуострова. В появившейся в 1901 г. книге «Упадок России» её автор Утида Рёхай провозглашал: «Сибирь жаждет получить цивилизацию из рук Японии»[638].

Партия маркиза Ито потерпела поражение. Сам он в июне 1901 г. покинул пост премьер-министра. К власти пришёл кабинет крайних милитаристов во главе с Кацурой[639]. Тем не менее, авторитет Ито, особенно за границей, оставался высоким. Именно поэтому в ноябре 1901 г. он был послан в Петербург с целью заключить русско-японское соглашение. С.Ю. Витте в мемуарах утверждает, что приезд маркиза Ито был реальной возможностью избежать войны и полюбовно договориться. Всю ответственность за провал переговоров Витте возлагает на руководство России, которое встретило маркиза слишком холодно, слишком медлило с ответом, а в конце концов предложило японской стороне неприемлемые для неё условия[640]. Относительно холодного приёма маркиза Ито в Петербурге Витте ошибается. Сохранилось письмо В.Н. Ламздорфа директору Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатьеву, в котором министр иностранных дел особо подчёркивает необходимость оказывать Ито «возможно любезнейший приём»[641]. Совершенно противоположной точки зрения, нежели С.Ю. Витте, на визит Ито придерживались советские историки. Они полагали, что японское правительство вовсе не стремилось довести переговоры до конца. Миссия Ито, по

[636] Красный Архив. – 1934. – № 2. (Т.63). – С. 15
[637] Там же.
[638] *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М., 1988. С. 232.
[639] История дипломатии. С. 714.
[640] *Витте С.Ю.* Дневник. С. 514.
[641] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3273. Л. 3.

их мнению, была только средством давления на Великобританию. Страх перед русско-японским соглашением должен был побороть последние колебания англичан и побудить их заключить союз с Японией против России[642]. Несколько более сбалансированный, чем у Витте, взгляд на визит Ито содержится в мемуарах А.А. Савинского, ближайшего сотрудника В.Н. Ламздорфа. Он пишет, что Ламздорф и Ито искренне желали найти взаимопонимание и прийти к выгодному для обеих сторон соглашению по Корее. Доказательством этому, по мнению Савинского, является то, что, покинув Россию, маркиз Ито на некоторое время задержался в Брюсселе, ожидая русского ответа, но так его и не получил. За срыв переговоров Савинский возлагает ответственность на императора, отказавшегося одобрить уже составленный проект соглашения, которое, по его мнению, могло бы предотвратить войну[643]. Тем не менее, Савинский был отнюдь не уверен в абсолютной искренности японцев, хотя бы на том основании, что они параллельно с визитом Ито в Россию организовали миссию принца Канойе в Корею, главной задачей которой являлось убедить корейцев в том, что Россия не способна защищать их, и только одной Японии под силу выступать в роли протектора Кореи[644].

В личном фонде Ламздорфа в ГАРФ сохранился любопытный документ – краткий конспект диалога между Ито и Ламздорфом, который подготовил сам граф для доклада императору 20 ноября 1901 г. Разговор касался Кореи. Ито утверждал, что раздор между Японией и Россией происходит именно из-за Кореи. Япония не может допустить потерю независимости Кореей, потому что «…если Корея лишится своей независимости, то и независимости Японии придёт конец». Дальше Ито расшифровал, как он понимает «независимость» Кореи: «Как я говорил, независимость Кореи необходима для Японии, но это государство слишком слабо и мало цивилизованно нами, чтобы мочь существовать совершенно самостоятельно: ему необходимы советы и помощь. Япония хочет оказывать помощь и давать советы Корее». Ламздорф, в свою очередь, задал

[642] История дипломатии. С. 715.
[643] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P.23.
[644] Ibid, P.24.

резонный вопрос: «Как соотнести независимость Кореи и советы?». На это Ито ответил, что Корея имеет право выбирать, у кого просить помощь и советы и предложил Ламздорфу, чтобы Россия и Япония действовали в Корее совместно. Ламздорф заявил Ито, что «право военного вмешательства [в Корее] может создать недопустимую для России политическую ситуацию». Ито в ответ подчеркнул, что «Япония никогда не будет укреплять порты в Корее и угрожать интересам России»[645]. Все переговоры, как выясняется, носили только характер консультаций, потому что ни у Ито, ни у Ламздорфа не было полномочий для заключения какого-либо договора[646]. Дополнительные подробности беседы Ламздорфа и маркиза Ито имеются в японской записи этой же беседы. Согласно японским источникам, В. Н. Ламздорф предлагал маркизу Ито заключить специальный договор об урегулировании противоречий в Корее на основании признании её независимости и уважении прав обоих государств на полуострове. Маркиз Ито наотрез отказался от подобной постановки вопроса, настаивая на особых правах Японии в Корее, вплоть до права ввода туда японских войск. Предложение графа Ламздорфа о размещении небольшого контингента русских войск в южной части Кореи для поддержания там определённого баланса сил было отвергнуто без обсуждения. Единственное на что был готов пойти маркиз Ито – это чрезвычайно неконкретное обещание не использовать Корею в стратегических целях[647]. Естественно, что Ламздорф не мог принимать всерьёз ничем не подкреплённые обещания подобного рода. Неуступчивость японской стороны предопределила провал переговоров.

Вслед за переговорами Ламздорфа с маркизом Ито, Япония подписала договор с Англией, согласно которому, в случае вступления в войну одной из договаривающихся сторон с третьей державой, другая договаривающаяся сторона сохраняет строгий нейтралитет и постарается воспрепятствовать другим державам присоединиться к враждебным действиям против её союзницы, но если против одной из договаривающихся сторон выступят две и ли большее число

[645] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 62. Л.43-45.
[646] Там же.
[647] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 288.

держав, то другая договаривающаяся сторона вступит в войну на стороне своей союзницы[648]. Англо-японский договор, заключённый 17 (30) января 1902 года, застал русских дипломатов врасплох. В.Н. Ламздорф, несмотря на это, сохранил хладнокровие, что и посоветовал сделать своим коллегам[649]. В официальном сообщении МИД России от 7(20) марта 1902 г., утверждённом Ламздорфом, относительно англо-японского договора сообщалось: «Императорское правительство, оценив дружественные сообщения, сделанные России по этому поводу как японским, так и великобританским правительством, отнеслось совершенно спокойно к заключению означенного договора»[650]. Кроме того, в этом заявлении говорилось о том, что Россия выступает за сохранение независимости Кореи и Китая и своей Транссибирской железной дорогой способствует распространению всемирной торговли[651].

В ответ на англо-японский договор Россия и Франция 3(16) марта 1902 г. опубликовали совместную декларацию. В ней говорилось: «Вынужденные…со своей стороны, не терять из виду возможности либо враждебных действий других держав, либо повторения беспорядков в Китае, могущих нарушить целостность и свободное развитие Поднебесной империи в ущерб их взаимным интересам, - оба союзные правительства предоставляют себе в таком случае право озаботиться принятием соответствующих мер к охранению этих интересов»[652]. Данная декларация носила достаточно формальный характер и вопреки надеждам русской дипломатии не могла являться адекватным ответом на англо-японский договор. Определённые надежды в Санкт-Петербурге питали и в отношении Германии, но она не захотела присоединяться к франко-русской декларации, несмотря на то, что германский кайзер постоянно подталкивал царя к более решительным действиям на Дальнем Востоке, обещая со своей стороны, обеспечивать спокойствие на западной границе России[653].

---

[648] Ш*ацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 77.
[649] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 304.
[650] *Шацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 79.
[651] Там же.
[652] Там же, С. 80.
[653] *Игнатьев А.В.* Последний царь и внешняя политика. Вопросы истории.- 2001. - № 6. - С.11.

Параллельно с Великобританией и Японией, дипломатическое давление на Россию стали оказывать и Соединённые Штаты, желавшие сохранения принципа «открытых дверей» в Маньчжурии, который позволял им проводить экономическую экспансию. 21 января 1902г. была опубликована нота правительства США с протестом против монополии Русско-Китайского банка в Маньчжурии. Почувствовав поддержку США, власти Поднебесной отказались подписывать невыгодный для них договор с Русско-китайским банком[654].

Боясь оказаться в дипломатической изоляции, русское правительство было вынуждено сделать уступки Японии, Англии и США и пойти на переговоры с Китаем. Уступки Китаю предусматривали вывод войск из Маньчжурии. Желавший присоединения северной части Маньчжурии к России, военный министр А. Н. Куропаткин, стремясь не допустить вывода войск из Маньчжурии, обратился 16 марта 1902 г. с письмом к Ламздорфу, в котором доказывал опасность вывода войск оттуда перед лицом усиливающейся Японии, на что вскоре получил ответ министра иностранных дел, в котором тот уверял военного министра, что как раз ради сохранения мира с Японией необходим вывод войск[655]. 26 марта 1902г. в Пекине было подписано соглашение, по которому Россия обязывалась вывести свои войска из Маньчжурии в 3 этапа до 20-х чисел сентября 1903 года[656]. В договоре была только одна оговорка – Россия могла приостановить эвакуацию в случае возникновения каких-либо беспорядков[657]. Советский историк Б.А. Романов отмечает, что этот договор явился плодом очевидного дипломатического поражения России[658]. Тем не менее, В.Н. Ламздорф и С.Ю. Витте считали его своей победой. Действительно, данный договор, позволял России выполнять свои обещания по выводу войск из Маньчжурии, тем самым сохранять лицо перед иностранными державами, одновременно обеспечивая и закрепляя своё политическое влияние в регионе. Правда, если

---

[654] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 155.
[655] *Глушков В.В., Черевко К.Е.* Русско-японская война 1904-1905гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С.42-45.
[656] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 306-307.
[657] Там же, С. 307.
[658] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 157.

Витте просто радовался подписанию договора, то у Ламздорфа, предчувствовавшего резко негативную реакцию «патриотической» части общественности, договор вызывал скорее противоречивые чувства, которые министр иностранных дел удачно выразил в короткой фразе: «Ура! Или только уф!»[659].

К январю 1903 г. была успешно проведена эвакуация Южной Маньчжурии к западу от реки Ляохэ[660]. Между тем, русский вывоз из Китая от 1902 к 1903 году резко возрос – с 9 до 22 миллионов рублей в связи с открытием постоянного движения по КВЖД[661]. Боясь упустить выгоду, русская дипломатия стала затягивать эвакуацию, ожидая полной готовности достраивающейся железной дороги. Военный министр А.Н. Куропаткин, кроме того, боялся «наплыва жёлтой расы» в Восточную Сибирь. Чтобы этого не допустить, требовалось, по его мнению, сохранить контроль над Северной Маньчжурией[662]. Кроме того, А.Н. Куропаткин из этих же соображений предлагал приостановить или полностью запретить китайцам заселять Маньчжурию. По этому вопросу Куропаткин на совещании в Ялте 27 октября 1902 г. заручился поддержкой Ламздорфа[663]. Параллельно, Россия продолжала настаивать на сохранении своих привилегий в Маньчжурии и закрытии её для иностранного капитала, что ущемляло интересы Великобритании и США[664].

Для выработки дальнейшей стратегии дипломатии В.Н. Ламздорф 11 января провёл совещание в МИД, на которое были приглашены товарищ министра В.С. Оболенский, директор Первого департамента МИД Гартвиг, а также посланники в Японии, Китае и Корее – Розен, Лессар и Павлов. Совещание пришло к выводу о необходимости вывода русских войск при выполнении Пекином ряда условий: не изменять управления Маньчжурией, не занимать освобождаемую русскими войсками землю, не допускать иностранного влияния в

---

[659] *Игнатьев А.В.* Витте – дипломат. С. 149.
[660] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 204.
[661] Там же, С. 172.
[662] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 319
[663] *Игнатьев А.В.* Витте – дипломат. С.157.
[664] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 205.

Маньчжурии, не допускать заселения китайцами местности вокруг КВЖД и обеспечить безопасное судоходство по Амуру[665].

25 января (7 февраля) 1903 года прошло Особое совещание по вопросу о дальнейших действиях России на Дальнем Востоке. Журнал данного совещания отложился в личном фонде Г.А. Плансона, дипломатического чиновника при наместнике на Дальнем Востоке Е.И. Алексееве в ГАРФ[666] и был опубликован в журнале «Красный Архив»[667]. Как следует из вступления к журналу Особого совещания, оно было созвано по инициативе МИД в связи с приближающимся сроком эвакуации Мукденской и Гиринской провинций, согласно заключённому с Китаем соглашению от 16 марта 1902 года, а также ввиду «первостепенной важности решений, которые надлежит принять по этому предмету в связи с общим направлением русской политики на Крайнем Востоке»[668]. Совещание проходило под председательством В.Н. Ламздорфа[669]. Мнения присутствующих разделились. Посланник в Японии барон Розен говорил о том, что России нужно в течение ряда лет избегать военного конфликта с Японией. Он считал, что Япония не нападёт на Корею, но обязательно будет воевать, если Россия попытается присоединить Корею и Маньчжурию[670].

Управляющий морским министерством Тыртов считал, что Россия не в праве показывать слабость и что нельзя закрывать глаза на ускоренное вооружение Японии и на англо-японский договор явно антирусской направленности[671]. В. Н. Ламздорф в ходе совещания заявил о возможности соглашения с Японией по Корее, несмотря на союз Японии с Великобританией, но пока предлагал воздержаться от переговоров, дабы не давать повода японцам предполагать о настоятельном желании России прийти с ними к соглашению. Ламздорф полагал, что «целесообразно ожидать почина от Японии для возобновления переговоров,

---

[665] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. М.,2012. С. 519.
[666] ГАРФ. Ф.818. Оп. 1. Д. 49.
[667] Красный Архив. – 1932. – №3. – (Т.52).
[668] ГАРФ. Ф.818. Оп.1 Д.49. Л.1.
[669] Там же.
[670] Красный Архив. – 1932. – № 3. (Т. 52). – С. 113.
[671] Там же, С. 113-114

хотя бы принимая исходной базой для них последние японские предложения»[672]. Такой же пассивной и выжидательной тактики министр иностранных дел предлагал придерживаться и в отношениях с Китаем. Ламздорф считал, что сохранение Маньчжурии под властью России трудноосуществимо, поскольку возбудило бы против России китайцев и затруднило бы переговоры с Японией о Корее[673]. Ламздорф предлагал не предъявлять Китаю новые требования, а проблемы КВЖД предложил решать министерству финансов, которое, фактически, и патронировало её создание. Также министр иностранных дел не исключал возможности того, что встанет вопрос об определении статуса Квантунской области, но он рекомендовал входить в переговоры об этом с китайскими властями только в случае, если они первыми подымут этот вопрос[674]. В завершение, Ламздорф сообщил о том, что китайский посланник в Санкт-Петербурге обратился в МИД с запросом о времени очищения Инкоу, а затем министр проинформировал членов совещания о том, что МИД намерен ответить китайской стороне, что этот город будет освобождён в установленный срок в зависимости от принятия китайской стороной требований России[675].

В 1903 году начала активно раскручиваться широкоизвестная история лесной концессии на реке Ялу, главным действующим лицом которой стал отставной кавалергардский офицер Александр Безобразов, вошедший в доверие к Николаю II и получивший от императора 2 миллиона рублей на создание «лесной охраной стражи», которая формально должна была охранять концессию, а на самом деле, расположившись в устье Ялу, стать оборонительным щитом для защиты Маньчжурии от японцев. Впоследствии оказалось, что большая часть этих денег была потрачена Безобразовым на цели, не связанные с предложенным им же проектом[676]. Несмотря на это, Николай II продолжал благосклонно относиться к Безобразову – в мае 1903 г. он пожаловал его в статс-секретари[677].

---

[672] ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.49. Л.5об.; Красный Архив. – 1932. - № 3. (Т. 52). - С. 114-115.
[673] ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.49. Л.11.
[674] Там же, Л.12.
[675] Там же, Л. 12об.
[676] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу.С. 315-316.
[677] Там же, С. 316.

Оппозицию Безобразову составил С.Ю. Витте, считавший его политику авантюрой[678]. К позиции Витте присоединился военный министр Куропаткин[679]. Граф В.Н. Ламздорф в восприятии планов Безобразова был близок Витте и Куропаткину, поэтому он присоединился к их альянсу. Нельзя сказать, чтобы он был совершенно против каких-либо приобретений на Дальнем Востоке. Витте пишет, что Ламздорф не считал невозможным присоединение Маньчжурии к России, более того, он признавал полезность этой меры для строительства КВЖД и для «осуществления исторической задачи России на Дальнем Востоке». Однако министра иностранных дел беспокоило: достаточны ли военно-политические и экономические возможности России, чтобы удержать эти территории[680]. Впервые Ламздорф оказался перед дилеммой, касающейся возможности присоединения Маньчжурии ещё в 1901 году. В письме Витте и военному министру П.С. Ванновскому от 19 июля 1901 года он задался вопросом о возможности присоединения Маньчжурии, сразу указав на угрозу военного столкновения с Японией: «Может ли Россия при настоящих условиях её боевых сил без всякого риска принять вызов Японии, и представит ли приобретение Маньчжурии столь серьёзные военные, стратегические и финансовые выгоды, чтобы ради этого захвата стоило идти навстречу опасным осложнениям»[681]. После обмена мнениями с другими заинтересованными министрами, Ламздорф окончательно осознал неспособность России закрепить за собой столь обширный край[682].

Схожим образом Ламздорф рассматривал политику России в отношении Кореи, признавая пользу развития там русских концессий, но неизменно призывал действовать с максимальной осторожностью[683]. Тем не менее, к весне 1902г. В.Н. Ламздорф окончательно разочаровался в перспективах России в Маньчжурии, что ярко проявилось в составленной министром иностранных дел записке, направленной на опровержение изданной в Берлине анонимной

---

[678] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 516.
[679] *Куропаткин А.Н.* Дневник. С. 119.
[680] Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Пг., 1916. С.173-174.
[681] *Глушков В.В., Черевко К.Е.* Русско-японская война 1904-1905гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С.39.
[682] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С.386.
[683] ГАРФ. Ф. 568. Оп.1. Д.381. Л. 162-168.

брошюры, посвящённой политике России на Дальнем Востоке и подписанной «Z». В своей записке Ламздорф фактически признал провал экономического проникновения в Китай, вставив в неё пассаж о том, что России чужда коммерческая эксплуатация Маньчжурии, в то время как китайцы угрожают заполонить своей торговлей весь Уссурийский край[684]. А. Безобразов стремился, заручившись поддержкой императора, сам руководить внешнеполитическим курсом России на Дальнем Востоке. Разумеется, граф Ламздорф становился главным препятствием на пути амбициозного статс-секретаря. Первое столкновение группировки Безрбразова с министерским трио - Витте, Ламздорф, Куропаткин - произошло во время Особого совещания 26 марта 1903 года. Совещание открыл Николай II, заявивший, что концессия на реке Ялу – это противовес японскому влиянию в Корее. Затем слово было предоставлено Безобразову, доказывавшему, что эвакуация Маньчжурии поставит крест на мечте о политическом влиянии в Корее и на приобретении там незамерзающего порта. Безобразов предлагал под любым предлогом задержать эвакуацию Маньчжурии, параллельно укрепившись на реке Ялу, и добиваясь получения незамерзающего порта в Корее и разрешения на строительство к нему железной дороги. Против таких планов слаженно выступили Витте, Ламздорф и Куропаткин, заявившие о неприемлемости политического характера концессии на р. Ялу, которая должна быть исключительно коммерческой. Также министры заявили о недопустимости тайных агрессивных действий на Дальнем Востоке, угрожающих конфликтом с Японией. Мнение министров на Совещании восторжествовало. Единственный сторонник Безобразова из числа министров – министр внутренних дел В. К. Плеве - был вынужден присоединиться к мнению большинства[685]. По итогам совещания В. Н. Ламздорф подготовил записку «О лесной концессии на р. Ялу и о концессии на разработку руд в Корее в связи с запиской по этому вопросу Безобразова». Данная записка стала развёрнутым и мощным ответом на записку, подготовленную Безобразовым и его сторонниками к совещанию 26 марта,

[684] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 400.
[685] Там же, С.452-453.

продемонстрировав всю несостоятельность идей «безобразовцев», вскрыв не только их мошенническую сущность, но и запредельное, не поддающееся объяснению, легкомыслие. Вот почему она достойна того, чтобы быть процитированной полностью:

«В обсуждении на Особом совещании 26 марта 1903 г. записки, в которой предполагалось возложить на министерство иностранных дел задачи по скорейшему закреплению и признанию в Пекине прав на лесную концессию в Маньчжурии и в поддержке в Сеуле искательств барона Гинсбута в смысле утверждения обещанных корейским императором прав на рудные богатства, но, строго говоря (все подчёркивания в тексте – А. Л.)*, в настоящем случае нет на лицо ни концессий ни концессионеров Несмотря на самые энергетические настояния* (так в тексте – А. Л.) *со стороны Российских агентов в Маньчжурии и императорской миссии в Пекине, китайское правительство уклоняется от выдачи русским предпринимателям лесной концессии на правом берегу Ялу. Китайцы доказывают, что лесорубное дело на Ялу, находящееся в главном заведовании таможни в Шахэцзы, вполне организовано и приносит как местным властям, так и казне доход до 300 тыс. лан. Правда в конце 1902 г. поверенный Д. С. С. Матюнина, г. Львов через посредника китайца заручился от мукденского цзянь-цзюня на общих основаниях разрешительным свидетельством производить в течение годичного срока на незанятых участках по Ялу рубку леса с уплатой поречного и других сборов. Но таковое разрешительное свидетельство не может считаться равносильным получению формальной лесной концессии, а в глазах Пекинского правительства этот подставной китаец не может считаться русским концессионером. Д.С.С. Безобразов не находит нужным выжидать более прочной юридической постановки лесного дела, а использование в возможно широких размерах полученное годовое разрешительное свидетельство – это едва ли можно признать целесообразным.*

Российский поверенный в делах в Сеуле известил министерство иностранных дел телеграммой от 28 марта, что он лишь надеется вскоре добиться предоставления барону Гинцбургу горной концессии. При этом г. Штейн

присовокупил, что порученное миссии по просьбе Матюнина подтверждение затем права первенства русских на все прочие дворцовые рудники, если оно будет сделано официальным путём, непременно вызовет протест со стороны не одной только Японии и может иметь последствием затруднения.

По поводу концессии в Корее полная бездеятельность концессионеров на месте значительно затрудняла благоприятное разрешение вопроса о фактической охране их прав, министерством иностранных дел, однако приняты были все зависящие от него меры к достижению означенной цели.

Колл. Асс. Штейн сообщает, что лесная концессия находится в полной законной силе, но дабы не утратить оной необходимо, чтобы работы по пользованию ею начаты были не позже 31 декабря по н. с.

Юридически вполне оформленный документ существует, но сила его висит на волоске, ибо концессионерами не сделано ничего.

Из всего вышеизложенного явствует, что (если) японцы уже появлялись на левом берегу Ялу, то виновны в этом исключительно концессионеры, начиная с г. Бринера, который за время почти семилетнего владения лесной концессией не озаботился фактическим закреплением за собой прав, вытекающих из условий этой концессии. А для этой цели не было даже надобности организовывать особое акционерное общество, достаточно было только приступить к эксплуатации корейских лесов»[686].

В итоге, по результатам Особого совещания и последующих консультаций, было принято компромиссное решение – добиваться получения лесной концессии на р. Ялу, но придать ей исключительно коммерческий характер. В соответствии с этим, В.Н. Ламздорф 8 апреля 1903 г. направил секретную телеграмму поверенному в делах в Пекине тайному советнику Г.А. Плансону: «Согласно решению Особого совещания 26 марта Вам надлежит употребить возможные усилия к тому, чтобы добиться получения от Китайского Правительства концессии на разработку лесных богатств на правом берегу Ялу в пользу образованного частного русского акционерного общества, представителем коего

[686] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 55. Л.1-7.

на месте является Д.С.С. Безобразов»[687]. Разумеется, Плансон незамедлительно исполнил поручение своего министра, но китайская сторона не спешила с ответом, выжидая благоприятный для себя момент.

Не добившись успеха в открытой дискуссии, Безобразов попытался дискредитировать Ламздорфа в глазах Николая II. 11 мая 1903 года Безобразов написал царю письмо, в котором отчитывался о своих вместе с контр – адмиралом Абазой разговорах с Ламздорфом. Безобразов писал, что Ламздорф «никаких данных по существу… противопоставить не мог; аргументацию же свою держал исключительно в сфере а) точного исполнения приказаний Вашего Императорского Величества, в) своей некомпетентности в вопросах военных и экономических и с) своих опасений осложнений от недостаточно полного и точного исполнения трактатов»; что «Ламздорф несколько раз пробовал ставить дело на личную почву и обижаться против вторжения в дела его ведомства» и что у графа « форме даётся всё преимущество пред существом, и это, кажется, потому, что она прикрывает пустоту знания и убеждений»[688]. В конце письма Безобразов явно пытается подвести императора к мысли сместить графа Ламздорфа с поста: «Вообще, насколько мог понять, мне кажется, что гр. Ламздорф остался очень недоволен нашим посещением, так как не имел успеха в своих стараниях доказать: а) что он вообще безответствен в существе дипломатических неудач, как только точный исполнитель приказаний; в) что он не обязан знать и понимать существо дела, а только служит редакционным целям; с) что он многое допустил на Дальнем Востоке, что мог бы удержать, если интересовался бы реальной жизнью и заставил бы этим своих подчинённых работать; d) что он теперь неправ, что боится ясных постановок и злоупотребляет словами для затемнения дела. Я лично вынес очень тяжёлое настроение из этих разговоров, как совершенно ясное сознание необорудованности у нас целого ведомства для жизни и тех возрастающих трудностей, которые она представляет»[689].

---

[687] ГАРФ. Ф. 818 Оп.1. Д.56. Л.1.

[688] *Шацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 158.

[689] Там же.

Между тем, В.Н. Ламздорф не оставался в долгу. В мемуарах А.А. Савинского имеется довольно подробный рассказ о личной встрече между Ламздорфом и Безобразовым, произошедшей по воле Николая II и о последующем разговоре между Ламздорфом и императором по поводу этой встречи. Разговор Ламздорфа и Безобразова отличался эмоциональностью со стороны министра иностранных дел, обычно чрезвычайно сдержанного. Предварительно договорившись о встрече по телефону, Безобразов пришёл к Ламздорфу в сопровождении адмирала Абазы. Ламздорф встретил гостей весьма прохладно. Держась достаточно высокомерно и напоминая, что он послан для разговора самим императором, Безобразов тем не менее отрицал своё влияние на придворные круги. Следом, он перешёл на обсуждение дальневосточных проблем, критикуя слабую и капитулянтскую позицию МИДа, чем вывел Ламздорфа из себя. В ответ на обвинения в адрес своего ведомства, Ламздорф ответил: «Какая слабость и какое капитулянтство!? Такая политика была бы несовместима с достоинством России и, если (что невозможно) Его Величество прикажет мне следовать ей, Вы не увидите меня за этим столом», ударив при этом кулаком по столу[690]. Несколько дней спустя Николай II стал расспрашивать Ламздорфа о визите Безобразова. Рассказав о своей с ним встрече, Ламздорф воспользовался возможностью, чтобы высказать императору всё, что он думает о Безобразове и его политическом курсе: «Я не могу скрыть от Вашего Величества, что деятельность Безобразова на Дальнем Востоке является причиной общего беспокойства. Есть те, кто желают ему понравиться, льстят ему, называя его самым молодым статс-секретарём и т. д. Я не из их числа. Моё мнение состоит в том, что его политика такова, что ведёт Россию в гнусную войну. Конечно, война, объявленная Вашим Величеством, например, чтобы помочь македонцам или бурам была бы одинаково нежелательна, но под конец она была бы понята русским народом, но война из-за лесов на Ялу не понравилась бы никому. Ситуация оказывается ещё более сложной из-за ходящих слухов, что Ваше

[690] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P.45.

Величество инвестировали собственный капитал в это предприятие»[691]. Николай II ответил Ламздорфу, что он и сам уже об этом думал[692]. Почувствовав понимание со стороны императора Ламздорф, испросил высочайшего разрешения на то, чтобы подготовить соответствующий меморандум по делам Дальнего Востока, на что немедленно получил от Николая II разрешение[693]. Несмотря на это, когда 7 мая 1903 года у императора состоялось очередное Особое Совещание, Николай II был заранее настроен на жёсткое отстаивание интересов России на Дальнем Востоке. По ходу совещания В.Н. Ламздорф пытался поставить под сомнение претензии «безобразовцев» на монопольное получение концессий. Безобразов в ответ ссылался на «право первенства» и позиционировал концессии в качестве предприятий, надёжно обеспечивающих безопасность русских интересов на Дальнем Востоке. Возмущённый Ламздорф обещал предоставить в ближайшее время письменный ответ Безобразову, но Николай II сразу дал понять, что полностью разделяет взгляды Безобразова[694]. Итогом совещания стало санкционирование лесной концессии Безобразова на р. Ялу. Результаты совещания, стали большой неожиданностью для посвящённых. Следивший за ситуацией со стороны, А.А. Половцов, искренне недоумевал: «Государь, который месяц тому назад утвердил миролюбивую программу, представленную тремя министрами – Ламздорфом, Витте и Куропаткиным, говорит, что он сознаётся в своей ошибке и решается переходить к наступательному образу действий»[695]. Ламздорф был удручён и подал прошение об отставке, которое царь отклонил[696]. Всё говорило о том, что графа отстранили от дел Дальнего Востока. В. Н. Ламздорф признался Безобразову, что его кредо - правдивость, искренность и преданность монарху. Он готов был беспрекословно выполнять любую волю царя, но не мог прямо высказать свою точку зрения. Его угнетала

[691] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P.45..
[692] Ibid.
[693] Ibid, P.46.
[694] *Игнатьев А.В.* Витте – дипломат. С. 168.
[695] *Половцов А.А.* Дневник. С. 423.
[696] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 320.

неопределённость собственного положения и то, что он чувствовал себя неугодным монарху[697].

Не имея возможности напрямую влиять на Николая II, Ламздорф, очевидно, решил действовать через самых близких к императору лиц. Во всяком случае, 30 июня Ламздорф встретился с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной и откровенно поведал ей о сложившемся положении, а также о том, что он думает о Безобразове и его последователях. Ламздорф высказал предположение, что Николай II, считая министров людьми, заинтересованными в первую очередь в сохранении своих портфелей, склонен доверять лицам, не имеющим официального положения, но кажущимся ему искренними. Безобразова Ламздорф в беседе с Марией Фёдоровной характеризовал как квази - бескорыстного фанатика своих идей, чьё влияние укрепляется ещё больше от того, что некоторые министры готовы льстить Безобразову в угоду царю[698]. Тем не менее, данный разговор не оказал какого-либо серьёзного влияния на позицию императора.

Весной и летом 1903 года в правительственных кругах шла активная дискуссия об условиях вывода русских войск из Маньчжурии. Главный начальник Квантунской области адмирал Е.А. Алексеев считал, что выполнением соглашения от 26 марта 1902 года Россия демонстрирует китайцам свою слабость и что необходимо перебрасывать на Дальний Восток дополнительные войска[699]. Алексеев считал, что продолжительная оккупация Маньчжурии создаст возможность для её дальнейшего присоединения. Схожих взглядов придерживались посланник в Токио Р. Р. Розен, считавший необходимым установить русский протекторат над Маньчжурией и П.М. Лессар, посланник в Китае, желавший присоединить Маньчжурию к России[700]. Поддержав взгляды адмирала Алексеева, Николай II поручил Ламздорфу составить соответствующие инструкции российским дипломатическим представителям. Ламздорф исполнил поручение императора, но не преминул при этом указать на то, что на Дальнем

---

[697] *Шацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 162.
[698] *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. С. 524.
[699] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 46.
[700] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 404.

Востоке складывается ненормальная ситуация, когда дипломаты получают инструкции одновременно из двух инстанций. Видя в сложившейся ситуации недоверие к себе со стороны императора, Ламздорф в очередной раз попросился в отставку, но император отставку опять не принял, уверив Ламздорфа в своём полном доверии. Тем не менее, дипломатическая деятельность на Дальнем Востоке всё меньше осуществлялась МИДом и всё больше концентрировалась в руках адмирала Алексеева[701].

Именно об этом Ламздорф говорил императору во время аудиенции 14(27) сентября 1903 года, содержание которой он подробно пересказал в письме В. С. Оболенскому. Ламздорф заявил императору, что неискренняя политика наместника вредит престижу России и жаловался на Безобразова, назвав его авантюристом, представляющим угрозу[702].

Тем временем, Ламздорф предложил свой вариант действий в Маньчжурии, который опирался на одобренную министром записку дипломатического чиновника при Алексееве Г.А. Плансона. План Плансона требовал от Пекина неотчуждаемости возвращаемых территорий, оплаты санитарной организации в Инкоу, признания Русско-Китайского банка таможенным, сохранения в русских руках телеграфной линии Порт-Артур–Инкоу–Мукден, подтверждения уже полученных русскими концессий, запрета на открытие новых пунктов для иностранной торговли без согласия России и запрета на приглашение иностранцев на административные должности в Маньчжурии. От идеи потребовать от Китая предоставления лесной концессии на реке Ялу решено было отказаться, чтобы не разоблачать её политический характер. Император утвердил план Плансона и Ламздорфа. 24 марта (5 апреля) эти требования были переданы Китаю в форме ноты. Алексеев возражал против данной ноты, так как выступал за получение концессии на р. Ялу и за закрытие Маньчжурии для иностранцев. В отличие от Алексеева, Ламздорф, напротив, всегда выступал за открытие Маньчжурии для иностранцев, так как в этот вопрос серьёзно упирались

[701] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 47.
[702] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 280. Л. 48-53 об.

отношения с европейскими державами, но в ещё большей степени - с Соединёнными Штатами[703].

Дискуссия о судьбе Маньчжурии нашла своё отражение и в двух анонимных записках, отложившихся вместе в одном деле в личном фонде Г.А. Плансона в ГАРФ[704]. Первая записка называется «Значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии». На записке имеется помета, сделанная рукой Николая II: «По ознакомлении с этой запиской, прошу мне её вернуть. 26 апреля 1903 г.» Судя по содержанию записки, она, возможно, принадлежит перу адмирала Алексеева или кого-то из его ближайшего окружения. Вторая записка называется «По поводу записки «Значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии». Вторая записка, будучи ответом на первую записку, является её критическим разбором и опровержением. Вторая записка, как по своему содержанию, так и по стилю, с большой долей вероятности принадлежит В.Н. Ламздорфу. Эти предположения подтверждает то обстоятельство, что обе записки отложились именно в бумагах Плансона, в 1903-1905 гг. дипломатического чиновника при наместнике на Дальнем Востоке, а ранее поверенного в делах в Пекине, то есть чиновника как бы связывавшего ведомства Ламздорфа и Алексеева. Исходя из этого, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что император, желая ознакомить Ламздорфа с позицией адмирала Алексеева, попросил последнего обстоятельно изложить свою позицию в записке, которую затем передал для ознакомления Ламздорфу. Ознакомившись с запиской, Ламздорф составил ответ. Затем обе записки, наверняка, оказались в канцелярии Алексеева и там уже отложились среди бумаг Плансона, который, вероятно, ознакомился с ними по служебной необходимости. Автор первой записки утверждает, что исходной точкой, подтолкнувшей державы к активизации своих действий на Дальнем Востоке, явилась японо-китайская война 1894-1895 гг., неожиданно выявившая мощь Японии и военную несостоятельность Китая. Поддержав Китай, Россия, по мнению автора записки, заслужила право на

[703] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 405-406.
[704] ГАРФ. Ф. 818. Оп.1. Д.57.

благодарность со стороны Китая. Воспользовавшись своим правом на благодарность, Россия получила концессию на строительство КВЖД, землю под железную дорогу и инфраструктуру, а также особые права на данной территории. Тем же правом на благодарность, в записке оправдывается занятие Порт-Артура и всего Квантунского полуострова. Далее в записке критике подвергалась политика России в отношении Японии, силы которой якобы были недооценены, и должных мер для защиты, от которой предпринято не было. В записке проводилась мысль о том, что своей уступчивостью и непоследовательностью Россия дала повод иностранным державам сомневаться в собственной силе. Отсюда проистекает неуступчивость Китая, агрессивная настойчивость Японии и враждебность Великобритании и США. Автор записки сетует, что Россия не воспользовалась возможностью разделить с Японией Корею на сферы влияния, появившуюся в 1896 г. во время визита японского маршала Ямагаты Москву. По мнению автора записки, эвакуация Маньчжурии не выгодна России, так как: 1) на место России туда обязательно придёт другая держава; 2) оставление Маньчжурии создаст угрозу русским владениям со стороны Японии; 3) оставление Маньчжурии делает Порт-Артур беззащитным. В записке содержится убеждённость в необходимости избежать войны с Японией, путём исполнения договора 26 марта 1902 г., но также подчёркивается необходимость твёрдо заявлять о своих интересах в регионе и готовиться к войне, путём переброски на Дальний Восток дополнительных войск[705].

Ответная записка пункт за пунктом опровергает положения первой записки, утверждая, что японо-китайская война не являлась каким-либо поворотным моментом в дальневосточной политике России; что «Россия никогда не основывала отношения с Китаем на зыбком фундаменте «благодарности» и всегда стремилась к добрососедским отношениям с этой страной; что значение Японии стало понятно не во время войны с Китаем, а ещё за 30 лет до этого. Что касается несостоявшегося договора о разделе Кореи в 1896 г., автор второй записки считает, что он был невыгоден России поскольку: 1) за год до этого Россия сама

[705] ГАРФ. Ф. 818. Оп.1. Д. 57. Л.1-6об.

декларировала принцип независимости Кореи; 2) присоединение Кореи вызвало бы отрицательную реакцию держав; 3) раздел Кореи привёл бы к отказу от влияния в южной части полуострова – самой стратегически важной; 4) уже существовавшие соглашения по Корее содержали секретный и весьма важный для России пункт, запрещавший Японии под любым предлогом единолично вводить войска в Корею. Таким образом, автор записки делал вывод о том, что России выгодно сохранять единую и независимую Корею, тем не менее, такая позиция сочеталась с заявлением о том, что «Корея была в силу географических и политических условий заранее нами предопределена как составная часть Российской империи». В отношении Маньчжурии, автор повторяет неоднократно изложенную В. Н. Ламздорфом позицию: присоединение Маньчжурии пошло бы на пользу России, ввиду обширности и богатства этого края, но следует оценить, достаточно ли у России материальных возможностей принять в себя такую гигантскую, густонаселённую, но необустроенную территорию и привести её в соответствие со стандартами Империи и готова ли Россия в военном отношении защищать вновь присоединённые территории. Исходя из этого, в записке делается вывод о том, что желательно не торопиться, проводить рассудительную политику и выполнять, возложенные на себя международные обязательства: «Время – единственный союзник и верный помощник России, лишь бы в деятельном, но спокойном и последовательном разрешении её громадных исторических задач, она не проявляла нетерпения и оставалась верной своим принципам и своему слову. Всякие неосторожные и несвоевременные попытки ускорить осуществление какой-либо задачи неминуемо будут ставить Русское правительство в недопустимое для достоинства России положение отступающего перед угрозой, либо вызовут на радость её соперникам то столкновение, в которое последние стараются нас вовлечь с тем, чтобы надолго задержать осуществление исторической задачи, предначертанной Могущественной и Великой России на берегах Тихого Океана»[706]. Интересно, что автор записки не просто передаёт позицию МИД, но и делает заявления от имени МИДа: «Не считая себя вправе

[706] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 57. Л. 7-18об.

входить в оценку военно-стратегических и финансовых доводов, М. И. Д. счёл своим долгом обратить внимание на то, что возвращение железнодорожных линий – первый шаг к выполнению Русским правительством обещаний вообще…»[707]. Кроме того, во второй записке есть указание на секретную статью русско-японского договора, так называемого Московского протокола 1896 г., о которой не знал автор первой записки[708]. Оба обстоятельства служат дополнительными, хотя и не бесспорными, доказательствами нашей гипотезы об авторах этих двух записок.

14 (27) апреля китайцы, медлившие в ожидании международной реакции на требования России, наконец, вручили российским представителям официальный ответ, отличавшийся пространностью и уклончивостью формулировок. В свою очередь, ожидавшийся китайцами негативный международный резонанс на требования России не заставил себя ждать. Великобритания и Соединённые Штаты обратились к России с требованием разъяснить ситуацию, на что получили ответ Ламздорфа, что Россия не намерена требовать от Китая новых уступок, а только желает получить гарантии выполнения прежних договорённостей[709]. В том же ключе Ламздорф спустя несколько дней, 21 апреля разъяснил позицию России по маньчжурскому вопросу и русскому поверенному в делах в Пекине Плансону, одновременно ободрив его заверением, что никакие возмущённые голоса из-за границы её не поколеблют: «Ваш образ действий вполне одобряется и как Вы справедливо заметили, в настоящую минуту необходимо оставаться на занимаемых нами позициях. Никаких протестов со стороны других Держав Императорским Правительством не было получено и не могло быть допущено. Китайцы вскоре убедятся в бесплодности поднятой ими тревоги. Упорству же их, конечно, лучше всего противопоставить выжидательное спокойствие»[710]. Ещё через четыре дня, 25 апреля, Ламздорф сформулировал позицию министерства в отношениях с Китаем в инструкции новому посланнику в Пекине

[707] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 57. Л. 7-18об.
[708] Там же, Л. 10.
[709] *Игнатьев А.В.* Витте – дипломат. С. 167.
[710] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

действительному статскому советнику П.М. Лессару. В вводной части инструкции В.Н. Ламздорф пересказал содержание предшествующих переговоров России с Китаем, вплоть до передачи китайской стороне ноты, подготовленной Плансоном, посетовав затем на то, что «китайцы вместо того, чтобы приступить к дружественному обмену взглядами по отдельным пунктам её, большей частью представляли лишь развитие их предшествовавших обязательств, обратились за советами к иностранным посланникам в Пекине, кои не преминули поднять по поводу этого дела враждебную о России агитацию»[711]. Затем, министр иностранных дел подробно проинструктировал Лессара по каждому пункту предъявляемых Китаю требований, разъяснив, что конкретно следует требовать от китайцев, при обсуждении каких пунктов нужно проявлять твёрдость, а по каким можно пойти на уступки.

По первому пункту, предусматривавшему запрещение отчуждаемости, освобождаемой маньчжурской территории в пользу иностранных государств, уступок делать не предполагалось. Более того, по мнению Ламздорфа, данный пункт должен был быть принят китайцами «с полным сочувствием как доказательство заботливости России о целостности соседней дружественной Империи»[712].

По второму пункту – требование открытия новых портов, Ламздорф предлагал Лессару пойти китайцам на уступки, заявив о необязательности данного пункта, в связи с тем, что указанное требование встретит серьёзное сопротивление иностранных держав, а также в связи с мнением министра финансов Витте, считавшего, что развитие торговли в Маньчжурии может лишь содействовать успеху нашего железнодорожного предприятия[713].

По третьему пункту Ламздорф считал, что «было бы крайне важно настоять на предъявленном нами требовании об исключении Северного Китая из ведения иностранцев. При этом, конечно, необходимо выслушать все заявления китайцев

[711] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д.58. Л. 1-1об.
[712] Там же, Л. 2.
[713] Там же.

и придать этому требованию редакцию, которая по возможности согласовывалась бы с интересами китайцев и была бы наименее им неприятна»[714].

По четвёртому пункту, предусматривавшему уступку телеграфной линии Артур-Мукден-Инкоу, Ламздорф разрешил пойти на уступки, вплоть до полного отказа от этого пункта, в связи с тем, что, по мнению Куропаткина, данная линия после эвакуации Мукденской провинции российским войскам уже не понадобится. На всякий случай, Ламздорф рекомендовал Лессару договориться с китайцами о беспрепятственном доступе русских к этой телеграфной линии в экстренных случаях.

По пятому пункту Ламздорф проинформировал Лессара, что «министерство финансов более не видит надобности настаивать на предоставлении Русско-Китайскому банку обязанностей Таможенного банка Нючжуанского порта[715].

По шестому пункту Ламздорф инструктировал Лессара настаивать на выполнении только первой его части, касающейся прав русских подданных в Маньчжурии. По второй части шестого пункта, касающегося санитарного вопроса в Инкоу, МИД пришёл к выводу о возможности настаивать только на «устройстве этого дела в том виде, как оно существует в других открытых китайских портах, например, в Шанхае»[716].

По седьмому пункту – вопросу о сохранении существующего строя в Монголии - Ламздорф счёл неуместным связывать его с делом эвакуации Маньчжурии и попросил Лессара «оставить дело так, чтобы мы во всякое время могли возобновить переговоры по поводу проектируемых китайцами мероприятий в названной области»[717].

В заключение, Ламздорф поручил Лессару энергично и твёрдо добиваться от китайских властей получения концессии на реке Ялу, несмотря на «создаваемые Пекинским Правительством…препятствия»[718].

---

[714] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д.58. Л.2.
[715] Там же,
[716] Там же, Л.2об.
[717] Там же, Л.3.
[718] Там же, Л. 3-3об.

Казалось, на этот раз в схватке победил Ламздорф, но неожиданно, как не раз случалось в его карьере, в дело вмешался император. Решив переделать уже вступивший в силу документ, Николай II обратился на этот раз не к Ламздорфу, а к адмиралу Алексееву. И это, несмотря на резко негативную реакцию иностранных держав ещё на первоначальный вариант требований к Китаю! Под руководством адмирала в Порт-Артуре 18-28 июня прошла серия совещаний с участием Куропаткина, Лессара, Павлова и Безобразова. По итогам совещаний список требований к Китаю был значительно расширен и требования ужесточены[719]. Результат совещаний под руководством адмирала Алексеева и в таком составе был абсолютно предсказуем, но В.Н. Ламздорф возлагал основную вину за него даже не на Алексеева, имевшего на Дальнем Востоке почти неограниченную власть, а на Безобразова. Когда Николай II спросил Ламздорфа, что он думает по поводу итогов совещания, министр ответил, что «Это всё результат того, что каждый старается перехитрить другого, но все боятся критиковать Безобразова». Император возразил Ламздорфу в том смысле, что подобное можно подумать, возможно, про людей неумных, но никак не про Алексеева и Куропаткина. На это замечание Ламздорф ответил: «Причина в том, что Безобразов, говоря от Вашего имени здесь, там и везде, преуспел в запугивании всех, и никто не решается противоречить ему»[720]. Однако и на этот раз решение императора не стало окончательным. 13 августа, после дополнительного совещания в Петербурге, было принято решение на половину сократить количество требований к Китаю (с 10 до 5). Именно в таком, окончательном варианте, они были направлены в Пекин[721]. На совещании были приняты решения полностью отказаться от присоединения Маньчжурии, завершить вывод войск оттуда в течение года, восстановив на освобождаемых территориях гражданское управление, но выводить войска не в места постоянной дислокации, а в зону отчуждения КВЖД; максимально свернуть деятельность в

[719] *Лукоянов И. В*. «Не отстать от держав…». С. 406-407; *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 48-49.
[720] Ibid., P. 49.
[721] *Лукоянов И.В*. «Не отстать от держав…». С. 407.

Корее, но продлить занятие Хунчуня близ корейской границы[722]. Таким образом, данное совещание продолжило сложившуюся негативную традицию принятия половинчатых решений.

30 июля 1903 г. Николай II издал указ о назначении адмирала Алексеева своим наместником на Дальнем Востоке. Созданное наместничество включало в себя Дальний Восток России, Маньчжурию и Ляодунский полуостров. Наместник получал всю полноту административных, экономических и дипломатических полномочий[723]. На канцелярию наместника сразу обрушился непривычный для неё поток бумаг. Как рассказал С.Ю. Витте министр двора барон Фредерикс, канцелярским служащим приходилось целыми днями дешифровывать, составлять и шифровать телеграммы. Часть дипломатических телеграмм Алексеев пересылал Ламздорфу, но далеко не все[724].

Какой сумбур был в головах авторов проекта учреждения наместничества, показывает один любопытный документ – проект преобразований России в Маньчжурии, составленный статс-секретарём Безобразовым в августе 1903г. В документе говорится, что цель России в Маньчжурии не завоевательная, а устроительная, притом, что там же сказано, что Пекин должен утратить контроль над этими территориями по существу, сохранив его номинально. Самая потрясающая фраза документа звучит следующим образом: «Расширение имперских границ (за счёт присоединения Маньчжурии - А.Л.) вредно, так как этим вносилась бы напрасная определённость в положение, которое должно быть для нас сильным именно своей неопределённостью по отношению к нашим соперникам»[725].

Решение императора об учреждении наместничества стало тяжёлым ударом для графа В.Н. Ламздорфа. Полностью подтвердились его худшие опасения: он был грубо отстранён от дальневосточных дел. Его, как и С.Ю. Витте, царь даже не предупредил о своём намерении – они узнали о случившемся из газет[726]. В августе

---

[722] *Данилов О.Ю.* Пролог «Великой войны» 1904-1914гг. С.23.
[723] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 322.
[724] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 553.
[725] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 320. Л.8-11.
[726] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 526.

С.Ю. Витте был снят с поста министра финансов и переведён на маловлиятельную должность председателя Комитета министров[727]. Таким образом, император избавился от последнего препятствия, мешавшего ему проводить ту политику на Дальнем Востоке, которую он считал правильной. С. Ю. Витте и дальше не опускал руки, пытаясь убедить в своей правоте Николая II через В.Н. Ламздорфа. В октябре, на неформальном обеде у министра иностранных дел Витте в присутствии узкого круга чиновников МИД зачитал Ламздорфу свою новую записку о положении на Дальнем Востоке и деятельности «безобразовцев», попросив затем передать содержащиеся в ней аргументы императору, на что Ламздорфу оставалось только развести руками и пояснить, что Его Величество слушает только Безобразова[728].

Известие об учреждении наместничества на Дальнем Востоке вызвало резкие отклики за границей. Япония увидела в таком шаге царя явную провокацию[729]. Учреждением наместничества Николай II демонстрировал, что он не видит Маньчжурию иначе как под властью России и делиться правами на неё с кем-либо не намерен.

Снова вопрос о судьбе Маньчжурии был поднят только в конце осени. Поводом для этого стал спор Алексеева, стремившегося максимально ограничить зарубежное влияние в Маньчжурии, и Лессара, настаивавшего на том, что для нормального развития региона ему нужны инвестиции, а так как у России денег не хватает, то необходимо поощрять иностранную деловую активность в Маньчжурии. Вмешавшийся в спор Ламздорф поддержал Лессара, возложив ответственность за неудовлетворительное положение вещей в регионе на Алексеева. После этого министр иностранных дел поставил перед императором вопрос ребром – существует только два варианта решения маньчжурской проблемы: присоединить Маньчжурию к России, либо договориться с Китаем о

[727] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу С. 322.
[728] *Игнатьев А.В.* Витте – дипломат. С. 185.
[729] *Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему Солнцу. С. 323.

приемлемых гарантиях с его стороны в случае её возвращения, но вопрос снова повис в воздухе[730].

Всего за две недели до учреждения наместничества, 18 июля японский посланник Курино передал Ламздорфу предложение японского правительства о возобновлении переговоров по проблемам Кореи и Маньчжурии. 23 июля Ламздорф ответил японской стороне, что уполномочен вести переговоры[731]. Первоначальная инициатива о переговорах исходила от России. Ещё 16 мая Ламздорф согласовал с Николаем II идею зондажа в Токио возможности заключения соглашения с Японией по Корее. Уже на следующий день В.Н. Ламздорф отправил соответствующие инструкции барону Р.Р. Розену. По желанию императора, к переговорам был подключён адмирал Е.И. Алексеев, а на Розена была возложена преимущественно техническая часть работы[732]. В ходе переговоров были представлены на рассмотрение два проекта русско-японского соглашения. Один проект был предложен Японией, а другой – Россией. Японский план предусматривал признание Россией прав Японии на Корею, в обмен на признание Японией особых прав России в Маньчжурии. Также японский план предусматривал право японцев на свободную торговлю в Маньчжурии. Русский план предусматривал признание Японией исключительных прав России в Маньчжурии, в обмен на признание Россией прав Японии в Корее. Разумеется, русский план не допускал никакой японской торговли в Маньчжурии. Но это было ещё не всё: Россия готова была признать права Японии на Корею только до 39 параллели, севернее которой планировалась организовать нейтральную зону. Кроме того, Россия требовала от Японии предварительно предупреждать её о намерении вводить войска в Корею[733]. Японцы не соглашались с русским проектом, а для Николая II и его окружения неприемлемым казался японский проект, что было неудивительно, поскольку за Россией Япония признавала в Корее только некоторые железнодорожные интересы, в то время как сама

---

[730] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 410-411.
[731] Русско-японская война 1904-1905. Т.1. СПб., 1910. С. 33.
[732] *Мультатули П.В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917). С. 273.
[733] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 246.

планировала действовать там без ограничений[734]. Таким образом, переговоры по вопросу разграничения сфер влияния в Корее заходили в тупик, но, несмотря на это, Николай II рассчитывал в конечном счёте на их успех, поэтому требовал через Ламздорфа от адмирала Алексеева их продолжения и активизации. К переговорам по вопросу Маньчжурии, проходившим параллельно, у императора сложилось принципиально иное отношение. В них также не было никаких подвижек, и адмирал Алексеев, считая их бесперспективными, запросил разрешение на прекращение переговоров. Данный демарш Алексеева ясно указывал на то, что он считал Маньчжурию сферой исключительных прав России и не готов был идти даже на минимальные уступки. Николай II полностью разделял такую позицию. В.Н. Ламздорф, напротив, считал позицию Алексеева ошибочной и опасной, но по распоряжению Николая II был вынужден отправить в Порт-Артур положительный ответ в секретной телеграмме из Мюрцштега 18 сентября (1 октября) 1903 года: «Государю Императору благоугодно было соизволить на предложение Ваше о прекращении переговоров в Пекине в виду их безуспешности, а также Высочайше одобрить выработанный Вами с бароном Розеном проект ответных предложений, которые следует безотлагательно предъявить Японии»[735]. Министру иностранных дел оставалось только жаловаться на Алексеева А.Н. Куропаткину[736].

Не находя возможности поколебать в переговорах бескомпромиссную позицию Японии, В.Н. Ламздорф постарался найти поддержку в Европе, прежде всего, во Франции. Находясь с официальным визитом в Париже в октябре 1903 г., Ламздорф, очевидно, имел беседы с министром иностранных дел Франции Т. Делькассе о Дальнем Востоке. Как отмечает современный исследователь, Делькассе желал, чтобы Россия придерживалась в этом вопросе максимально умеренной позиции, но не мог этого высказать открыто, опасаясь поворота России в сторону Германии. В итоге, получалось, что Ламздорф, несмотря на все клятвы в вечной любви и дружбе со стороны президента Республики, не мог в

[734] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 545.
[735] ГАРФ. Ф.568. Оп. 1. Д. 189. Л.7.
[736] *Куропаткин А.Н.* Дневник. М.,2010 С. 180.

достаточной степени положиться в дальневосточных делах на единственного влиятельного союзника России – Францию, не желавшую распространения экспансии России на Дальнем Востоке, полагая, что это ослабит армейские группировки на западной границе, нацеленные на Германию и, соответственно, уменьшит для Франции ценность России как союзника.

Ещё одной надеждой для Ламздорфа была Великобритания, ближайший союзник Японии, имевший на неё все рычаги влияния. Ламздорф полагал, что шансы на успех в переговорах с англичанами имеются, поскольку Великобритания вряд ли могла рассчитывать на успех Японии в случае войны с Россией, а, кроме того, в Лондоне существовали страхи русско-японского соглашения за спиной «туманного Альбиона». Итоги встречи Ламздорфа с его британским коллегой Лансдауном не подтвердили эти ожидания. Как оказалось, англичане в принципе были готовы признать интересы России в Маньчжурии, но только в обмен на ослабление российского влияния в Персии, на что в Санкт-Петербурге пойти не могли[737].

Ламздорф вернулся из-за границы чрезвычайно обеспокоенным. Ситуация грозила вскоре выйти из-под контроля, о чём В.Н. Ламздорф подробно поведал А. Н. Куропаткину. «Сегодня посетил меня граф Ламздорф, возвратившейся из-за границы. Всё ещё тревожится делами Дальнего Востока. Говорит, что там идёт путаница. Недоволен и Розеном. Говорит, что он замкнулся и, как упрямый немец, настаивает на проведении своего мнения: чтобы японцы отказались от Маньчжурии, а мы откажемся от Кореи. Лессар сбит с толку требованиями Алексеева, проводил дело не по частям, как хотел Лессар, а особым торжественным заявлением. Китайцы упёрлись, и дело стало. Другие пользуются. Ламздорф показал государю письмо Лессара, в котором достаётся Алексееву и осуждаются заведённые порядки вести дела не через Петербург. Государь письмо не возвращает. Ламздорф рассказал, что, когда государем была получена воинственная от Алексеева депеша, он очень встревожился и не скрыл своего беспокойства. «Надо сейчас же телеграфировать Алексееву, что я не хочу войны»,

[737] *Данилов О.Ю.* Пролог «Великой войны» 1904-1914гг. С. 24.

- говорит он Ламздорфу. – Составьте ответ». Ламздорф составил ответ в сильных выражениях, что государь войны не хочет и возлагает на Алексеева принятие мер, чтобы войны не было. Обыкновенно государь только помечал такие депеши, проекты, и уже ждал к подписи не проекта. А тут он зачеркнул слово проект и уже подписал без изменений. С этой минуты, по-видимому, в настроении государя произошло изменение. Ему стало ясно, куда нас может завести политика потрясения кулаком, без желания ударить им. По словам Ламздорфа, он говорил государю: «Нельзя, Ваше Величество, потрясать кулаком без решимости нанести удар. Придётся сбавлять тон, - а это очень нежелательно». Всё же Ламздорфу представляется, что немедленного разрыва с Японией не будет. Выяснилось, что государь, несмотря на полномочия, данные Алексееву, всё же разрешил и Ламздорфу давать указания нашим послам на Дальнем Востоке. Выходит, двойственность распоряжений, путающих дело и смущающих дипломатических представителей других держав. Ламздорф всё поговаривает, что надо ему уйти», - писал Куропаткин в дневнике[738].

В ноябре-декабре 1903 года прошёл новый раунд переговоров в Париже, который опять закончился провалом[739]. Положение существенно осложняла продолжавшаяся борьба Ламздорфа с Е.И. Алексеевым, который, по мнению министра иностранных дел, сознательно затягивал переговоры. По этому поводу Ламздорф неоднократно обращался к Николаю II. Например, во всеподданнейшей записке от 8 ноября 1903 г. министр иностранных дел писал следующее: «Из телеграмм наместника на Дальнем Востоке Алексеева следует, что он не надеется на принятие выработанных им с бароном Розеном предложений и озабочен лишь способом выиграть время для приготовления к войне с Японией». Далее Ламздорф сообщал: «Министерством иностранных дел подготовлены были два решения: 1) присоединение Маньчжурии к России с извещением Китая и всех заинтересованных государств при совершенно ясной мотивировке такого решения; 2) возвращение Маньчжурии Китаю при условии получения от него

[738] *Куропаткин А.Н.* Дневник. М.,2010 С.186-187.
[739] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 256.

известных гарантий, но переговоры по этому поводу с токийским кабинетом, которые проводил Лессар, прерваны по настоянию наместника. Возобновление переговоров улучшило бы положение по переговорам с Японией по корейским делам и ликвидировало бы опасности выступления Японии и Китая совместно»[740]. Таковы были логичные, базирующиеся на глубоком анализе ситуации доводы В. Н. Ламздорфа. Образ мыслей адмирала Е.И. Алексеева для Ламздорфа также не являлся секретом. Наместник на Дальнем Востоке путём затягивания переговоров рассчитывал выиграть время для сосредоточения на Дальнем Востоке достаточного количества войск на случай предстоящей войны с Японией. По поводу такой тактики Ламздорф логично заметил, что «японцы не станут ждать, пока силы России на Тихом океане превзойдут японские»[741]. Однако своими обращениями к императору, Ламздорф так и не добился от него какого-либо конкретного шага[742].

В итоге, Ламздорф снова, как после майского Особого совещания, санкционировавшего деятельность «безобразовцев» на реке Ялу или, как после июльского решения императора об учреждении наместничества на Дальнем Востоке, оказался не у дел, потеряв рычаги влияния на ситуацию. Даже партнёр Алексеева по переговорам с Японией, посланник в Токио Р.Р. Розен оказался в стане оппонентов В.Н. Ламздорфа, заявив себя сторонником жёсткой линии поведения в отношении Японии. Самым острым моментом в разногласиях министра и посланника являлись права иностранцев в Маньчжурии. В инструкциях Розену Ламздорфу приходилось разъяснять посланнику в Токио, что у России нет законных оснований препятствовать деятельности иностранцев в Маньчжурии, по меньшей мере, пока она находится в юрисдикции Китая[743].

23 декабря японское правительство в ультимативной форме потребовало от России «пересмотреть своё предложение»[744].

---

[740] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л.43-44об.
[741] Там же, Л.44об.
[742] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 558.
[743] Там же, С. 562.
[744] История дипломатии. С. 719.

Чувствуя неготовность к войне с Японией, несговорчивость японской делегации и антирусскую позицию большинства Великих Держав, правящие круги России пришли к мысли о необходимости уступок.

6 января 1904 года Россия обещала признать права Японии в Маньчжурии без права строительства «сеттелментов» (особых кварталов или поселений для иностранцев – А. Л.) в обмен на обещание не использовать Корею в стратегических целях. К сожалению, как прекрасно понимал В.Н. Ламздорф, уступки Японии запоздали. Об этом он писал 8 января послу в Великобритании А.К. Бенкендорфу, весьма резко отзываясь о «политиках-дилетантах» в Порт – Артуре, попиравших международные договоры и права других наций, рассчитывая при этом только на удачу. В их действиях, не соответствующих «прошлым принципам и великим традициям» российской политики, Ламздорф видел главную причину кризиса[745].

В тот же день, 8 января Ламздорф опубликовал декларацию ко всем державам, в которой говорилось о том, что Россия не будет нарушать их права в Китае. Япония не пошла навстречу России. Страна Восходящего Солнца требовала признания своих прав в Корее, «неприкосновенности Китая и Маньчжурии» и права организовывать в Маньчжурии «сеттелменты»[746]. Ламздорф в переговорах с Японией пытался заручиться поддержкой Франции, но французская поддержка не была серьёзной[747]. Напротив, Великобритания последовательно и жёстко поддерживала все требования Японии[748]. Позиции обеих держав ярко проявились в разговоре французского посла в Лондоне П. Камбона с министром иностранных дел Великобритании Г. Ландауном. На просьбу Камбона сдержать пыл Японии, Лансдаун ответил, что не может этого сделать, потому что требования Японии справедливы. Сам Камбон полагал, что Россия, как минимум, на месяц опоздала со своими мирными инициативами[749], поэтому усилия французского дипломата в пользу России носили формальный характер.

---

[745] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 73.
[746] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 263.
[747] Там же, С. 268
[748] Там же, С. 272.
[749] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 74.

Чувствуя реальную опасность со стороны Японии, В. Н. Ламздорф решился на уступки, бесспорно признав права иностранцев в Маньчжурии и отказавшись от идеи нейтральной зоны на Корейском полуострове. Отстаивая пункт о запрещении использования корейской территории в стратегических целях, министр пытался заручиться поддержкой Франции, но Ламздорфу всё дело испортило вмешательство министра внутренних дел В.К. Плеве, самовольно и преждевременно информировавшего японскую сторону о том, что их предложение принято[750].

15 января 1904 г. «по Высочайшему повелению» состоялось очередное Особое Совещание, последнее перед началом войны. За два дня до Совещания В. Н. Ламздорф по согласованию с Николаем II (на документе имеется помета: «На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукою начертано: «Съ») отправил наместнику на Дальнем Востоке Алексееву секретную телеграмму, в которой задал ряд вопросов, чтобы узнать его мнение по ключевым вопросам дальневосточной дипломатии:

«1.Имеют ли обсуждаемые ныне между Россией и Японией разногласия столь важное значение, что ради поддержания без изменения наших требований можно даже рисковать вооружённым столкновением с Японией?

2. В случае утвердительного ответа на первый вопрос, не следует ли нам всё-таки продолжать переговоры, дабы исчерпать все средства к мирному разрешению кризиса?

3.Если это окажется невозможным, то не выгоднее ли для России во всех отношениях, чтобы разрыв последовал со стороны Японии, которая таким образом, явится агрессивной нарушительницей мира на Дальнем Востоке?

4.Находя, что изменение в желаемом японцами смысле редакции соглашения затрагивает вопрос достоинства, то не пострадает ли оно в большей мере, если мы вопреки мирным заявлениям и нашей воле, поддадимся враждебным нам влияниям соперничающих Держав, которые одни получат прямые выгоды от невызываемой жизненными интересами России вооружённой борьбы с Японией?

---

[750] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 566.

5. Не представляется ли желательным, во избежание неприятных осложнений с прочими Державами, ныне же решить уже переданный мною Вам по телеграфу вопрос о признании прав и преимуществ, приобретённых державами в Маньчжурии по ратифицированным последним договорам с Китаем, и о включении соответствующей оговорки в изготовляемый проект соглашения с Японией?

Наконец, 6. В связи с Маньчжурским вопросом, который, очевидно, не может бесконечно оставаться открытым, желательно выяснить следующее: если японцы, прервав переговоры, самовольно займут Корею, то этим существенно изменится занимаемое нами положение в Маньчжурии по отношению как к Японии, так и к самому Китаю. Спрашивается, можем ли мы и после помянутого акта японцев при предстоящем решении Маньчжурского вопроса руководствоваться предложенными нами условиями соглашения с Китаем или явится необходимость значительного изменения требований и в каком именно смысле?»[751]

Формулировки этих вопросов представляют для нас интерес, поскольку хорошо демонстрируют то, как бы на них ответил сам Ламздорф. В этом отношении, они являются риторическими. Также бросается в глаза то обстоятельство, что формулировки некоторых вопросов почти полностью совпадают с формулировками из анонимной записки под названием «По поводу записки «Значение договора 26 марта 1902г. в развитии вопроса о Маньчжурии», что является ещё одним подтверждением того, что автором данной анонимной записки является В. Н. Ламздорф.

Главной темой совещания стало обсуждение содержания пятой и шестой статьи русского проекта соглашения с Японией по Корее. Пятая статья предусматривала запрещение использования территории Кореи в стратегических целях, а шестая – создание нейтральной зоны на Корейском полуострове. Именно эти две статьи вызывали наибольшие возражения японцев. В.Н. Ламздорф на совещании выразил сомнение в том, что удастся убедить японцев принять эти

[751] ГАРФ. Ф. 818. Д. 72. Л.1-2об.

статьи. Особенно большие сомнения министр иностранных дел выражал по поводу статьи шесть, так как считал, что японцы опасаются административного хаоса в нейтральной зоне, а, кроме того, напуганы сведениями о русских стратегических планах на реке Ялу. На счёт пятой статьи Ламздорф выразился оптимистичнее, но тотчас оговорился, что, так как данная статья касается стратегических вопросов, то в данном случае МИД не желает возлагать всю ответственность на себя, а намерен запросить компетентное мнение Военного и Военно-Морского министерств[752]. Затем, по ходу дискуссии, Ламздорф и вовсе открестился от выработки решения по этим двум статьям, заявив, что они носят стратегический характер и, следовательно, находятся вне компетенции МИД. Данными статьями, по мнению Ламздорфа, должно было заниматься Военное министерство[753]. Однако, сняв с себя ответственность, Ламздорф позволил себе заявить, что если разногласия с Японией имеют столь важное значение, что ради сохранения без изменений требований России можно рисковать вооружённым столкновением с Японией, то тогда их нужно добиваться с оружием в руках. В противном случае, за уступки Японии в Корее, Россия имеет право потребовать свободу плавания в проливах у корейских берегов и запрет использования Кореи Японией в стратегических целях. Если Япония не согласится и введёт войска в Корею – это будет предпочтительнее, так как японцы будут первыми нарушителями мира[754]. Тем не менее, Ламздорф уточнил, что именно ввиду недостаточной боевой готовности русских войск желательно прийти с Японией к мирному соглашению для выигрыша времени. В конце совещания министр иностранных дел, затронув тему Маньчжурии, проинформировал участников совещания, что японцам предполагается дать понять, что Россия не намерена обсуждать данный вопрос, в связи с тем, что соглашение касается только корейских дел[755].

---

[752] ГАРФ. Ф. 818. Оп.1. Д. 49. Л. 36-36 об.; Указанный документ со значительными купюрами опубликован в: *Глушков В.В. Черевко К.Е.* Русско-японская война 1904-1905гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М.,2006 С. 79-82.

[753] ГАРФ. Ф. 818. Оп.1. Д. 49. Л. 37.

[754] Там же, Л.41.

[755] Там же, Л.42.

В тот же день по предложению графа Ламздорфа, Николай II, очевидно, под впечатлением речи своего министра иностранных дел, согласился на новые уступки Японии: статья о нейтральной зоне в Корее была исключена полностью и вставлена статья о признании прав Японии в Китае наравне с другими державами[756]. Однако сильная оппозиция Ламздорфу со стороны сторонников жёсткой линии заставила Николая II отложить введение в силу принятых решений[757].

18 января Ламздорф представил императору всеподданнейшую записку, в которой говорилось о необходимости приложить усилия, чтобы отдалить конфликт с Японией, чтобы успеть «подготовиться во всех отношениях». Граф не выражал сомнения, что, если этот конфликт произойдёт, то Россия выйдет из него победительницей, но он очень опасался создания коалиции держав, которая, воспользовавшись ситуацией, выступит против России[758].

К сожалению, как показали последующие события, японская правящая верхушка не была заинтересована в мирном исходе переговоров. В Токио решили, что воевать нужно начать немедленно, иначе Россия успеет запустить движение по Транссибирской магистрали на полную мощность, соответственно, силы России на Дальнем Востоке возрастут, а империя микадо упустит уникальный шанс приобрести владения на материке, тем более, что Япония как раз к середине 1903 года целиком выполнила программу модернизации армии. Японская армия перевооружилась и увеличилась в 2,5 раза, а флот увеличился в 3,5 раза[759].

Телеграмма о новых мирных инициативах России была послана в Токио через Порт-Артур 21 января (3 февраля). 22 января (4 февраля) об отправке телеграммы был извещён японский посланник Курино. 23 января (5 февраля) премьер-министр Японии Комура прислал Курино предписание прекратить переговоры и разорвать дипломатические отношения. Вероятно, такое решение было удивительным и неожиданным для самого Курино, поскольку накануне он

---

[756] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 275.
[757] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 567.
[758] *Глушков В.В., Черевко К. Е.* Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С.84.
[759] *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства Т. 2. М.-Л., 1928. С. 450.

присутствовал на спектакле в Эрмитажном театре, а в антракте успел побеседовать с Николаем II и российскими дипломатами. В тот день, как вспоминает А. А Савинский, все отметили особую любезность японского посла и сочли это за добрый знак[760]. Нота о разрыве дипломатических отношений 24 января (6 февраля) была передана в МИД секретарём японского посольства Ода, который принёс запечатанный пакет на имя министра иностранных дел и попросил письменно подтвердить его получение. Пакет принял А. Савинский. Когда Ламздорф вскрыл пакет, в нём обнаружились две ноты. В первой ноте сообщалось, что японское правительство, устав от напрасных попыток достичь дружественного решения конфликта и от ожидания российского ответа, решило прекратить эти бесполезные переговоры и прервать дипломатические отношения, отозвав своего посланника и персонал посольства для консультаций. Во второй ноте содержалось требование о выдаче дипломатических паспортов. Сохраняя спокойствие, В.Н. Ламздорф произнёс только: «Они достигли своей цели!» Получив расписку в получении пакета, Ода передал Ламздорфу ещё два пакета, в одном из которых содержались списки людей, затребовавших свои паспорта, а в другом – медали японского Красного Креста с указанием от Курино, кому они должны быть вручены. Выполнив свою миссию, Ода выразил глубокое сожаление и, пожелав присутствующим всего доброго, удалился[761]. На следующий день, 25 января (7 февраля), В. Н. Ламздорф имел беседу с военным министром А. Н. Куропаткиным, содержание которой Куропаткин занёс в свой дневник. Ламздорф проинформировал Куропаткина, что японской дипломатической миссии приказано покинуть Санкт-Петербург и что русская миссия в Токио также отзывается. Ламздорф высказал убеждение в том, что отозвание посольств ещё не означает, что война неизбежна, но выразил тревогу по поводу того, как бы «наши герои (имеются ввиду, сотрудники канцелярии наместника на Дальнем Востоке – А. Л.) на Дальнем Востоке не увлеклись внезапно каким-нибудь инцидентом и не вызвали войну». Тем не менее, Ламздорф не исключал, что японцы могут

[760] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat.P. 76.
[761] Ibid., P. 77.

внезапно начать боевые действия[762]. На следующий день, 26 января (8 февраля) в Зимнем Дворце прошло последнее перед войной Особое совещание, на котором присутствовали министр иностранных дел, военный и морской министры, а также великий князь Алексей Александрович. Участники совещания единодушно высказались за то, что России не следует первой начинать военные действия, а если представится возможность продолжить переговоры, ей следует немедленно воспользоваться. В.Н. Ламздорф высказался в том ключе, что японцы поступили опрометчиво, прервав переговоры. Министр считал, что, показав себя агрессорами, японцы потеряют поддержку в Европе и Америке. Вот почему, он считал необходимым избегать любых провокаций, чтобы войну начали японцы. Не теряя надежды на возможность мирного разрешения кризиса, Ламздорф предложил искать международного посредничества, на что Николай II ответил: «Поздно!»[763]. Однако Ламздорф всё равно не вполне верил в возможность японского нападения, утверждая, что, если бы японцы твёрдо решили воевать, они бы никогда не прервали переговоры и не порвали бы отношения так внезапно, поэтому министр иностранных дел настаивал на том, чтобы даже в случае высадки японских войск в Южной Корее, Россия не рассматривала это как повод к началу войны[764]. Между тем, телеграмма посланнику в Токио Розену была задержана на телеграфе в Нагасаки и доставлена ему только 25 января (7 февраля), уже после разрыва дипломатических отношений. Но и после того, как телеграмма, наконец, была доставлена, японская сторона не пожелала возобновить переговоры, а в ночь с 26 на 27 января (с 8 на 9 февраля) 1904 г. японский флот без объявления войны атаковал корабли русской Тихоокеанской эскадры на рейде Порт-Артура[765].

Итак, случилось то, о чём долго, настойчиво, но безуспешно предупреждал В. Н. Ламздорф – Япония развязала войну против России. Парадокс заключается в том, что угрозу этой войны осознавали многие, к войне готовились или, по

---

[762] *Куропаткин А.Н.* Дневник. С. 224.
[763] *Куропаткин А.Н.* Дневник. С. 227.
[764] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat.P. 77-78.
[765] *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907).С. 277.

крайней мере, рассуждали о необходимости к ней готовиться, но она всё равно оказалась неожиданной, а Россия оказалась к ней не готова. Почему так произошло и кто в этом виноват? Этот вопрос до сих пор является во многом дискуссионным. Можно сделать вывод, что министерство иностранных дел, во главе которого с 1900 года стоял В.Н. Ламздорф, виновато в этом в наименьшей степени. МИД в течение всех лет развития эпопеи на Дальнем Востоке предостерегал другие ведомства: министерство финансов, военное министерство и канцелярию наместника на Дальнем Востоке, а также лично императора Николая II от чрезмерных рисков, с которыми была связана дальневосточная политика, при том, что у государства не было достаточных финансовых или военных ресурсов, чтобы ставить на кон угрозу войны. Однако предупреждения дипломатов не были услышаны. МИД проиграл межведомственную борьбу за контроль над дальневосточной политикой. В этом, отчасти, виновен В. Н. Ламздорф, не обладавший достаточно твёрдым характером для успешного отстаивания своей позиции, отчасти виноваты противоречия в самом МИДе, например, между Ламздорфом и Р.Р. Розеном, но основную вину следует возложить на самого Николая II, имевшего всю полноту необходимой информации и толковых советчиков, например, В.Н. Ламздорфа, но избравшего привлекательную, но фантастическую и опасную идею господства во всей Восточной Азии. И если уж император сделал свой выбор, то тут, обладай В. Н. Ламздорф даже более волевым характером, ему ничего не удалось бы изменить.

Глава 6. На закате карьеры: война, революция и отставка

Император Николай II, несмотря на неоднократные предупреждения о подготовке Японии к войне, не верил, что японцы решатся напасть, явно недооценивая как военный потенциал Страны Восходящего Солнца, так и воинственность её политического руководства во главе с микадо Муцухито. 6 января 1904 г. германский кайзер Вильгельм II телеграфировал царю о том, что японские и китайские источники сообщают о неизбежности начала войны с Японией[766]. Николай II ответил на телеграмму 8 января: «Сердечно благодарю за сообщение. Я очень надеюсь, что буду в состоянии прийти к соглашению с Японией, последние предложения которой сделаны в умеренном и примирительном тоне. Все тревожные известия относительно приготовления к войне на Дальнем Востоке исходят от некоего источника, в интересах которого поддержать это возбуждение»[767].

За несколько дней до японского нападения на русские корабли на рейде Порт-Артура тревожные сообщения по дипломатическим каналам стали приходить одно за другим: о движении 100 тыс. японцев на реку Ялу (30 января)[768], о покупке японцами в США колючей проволоки (2 февраля)[769], о мобилизации в Японии (4 февраля)[770], появлении германского парохода с грузом динамита для Японии (4 февраля)[771]. Ранее, в течение всего 1903 г. приходили тревожные телеграммы от посланника России в Китае действительного статского советника Лессара об угрозе совместного англо-американо-японского выступления против России, подкреплённой сведениями о якобы скором прибытии в Китай американской эскадры (21 мая 1903 г.)[772]; от посланника в Японии действительного статского советника барона Розена о мобилизации в Японии (17

[766] *Шацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 98.
[767] Там же.
[768] Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С. 154.
[769] Там же, С. 155
[770] Там же, С. 156.
[771] Там же.
[772] Ф. 568, Оп. 1. Д. 766. Л. 191.

мая 1903 г.)[773]; от действительного статского советника, посланника в Корее, Павлова о готовности Японии высадить десант в устье Ялу в случае отказа Кореи открыть эту реку для международной торговли[774].

§ 1. Деятельность В.Н. Ламздорфа в годы русско-японской войны

О начале русско-японской войны В.Н. Ламздорф узнал около часа ночи 27 января (9февраля) от прибывшего в здание министерства иностранных дел курьера, посланного императором с телеграммой наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексеева, в которой сообщалось о нападении японского флота на рейд Порт-Артура[775]. На следующий день Ламздорф был вызван в Зимний Дворец. Николай II по началу не мог поверить в то, что случилось, а министр заметил, что он думал о возможности войны и поэтому обращал августейшее внимание на позицию японцев, которые, как он чувствовал, довольно хорошо подготовились к борьбе[776]. После этого разговора император поручил Ламздорфу подготовить манифест об объявлении войны Японии[777].

Реакция ведущих европейских держав на начало войны с Японией была различной, но в целом благоприятной для России. Все державы, включая Великобританию, имевшую союзный договор с Японией, объявили о своём нейтралитете. Германский канцлер князь Бюлов заверил русского посла Остен-Сакена, что Россия может положиться на Германию как на искреннего и доброго друга. Французская сторона советовала России как поднять стоимость российских ценных бумаг на рынке. Итальянское правительство предложило России купить четыре корабля, которые итальянцы строили для Чили. Единственной державой, решившей немедленно получить политическую выгоду от начала русско-японской войны, была Австро-Венгрия, император которой Франц-Иосиф послал дружелюбную телеграмму Николаю II, в тоже время выразив надежду, что ввиду

[773] Ф. 568, Оп. 1. Д. 766. Л. 197-198
[774] Там же, Л. 245- 245 об.
[775] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 80.
[776] Ibid., P. 81.
[777] Ibid.

случившегося, политика России на Балканах будет изменена, рассчитывая, очевидно, на серьёзные уступки со стороны России, которая, по его расчётам, должна была увязнуть в конфликте на Дальнем Востоке. Когда в один из следующих дней на еженедельном сборе дипломатического корпуса у министра иностранных дел австрийский посол напомнил Ламздорфу о телеграмме Франца-Иосифа, Ламздорф ответил: «Понимаете мой дорогой посол, когда кто-то может послать три миллиона штыков и ещё двести тысяч человек куда угодно, нет необходимости каких-либо изменений в нашей политике»[778]. Таким образом, Ламздорф дал понять австрийцам, что, несмотря на осложнения на Дальнем Востоке, Россия достаточно сильна, чтобы в случае необходимости отстоять свои интересы.

Взгляд В.Н. Ламздорфа на развитие ситуации на Дальнем Востоке в начальный период русско-японской войны хорошо передан в разговоре между Ламздорфом и Николаем II, состоявшимся 10 (23) февраля. Содержание этого разговора приводит в своих мемуарах А. Савинский. Император сказал Ламздорфу, что не может простить японцев за то оскорбление, которое они нанесли России и признал свою ошибку в том, что не верил в возможность японского нападения. Ламздорф ответил, что, по его мнению, японцы желали мирного исхода конфликта, но будучи хорошо осведомлёнными о русских приготовлениях к войне, решили нанести упреждающий удар. В ответ на реплику Николая II о том, что Курино обещал мир, Ламздорф сказал, что, по его мнению, Курино, равно как и маркиз Ито, вполне искренне желали не только поддержания мира, но и установления прочных отношений между Россией и Японией, но ответственность за войну несёт токийский кабинет. Император согласился с Ламздорфом и заявил, что после войны Япония должна стать слабой, лишится права иметь армию и флот. Ламздорф заявил, что он также твёрдо рассчитывает на победу России, но возразил Николаю II по поводу его планов относительно Японии, предложив монарху быть более снисходительным к побеждённой стране и не проявлять высокомерия, в противном случае Ламздорф опасался, что против России вновь,

[778] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 82.

как на Берлинском конгрессе, ополчится целая коалиция держав, тем более, что даже в случае победы, Россия выйдет из войны ослабленной. Тем не менее, Ламздорф предложил настаивать перед всем миром, что единственным виновником войны является Япония и регистрировать все случаи беззаконий, которые будут совершать японцы. В будущем, по мнению Ламздорфа, такая информация могла бы пригодиться России. Единственный вопрос, по которому проявились серьёзные разногласия между Николаем II и Ламздорфом, касался конечных целей войны. Император, вслед за генералом А.Н. Куропаткиным считал необходимым завершить войну на японских островах, высадив туда десант, Ламздорф же предлагал ограничиться только изгнанием японских войск из Маньчжурии и Кореи, опасаясь вмешательства в войну Великобритании и Соединённых Штатов[779]. Российское общество, как и В.Н. Ламздорф, не могло себе представить, что скоро вопрос будет стоять не о том, какие требования уместно будет предъявить побеждённой Японии, а о том, как сохранить престиж великой державы.

В 1904-1905гг. деятельность МИД России была организована с учётом требований военного времени. Русские дипломатические агенты на Дальнем Востоке внимательно следили за ходом военных действий и регулярно докладывали о нём в Петербург. В связи с войной, министерству иностранных дел пришлось уделить особое внимание разведывательной деятельности, из-за отсутствия в дореволюционной России специальной разведовательной службы. МИД в течение всей войны проводил политику, направленную на недопущение вступления в войну третьих держав на стороне Японии, либо помощи ей с их стороны.

Уже 12 февраля 1904 г. из министерства иностранных дел посланнику России в США А.П. Кассини была отправлена телеграмма, в которой были определены пределы тех районов Маньчжурии, которые могут служить театром военных действий и на которые не должна распространяться нейтралитет китайской территории. Русское правительство объявило, что «будет считать себя свободным

[779] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 82-85.

от всяких обязательств, если Китай допустит нарушение японцами неприкосновенности нейтрализованной территории…»[780].

Граф В. Н. Ламздорф в условиях начавшейся войны особенно опасался новых политических осложнений и провокаций, поэтому 14 февраля 1904г. во всеподданнейшем докладе императору указал на недопустимость появления в печати провокационных статей, в связи с появлением в газете «Гражданин» статьи, где истинным виновником войны объявлялась не Япония, а Великобритания.[781] Одновременно следовало позаботиться и о благоприятном для России освещении событий в зарубежной прессе, поэтому уже через день после начала военных действий посол России в Париже А.И. Нелидов попросил В.Н. Ламздорфа позаботиться о финансировании главных парижских газет[782].

В период войны основной задачей России в Китае являлось поддержание китайского нейтралитета. Об этом 26 февраля 1904г. писал посланник России в Китае П.М. Лессар[783]. 7-8 апреля Лессар писал, что гибель адмирала Макарова произвела ободряющее впечатление на китайцев и теперь не исключено их выступление в союзе с японцами[784]. 14 апреля он докладывал, что китайские власти находятся в предвкушении неудачи России и готовятся воспользоваться её плодами, если это произойдёт[785]. 2 мая Лессар сообщил, что китайские военачальники, нарушая нейтралитет, тайно содействуют японцам, выпуская продовольствие в Японию и Корею[786].

Русские дипломаты в своих депешах в период русско-японской войны уделяли особое внимание поддержке Японии Англией и Соединёнными Штатами. Так 3 марта 1904г. чиновник дипломатического корпуса Богословский писал о неудачной попытке англичан выдать индусам в городе Коломбо русских моряков

---

[780] Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С. 157.
[781] Там же, С. 158
[782] *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза. С. 43.
[783] Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С. 161.
[784] Там же, С. 168.
[785] Там же, С. 169.
[786] Там же, С. 173.

с крейсера «Варяг», которых британцы вызвались доставить на родину, за военнопленных, с целью дискредитации русских моряков за границей[787].

Секретарь российского посольства в Лондоне П.С. Боткин с возмущением писал об антирусской агитации в английской и американской прессе, инспирированной, по его мнению, евреями[788].

Русский консул в Индии Клемм передавал в своей депеше в феврале 1904 г. о том, что начало войны Японии с Россией вызвало ликование у англичан в Индии. В театре в городе Калькутта японцев приветствовали овациями[789], а в начале 1905 г. он донёс, что за русскими дипломатами установлена слежка англо-индийской полицией, а дипломатическую почту английские власти вскрывают[790].

Посол России в Вашингтоне Кассини неоднократно сообщал о том, что, придерживаясь формально нейтралитета, Соединённые Штаты помогали Японии. 5 мая 1904 г. он донёс о том, что США предоставили Японии заём на 7 лет под 6 % годовых[791]. 13 июня Кассини сообщил об огромных размерах американской контрабанды в Японию[792]. 27 июля – о том, что японцы закупили в США продовольствия, медикаментов, вооружения на 7 миллионов долларов[793]. 3 ноября – о предоставлении Японии второго займа[794], 23 марта 1905 г. – о предоставлении третьего займа[795].

Но не только Великобритания и США помогали Японии: 9 апреля 1904 г. посланник в Китае П.М. Лессар сообщил о том, что германская фирма «Крупп» приняла значительный японский заказ пушек и снарядов[796], а 12 апреля 1904 г. русский посланник в Швеции Е.К. Бюцев получил из Петербурга предупреждение о том, что Стокгольм является крупнейшим центром деятельности японской

[787] Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России.С. 163.
[788] Там же, С. 163-164.
[789] Русско-индийские отношения в 1900- 1917гг. С.140-142.
[790] Там же, С. 143-145.
[791] Россия и США: дипломатические отношения. 1900-1917. С. 57-59.
[792] Там же, С. 60-61.
[793] Там же, С. 61-62.
[794] Там же, С. 68-69.
[795] Там же, С. 77-78.
[796] Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С. 168.

разведки, а на шведских верфях размещены заказы на военные корабли для Японии[797].

Такое недружественное поведение ряда западных государств, официально сохранявших нейтралитет, до глубины души возмущало российских дипломатов. Редким исключением был убеждённый англофил А.К. Бенкендорф, не пожелавший даже выполнять распоряжения В.Н. Ламздорфа представить протест британскому правительству относительно займа Японии. Об этом инциденте стало известно В.Н. Ламздорфу, который ограничился выговором Бенкендорфу[798].

Следует отметить, что надежды А.К. Бенкендорфа на установление доброжелательных отношений с Великобританией не были лишены основания. Уже с весны 1904 года англичане, несмотря на союзный договор с Японией, вновь стали прощупывать почву для постепенного сближения с Россией. В мае 1904 года в Санкт-Петербург прибыл новый британский посол Ч. Хардинг. При первом знакомстве новый посол произвёл на сотрудников министерства иностранных дел очень благоприятное впечатление. Свою первую беседу с Ламздорфом Хардинг начал с обсуждения проекта соглашения, о котором в Копенгагене разговаривали английский король Эдуард VII с российским посланником А.П. Извольским. Ламздорф заявил Хардингу: «Я буду вполне честен с Вами. Мы будем готовы встретиться с Вами, но не может быть успешного исхода переговоров пока не будет искренности и лояльности с другой стороны». Хардинг ответил, что он придерживается того же мнения и попросил обсудить с императором возможность визита Эдуарда VII в Россию. Вскоре Ламздорф передал императору содержание своего разговора с британским послом. Относительно возможности визита английского короля в Россию Николай II высказался однозначно: «Только не сейчас, не во время войны»[799].

Актуальная в период войны проблема соблюдения прав военнопленных также оказалась в центре внимания министра иностранных дел. 16 июня 1904 года В. Н. Ламздорф обратился с письмом в Военное министерство к генерал-

[797] Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С. 168.
[798] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 77.
[799] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 91.

адъютанту В.В. Сахарову с просьбой проверить информацию о «совершаемых японцами насилиях и издевательствах над нашими пленными», чтобы, если информация подтвердится, выступить с протестом[800]. В то же время, сами японцы обвиняли русских в зверствах, надругательствах над трупами и в злоупотреблении парламентским флагом[801]. Тем не менее, в русско-японскую войну факты зверств и бесчинств противоположных сторон были достаточно немногочисленными. В отношении русских военнопленных японцы, как правило, вели себя гуманно. 18 августа 1904г. Действительный статский советник Павлов доносил из Шанхая: «Японцы особенно заботливо относятся ко всем нашим пленным. Раненым сейчас же оказывается медицинская помощь, делаются операции. Четыре нижних чина, умершие от ран в Сасебо, были доставлены в Нагасаки… и погребены там на нашем кладбище с подобающими почестями»[802].

Пожалуй, самой деликатной задачей, которой занимался министр иностранных дел в период русско-японской войны, была задача обеспечения безопасности движения на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского. Ламздорф был против этого похода по дипломатическим причинам, так как считал, что иностранные державы сочтут его нарушающим международные трактаты[803]. Помимо политических причин, Ламздорф указывал на чисто технические трудности предприятия: долгий путь, затруднения при снабжении углём, небольшие шансы на успех против японского флота, действующего вблизи своих баз и имеющего значительное численное превосходство и, наконец, для отправки эскадры выбрано неудачное время: когда корабли достигнут Владивостока, порт будет замёрзшим. Вот почему Ламздорф рекомендовал хотя бы отложить отправку эскадры на несколько месяцев[804]. Дело в том, что ещё в мае 1904г., когда эскадра только готовилась выйти в поход, в МИД стали приходить тревожные телеграммы из Гонконга от консула К. Ф. Бологовского о присутствии в городе японских морских офицеров -

[800] Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С. 181.
[801] Там же, С.187.
[802] Там же, С. 193.
[803] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 633.
[804] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 93.

водолазов, при которых находятся морские мины[805]. Согласно донесению, А.И. Павлова из Шанхая от 24 мая, японские морские офицеры начали скупать и фрахтовать быстроходные коммерческие пароходы, чтобы с них следить за движением эскадры[806]. Подобные сообщения о подозрительных японских офицерах и о подготовке ими минной атаки на корабли русской эскадры поступали и в течение июня. В связи с этим граф В.Н. Ламздорф отправил 9 июня послам в Стокгольме и Копенгагене телеграмму, в которой сообщал, что по достоверным данным, в Скандинавию и Англию приедет группа японских офицеров с целью организовать минную атаку на эскадру Рожественского. Граф просил послов «озаботиться установлением возможного тайного надзора за действиями означенных японских агентов».[807] Вскоре такое же наблюдение было установлено за группой японских офицеров в Каире[808]. В России, в связи с предстоящей отправкой эскадры, появлялись самые невероятные слухи. Так 28 июня 1904г. Ламздорф просил посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа проверить слух о том, что британские моряки готовят в Ла-Манше японских подводников, которым затем собираются передать английские подводные лодки для нападения на русские корабли. В действительности, эта информация оказалась просто слухом[809].

Начавшийся в августе поход 2-й Тихоокеанской эскадры проходил в постоянной тревоге, потому что не прекращались сообщения о планах японских агентов устроить диверсию против эскадры. Главное, что эти слухи не были безосновательными. В конце сентября в Дании был задержан японский агент и его сообщник, - бывший немецкий моряк, пытавшийся устроить на берегу световую сигнализацию. Об этом инциденте посол в Дании А.П. Извольский информировал В.Н. Ламздорфа[810].

---

[805] *Павлов Д.Б.* На пути к Цусиме. М., 2011. С. 211-212.
[806] Там же, С. 212-213.
[807] Там же, С. 218.
[808] Там же, С. 220
[809] Там же, С. 221-222.
[810] Там же, С. 231-232.

В ночь на 9 (22) октября произошёл так называемый Гулльский инцидент. Согласно рапорту З.П. Рожественского, поданному им в Морское министерство из африканского порта Виго 15 октября 1904г., незадолго до инцидента эскадра несколько раз получала информацию о появлении загадочных миноносцев. Всё началось с того, что с плавучей мастерской «Камчатка» стали поступать сигналы об атаке её миноносцами. Вскоре подозрительные корабли без огней были обнаружены с броненосца «Суворов». На кораблях эскадры решили, что это японские миноносцы. Корабли эскадры включили прожектора и открыли огонь. Огонь продолжался менее 10 минут. Когда на кораблях эскадры обнаружили, что вокруг находятся рыбачьи баркасы, огонь был немедленно прекращён. Во избежание новых атак, эскадра решила не останавливаться для помощи рыбакам, а продолжить путь. З. П. Рожественский был уверен, что не произошло никакой ошибки: миноносцы действительно присутствовали среди рыбачьих судов[811]. Гулльский инцидент вызвал бурную реакцию в британской прессе и британских правящих кругах. Русских называли «дикарями», «бесчеловечными варварами». В Лондоне рассматривали случившееся как покушение на достоинство Великобритании и её статус «владычицы морей». Газеты требовали добиться от России извинений, а некоторые даже призывали потопить русский флот[812]. Николай II и МИД России принесли извинения Великобритании[813].

14 октября 1904 г. Ламздорф встретился с британским послом Хардингом. Как вспоминал Хардинг, «Ламздорф – этот самый вежливый на свете человек был почти груб со мной». Министр иностранных дел России «в течение часа бранил Англию, Японию и коварство японцев». Но уже на следующий день министр, «со слезами на глазах» благодарил английского посла за проявленную сдержанность. Ламздорф объяснил английскому послу, что накануне на заседании Совета Министров «сражался» с господствовавшей там «воинственной атмосферой», но всё равно получил указание в случае угроз от британских представителей заявить:

---

[811] *Павлов Д.Б.* На пути к Цусиме. С. 236-242.
[812] Там же, С. 78-83.
[813] Там же, С. 84.

«Вы хотели войны, вы её получите!»[814]. По-другому встречи Ламздорфа с Хардингом описывает Савинский. Он пишет, что информация о Гулльском инциденте достигла Санкт-Петербурга 11(24) октября. В тот же день Ламздорф лично направился в британское посольство и, предупредив протест Хардинга, первым от имени императора выразил свои соболезнования и извинения. Только 13(26) октября Ламздорф получил две телеграммы от Рожественского с его версией событий. На следующий день министр снова посетил Хардинга, чтобы изложить ему версию Рожественского. Сначала Хардинг безапелляционно настаивал на том, что огонь был открыт исключительно по мирным рыбакам, но под давлением Ламздорфа первым предложил провести расследование. Ламздорф полностью поддержал эту инициативу. Далее, Хардинг, несмотря на то, что он выражал сильные сомнения в версии Рожественского и даже предположил, что русский адмирал принял собственные миноносцы за вражеские, сообщил об одном чрезвычайно интересном факте в пользу версии Рожественского: оказывается, незадолго до инцидента в ближайшем к месту событий рыбацком городке Гулле побывала подозрительная группа японцев в количестве двадцати человек[815].

В это же самое время в Париже русские послы во Франции и Англии – А. И. Нелидов и А. К. Бенкендорф встретились для экстренных консультаций со своими французскими коллегами министром иностранных дел Франции Т. Делькассе и французским послом в Лондоне П. Камбоном, в ходе которых родилась идея о передаче дела в Гаагский трибунал, который мог бы провести расследование и вынести беспристрастное решение. Об этом А. К. Бенкендорф немедленно телеграфировал В.Н. Ламздорфу. 15 октября В. Н. Ламздорф получил аудиенцию у Николая II, чтобы уговорить императора принять предложение о передаче Гулльского инцидента в Гаагу. Получив согласие, Ламздорф телеграфировал об этом Бенкендорфу, но попросил его в очередной раз предостеречь англичан от намерения остановить русский флот. В противном

[814] *Павлов Д.Б.* На пути к Цусиме. С. 99.
[815] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 95-96.

случае, отметил Ламздорф, это явилось бы «последней каплей» в русско-английских отношениях[816]. Однако англичане не желали так просто отказываться от немедленного возмездия и потребовали от Бенкендорфа, чтобы некоторые русские офицеры 2-й Тихоокеанской эскадры были выписаны на берег для того, чтобы предстать перед британским судом. Русский посол согласился на требования английской стороны без консультации с министром иностранных дел. Англичане восприняли ответ Бенкендорфа как безусловное согласие России с их требованиями, о чём немедленно написали все ведущие газеты Соединённого королевства. Разумеется, Ламздорф решительно отверг все притязания англичан, объяснив Хардингу, что Россия не намерена никого выдавать до окончания расследования. Что же касается заявления Бенкендорфа, Ламздорф и Хардинг пришли к пониманию в том, что Бенкендорф превысил свои полномочия[817].

Итак, Ламздорфу удалось побороть воинственные настроения, и Россия согласилась на рассмотрение дела в Международном Гаагском суде. Высоко оценивая посреднические функции французской стороны, В.Н. Ламздорф 30 октября попросил Нелидова выразить благодарность Делькассе «за примирительные действия его в минуту наибольшего возмущения общественного мнения в Англии»[818]. Для рассмотрения данного дела специально была организована Международная следственная комиссия, состоящая из пяти адмиралов: английского (Луи Бюмонт), французского (Фурнье), американского (Девис), австрийского (Шпаун) и русского (Н.И. Кознаков) и двух юрисконсультов – английского (Э. Фрэй) и русского (М.А. Таубе). Председателем комиссии стал австрийский адмирал барон Шпаун[819].

В. Н. Ламздорф не случайно избрал для такой ответственной миссии М.А. Таубе. Этот молодой юрист, работавший в министерстве иностранных дел с 1892 года под руководством своего учителя, выдающегося юриста международника Ф.Ф. Мартенса, успел зарекомендовать себя с лучшей стороны

---

[816] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 88.
[817] Ibid, P. 89.
[818] *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза. С. 69.
[819] *Таубе М.А.* «Зарницы». С.56-57.

как учёный и как чиновник. Специфика работы в следственной комиссии требовала профессионала-юриста, обладающего опытом дипломатической работы. Для такого назначения подходили Ф.Ф. Мартенс и М.А. Таубе. Конечно, Ф.Ф. Мартенс был значительно опытнее, но Таубе обладал более гибким и дипломатичным характером и, что самое главное, находился в дружеских и доверительных отношениях с В. Н. Ламздорфом.

Напутствуя М.А. Таубе перед поездкой в Международный Гаагский суд, Ламздорф сказал: «Вы должны иметь в виду, что политическое созвездие на Западе в настоящий момент очень нам благоприятствует. Несмотря на войну с Японией и англо-японский союз и наш Гулльский инцидент, Россия для некоторых великих держав Европы – «богатая невеста», которую никак не хотят увидеть в объятиях другого». Иными словами, Ламздорф намекал на то, что не в интересах Англии было в тот момент раздражать Россию, поскольку Англия в тот период боролась с Германией за возможность сближения с Россией. И действительно, воинственный пыл постепенно угас в сердцах английских политиков, и они стали переходить к конструктивному диалогу. Также Ламздорф рекомендовал Таубе опираться на поддержку Франции, поскольку отлично понимал, что Франция в целях укрепления поколебленного русско-французского союза не могла не поддержать Россию[820].

Ещё перед началом непосредственного разбирательства дела российской стороне удалось добиться важного успеха: в английском проекте говорилось, что Следственная комиссия займётся рассмотрением всех споров, имеющих отношение к инциденту с русской эскадрой, но, в связи с имевшими место слухами о каких-то таинственных разветвлениях этого инцидента, М.А. Таубе, во избежание провокаций или каких-либо неожиданных поворотов в ходе разбирательства по данному делу, убедил Ламздорфа в необходимости внесения ряда уточнений в документ, точно оговаривающих, что дело касается лишь определённого инцидента, случившегося в конкретном месте и в конкретное время. Ламздорф, проявив твёрдость в отстаивании российских интересов,

[820] *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза С. 81-82.

несмотря на недоумение и неудовольствие англичан, внёс необходимые уточнения и добился их включения в документ[821]. Ещё одна проблема, вставшая перед российской делегацией, состояла в назначенном руководителе делегации, адмирале Казнакове, оказавшимся в силу своего преклонного возраста и ограниченных умственных способностей, непригодным для своей ответственной роли. В итоге, на основании доклада барона Таубе Ламздорф принял решение отозвать адмирала, о чем доложил Николаю II и получил его одобрение. Казнакова в Гааге заменил адмирал Ф.В. Дубасов[822]. В дальнейшем работа международной комиссии проходила без серьёзных недоразумений, а по итогам её работы 10 февраля 1905г. было представлено окончательное заключение, компромиссное по своему содержанию[823].

Заключительный доклад следственной комиссии содержал 17 параграфов, большая часть из которых носила обвинительный характер. Комиссия посчитала, что адмирал Рожественский совершил трагическую ошибку. Российским представителям так и не удалось доказать версию, выдвинутую адмиралом Рожественским о присутствии японских военных кораблей у Доггер-банки, тем не менее с помощью Франции российская делегация добилась внесения в заключительный параграф утверждения о том, что комиссия «ни в коем случае не имеет целью подвергнуть сомнению военную доблесть и чувства человеколюбия адмирала Рожественского, а также всего личного состава его эскадры»[824]. Внесение в текст этой оговорки явилось ещё одним крупным успехом российской дипломатии, потому что этим заключением восстанавливалось честное имя моряков 2-й Тихоокеанской эскадры, которых английская пресса огульно обвиняла в пьянстве и садизме. Россия согласилась выплатить английскому правительству компенсацию в 65 тыс. фунтов. Для русского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа благополучное разрешение Гулльского инцидента было свидетельством желания Великобритании сблизиться с Россией. Также

---

[821] *Таубе М.А.* «Зарницы». С. 56.
[822] Там же, С. 60.
[823] *Павлов Д.Б.* На пути к Цусиме. С. 144.
[824] *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза С. 83-84.

Бенкендорф высоко оценивал посредническую роль своего друга, французского дипломата Камбона. Для В. Н. Ламздорфа, при всём его уважении к англичанам и французам, ситуация была далеко не столь однозначной. Министр иностранных дел в переписке с Бенкендорфом отметил, что он благодарен французскому правительству за содействие, но не следует забывать, что французское правительство стремилось предотвратить русско-английский конфликт не из-за любви к России, а потому, что в противном случае Франция, уже имевшая союзные договоры с обеими державами, оказалась бы в чрезвычайно сложном положении. Также Ламздорф выразил недовольство тем, что французы стараются присвоить себе основную заслугу в разрешении конфликта, поскольку без примирительных шагов со стороны Санкт-Петербурга такой успешный финал конфликта не был бы возможен. Что касается русско-английских отношений, то здесь Ламздорф упрекнул англичан в том, что они оттолкнули от себя готовую к сближению Россию. Несмотря на это, министр благословил Бенкендорфа на проведение дальнейших шагов с целью установления если не союзнических, то по крайней мере, партнёрских и доверительных отношений между Россией и Великобританией[825].

После завершения русско-японской войны история вокруг Гулльского инцидента получила неожиданное и скандальное продолжение на страницах ведущих российских газет. Ситуация складывалась настолько серьёзная, что в неё был вынужден вмешаться лично министр иностранных дел. 31 декабря 1905 г. В. Н. Ламздорф направил морскому министру А.К. Авелану секретное письмо за № 1970 по поводу появившейся в газете «Новое время» статьи вице-адмирала З. П. Рожественского, в котором выразил своё возмущение как содержанием статьи, так и тем, что морской министр, будучи непосредственным начальником З.П. Рожественского, не воспрепятствовал публикации данной статьи. Ламздорфа совершенно не устроило объяснение Рожественского о том, что когда статья появилась в печати, он находился не при исполнении служебных обязанностей, поскольку, несмотря на то, что в статье выражалось как бы частное мнение,

[825] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 90.

исходило оно «…от лица, официально числящегося Начальником Морского Штаба и, главное, состоящего в высоком звании Генерал-Адъютанта Государя Императора», а посему его мнение «…не может быть приравнено к частным взглядам газетных публицистов»[826]. Содержание статьи, по мнению В. Н. Ламздорфа, было чрезвычайно опасно, так как могло существенно навредить русско-английским отношениям, поскольку в ней Рожественский открыто, но бездоказательно обвинял британский флот, базирующийся в Вей-хай-фее в приготовлениях к нападению на 2-ю Тихоокеанскую эскадру, а саму Великобританию – в попытках оказать давление на Францию и другие державы с целью всячески препятствовать движению эскадры[827]. В письме Авелану, Ламздорф, ссылаясь на архивы Морского министерства и дипломатические источники, полностью опровергает доводы Рожественского[828]. Затем Ламздорф указывает на то обстоятельство, что статья Рожественского вышла в момент, когда Россия только-только начала восстанавливать свой престиж в мире, тем самым нанося ему сильный удар, поскольку «…образ действий Вице-адмирала Рожественского может породить за границей представление об отсутствии дисциплины и служебного долга даже в среде русских высших офицеров»[829]. Беспокойство министра иностранных дел о том, какую реакцию за границей вызовет данная газетная публикация даже если не было лишено смысла, то абсолютно точно содержало в себе значительную долю перестраховки, что было вполне в духе Ламздорфа. Он всегда с большой, если не сказать излишней, предосторожностью относился к любым публикациям на тему международных отношений, достаточно вспомнить его борьбу с М.Н. Катковым или тот факт, что он в начале русско-японской войны настоял перед министром внутренних дел В.К. Плеве, чтобы тот издал распоряжение российским газетам воздерживаться от нападок на иностранные государства, особенно на Великобританию[830]. Впрочем, данное письмо не имело последствий, да и Ламздорф не рассчитывал на них,

[826] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 137. Л.1.
[827] Там же, Л.1об.-2.
[828] Там же, Л. 2-2об.
[829] Там же, Л. 3.
[830] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 77.

потому что, как следует из того же письма, Морское министерство неофициально одобряло или даже негласно санкционировало статью Рожественского, в связи с тем, что между Морским министерством и МИД существовали разногласия по ряду важных вопросов, и Морское министерство позволяло себе, вторгаясь в компетенцию МИД, обвинять его в «рабьем отношении к иностранным державам» что, разумеется, раздражало Ламздорфа. Это раздражение заметно в заключительных строках письма Ламздорфа Авелану, в которых он предлагает морскому министру не вмешиваться в дела друг друга, а совместно работать, каждому в своей сфере, на благо государства[831].

Неудачное для России развитие событий на Дальнем Востоке привело к угрозе обострения ситуации в другом принципиально важном для России регионе, в зоне черноморских проливов. Дело в том, что в связи с отправкой 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток встал вопрос об её дополнительном усилении за счёт кораблей Черноморского флота, но для реализации этого плана требовалось провести российские военные корабли через Проливы, что противоречило международным соглашениям и грозило втянуть Россию в серьёзные международные осложнения. В сложившейся ситуации главную опасность для России представляла даже не Турция, а Великобритания, ещё с 1903 года начавшая оказывать на неё дипломатическое давление, с тем, чтобы Турция, заняв бескомпромиссную позицию по вопросу Проливов, не допустила участие кораблей Черноморского флота в предстоящей войне с Японией[832].

В течение 1904 г. дважды, – в феврале и сентябре, - на совещаниях у Николая II обсуждался вопрос об усилении Тихоокеанской эскадры кораблями Черноморского флота, и оба раза на этот шаг не решились. Особенно резко против отправки Черноморского флота на Дальний Восток выступал В.Н. Ламздорф, утверждавший, что такой шаг может привести к серьёзным политическим осложнениям. Николай II, склонявшейся к идее отправки Черноморского флота на Дальний Восток, сообщил Ламздорфу, что его в этом

[831] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 137. Л.3об.
[832] Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия) / под ред. Л. Н. Нежинского, А. В. Игнатьева. М., 1999. С.256.

вопросе горячо поддерживает и Вильгельм II. Ламздорф на это ответил, что кайзер готовит России политическую ловушку, поскольку, давая подобные советы, он превосходно осознаёт их опасность для России[833]. Чтобы окончательно развеять сомнения императора, Ламздорф подготовил по данному вопросу обширную записку, сохранившуюся в виде отпечатанной типографским способом брошюры, в архивном фонде Г.А. Плансона в ГАРФ. Записка начинается с критики периодических изданий, призывающих, вопреки условиям Парижского и Берлинского трактатов, отправить корабли Черноморского флота через Проливы на усиление 2-й Тихоокеанской эскадры и утверждающих, что Россия имеет на это моральное право, в то время, как ни Англия, ни любая другая держава не рискнёт ей воспротивиться. Доказательством тому, по мнению журналистов, служит мирное разрешение Гулльского инцидента. В.Н. Ламздорф на это резонно замечает, что до начала войны с Японией газеты не признавали её возможность, а после того, как она уже началась, они обрушились с обвинениями на министерство иностранных дел. Таким образом, если из-за нарушения Россией режима Проливов случится вооружённый конфликт с Великобританией, в глазах прессы крайним снова окажется МИД. Далее Ламздорф поочерёдно рассматривает все варианты развития событий, которые могут последовать вслед за нарушением Россией режима Проливов. Он был уверен, что обращение к султану с просьбой о пропуске боевых кораблей через проливы не принесёт успеха, так как «нарушение Турцией подписанного трактата уничтожало бы и все заключающееся в нём для Оттоманской империи. Проход русских судов был бы примером для других держав, и турецкая столица не была бы впредь ограждена от появления перед нею иностранных морских сил». Изменить позицию Турции, как отметил министр иностранных дел, можно было бы только путём предоставления ей гарантий безопасности со стороны России, на что Россия в условиях войны с Японией пойти не могла. Дипломатическое давление на Турцию или подкуп отдельных должностных лиц Ламздорф также считал бесперспективным, поскольку в случае давления на Турцию в дело тут же вмешалась бы

[833] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 94-95.

Великобритания, и Турция предпочла бы занять её сторону, а подкуп невозможен из-за преданности султану начальника турецкой артиллерии Зеки-Паши. Попытка силового прорыва через проливы являлась, по мнению Ламздорфа, тем более неприемлемой и могла привести к войне с Великобританией при нейтралитете остальных Великих Держав (и то, только в лучшем случае). Ближе к концу записки Ламздорф ещё в большей степени погружается в моделирование глобальных последствий нарушения режима Проливов, предсказывая разрыв русско-турецких отношений, военные столкновения русского и английского флотов в Средиземном море, а также войну на суше с англичанами в Афганистане и Центральной Азии. Во втором сценарии развития событий, альтернативном первому, Ламздорф предсказывал резкую активизацию борьбы держав за раздел Турции, при котором Великобритания, в ущерб России, начнёт агитировать армян снова подняться против турок, а Германия и даже США начнут закрепляться на черноморском побережье Турции, Болгарии и Румынии, создавая там свои базы и флоты. Тем не менее, как ловкий и опытный царедворец и верноподданный, В.Н. Ламздорф закончил свою записку следующим образом: «В случае, если это необходимо для перевеса над японским флотом и победы, то МИД считает возможным пожертвовать рядом вещей ради победы. В случае, если будет принято такое решение, МИД займётся тем, чтобы смягчить опасные последствия нарушения конвенций»[834]. Несмотря на такую изящную демонстрацию верноподданнических чувств, грозные предсказания Ламздорфа, очевидно, произвели должное впечатление на императора. В итоге, Черноморский флот остался на месте и счастливо избежал участи погибнуть в Цусимском сражении, а вопрос о статусе и режиме Проливов было решено оставить до лучших времён[835].

С началом русско-японской войны соперничество между Россией и Великобританией в Азии обострилось. Несмотря на то, что Великобритания сохраняла нейтралитет в конфликте на Дальнем Востоке, она поддерживала Японию не только на словах, но и материально. Также Великобритания

[834] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 87. Л. 25-30 об.
[835] Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия). С. 257.

намеревалась воспользоваться ситуацией, чтобы поколебать позиции России на Ближнем Востоке и в Персии. Со своей стороны, Россия, занятая борьбой с Японией, не могла выделить значительных ресурсов для противостояния Великобритании. В этой связи министерство иностранных дел во главе с В. Н. Ламздорфом для сдерживания Англии избрало тактику давления на самые уязвимые регионы Британской империи, путём поддержки национально-освободительных сил в британских колониях.

Самым оберегаемым англичанами, но одновременно самым уязвимым местом Британской империи была Индия. Ещё в конце 1900 г. в инструкции генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму Ламздорф писал, что Индия - «наиболее уязвимый нерв Великобритании», прикосновение к которому может заставить Британию изменить свою враждебную политику»[836]. За этот нерв и потянула Россия. Во-первых, у русских дипломатов созрела идея приобрести в Индии газету, которая освещала бы русско-японскую войну с русской, а не британской точки зрения. Сразу нашёлся готовый помочь России в этом начинании человек – владелец небольшой газеты «Аль-Риаз»[837]. К сожалению, на такую недурную цель министр финансов Коковцов отказался выделить В. Н. Ламздорфу денежные средства, мотивируя это тем, что Россия и так тратит много денег на подкуп газет во Франции, Китае и Персии. Во-вторых, в декабре 1904г. в русское консульство в Бомбее обратился деятель индийского национального конгресса Гангадхара Тилак с просьбой принять группу индийских юношей в русские военно-учебные заведения, чтобы иметь обученные кадры для борьбы с англичанами. Русские дипломаты во главе с Ламздорфом и чины военного министерства из опасения дипломатических осложнений с Великобританией отказались обучать индусов в русских военно-учебных заведениях[838], но помогли пристроить их в военную академию в Швейцарии и даже выделили деньги на их обучение[839].

---

[836] Русско-индийские отношения в 1900- 1917гг. С. 30.
[837]Там же, С. 118-119.
[838] Там же, С. 166-173.
[839] Там же, С. 179.

Англичане также прекрасно понимали уязвимость Индии и чрезвычайно опасались русского вторжения туда, поэтому лично Эдуард VII поручил английскому адмиралу принцу Людвигу Баттенбергскому, женатому на принцессе Виктории Гессенской, старшей сестре императрицы Александры Фёдоровны, переговорить с Ламздорфом по поводу беспокойства в английском обществе относительно видов России на Индию. Разговор принца и министра иностранных дел состоялся вскоре после торжественной церемонии крещения цесаревича Алексея, на которую были приглашены все высокопоставленные сановники империи и почётные иностранные гости. Получив от Ламздорфа уверения в том, что Россия не имеет агрессивных намерений в отношении Индии, принц заявил, что в Англии также вполне уверены в миролюбивых намерениях России, но не доверяют царским советникам[840].

После завершения русско-японской войны отношения между Россией и Великобританией стали быстро улучшаться. В 1905 г. русское консульство в Бомбее было преобразовано в генеральное консульство. С тех пор как Великобритания стала рассматриваться российской дипломатией в качестве партнёра, а позже – союзника, подрывная работа в Индии российскими дипломатами была свёрнута. Всякие контакты российских дипломатов с деятелями индийского национального конгресса и других оппозиционных британским колониальным властям организаций были прекращены[841].

Другим регионом, где Россия могла уколоть Британскую империю, была Южная Африка. Во время англо-бурской войны большая часть населения России горячо поддерживала борьбу буров за свою свободу против англичан. Здесь уместно упомянуть один любопытный документ – письмо группы неизвестных лиц графу Ламздорфу, написанное в 1901г. Абзацы письма были написаны малограмотными людьми разными подчерками. Судя по стилю, писали его уголовники. В письме содержалось требование принять меры для защиты угнетённых буров, в противном случае авторы угрожали графу убийством[842].

---

[840] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 93.
[841] *Соловьёв О.Ф.* Об отношении царской России к Индии в XIX-начале XX в. Вопросы истории. - 1958. - № 6. С. 104.
[842] Россия и Африка. С. 156-157.

Видимо, на такую горячую поддержку в России рассчитывал бывший бурский генерал Жубер Пинаар, который в феврале 1905 г. предложил России через посланника в Лиссабоне Кояндера организовать в Южной Африке восстание чернокожих против англичан[843]. Граф Ламздорф в докладной записке императору высказал мысль, что это предложение «при настоящих политических условиях и особенно не вполне дружелюбном образе действий Англии по отношению к России, могло бы представляться утилитарным»[844]. Но, обдумав данное предложение, Ламздорф пришёл к мысли, что английская власть в Африке прочная, подобное предложение кажется немыслимым и во время войны с Японией России не нужны осложнения с Великобританией[845]. Жюберу решено было отказать.

В начале 1900-х годов реальная возможность обыграть англичан представилась российской дипломатии в Тибете. В связи с приближением англичан к границам Тибета, в окружении Далай-ламы XIII было принято решение искать защиты и покровительства у России, поскольку в Тибете было хорошо известно о том, что буддисты в России свободно исповедовали свою веру[846]. В феврале 1898 г. Петербург посетил бурят Агван Доржиев, ближайший советник Далай–ламы и был радушно принят Николаем II[847].

В России проникновение в Тибет поддерживали страстные ориенталисты, самым известным и влиятельным из которых был князь Э.Э. Ухтомский, но в министерстве иностранных дел к завязыванию отношений с Тибетом отнеслись скептически. Ламздорф понимал, что для России Тибет мог бы послужить буфером, защищающим Среднюю Азию, а для Великобритании он был подступом к Индии, который она не хотела отдавать в руки России[848]. Тем не менее, очевидно, он не считал Тибет настолько важным для России, чтобы из-за него можно было бы допустить осложнение отношений с Великобританией. В

[843] Красный Архив. – 1935. – №2-3 (Т. 69-70). – С. 242.
[844] Там же, С. 243
[845] Там же, С. 251.
[846] *Сергеев Е.Ю.* Большая Игра 1856-1907.С.223.
[847] *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 80.
[848] Там же, С. 100.

июле 1901 г. Ламздорф составил письмо Далай-ламе в благожелательном, но весьма уклончивом стиле, потому что не хотел связывать Россию какими-либо обязательствами[849]. Этим письмом активность официальной российской дипломатии в отношении Тибета и ограничилась, а между тем, в Лондоне к 1903 году созрела мысль о необходимости превентивных мер в Тибете, несмотря на то, что русские дипломаты неоднократно заявляли о том, что Россия не имеет там никаких интересов[850].

С конца 1903 г. англичане начали активно готовиться к вторжению в Тибет: прокладывать дорогу к границе, свозить различные припасы. Об этом докладывал русский консул в Бомбее фон Клемм[851]. Английские приготовления против Тибета заставили министра иностранных дел действовать активнее и решительнее: в конце 1902 года В.Н. Ламздорф подготовил проект учреждения консульства в Дацзянлу для непосредственных сношений с Тибетом. В записке от 8 ноября он писал, что МИД «идёт навстречу обнаружившемуся в Тибете благоприятному России течению, чтобы по мере возможности, поддержать оное, дабы со временем воспользоваться им в наших интересах». Немного позднее, 18 января 1903 года Ламздорф направил телеграмму российскому послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу, в которой сообщил, что российским властям известно о намерении Великобритании атаковать Тибет и просил посла передать английскому министру иностранных дел Лансдауну, что в отношении Тибета «Россия не преминет принять, со своей стороны, серьёзные меры к ограждению своих интересов»[852]. Бенкендорф поднял этот вопрос в разговоре с Лансдауном, который полностью развеял опасения русских, заявив, что у Великобритании нет намерения проводить агрессию или захваты в Тибете. Бенкендорф после этого разговора послал успокоительную телеграмму в Петербург, даже не догадываясь о том, что Лансдаун уже согласовал план предстоящего военного похода на Тибет[853]. К лету 1904 года британская армия оккупировала Тибет. Далай-лама

---

[849] *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 93.
[850] *Кулешов Н.С.* Россия и тибетский кризис начала XX века. Вопросы истории. – 1990. – №11. – С. 156-157.
[851] Россия и Тибет: сборник русских архивных документов 1900-1914. М., 2005. С. 46.
[852] *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С.112-113.
[853] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 62-63.

вынужден был спасаться во Внешней Монголии[854]. В конце марта 1904г. Ламздорф попросил посла в Лондоне Бенкендорфа выразить британской стороне сожаление русского правительства по поводу кровопролития в Тибете[855], а в конце июля – выразить протест в связи с явным намерением англичан остаться там надолго[856].

Разумеется, в условиях войны на Дальнем Востоке российское правительство не могло пойти в конфликте с Великобританией из-за Тибета дальше простого дипломатического демарша. Э. Ухтомский в своём сочинении не скрывал досады: «Мы опоздали!»[857].

Если в случае с Жюбером Пинааром элементарное благоразумие подсказывало, что лучше не связываться с этим авантюристом, тем более, что Южная Африка находится на другом конце света, то в отношении Тибета осторожность В.Н. Ламздорфа представляется чрезмерной, учитывая стратегическую значимость этого региона. У России было, по меньшей мере, два-три года, чтобы безопасно распространить там своё политическое влияние и не допустить англичан в сердце Азии, но из-за того, что Ламздорф проявил в этом вопросе нерешительность и недальновидность, вовремя не оценив интерес англичан к Тибету, этот шанс был упущен.

§ 2. Нападение на В.Н. Ламздорфа

В самом начале русско-японская война вызвала небывалый взрыв патриотических чувств в обществе: по улицам городов ходили патриотические демонстрации с флагами и портретами Николая II, множество молодых людей шли добровольцами в армию, а девушки – в сёстры милосердия. Однако уже ближе к лету 1904 года в обществе стало набирать силу раздражение, вызванное чередой поражений русской армии. Всё чаще слышались разговоры про глупых,

---

[854] *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 126-127.
[855] Россия и Тибет: сборник русских архивных документов 1900-1914. М., 2005. С. 57.
[856] Там же, С. 58.
[857] *Ухтомский Э.Э. Из* области ламаизма. К походу англичан в Тибет. СПб., 1904. С. 3.

бездарных и коррумпированных генералов и министров. Одной из первых жертв новых общественных настроений, в прямом смысле этого слова, стал В. Н. Ламздорф.

В конце мая 1904г. по Санкт-Петербургу прошёл сенсационный слух: 16 (29) числа на министра иностранных дел России графа В.Н. Ламздорфа, возвращавшегося со своей обычной прогулки (граф любил совершать неспешные пешие прогулки по центру столицы), совершено покушение. Вскоре стали известны некоторые обстоятельства инцидента и имя нападавшего. Им оказался князь Алексей Николаевич Долгоруков (Долгорукий) (1872-1914). Новость распространялась из уст в уста и была зафиксирована рядом известных современников этих событий в письмах и дневниках. 19 мая в дневнике известного консервативного публициста Льва Александровича Тихомирова (1852-1923) появилось описание этого происшествия: «Ламздорф был с какой-то чиновной компанией у Додона, на Морской. Когда он уже выходил, к нему бросился князь Долгорукий с криком: «Давно я до тебя добирался!» При составлении протокола, он заявил, что бил министра за честь России, за весь вред, сделанный Ламздорфом… Случай характерный. Этот Долгорукий из настоящих князей, бывает в большом свете, иногда пописывает в журналах, отнюдь не какой-нибудь отрицатель. Этот Ламздорф ещё более негодяй, нежели я думал. За день или за два до избиения у него был Грингмут, и этот недостойный министр его уверял, что в неподготовленности России к войне виноват не он, а государь! «Я, - сказал Ламздорф, - предупреждал, что война будет и требовал, чтобы к ней готовились… Но что же я мог сделать, если государю императору угодно было находить, что войны не будет?» Это он говорил Грингмуту, человеку почти незнакомому и журналисту! Он сворачивает вину в тяжком положении России на своего государя… Вот они – настоящие изменники царю!»[858] Данную дневниковую запись необходимо прокомментировать: Л.А. Тихомиров относился к министру иностранных дел чрезвычайно негативно, только этим можно объяснить положительную характеристику, данную им князю Долгорукову.

[858] Красный Архив. - 1930. - №1 (38). - С.55-56.

Информацию о нападении князя Долгорукова на графа Ламздорфа Л.А. Тихомиров получил от упомянутого в дневнике журналиста Владимира Андреевича Грингмута, также сообщившего, что журналисты получили цензурное предписание ничего не сообщать об инциденте с министром иностранных дел[859].

Ещё одно известие о нападении Долгорукова на Ламздорфа содержится в дневнике известного писателя и библиографа Сергея Рудольфовича Минцлова(1870-1933). 20 мая он записал: «Разнёсся слух, что министр иностранных дел Ламздорф получил плюху «за измену» от какого-то высокопоставленного лица, не то Долгорукого, не то Аргутинского-Долгорукого. Вообще за последнее время толки усиленно стали налегать на измену: изменил и подкуплен, якобы, Ухтомский (за 12 миллионов), Алексеев, Ламздорф и даже Куропаткин; словом, плетётся обычная дребедень, всегда сопровождающая военные неудачи»[860]. Необходимо обратить внимание на общественные настроения того времени, ярко обрисованные С.Р. Минцловым. В атмосфере всеобщей подозрительности и нарастающего недовольства уже чувствуется приближение кровавых революционных событий. В этой обстановке покушение на графа Ламздорфа кажется закономерным.

На следующий день С.Р. Минцлов записывает новые подробности произошедшего: «Ламздорф действительно отколочен. Он проходил по Морской мимо ресторана, и в эту минуту оттуда выскочил субъект с палкой и начал тузить его с криком «изменник». Ламздорф бежал, а палочный герой (Долгоруков) был схвачен дворниками и доставлен в Казанскую часть (там сыскное отделение); государь, которому немедленно доложили о происшедшем, лично назначил комиссию психиатров для определения состояния мозгов патриота, и десять умных, как говорит пословица, ежедневно путешествуют расхлёбывать кашу одного Долгорукого. Начинают уже поговаривать об отставке Ламздорфа; сомневаюсь: у нас за битого двух небитых дают!»[861] С.Р. Минцлов, оценивая

[859] Красный Архив. – 1930. – №1 (38). – С.55-56.
[860] *Минцлов С.Р.* Петербург в 1903-1910 годах. СПб.,2012. С. 71.
[861] Там же.

данное происшествие, не стал делать из него далеко идущих выводов, справедливо усомнившись, вслед за официальными властями, в психическом здоровье нападавшего. Что касается, упомянутой им, возможной отставки графа В.Н. Ламздорфа, то, следует сказать, что слухи о ней действительно циркулировали в Петербурге.

Несмотря на то, что, как упоминалось выше, существовал цензурный запрет на публикацию подробностей нападения на графа Ламздорфа, к концу мая слух о нём достиг провинциального Саратова. Саратовский губернатор П.А. Столыпин среди прочего упомянул об этом инциденте в письме к жене 28 мая 1904 года: «Завтра обедает у меня Павлов. Он рассказывал, что Ламздорфа на улице палкой побил Алексей Долгорукий и что последнего посадили в сумасшедший дом. Он заявил, что бил его за то, что он бугр (т. е. педераст – А. Л.) и плохой министр»[862]. Таким образом, согласно информатору, П.А. Столыпина, князь Долгоруков обвинил Ламздорфа не только в плохом руководстве министерством, но ещё и в гомосексуализме. Действительно, слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации графа В. Н. Ламздорфа ходили тогда по Петербургу.

В настоящее время невозможно однозначно сказать, какое из сохранившихся описаний нападения на В.Н. Ламздорфа ближе всего к истине. В любом случае, во всех описаниях общий характер событий передан практически одинаково, за исключением отдельных деталей, и вполне достоверно.

Между тем, как следует из секретной телеграммы МИД от 22 мая 1904 года, направленной российским дипломатическим представителям в европейских странах и США с целью пресечь слухи, распространявшиеся зарубежной прессой, « Долгорукий, обнаруживавший все признаки возбуждения под влиянием спиртных напитков и умственного расстройства, объяснил свой поступок крайне нервным состоянием, вследствие чувства нерасположения к личности бывшего начальника, не нашедшего возможности дать ему назначение и неудовлетворённости войной с Японией, ответственность за которую он возлагал

[862] *Минцлов С.Р.* Петербург в 1903-1910 годах. СПб.,2012. С. 259.

на графа…»[863]. Долгорукий высказал раскаяние в своём поступке. Его подвергли медицинскому наблюдению, так как были сомнения в его адекватности[864].

Князь Алексей Долгорукий был выслан административным порядком в Архангельск. Там он познакомился с английским вице-консулом. В августе 1904г. появились сведения, что Долгорукий предложил, за определённое вознаграждение, заняться сбором интересующих англичанина сведений. Эта информация встревожила МИД. В министерство внутренних дел был направлен запрос по этому поводу[865]. МВД обещало усилить присмотр за Долгоруким и принять меры к прекращению контактов Долгорукова с англичанами[866]. 10 сентября товарищ министра внутренних дел информировал товарища министра иностранных дел В. С. Оболенского о побеге князя в Норвегию[867]. Побег в Норвегию был осуществлён с Кольского полуострова, куда Долгорукий приехал под предлогом изучения местных промыслов[868].

Появление Долгорукова в Норвегии, по мнению русских дипломатов, могло иметь нежелательные последствия, так как враждебная по отношению к России норвежская пресса могла воспользоваться этим предлогом, чтобы организовать антирусскую газетную кампанию[869]. 10 сентября 1904г. в Петербурге была получена информация о том, что Долгорукий прибыл через Норвегию и Германию в Австро-Венгрию и поселился в Вене в гостинице «Континенталь»[870]. Получив переводом 700 крон, Долгорукий добровольно устроился в лечебнице нервных болезней доктора Винтерница близ Вены, где над ним был установлен полицейский надзор по просьбе российских властей[871]. Находясь в клинике, Долгорукий написал письмо Ламздорфу, в котором просил прощения за своё поведение, ссылаясь на нервную болезнь[872]. Он просил позволить ему вернуться в

[863] ГАРФ. Ф. 568.Оп 1. Д. 254. Л. 5-5 об.
[864] Там же.
[865] Там же, Л. 17.
[866] Там же, Л. 19.
[867] Там же, Л.20-21.
[868] Там же, Л. 20-21.
[869]Там же, Л. 26-27.
[870] Там же, Л. 40.
[871] Там же, Л. 50.
[872] Там же, Л. 56.

Россию и разрешить проживание в Крыму, так как климат Архангельской губернии усиливает его астму[873], но из России ему ответили, что он не вправе о чём-либо ходатайствовать до возвращения в Россию[874]. Долгорукий был вынужден подчиниться и в ноябре 1904 года вернулся в Россию. По возвращении, он был выслан обратно в Архангельск[875]. В.Н. Ламздорф ходатайствовал перед императором о смягчении участи Долгорукого[876], объяснив свою заботу о Долгоруком в письме министру внутренних дел Святополк-Мирскому: «…рад, если бы представилась возможность смягчить участь этого несчастного человека, тем более, что он едва ли может считаться вполне выздоровевшим»[877]. Ходатайство Ламздорфа было удовлетворено. Долгорукий был освобождён от ссылки, но без права проживания в столичных городах – Санкт-Петербурге и Москве[878].

§ 3. В.Н. Ламздорф и первая русская революция.

Начавшаяся в январе 1905 г. первая русская революция, потрясла до основания государственный механизм Российской империи, существенно ослабив Россию как политически, так и экономически. Внутренние беспорядки в равной мере грозили подорвать и внешнеполитическое положение государства. Разумеется, в таких обстоятельствах В.Н. Ламздорф не мог оказаться в стороне от событий. Уже через два дня после знаменитого «Кровавого Воскресенья» на еженедельном докладе у императора в Царском Селе, министр иностранных дел с позиции либерального монархиста заявил Николаю II: «Ваше Величество не знает и не может представить, насколько грустный и серьёзный это был инцидент, что была пролита кровь бедных невиновных людей, чья единственная ошибка состояла в том, что они были введены в заблуждение своими лидерами. Им сказали, что они

[873] ГАРФ. Ф. 568.Оп 1. Д. 254. Л. 57
[874] Там же, Л.57 об.
[875] Там же, Л. 62.
[876] Там же, Л. 63.
[877] Там же, Л. 67.
[878] Там же, Л. 68.

имеют разрешение прийти к Вам со своими жалобами, и они пришли, полные доверия. У них не было плохих намерений, доказательство этого в том, что они несли Ваш портрет со святыми иконами. Вместо того, чтобы быть выслушанными Вашим Величеством, как им говорили, они получили приветствие артиллерийским огнём. Чувство злобы так велико, что Вы один, Ваше Величество можете успокоить их словами утешения и сострадания. Никто не поверит, что, будучи в двух шагах от столицы, Вы были в неведении о том, что происходит. Правительство сейчас бесполезно. Ваше Величество соизволили дать надежды народу своими обещаниями и декларациями, которые не были исполнены. Соответственно, мы, Ваши министры, без власти над людьми, они больше не доверяют нам. К счастью, люди всё ещё любят Вас и имеют величайшее доверие к Вашей персоне. Я умоляю Вас позволить словам утешения и мира достичь их от трона. Скажите им, что Вы сожалеете о том, что случилось, что Вы сочувствуете им и их утратам, что Вы накажете ответственных за то, что сбили их с пути и возьмёте под Вашу милостивую защиту тех, кто желает работать»[879]. К сожалению, Николай II не прислушался в должной мере к словам своего министра и не исполнил его советов.

В период революции 1905 года министерство иностранных дел активно включилось в борьбу с революционным движением, содействуя по своим каналам Департаменту полиции и обмениваясь с ним информацией о нелегальных революционных организациях за границей.

Следует отметить, что ещё до 1905 г. МИД отслеживал, совместно с Департаментом полиции, деятельность русских революционеров за границей. Крупнейшим центром русской революционной эмиграции была Швейцария, в частности Женева, где революционеры были постоянной головной болью сотрудников русского дипломатического представительства. Случалось, что представители русской революционной эмиграции из числа молодёжи проводили довольно шумные и скандальные акции перед зданиями дипломатических представительств России. Например, согласно донесению посланника России, в

[879] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 111-112.

Швейцарии А.В. Вестмана Ламздорфу из Берна от 27 марта 1901 г., в Женеве перед зданием русского консульства произошли беспорядки, учинённые группой «русских студентов и студенток, в основном еврейской национальности». Здание забросали камнями, разбили несколько стёкол. Со здания консульства протестующими был сорван и разбит консульский щит[880].

В инструкции посланнику в Швейцарии В.В. Жадовскому от 12 ноября 1902 г., граф В.Н. Ламздорф писал: «Швейцария служит излюбленным убежищем противогосударственных элементов всех национальностей. Русские нигилисты, народники и революционеры также, ещё со времён Герцена и Бакунина, охотно поселяются в Женеве, Лозанне, Цюрихе и Берне. Там они образуют отдельные группы или сливаются с анархистами других народностей, ведя с ними общение и собираясь на публичные совещания для обсуждения пропаганды словом и делом. В тех же городах печатаются на разных языках всевозможные листки, брошюры и прокламации. Не имея собственных анархистов, Швейцария вообще мало заинтересована в подавлении их пропаганды, и правительственные лица её, в угоду радикальным элементам народного представительства, оставляют без внимания агитацию анархистов…»[881].

Когда в России началась революция, в Швейцарии начался сбор средств на поддержку революционеров. Акция была разрешена властями Берна. 5 февраля 1905 года посланник в Швейцарии В.В. Жадовский отправил ноту с протестом швейцарским властям[882].

Волна антироссийских акций с началом революции прокатилась по Европе: в Брюсселе толпа перед зданием русской дипломатической миссии скандировала: «Убийцы!»[883], там же был организован сбор средств «жертвам царизма»[884]; демонстрация социалистов прошла перед русским консульством в Триесте[885]. Европейские газеты обрушились с проклятиями на русские власти[886].

---

[880] Россия-Швейцария. 1813-1955. М.,1995 С. 159-161.
[881] Там же, С.162-165.
[882] Там же, С. 170.
[883] Красный Архив. – 1925. – № 2(Т. 9). – С. 33.
[884] Там же, С. 35.
[885] Там же, С. 34.
[886] Там же, С. 38-39.

Демонстрация против царизма прошла даже в Монтевидео, столице крошечного государства Уругвай[887]! Ослаблением престижа России из-за неудач в войне и внутренней смуты тут же воспользовались японцы. Так, например, генеральный консул России в Бангкоке А.Е. Оларовский 30 мая 1904 г. сообщал Ламздорфу, что в Сиаме, стране, где влияние России было весьма велико, теперь японцы заправляют всем от подготовки армии, до системы женского образования[888]. В декабре 1905г. он же докладывал Ламздорфу, что в бангкокских газетах публикуют чрезвычайно преувеличенные сведения о русской революции[889].

Лепта МИД в борьбе с революцией заключалась в том, что он по своим каналам стремился перекрыть пути нелегального ввоза оружия в Россию для революционеров. Например, посол в Дании Извольский сообщал в декабре 1905 г. о ввозе датскими фирмами оружия в Россию. К сожалению, обращение к датским властям не принесло желаемого результата, потому что они объявили о том, что не желают вмешиваться в частный бизнес[890]. Зато обращение с аналогичной просьбой в январе 1906 г. к властям Австро-Венгрии встретило полное понимание[891].

Если в начале развёртывания революционных событий в России В. Н. Ламздорф полагал, что власть имеет дело с выступлением тёмных народных масс, обманутых своими вожаками, то со временем он стал осознавать, что революционный процесс – вещь куда более сложная, требующая бдительного руководства и подпитки деньгами. Проанализировав скрытые от глаз механизмы первой русской революции, В.Н. Ламздорф составил секретную записку «Об анархистах» на имя императора от 3(16) января 1906 года. Записку Ламздорфа, впервые опубликованную матросом-революционером Н.Г. Маркиным в 1918 году в «Сборнике секретных документов из Архива народного комиссариата по иностранным делам», можно условно разделить на две части.

---

[887] Красный Архив. – 1925. – № 2(Т. 9). – С. 41.
[888] Россия-Сиам 1863-1917. Документы и материалы. М., 1997. С. 186-189.
[889] Там же, С. 187-189.
[890] Красный Архив. – 1925. – № 2(Т. 9). – С. 43.
[891] Там же, С. 46.

В первой части Ламздорф рассматривает вопрос о зарубежных источниках подпитки революционного движения: финского - из Швеции, польского из Австрии и т. д., отмечая при этом важную роль национального движения на окраинах империи – финского, польского, латышского, грузинского и армянского – за автономию или равноправие с русскими в общем ходе революции. Из всех национальных движений, проявившихся в ходе революции, Ламздорф особенно выделяет еврейское как самое организованное (наличие собственной партии БУНД) и пользующиеся наибольшей материальной поддержкой из-за границы, благодаря щедрым пожертвованиям представителей крупного еврейского капитала. По информации Ламздорфа, крупнейший центр поддержки русского революционного движения находился в Париже.

Во второй части записки Ламздорф предстаёт в необычной для себя роли идеолога объединения всех консервативных сил Европы для борьбы с угрозой мировой революции. Идеям республиканизма, атеизма и социализма он предлагает противопоставить христианско-монархические идеи. По его мнению, тремя самыми могущественными консервативными силами в Европе являются Российская, Германская империи и Ватикан. Такой союз православного, протестантского и католического начал в Европе, считал Ламздорф, будет надёжной гарантией от любых революционных движений[892].

Записка В.Н. Ламздорфа вызвала неоднозначную реакцию в высших сферах. С.Ю. Витте высказался резко против записки, полагая, что затрагивание «еврейского следа» в революции может вызвать возмущение еврейских финансистов, что отрицательно скажется на возможности дальнейшего получения Россией займов в Европе[893]. А.П. Извольский, преемник Ламздорфа на посту министра иностранных дел, твёрдо взявший курс на сближение с Англией и Францией и стремившийся дистанцироваться от Германии сделал всё возможное, чтобы поскорее отправить эту записку в архив[894]. В отличие от Витте и

[892] Сборник секретных документов из Архива народного комиссариата по иностранным делам. Пг., 1918. С. 264—272
[893] *Таубе М.А.* «Зарницы». С. 90.
[894] Там же, С. 97.

Извольского, юрисконсульт МИД М.А. Таубе не видел в записке Ламздорфа ничего крамольного и опасного[895]. Самому Николаю II записка Ламздорфа понравилась, и он оставил на ней пометку о необходимости серьёзно проработать этот вопрос. Тем не менее, зондаж в Германии возможности заключения союза против международного революционного движения не принёс результата[896].

Как же в итоге следует оценивать эту «записку об анархистах»? Убедительный ответ на этот вопрос дала в своей работе М. Сорока, которая считает, что Ламздорф, искавший повод для сближения с Германией и одновременно понимавший, что из-за своей слабости Россия может рассчитывать только на роль младшего партнёра Германии, нашёл в борьбе с революционным движением повод для заключения равноправного договора о партнёрстве с Германией[897].

§4. В.Н. Ламздорф и политика России в Скандинавии.

Во время русско-японской войны антироссийская политика Великобритании активизировалась не только в Азии, но и в Европе. Особенно сильно её внимание привлекал регион Балтийского моря и Скандинавия. Внимание Великобритании к Скандинавии заставило Россию обратить более пристальное внимание на этот регион, где у России складывались непростые отношения со Швецией. Швеция неоднократно заявляла свои претензии на архипелаг Шпицберген, который Россия предпочитала видеть в качестве ничейной территории. В сентябре 1896 года в письме на имя посланника в Стокгольме И.А. Зиновьева В.Н. Ламздорф сформулировал официальную позицию российского министерства иностранных дел. Ссылаясь на дипломатическую переписку 1871-1872 гг., которая велась между внешнеполитическими ведомствами России и Швеции, Ламздорф сообщил Зиновьеву: «В этой переписке с достаточной убедительностью изложены соображения, на основании которых Императорское Правительство не находило в то время желательным занятие упомянутых островов исключительно одной

[895] *Таубе М.А.* «Зарницы». С. 90.
[896] Там же, С. 91.
[897] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 112.

Швецией, которая и отказалась вследствие сего от своего первоначального предположения. Основываясь на том, что Шпицберген фактически не состоит во владении никакой державы, и в силу его географического положения, русское правительство сохранило за собой право устраивать, если окажется нужным, в любом месте островов поселения, а также полную свободу для наших промышленников заниматься в Шпицбергенском архипелаге беспрепятственно и без ограничения всякими промыслами»[898].

Ещё одним проблемным вопросом в Скандинавии являлось расторжение шведско-норвежской унии осенью 1905 года, которой Россия способствовала, и в октябре 1905г. первой из государств признала независимость Норвегии. Такая поспешность была вызвана тем, что министерство иностранных дел получило информацию о стараниях Англии, в случае отделения Норвегии от Швеции, возобновить с Норвегией направленный против России Канроберовский договор 1855 года, заключённый в разгар Крымской войны. Дабы не допустить возобновления этого договора В.Н. Ламздорф в записке Николаю II от 27 октября (9ноября) 1905 года и в отчёте Министерства иностранных дел за 1905 год предложил немедленно признать независимость Норвегии и незамедлительно аккредитовать туда дипломатического представителя, который должен был получить инструкцию о немедленном объяснении с норвежскими властями по поводу возобновления договора 1855 года. Российскому дипломатическому представителю следовало указать норвежцам на то, что Россия сочла бы такой шаг несоответствующим отношениям доброго партнёрства. В качестве альтернативы договору с Великобританией, Ламздорф счёл возможным предложить Норвегии коллективные гарантии неприкосновенности от всех Великих держав при участии России[899].

---

[898] Дипломатическая переписка. Шпицберген. 1871-1912. СПб.,1912. С. 6-7.

[899]«Старая» Россия и «новая» Норвегия. Российско-норвежские отношения (1905-1917) М.,2014, С. 16-17, 20-22; *Игнатьев А. В.* Балтийский вопрос во внешней политике России 1905-1907 гг. Вопросы истории. – 1986. – №3. – С. 23-24.

§5. В.Н. Ламздорф и Бьёркский договор.

В условиях революции и неудач в русско-японской войне император Николай II озаботился поиском союзника. Ему показалось, что таким союзником мог бы стать кайзер Германии Вильгельм II. Сам же германский кайзер, видя затруднения своего русского «кузена», решил воспользоваться ситуацией, чтобы разрушить русско-французский союз, ослабить Россию и сделать её зависимой от Германии. Начав реализовывать свой план, Вильгельм II, с присущим ему напором, убеждал русского царя в необходимости довести войну с Японией до победного конца, сместить русского посла в Лондоне графа А.К. Бенкендорфа, потому что «опасно вверять очень ответственные должности католикам», разорвать отношения с Францией и, главное, отправить в отставку министра иностранных дел графа Ламздорфа, так как он «загипнотизирован» французами, соблюдающими английские интересы и стремящимися поссорить Россию и Германию[900].

В.Н. Ламздорф быстро смог оценить усилия германской дипломатии, направленные на раскол русско-французского союза и степень их опасности. В апреле 1904 года Ламздорф сказал французскому послу Бомпару: «Вы не можете себе представить какие усилия делаются сейчас, чтобы убедить Николая II и меня в том, что Франция отвернулась от союза с Россией, чтобы войти в новые дипломатические связи»[901]. Следует заметить, что Ламздорф, следуя своей излюбленной тактике поддержания баланса между Францией и Германией, периодически заигрывал с германской дипломатией. Так, разговаривая однажды с принцем Генрихом Прусским, братом Вильгельма II, приехавшим на церемонию крещения цесаревича Алексея, Ламздорф, отмечая сближение между Россией и Германией, сказал: «Я очень счастлив видеть, что мы следуем старым добрым традициям»[902].

---

[900] Красный Архив. – 1925. – № 2. – (Т. 9). – 59-63.

[901] Цит. по: *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза С. 62.

[902] *Savinsky A.* Recollections of a Russian diplomat. P. 92.

Ещё в 1904 г. Россия заключила с Германией невыгодный торговый договор, заставивший Россию снизить пошлины на свои товары[903]. Стремясь ещё больше привязать к себе Россию, Вильгельм II позволил германским судовладельцам снабжать 2-ю Тихоокеанскую эскадру углём[904]. Вскоре после Гулльского инцидента кайзер стал настраивать Николая II против Англии. 14 октября 1904 г. Вильгельм II написал царю письмо, в котором сообщал, что Англия намерена мешать Германии снабжать эскадру Рожественского углём. В том же письме кайзер предлагал создать союз трёх континентальных держав – России, Германии и Франции против Англии[905]. В докладной записке императору 16 октября Ламздорф согласился, что союз европейских держав был бы полезен, но указал на то, что «совершенно несвоевременно ставить какие-либо категорические вопросы французскому правительству»[906]. А ведь именно ультимативного тона в отношении Франции добивался от России кайзер. Чуть позже Вильгельм II прислал в Петербург проект договора, согласно которому обе державы обещали приходить друг другу на помощь в случае нападения на одну из них третьей державы. Кайзер постарался сделать договор максимально вызывающим для Франции и вписал туда строки о том, что «в случае надобности» державы «напомнят» Франции о её союзнических обязательствах перед Россией[907].

Ламздорф осознавал, что основной целью Германии является разрушение русско-французского союза, недопущение сближения России с Англией и политическая изоляция России. «С другой стороны, - рассуждал В.Н. Ламздорф в письме послу в Берлине Остен-Сакену от 28 октября 1904 года, - дружба нашей могущественной соседки нам, очевидно, необходима ради спокойствия вдоль нашей длинной границы, ради снабжения нас углём и иною контрабандою и т. д. и т. д. Всё это следует серьёзно принять в расчёт и стараться ничем не портить наших отношений с Берлином, но притом не упускать и Парижа. Только сохраняя равновесие, удастся извлекать выгоды, в пределах возможности, из обеих

[903] История дипломатии. С. 725.
[904] Там же.
[905] Красный Архив. – 1924. – Т. 5. – С. 6.
[906] Там же, С. 6.
[907] История дипломатии. С. 726.

сторон»[908]. Основываясь на данных суждениях, Ламздорф не рекомендовал Николаю II заключать договор с Германией за спиной Франции, сказав императору, что Франция может пойти на сближение с Великобританией[909]. В итоге, дело ограничилось тем, что в декабре 1904 г. по требованию немецкой стороны ей была гарантирована вооружённая помощь России, в случае, если у Германии возникнет конфликт с Англией из-за поставок угля русскому флоту[910].

Между тем, Франция нашла способ дипломатического давления на Россию – отказ в выдаче очередного займа применив его в марте 1905 года. Французские банкиры, приехавшие для подписания контракта на заём в 300 миллионов рублей, менее, чем за сутки до его подписания вернулись домой, объяснив в письме свои действия распоряжением из Парижа воздержаться от подписания контракта[911]. Французская дипломатия, заинтересованная в русской поддержке в Европе, не была склонна поощрять дальневосточные увлечения царя и была готова поддерживать его там только морально и лишь отчасти материально[912]. В период русско-японской войны Франция сохраняла нейтралитет, но некоторые действия её правительства никак нельзя было назвать дружественными, например, задержание русского крейсера «Диана» в Сайгоне[913]. Ламздорф объяснял такие действия Франции страхом перед Японией[914]. На самом деле, очевидно, Франция старалась угодить Великобритании, с которой она заключила договор в апреле 1904г. Ламздорф, со своей стороны, надеялся, что этот договор позволит Франции оказывать на Англию влияние и предотвратит повторение ситуации Берлинского конгресса, когда плоды победы были у России украдены[915]. После Мукдена Франция, разуверившись в способности России победить, стала требовать от России скорейшего заключения мира с Японией, прибегая к таким жёстким мерам

[908] Красный Архив. – 1924. – Т.5. – С. 15.
[909] Там же, С. 22-23.
[910] История дипломатии. С. 726.
[911] Там же, С. 727.
[912] *Кузнецова О.Н.* Дальний Восток и развитие русско-французских отношений в 1902-1905гг. Вопросы истории. – 2009. – № 3. – С. 34.
[913] Там же, С. 37
[914] Там же.
[915] Там же, С. 38-39.

как отказ в займе[916]. В конце ноября 1904 года В.Н. Ламздорф решил расставить все точки над «i» в отношениях двух стран, пригласив для разговора французского посла Бомпара. Министр иностранных дел указал Бомпару на ряд фактов недружественного поведения французов к России и сообщил ему что общественное мнение в России всё больше ратует за дружбу с Германией и всё меньше за дружбу с Францией, якобы забывшей свои союзнические обязательства в угоду Англии. По словам Ламздорфа, его ругают и над ним смеются, когда он пытается убедить общественное мнение России в обратном[917].

Ещё одним камнем преткновения между Россией и Францией была 2-я Тихоокеанская эскадра, двигавшаяся на Дальний Восток вдоль берегов Африки, затем Юго-Восточной Азии, останавливаясь для пополнения запасов и заправки углём во французских колониальных владениях. Благодаря телеграфным сообщениям, публиковавшимся во всех крупных газетах, включая российские, весь мир мог следить за перемещениями эскадры. Конечно, пристальнее всех за эскадрой следили японцы. Японская пресса раздувала грандиозный скандал, обвиняя Францию в нарушении нейтралитета, грозила Франции экономическими санкциями и призывала Англию в качестве свидетеля своей правоты.

Французские власти, оказавшись в непростом положении, решили тянуть время, ссылаясь на незнание точного местонахождения российской эскадры чтобы дать возможность ей пополнить запасы угля, начав одновременно оказывать давление на офицеров 2-й Тихоокеанской эскадры, требуя, как можно скорее покидать французские владения. По этому поводу 10 мая 1905 года между Ламздорфом и французским послом Бомпаром состоялось ещё одно объяснение, в ходе которого Ламздорф напомнил французскому дипломату, что Берлин не оставляет попыток расколоть русско-французский союз, вследствие чего не следует беспокоить эскадру, так как это даст Германии новый повод обвинить Францию в действиях, направленных против России[918]. Вскоре после этого

---

[916] *Кузнецова О.Н.* Дальний Восток и развитие русско-французских отношений в 1902-1905гг. Вопросы истории. – 2009. – № 3. – С. 40

[917] *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза С. 73.

[918] Там же, С. 123.

разговора 2-я Тихоокеанская эскадра покинула воды Индокитая, взяв курс на Владивосток, а 27-28 мая в ходе Цусимского сражения была уничтожена.

Итак, своими действиями французская дипломатия подталкивала Россию в сторону Германии. Кредит России, который отказалась дать Франция, дала Германия, правда, меньше – не 300, а только 150 миллионов рублей[919]. Приманив Николая II деньгами, Вильгельм II предложил ему встретиться и обсудить прошлогодние предложения Германии. Царь согласился. Встреча состоялась на яхтах в финских шхерах около острова Бьёрке[920]. Министр иностранных дел Ламздорф не был осведомлён императором об этой встрече. Договор о русско-германском союзе в Бьёрке был подписан 11(24июля) 1905г.

Вернувшись в столицу, Николай II рассказал о договоре Ламздорфу спустя 15 дней[921]. Впрочем, это не означает, что Ламздорф не догадывался о существовании некого русско-германского договора. Уже на первой аудиенции по возвращении императора Ламздорф спросил его, шла ли в Бьёрке речь о проекте договора России и Германии, к которому Николай II намеревался заставить примкнуть Францию. Император дал положительный ответ, тогда Ламздорф выразил Николаю II сомнение в том, что таким путём можно достичь желаемого результата, но Николай II предпочёл перевести разговор на другие темы. По итогам аудиенции у императора Ламздорф заключил: «Однако суверен Германии оказал порядочное влияние на нашего впечатлительного монарха!»[922] Когда Николай II рассказал Ламздорфу о договоре, последний пришёл в смятение. Ламздорф вместе с Витте стали убеждать царя в том, что договор не может войти в силу, пока Франция не даст на него согласия[923].

1 сентября Ламздорф отправил письмо послу во Франции Нелидову, в котором просил очень осторожно прозондировать почву на счёт присоединения Франции к такому договору[924]. 8 сентября Нелидов ответил, что для Франции союз с

---

[919] История дипломатии. С. 727.
[920] История дипломатии. С. 730.
[921] *Извольский А.П.* Воспоминания. С. 45.
[922] Цит. по: *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза С.159-160.
[923] Там же.
[924] Красный Архив. – 1924. – Т. 5. – С. 28

Германией неприемлем, потому что: 1) она не захочет портить отношений с Англией; 2) отказ от политики реванша не поддержит большинство французов[925]. Истинную подоплёку германских предложений Ламздорф прекрасно понимал. Он писал Нелидову15 сентября 1905г.: «Истинные цели Вильгельма – разрушить франко-русский союз и скомпрометировать Россию в Париже и Лондоне. Россия изолированная и зависимая от Германии – мечта Вильгельма»[926]. Позднее, уже в начале 1906 года, В. Н. Ламздорф в частных беседах обсуждал договор в Бьёрке с российским послом в Лондоне А.К. Бенкендорфом и С.Ю. Витте. Тогда собеседники пришли к единодушному заключению: Бьёркский договор был опасен для России, поскольку на его основе невозможно было создать прочного союза континентальных держав, напротив этим шагом Россия оттолкнула бы от себя Францию, поддержавшую бы в таком случае Великобританию против России в Восточном вопросе[927]. По совету Ламздорфа, Николай II уведомил Вильгельма, что без согласия Франции Россия не может признать договор вошедшим в силу[928]. Призывы кайзера: «что подписано, то подписано» остались без ответа: России нужны были средства на борьбу с революцией, которые могла дать Франция – главный кредитор России[929]. Но обязательным условием для получения денег от Франции было завершение войны с Японией.

§ 6. Участие В.Н. Ламздорфа в организации Портсмутской мирной конференции

Ещё весной 1904 года французская дипломатия через прессу начала зондаж о возможности заключения мира между Россией и Японией, пресечённый циркулярным письмом Ламздорфа, опубликованном 30 апреля в «Новом времени». В письме говорилось, что «императорское правительство не допустит вмешательства какой бы то ни было державы в непосредственные переговоры,

[925] Красный Архив. – 1924. – Т. 5. – С. 28-29
[926] Там же, С. 30.
[927] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 110
[928] История дипломатии. С. 730.
[929] Там же, С. 731.

которые последуют между Россией и Японией по окончании военных действий для определения условий мира»[930]. Уже в ноябре-декабре 1904 года, Франция, через своего посла в Петербурге Бомпара, предлагала России вступить в переговоры с Японией, но Ламздорф ответил, что для мирных переговоров время ещё не пришло, поскольку Николай II и А.Н. Куропаткин всё ещё рассчитывали переломить ход войны в пользу России[931]. Англичане также подталкивали Россию к мирным переговорам. К В. Н. Ламздорфу для этого через посла Хардинга обратился лично король Великобритании Эдуард VII, выражавший тёплые чувства в адрес министра иностранных дел и веру в его миролюбие. Ламздорф ответил Хардингу: «Это мой культ и моя религия!», пообещав ему сделать всё возможное, чтобы помешать попыткам спровоцировать конфликт между Россией и Великобританией, а также выразил надежду на урегулирование отношений с Великобританией после окончания войны[932].

Франция и Великобритания желали скорейшего завершения войны, опасаясь, прежде всего, что её продолжение может привести к постепенному сближению России и Германии. Данная опасность ощущалась ещё острее в свете столкновения интересов Франции и Германии в Марокко. Разумеется, Ламздорф знал о беспокойстве Великобритании и Франции и желании этих держав содействовать заключению мира между Россией и Японией, но полагал, что Россия, нуждающаяся в мире, ради сохранения своих интересов должна не торопится принимать посредничество держав, а действовать спокойно и осторожно, сохраняя достоинство[933]. Исходя из этих соображений, Ламздорф писал Бенкендорфу в марте 1905 года о том, что Россия никогда не примет посредничества Великобритании, но, если французский министр иностранных дел Т. Делькассе от себя попросит своего британского коллегу Лансдауна поддержать переговоры, это было бы вполне приемлемо. Однако эта комбинация сорвалась из-за неуступчивости Николая II[934].

---

[930] Цит. по: *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза С. 49.
[931] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 93.
[932] Ibid, P. 94.
[933] Ibid.
[934] Ibid, P.95.

Мирные переговоры начались в небольшом городе Портсмут в Соединённых Штатах. Президент США Теодор Рузвельт, помогая японцам в русско-японской войне, рассчитывал на ослабление России, соперника США на Тихом Океане, но слишком большое усиление Японии его тоже не радовало. Вот почему он решил добиться прекращения войны в тот момент, когда оба противника в достаточной степени ослабили друг друга, но, ни одна сторона ещё не могла воспользоваться плодами победы[935]. Чтобы склонить Японию к мирным переговорам, Соединённые Штаты вместе с Англией даже отказали Японии в очередных займах[936]. Обе стороны, правда не без некоторых колебаний, согласились на посредничество президента США на мирных переговорах.

Ряд интересных деталей о подготовке и проведении Портсмутской мирной конференции, а также об участии В.Н. Ламздорфа в её организации, приводится в брошюре Г.А. Плансона «Портсмутская мирная конференция 1905 г. Отчёт секретаря конференции», отпечатанной в Санкт-Петербурге в 1908г. и сохранившейся в его архивном фонде[937]. Свидетельства Плансона чрезвычайно ценны и во многом уникальны, поскольку он, являясь секретарём конференции со стороны России, в силу своих обязанностей был ознакомлен со всеми материалами, относящимся к данной конференции. Плансон сообщает, что первые предложения о посредничестве в мирных переговорах с Японией стали поступать от Соединённых Штатов в середине мая 1905 г. 25 мая состоялась аудиенция американского посла Г. фон Ленгерке Майера у Николая II, который согласился с американскими предложениями, но попросил, чтобы до поры все российско-американские контакты по этому вопросу оставались бы в тайне[938]. Два дня спустя, 27 мая, американский посол вновь явился к Ламздорфу, заявив, что ему поручено вновь испросить Высочайшую аудиенцию для передачи императору сообщения президента. Министр иностранных дел отклонил просьбу посла, объяснив это тем, что вторичная аудиенция в столь короткий срок могла бы

[935] История дипломатии. С. 732.
[936] *Сахаров А.Н.* Размышления о русско-японской войне 1904-1905гг.// Вопросы истории. – 2007. - № 4. - С. 12.
[937] ГАРФ. Ф.818. Оп. 1. Д. 181.
[938] Там же, Л.6.

привлечь нежелательное внимание к делу, которое пока признаётся неподлежащим огласке, а следом за тем, предложил послу представить соображения американской стороны в письменной форме[939]. Итак, мы видим, что к американскому предложению российская сторона отнеслась с максимальной серьёзностью, но и с максимальной осторожностью, поскольку опасалась подвоха или провокации со стороны государства, открыто симпатизировавшего Японии.

Одним из самых важных эпизодов подготовки мирной конференции являлся выбор места её провидения. Первоначально Россия предложила провести конференцию в Париже, на что получила отрицательный ответ Рузвельта, явно не слишком сильно желавшего, чтобы Россия опиралась во время конференции на помощь Франции, своей ближайшей союзницы. Тогда российская сторона предложила избрать местом конференции Вашингтон. Ламздорф писал по этому поводу послу в США А.П. Кассини: «Императорское Правительство пред другими пунктами скорее предпочтёт Вашингтон, где присутствие инициатора свидания Президента Рузвельта могло бы оказать благотворное влияние»[940]. Однако затем Рузвельт выдвинул встречное предложение – избрать в качестве места для конференции Гаагу. Данное предложение было горячо поддержано В.Н. Ламздорфом[941]. Несмотря на секретность, в Нидерландах из своих источников узнали о предстоящей конференции и решили заполучить её к себе. 4 июня к Ламздорфу явился посланник Нидерландов и «…сообщил, что королева Вильгельмина с особенным сочувствием отнеслась к подобному предложению и выразила надежду, что Императорское Правительство найдёт возможность настоять на оном во внимание к тому, что столица Голландии была местом собрания первой мирной конференции и с тех пор не перестаёт служить центром, в коем благоприятно разрешались спорные международные вопросы»[942]. Тем не менее, поскольку японцы наотрез отказались от любого города Европы, снова было решено вернуться к варианту конференции в Соединённых Штатах.

[939] ГАРФ. Ф.818. Оп. 1. Д. 181.Л. 7.
[940] Там же, Л. 8.
[941] Там же.
[942] Там же, Л. 9.

Министр иностранных дел В. Н. Ламздорф согласился на Америку, при условии, что это будет «спокойное летнее место», а не крупный город, где было бы очень жарко[943]. В итоге, для переговоров был выбран небольшой приморский городок Портсмут в штате Нью-Гемпшир.

Главой русской делегации был назначен С.Ю. Витте. По его версии, изначально император хотел назначить главой делегации посла в Париже Нелидова, но тот отказался, ссылаясь на свой возраст и здоровье. Посланник в Дании Извольский отказался от предложения возглавить делегацию, сказав, что, по его мнению, такое поручение можно доверить только С.Ю. Витте. Посол в Риме Муравьёв также, как и Нелидов, отказался от поездки на переговоры в Портсмут ввиду состояния здоровья. Только тогда Николай II согласился на кандидатуру Витте, которую до этого отвергал[944]. Добиться согласия Витте на поездку в США царь поручил Ламздорфу[945]. Несколько иначе эту историю описывает в своих мемуарах А.П. Извольский. Он пишет, что не отказывался от предложенного ему назначения в Портсмут, но его кандидатура встретила «сильную оппозицию» со стороны Ламздорфа, защищавшего назначение Витте. Тогда Извольский, тоже считавший кандидатуру Витте вполне приемлемой, поддержал В. Н. Ламздорфа и помог ему убедить царя назначить главой русской делегации, отправляющейся в Портсмут, С.Ю. Витте[946].

Первое заседание Портсмутской конференции прошло 27 июля 1905 года[947]. Переговоры шли тяжело. 1 августа Витте даже собрался прервать переговоры и вернуться в Россию[948], но передумал. В итоге, мир был подписан 23 августа (5 сентября) 1905г. Николай II требовал от Витте, чтобы японцам не досталось «ни пяди нашей территории, ни одного рубля вознаграждения за военные расходы»[949],

---

[943] *Лукоянов И.В.* Портсмутский мир//Вопросы истории. – 2007. - № 2. -С. 20
[944] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 638-639.
[945] Там же, С. 639.
[946] *Извольский А.П.* Воспоминания. С. 15.
[947] Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. С. 478.
[948] Красный Архив. – 1924. – Т. 6. – С.32-33.
[949] *Шацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война 1904-1905. С. 415.

но южную половину острова Сахалин к югу от 50-й параллели России пришлось уступить[950].

§7. Заключительный этап министерской карьеры В.Н. Ламздорфа

Поражение в войне с Японией произвело сильное и удручающее впечатление на русское общество. Как много раз случалось в нашей истории, начались поиски виноватого: С.Ю. Витте получил в печати обидное прозвище «графа полусахалинского», суворинское «Новое время» атаковало В.Н. Ламздорфа, а настоящие виновники провала политики на Дальнем Востоке срочно стали искать способы для самооправдания, одним из которых стала публикация различных документальных материалов. Одной из первых таких публикаций стала «Малиновая» или «Красная» книга, подготовленная в апреле 1905 года Н.Г. Матюниным, бывшим поверенным в делах в Корее, ставшим затем одним из учредителей лесопромышленного товарищества на реке Ялу, близким знакомым В. М. Ворнлярлярского, одного из активных «безобразовцев». В последнее время Матюнин занимал должность помощника председателя Особого комитета по делам Дальнего Востока, председателем которого был контр-адмирал А.М. Абаза. Именно на документах Особого комитета по делам Дальнего Востока и базировалась «Малиновая книга». В мае 1905 года она, вышедшая на правах рукописи в количестве 490 экземпляров, разошлась по рукам сановников и великих князей. Ознакомившись с книгой, В.Н. Ламздорф возмутился её содержанием и поручил подготовить на неё официальный ответ министерства иностранных дел. Затем Ламздорф представил специальный доклад Николаю II, в котором доказывал необходимость изъять книгу. Император согласился с доводами Ламздорфа, но, несмотря на обращение Н.Г. Матюнина к читателям с просьбой вернуть книгу, возвращены были только 179 сборников. В итоге, сборник в короткие сроки приобрёл известность, был многократно скопирован, а

[950] История дипломатии. С. 735.

затем издан за границей[951]. Позже, в апрельской книге известного либерального журнала «Вестник Европы» за 1907 год была опубликована записка Ламздорфа «По поводу изданного Особым Комитетом Дальнего Востока «Сборника документов по переговорам с Японией 1903-1904 годов» с предисловием публициста Л. З. Слонимского «Граф Ламздорф и «Красная книга», в котором отмечены миролюбие и осторожность Ламздорфа, но сам он назван «покорным «слугою» высших сфер» и «покорным исполнителем и или пассивным свидетелем чужих случайных и переменчивых решений».

Опубликованная в «Вестнике Европы» записка Ламздорфа интересна не столько с фактической точки зрения, поскольку в ряде других источников взгляды Ламздорфа на политику России на Дальнем Востоке изложены куда обширнее, сколько с точки зрения её полемической направленности, так как очевидно, что главной целью данной записки было вывести из-под удара министерство иностранных дел. Начинается записка с констатации факта, что, в связи с неудачной войной, в обществе всё чаще задаются вопросы о том, можно ли было избежать этой войны, в чём её причины и кто виноват в развязывании войны. Ламздорф констатирует, что пресса возлагает вину на русскую дипломатию и на концессионеров, поставивших свои интересы выше интересов государства, добивавшихся в Корее под видом государственных целей исключительно своих личных выгод. Далее Ламздорф переходит к Особому Комитету Дальнего Востока, проявляющему «деятельность лишь в составе двух лиц – управляющего делами Комитета, контр-адмирала Абазы и помощника его, тайного советника Матюнина», выпустившего упомянутый сборник. Ламздорф в записке совершенно правильно определяет задачу сборника – снять с себя обвинения в развязывании войны. Вслед за этим Ламздорф переходит к анализу самого сборника. Ламздорф констатирует, что содержание сборника является подтверждением «слухов о двойственной несогласной деятельности органов правительства, приведшей к переживаемой ныне Россией бедственной войне». Ламздорф обращает внимание на ошибочное, по его мнению, толкование

[951] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 484-486

событий, предшествовавших войне с Японией и на несправедливые нападки на министерство иностранных дел. Затем, Ламздорф подвергает критике подборку документов, сделанную, по его мнению, «произвольно и без всякой между ними логической связи». Более того, Ламздорф отмечает, что ряд документов опубликованы в искажённом виде или носят апокрифический характер. Также беспокойство Ламздорфа вызвало то, что некоторые из опубликованных документов являлись секретными. В результате публикации их содержание могло стать известным за границей, не говоря уже о том, что сама по себя публикация секретных документов является государственным преступлением. В заключительной части записки В.Н. Ламздорф даёт комментарий к каждому опубликованному документу, часть из которых оказалась неизвестной министру. Интересно, что авторы сборника, не подозревая об этом, совершили частичное саморазоблачение: некоторые из опубликованных документов свидетельствовали о самоуправстве контр-адмирала Абазы, принимавшего японского посланника Курино за несколько дней до начала военных действий и даже не удосужившегося проинформировать об этом министерство иностранных дел[952].

Ещё не успели высохнуть чернила на тексте мирного договора, а Япония уже принялась реализовывать свои амбиции в Корее, притом в объёмах, значительно превышавших те, что были установлены в Портсмуте, вызвав панику у корейских властей и серьёзное беспокойство в российском министерстве иностранных дел. 4 сентября 1905 г. русский посланник в Корее А.И. Павлов телеграфировал В.Н. Ламздорфу из Шанхая о том, что к нему явился корейский сановник И-Ион-Ик и сообщил о том, что ему поручено корейским императором, заручившись поддержкой русского посланника, отправить телеграмму от корейского императора на имя Николая II, а следом за тем ехать в Петербург, чтобы представиться Ламздорфу, а также испросить Высочайшую аудиенцию, чтобы просить у российского самодержца помощи в недопущении потери Кореей независимости. Павлов отвечал И-Ион-Ику, что данная просьба представляется запоздалой в связи с заключением между Россией и Японией мирного договора,

[952] Вестник Европы. – 1907. – №4. – С. 816-825.

поэтому «в таких просьбах необходима крайняя осторожность». Что касается поездки в Россию, Павлов заявил корейцу, что она нежелательна, поскольку «может привести к осложнениям»[953]. Ламздорф в ответной телеграмме от 6 сентября полностью одобрил заявления Павлова, поскольку поездка корейского посланника «при настоящих условиях являлась бы совершенно бесплодной». Также Ламздорф сообщил, что Николай II недавно уже получил письмо от корейского императора и ответил на него, в связи с чем необходимость посещения Петербурга И-Ион-Иком «сама собой отпадает»[954]. Тем не менее, из следующей телеграммы Павлова от 19 сентября мы узнаём, что, «несмотря на настоятельные советы отменить поездку», И-Ион-Ик отправился в Марсель на французском почтовом пароходе, найдя новый повод для посещения Санкт-Петербурга: доставление Николаю II письма корейского императора с соболезнованиями в связи с гибелью великого князя Сергея Александровича. Однако Павлов узнал и о более важной части миссии корейца. Оказалось, что он отправился в Европу с крупной суммой денег для подкупа ряда европейских периодических изданий с целью расположить европейское общественное мнение в пользу Кореи[955].

Тема подчинения японцами Кореи развивается в переписке поверенного в делах в Токио Г.А. Козакова с В.Н. Ламздорфом. В секретной телеграмме Козакову от 17 января 1906г. министр сообщил, что во время частных переговоров в Пекине по поводу русского представительства в Корее между посланником в Китае Д.Д. Покотиловым и министром иностранных дел Японии Комурой, японец заявил, что «указом от 5 мая корейский император объявил все договоры Кореи с Россией уничтоженными и, что договорные права наши в этой стране ныне определяются лишь второй статьёй Портсмутского договора в смысле наибольшего благоприятствования». Ламздорф прокомментировал такое решение японских властей, навязавших его правительству Кореи, следующим образом: «По существу своему, факт упразднения договорных прав

[953] ГАРФ. Ф. 818. Оп.1. Д. 111. Л. 1-1об.
[954] Там же, Л. 2.
[955] Там же, Л. 3.

распоряжением одной из сторон, не вступившей к тому же в войну с другой, является беспримерным и не может быть оправдан никакими ни юридическими, ни даже логическими соображениями и мы не хотели бы даже допустить мысли, что Японское правительство выступит официально с подобными притязаниями». Далее министр поручил Г.А. Козакову потребовать объяснения у японского министра иностранных дел, стараясь, тем не менее, придавать беседе «возможно дружественный характер». Также Ламздорф попросил Казакова выяснить условия японо-корейского соглашения, с которыми японская сторона не сочла необходимым знакомить Россию, притом, что они были сообщены Японией другим державам[956]. В одной из следующих телеграмм от 31 января 1906 г. Ламздорф дополнительно попросил Казакова выяснить «какими юридическими основаниями руководствуется министерство иностранных дел (Японии), настаивая на выдаче японским правительством экзекватуры российскому генеральному консулу в Корее»[957]. Подобное требование японских властей, грубо нарушая суверенитет Кореи, демонстрировало всему миру, что Корея отныне сведена до уровня японской провинции или колонии. Ответ, данный новым японским министром иностранных дел Като в ответ на запрос Казакова, только подтверждал это предположение. Суть ответа Като состояла в том, что «японское правительство считает, что обязанность выдавать экзекватуры иностранным консулам в Корее перешла исключительно к нему с тех пор, как корейское правительство поручило ему руководить и заведовать внешнеполитическими сношениями и делами Кореи»[958].

В.Н. Ламздорф в корейских делах решил не ограничиваться только контактами с Японией, поручив в телеграмме от 4 октября 1905 г. послам в Париже, Берлине и Вашингтоне узнать позицию правительств этих государств по корейскому вопросу, поскольку, несмотря на то, что «на основании второй статьи…Портсмутского мирного договора, Россия признала преобладающие политические, военные и экономические интересы Японии в Корее…

[956] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 113. Л.2.
[957] Там же, Л. 14.
[958] Там же, Л. 18.

Императорское Правительство не имело однако ввиду нарушать принцип независимости соседней Корейской империи, положенный в основу политики его на Дальнем Востоке»[959]. Спустя месяц, 11 ноября В. Н. Ламздорф снова запрашивал дипломатических представителей России в Париже, Берлине и Вашингтоне об отношении держав к кабальным соглашениям, которые навязывает Корее Япония[960]. Новое обращение Ламздорфа последовало 14 ноября в связи с жалобой корейской стороны на возмутительное самоуправство высокопоставленных японских представителей в Корее: посланника Хаяши, генерала Хасигавы и маркиза Ито, ночью силой проникнувших в резиденцию корейского императора и потребовавших от него подписать документ о протекторате Японии над Кореей. Получив отказ императора, японцы проникли в личные покои монарха, где самовольно приложили императорскую печать к составленному ими фальшивому акту о признании Кореей японского протектората. В связи с явным попранием законов международного права Ламздорф, просил российских дипломатов сообщить о реакции официальных представителей держав на этот инцидент[961]. Последний аналогичный запрос о корейских делах В.Н. Ламздорф направил русским послам в Лондон, Париж, Берлин, Вену, Рим и Вашингтон в связи с официальным ответом, сделанным министром иностранных дел Японии бароном Комурой, российскому посланнику в Пекине, о том, что вопрос о подчинении генерального консульства в Сеуле следует согласовывать в Токио, поскольку Япония взяла на себя управление всеми внешнеполитическими делами Кореи[962]. Однако российский министр иностранных дел ни в этом, ни в предыдущих случаях не находил поддержки держав.

Итак, японцы, осознавая себя победителями в войне, принялись открыто и стремительно порабощать Корею. В отношении России Япония также вела себя уверенно и даже вызывающе, поскольку Россия, только что потерпевшая военное

[959] ГАРФ. Ф. 818.Оп. 1. Д. 120. Л. 1-1об.
[960] Там же, Л. 2.
[961] Там же, Л.3-3об.
[962] Там же, Л.4.

поражение и охваченная революционными беспорядками, практически ничего не могла противопоставить японской экспансии в Корее. Кроме того, России, в условиях растущей опасности со стороны австро-германского блока, никак нельзя было снова портить отношения с империей микадо. Положиться на поддержку иностранных держав в обуздании японской экспансии в Корее В.Н. Ламздорфу, как мы видим, тоже не удалось, поскольку они либо были заняты решением собственных внешнеполитических задач в других частях света (Германия, Франция, Австро-Венгрия и Италия), либо рассматривали протекторат Японии над Кореей в качестве законного приза победителю в войне (США).

Не найдя поддержки у великих держав, В. Н. Ламздорф предпочёл пойти на компромисс с Японией, представив 3 декабря 1905 г. на рассмотрение Николая II всеподданнейшую записку о восстановлении русского дипломатического представительства в Корее, в которой говорилось, что «…с практической точки зрения естественным выходом из положения представляется назначение в Сеул генерального консула, деятельность которого, однако, как и всех вообще российских консулов на Востоке, носила бы и политический характер»[963]. На эту должность В.Н. Ламздорф предложил назначить Г.А. Плансона[964], в инструкции которому от 7 февраля 1906 г. министр иностранных дел изложил новую концепцию политики России в Корее, её цели и задачи. Ламздорф поручил Плансону вступить в официальные сношения с корейским правительством, но указал на необходимость выработать такую форму сношений, «которая не вызывала бы неудовольствия и подозрительности японского правительства». Также Ламздорф рекомендовал Плансону воздерживаться от вмешательства в японские распоряжения и от рассмотрения жалоб корейцев на действия японских властей, но это не распространялось на подданных России, законные права которых предписывалось защищать всеми средствами. Отдельно следует обратить внимание на два пункта инструкции, в первом из которых предписывалось «тщательно ознакомиться с положением дел в стране, не только чрез посредство

[963] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 131. Л. 1-1об.
[964] Там же.

консулов и нелегальных агентов, но и со временем, быть может, и путём личного посещения наиболее важных центров», а во втором - во время аудиенций у корейского императора стремиться поддерживать в нём « уверенность в неизменном к нему благоволении Государя Императора», правда делать это следовало аккуратно, «тщательно воздерживаясь от всяких обещаний», которые могли бы внушить корейскому императору «несбыточные надежды и, быть может, ухудшить его отношение к японцам»[965]. Таким образом, как следует из данного документа, В.Н. Ламздорф видел главную задачу русской дипломатии в Корее после завершения русско-японской войны в сохранении мира с Японией и недопущении провокаций. Отсюда его многочисленные призывы к осторожности. Тем не менее, инструкция Плансону в равной степени свидетельствует и о том, что Ламздорф не намеревался сдавать позиции в Корее и, тем более, полностью отказываться от сохранения в этом регионе российского влияния. Об этом красноречиво говорит пункт, касающийся сбора информации о ситуации в Корее. Такое внимание к разведывательной деятельности свидетельствует о том, что Корею продолжали рассматривать в Санкт-Петербурге в качестве стратегически важного региона, с одной стороны, представлявшего потенциальную угрозу после укрепления там японского влияния, а с другой стороны, вероятно, в правительственных кругах рассматривались варианты, при которых Россия смогла бы восстановить своё влияние на полуострове. В пользу этой версии говорит то, что Плансону предписывалось напоминать корейскому императору о благосклонности к нему России.

Мир с Японией был заключён, но Франция снова не дала денег царскому правительству. Теперь французское правительство потребовало от России дипломатической поддержки на предстоящей в январе 1906 г. конференции по вопросу управления Марокко в испанском городе Алжезирасе (Алхесирасе). Конечно, российскому правительству деньги были в тот момент нужны как воздух, но Россия вновь оказалась в сложной ситуации выбора между противоборствующими блоками европейских держав. Ламздорф хорошо понимал,

[965] ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 150. Л. 1-3.

что России следует поддерживать независимый политический курс, лавируя между австро-германским и англо-французским блоками, но также Ламздорф понимал, что Россия ослаблена и её возможности ограничены, поэтому наилучшим вариантом он считал сохранение существующего положения вещей[966]. Однако развитие событий на этот раз затрудняло Ламздорфу реализацию его излюбленной тактики. Причина этих затруднений находилась в Северной Африке, где столкнулись интересы Германии и Франции.

Конфликт из-за Марокко разгорелся между Францией и Германией в 1905г. Франция, по договорённости с Великобританией, предъявила марокканскому султану проект «реформ», который, фактически, превращал Марокко во французский протекторат[967]. Но в марте 1905 г. в дело вмешался кайзер Вильгельм II. Высадившись на марокканском берегу, он потребовал от султана свободной торговли и равенства прав для Германии с другими державами в этой стране. Кайзер добавил, что надеется на то, что Франция согласится с его пожеланием. Французское правительство не могло рассматривать действия кайзера иначе как вызов. Германия не могла решиться воевать с Францией из-за Марокко, но она рассчитывала не допустить приобретения Францией нового владения в Африке дипломатическим путём. 8 июля 1905 г. были достигнуты соглашения об условиях созыва конференции[968].

У России не было собственных интересов в Марокко. В ноябре 1897 г. Россия приняла решение учредить в Марокко, в городе Танжер своё генеральное консульство[969]. В инструкции министру-резиденту генерального консульства в Марокко В.Р. Бахерахту, составленной В.Н. Ламздорфом в феврале 1898 г., говорилось: «Не подлежит сомнению, что Марокканская империя может играть совершенно тожественное значение для нашей политики, став не целью, а средством, умное и своевременное пользование которым может сослужить нам

---

[966] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 110-111.
[967] История дипломатии. С. 727.
[968] Там же, С. 728-730.
[969] Россия-Марокко. С. 182.

действительную службу»[970]. В 1906 году стало ясно, что эти слова были пророческими.

Россия согласилась дипломатически поддержать Францию на Альжезирасской (Альхесирасской) конференции. Предварительная договорённость об этом была достигнута ещё летом 1905 года, когда 7 июня Ламздорф обещал временному поверенному в делах Франции в Петербурге Бутирону, что Россия поможет Франции, несмотря на то, что Россия никак не заинтересована в делах Марокко[971]. В благодарность Россия получила от Франции краткосрочный кредит в 150 миллионов рублей серебром. Значительно больший заём Франция обещала России по окончании марокканского кризиса[972]. Французские банкиры готовы были дать деньги России, не дожидаясь окончания конференции, но французское правительство ставило вопрос о займе в непосредственную зависимость от исхода переговоров[973].

В инструкции российскому уполномоченному на переговорах, графу Кассини, Ламздорф писал: «Франция стоит теперь перед необходимостью отстаивать своё право на сколько-нибудь активную роль в направлении марокканских дел. На нашей обязанности как союзной державы, лежит принять все находящиеся в нашем распоряжении меры, к тому, чтобы обеспечить Франции достижение означенной цели. У России, ни с одним из четырёх вопросов, включённых в повестку конференции, не связано никаких личных пожеланий, и она может в них, поэтому оказывать неограниченную поддержку Франции»[974]. Далее в инструкции говорилось, что в случае столкновения интересов Франции и Германии, Россия должна взять на себя посредническую функцию[975].

В период конференции В.Н. Ламздорф вёл активную переписку с русскими дипломатами. В письме Кассини от 16 января 1906г. он писал, что Россия заинтересована в скорейшем завершении конференции, чтобы немедленно

---

[970] Россия-Марокко. С.183-191.
[971] *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза С. 135-136.
[972] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II М.,2003. С. 368.
[973] *Бовыкин В.И.* Очерки истории внешней политики России конец XIX-1917гг. С.52.
[974] Красный Архив. – 1930. – № 4-5 (ТТ.41-42). – С. 9-10.
[975] Там же.

приняться за «устройство финансовых операций»[976]. В телеграмме послу в Берлине Остен-Сакену 25 января - просил приложить все усилия, чтобы склонить германскую сторону к «более уступчивому образу действий по отношению к Франции»[977]. Германия, в свою очередь, также пыталась использовать Россию для давления на Францию. Рейхсканцлер Б. Бюлов обещал С.Ю. Витте крупный заём для России, если Франция пойдёт на уступки германским требованиям. С.Ю. Витте и Ламздорф приняли предложение немцев и небезуспешно попытались склонить Францию к определённым уступкам, но в начале марта Великобритания официально объявила о поддержке Франции в марокканском вопросе. Уступчивость французов моментально испарилась, а Ламздорф счёл, что теперь следует вернуться к безоговорочной поддержке Франции[978]. В результате, на Альжезирасской конференции Германия оказалась в дипломатической изоляции. Помимо России, Францию поддержали Англия, США, Италия и Испания[979]. Конференция завершила свою работу 25 марта (7 апреля) 1906 г. Итоговый трактат устанавливал независимость султана, целостность его государства, свободу всех наций в Марокко. Главное, Германия не смогла получить того, чего очень желала в Марокко – контроля над марокканской полицией и таможней. Он остался в руках французов[980]. Дипломатическая поддержка Россией Франции на конференции по марокканскому вопросу укрепила русско-французский союз. Франция дала России громадный заём в 843 миллиона 750 тыс. рублей[981]. Отношения с Германией у России, наоборот, испортились. Параллельно с переговорами о займе с французами, шли переговоры о новом займе с немцами. Ещё за несколько дней до конца конференции, немцы отказали в займе и прервали переговоры с Россией[982]. Таким образом, Альжезирасская конференция явилась важным этапом складывания англо-франко-российского союза в противовес Германии. Ухудшению русско-

[976] Красный Архив. – 1930. – № 4-5 (ТТ.41-42). – С. 13.
[977] Там же, С.15-16.
[978] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 114.
[979] История дипломатии. С. 735.
[980] Там же, С. 736.
[981] *Бовыкин В.И.* Очерки истории внешней политики России конец XIX-1917гг. С. 52.
[982] Красный Архив. – 1930. - № 4-5 (ТТ.41-42). -С. 58.

германских отношений и, соответственно, сближению с Англией и Францией в немалой степени способствовал достаточно тонкий политический ход Нелидова, сообщившего французской прессе содержание секретных инструкций Ламздорфа о необходимости поддержки интересов Франции, которые министр направлял в Альжезирас[983].

§8. Отставка, болезнь и смерть В.Н. Ламздорфа

Отставка графа В.Н. Ламздорфа с поста министра иностранных дел случилась меньше, чем через месяц после завершения Альжезирасской конференции, в конце апреля 1906г. Есть разные мнения на счёт причин отставки графа Ламздорфа.

Самое известное изложение обстоятельств отставки В.Н. Ламздорфа содержится в мемуарах С.Ю. Витте. Он пишет, что Николай II совершенно неожиданно и как бы, между прочим, сообщил ему о том, что министром иностранных дел теперь вместо Ламздорфа будет Извольский. Вернувшись от императора, Витте рассказал Ламздорфу о намерениях императора и посоветовал самому написать прошение об отставке. Ламздорф последовал этому совету[984]. Барон Фредерикс, министр двора, сказал Витте, что увольнение Ламздорфа было неизбежно, так как необходимо было на кого-то свалить последствия японской войны[985].

Однако существуют и альтернативные версии данного события. А.П. Извольский вспоминал, что император, объясняя ему причины, по которым он собирается отправить Ламздорфа в отставку, сказал, что Ламздорф – чиновник старого режима, который не сможет примириться с новым порядком вещей, в частности, с существованием Государственной думы, поэтому он должен уйти со своего поста до её открытия[986].

---

[983] *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. P. 114.
[984] *Витте С.Ю.* Воспоминания. С. 1024-1025.
[985] Там же, С. 1025.
[986] *Извольский А.* . Воспоминания. С. 19.

Подобной точки зрения придерживаются и некоторые историки. Современный исследователь пишет о причинах замены Ламздорфа А.П. Извольским на посту министра иностранных дел: «Поражение в войне с Японией и нарастание революционных событий требовали от правительства внесения серьёзных корректив во внешнеполитический курс. Осторожная линия Ламздорфа не отвечала этой задаче. Положение осложнялось неудовлетворительным состоянием министерства иностранных дел с его архаичной структурой, неэффективностью используемых методов и приёмов, негативных принципов кадровой политики…Для решения всех этих задач прежний глава ведомства Ламздорф не подходил, требовался новый человек – и по идеям, и по темпераменту»[987]. Учитывая дипломатические успехи Ламздорфа уже после русско-японской войны (чего стоит одна Альжезирасская конференция) такое мнение кажется, мягко говоря, несправедливым.

Отставка Ламздорфа привлекла внимание прессы. Французская газета «Le Temps» писала, что французы могут питать к Ламздорфу «лишь чувства признательности и уважения», что его нельзя винить в постигших Россию испытаниях и что именно благодаря Ламздорфу «сближение между Россией и Англией ныне не может считаться, как прежде, несбыточной мечтой»[988].

4 мая отставке Ламздорфа посвятил свою депешу из Санкт-Петербурга посланник Бельгии граф де Грель - Ружье. Посланник отмечал, что, несмотря на нападки «в известной части прессы», никто не может отрицать честности, лояльности, прямоты характера графа Ламздорфа. По мнению бельгийского дипломата, если бы Ламздорф «не был отстранён сильной партией, забравшей в свои руки политику на Дальнем Востоке, войну с Японией можно было избежать». Посланник доносил, что за несколько месяцев до отставки у В.Н. Ламздорфа начались припадки сердца, которые его сильно обеспокоили, но предписания врачей граф выполнял плохо, потому что «считал невозможным ослабить неустанную работу»[989]. Из последующих событий становится понятно,

---

[987] *Авдеев В.Е.* Александр Петрович Извольский. Вопросы истории. – 2008. - №4. - С.69-70.
[988] ГАРФ. Ф. 568, Оп 1. Д. 14. Л.1-1об.
[989] ГАРФ. Ф, 568, Оп. 1. Д. 15. Л. 15-16.

что состояние здоровья было в числе важных причин отставки графа Ламздорфа с поста министра иностранных дел России.

После отставки В.Н. Ламздорф был назначен членом Государственного Совета. В 1906году, как и в прошлые годы, император предоставил на летнее время в распоряжение Ламздорфа западную половину Елагинского дворца[990]. В декабре 1906г. Ламздорфу был предоставлен отпуск на 4 месяца с сохранением содержания[991]. Ламздорф попросил продлить отпуск ещё на 2 месяца в связи с состоянием здоровья, которое не позволяет вернуться ему весной в Петербург[992]. 16 января 1907 г. министр путей сообщения распорядился предоставить графу В. Н. Ламздорфу отдельный салон-вагон для проезда 21 января курьерским поездом № 5 от Петербурга до Варшавы[993]. Местом своего отдыха Ламздорф выбрал Италию, но вернуться оттуда в Россию графу было не суждено. Он умер 6 марта 1907 года в курортном городке Сан-Ремо.

Граф Владимир Николаевич Ламздорф похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге.

[990] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
[991] Там же, Л.30.
[992] Там же, Л. 32.
[993] Там же, Л. 33.

Заключение

Каким же государственным деятелем и дипломатом был граф Владимир Николаевич Ламздорф? Какой вклад он внёс в историю внешней политики России?

Безусловно, Ламздорф–талантливый дипломат, обладавший незаурядным умом и феноменальной памятью, достигший высокого поста министра иностранных дел ежедневным кропотливым и добросовестным трудом в течение многих лет. Он был чрезвычайно осторожным политиком, неизменно избиравшим максимально взвешенный подход при принятии любого решения. Поддерживая расширение и укрепление влияния России по всему миру, он считал возможным использовать для этого исключительно мирные средства.

Были у В. Н. Ламздорфа и свои слабые стороны. Вопреки мнению С.Ю. Витте о том, что Ламздорф обладал «эластичным Я», можно говорить об обратном: граф был очень принципиален, порой ему не хватало политической гибкости и умения приспосабливаться, в противном случае А.М. Безобразову и наместнику на Дальнем Востоке, адмиралу Е.М. Алексееву не удалось бы добиться фактического отстранения Ламздорфа от дальневосточных дел.

Традиционно историки укоряют В.Н. Ламздорфа за то, что он не обладал сильным характером, не мог отстаивать свою точку зрения и попал под влияние С. Ю. Витте. Подобные утверждения не лишены оснований, но требуют корректив. Всем, знавшим Ламздорфа, был известен его мягкий характер, но никак нельзя отрицать и того факта, что при необходимости Ламздорф умел быть твёрдым. Решительность граф не раз проявил в балканских делах, в политике на Ближнем Востоке и после подписания Бьёркского соглашения.

В.Н. Ламздорф не смог избежать русско-японской войны и отговорить Николая II от необдуманных шагов во внешней политике, но министр смог избежать ошибок 1876-1877 годов и погасить очаги напряжённости на Балканах, не допустив там военного конфликта. Не менее важно то, что Ламздорф, проявив

твёрдость, сохранил русско-французский союз, не дав Николаю II поддаться заманчивым, но лживым обещаниям Вильгельма II.

Теперь рассмотрим тезис о подчинении В.Н. Ламздорфа воле С.Ю. Витте. Определённого влияния С.Ю. Витте на В.Н. Ламздорфа отрицать нельзя, но, тем не менее, оно, ни в коем случае, не было тотальным. В.Н. Ламздорф и С.Ю. Витте руководили двумя важнейшими министерствами, соответственно, иностранных дел и финансов. Ведомственные интересы министров пересекались таким образом, что у них постоянно возникала необходимость в сотрудничестве. Именно министерство финансов выделяло денежные средства на требующую больших расходов деятельность министерства иностранных дел. В свою очередь, МИД содействовал амбициозным проектам министерства финансов за границей и осуществлял дипломатическую поддержку российских финансистов в вопросе получения иностранных займов. Ламздорф обладал обширными связями в Европе среди дипломатов, а Витте - в финансовых кругах. Оба министра с удовольствием использовали полезные связи друг друга. Самую большую угрозу Ламздорф видел в дипломатической изоляции России, а Витте – в прекращении выдачи России европейских займов и в отказе от размещения российских ценных бумаг европейскими банками, поэтому, ради безопасности и финансового благополучия государства, оба министра были заинтересованы в сохранении мира и развитии дружеских отношений с ведущими мировыми державами. Общность интересов двух министерств, подкреплённая схожестью взглядов и личной дружбой, стала основой политического союза В.Н. Ламздорфа и С.Ю. Витте. С.Ю. Витте пытался играть в этом союзе ведущую роль, подчинив себе Ламздорфа, но нельзя утверждать, что ему это полностью удалось, потому что В.Н. Ламздорф всегда имел собственное мнение и, как было показано выше, неоднократно позволял себе не соглашаться с мнением С.Ю. Витте. Тем не менее, мнение о том, что Витте руководил Ламздорфом прижилось, потому что со стороны казалось, что энергичный и амбициозный С.Ю. Витте превосходит по всем параметрам тихого и исполнительного В.Н. Ламздорфа. Сам Витте, всегда стремившийся показать

своё превосходство, именно в таком русле описал свои взаимоотношения с Ламздорфом в мемуарах.

Ещё одна слабая сторона В.Н. Ламздорфа состояла в том, что он был замкнут, избегал публичности и смущался, когда ему приходилось выступать перед большим количеством народа. Вероятно, эти особенности характера в равной мере наложили свой отпечаток на личную жизнь и карьеру графа.

В. Н. Ламздорф никогда не работал в дипломатически представительствах за границей и не принимал участия в международных конгрессах и конференциях, поэтому можно сказать, что он был лишён опыта в некоторых сферах дипломатической деятельности. Впрочем, этот недостаток компенсировался блестящими организаторскими способностями и умением вести двусторонние переговоры.

Важнейшим приёмом политики Ламздорфа было маневрирование между основными европейскими политическими центрами – Лондоном, Парижем и Берлином. Не желая портить отношения с Германией, он, вплоть до своей отставки, противился углублению русско-французского союза, но вскоре после подписания Бьёркского соглашения Ламздорф, опасавшийся Германии и предпочитавший ей Францию, приложил все свои силы к тому, чтобы вернуть императора к союзу с республикой.

Ламздорф никогда не любил англичан и видел в Великобритании главного врага, но всё равно считал возможным и необходимым договариваться с ней. Именно при Ламздорфе началось сближение России с Великобританией, которое будет окончательно оформлено усилиями нового министра иностранных дел А.П. Извольского.

Ламздорф стремился к консенсусу даже тогда, когда это казалось невозможным, как, например, на Балканах, где он считал наилучшим вариантом сохранение status quo по принципу «дурной мир лучше доброй ссоры».

Одной из приоритетных внешнеполитических целей России в годы нахождения В. Н. Ламздорфа на посту министра иностранных дел оставались Проливы. Считая необходимым для России закрепиться на Босфоре, Ламздорф отбрасывал

возможность вооружённого захвата Константинополя, предпочитая вместо этого применять к султану политику «кнута и пряника», то оказывая на него политическое давление, обязательно привлекая для этого третьи державы, то беря его под свою защиту и покровительство.

Единственным местом, где политика В.Н. Ламздорфа потерпела фиаско, был Дальний Восток. Впрочем, обвинять в этом Ламздорфа трудно, поскольку он многократно предупреждал Николая II о том, что российская политика там слишком амбициозная, рискованная и даже авантюрная. Министр иностранных дел прекрасно понимал, что на Дальнем Востоке Россия не имеет экономических, инфраструктурных и военных возможностей, адекватных заявленным политическим амбициям. Тем не менее, Николай II, очарованный фантастическими перспективами, нарисованными статс-секретарём А.М. Безобразовым и наместником на Дальнем Востоке адмиралом Е.И. Алексеевым, слишком поздно прислушался к разумным советам своего министра иностранных дел. В итоге, война с Японией оказалась неизбежной.

В. Н. Ламздорф приложил немало усилий, чтобы преодолеть тяжёлые последствия поражения в войне с Японией. В значительной мере благодаря его трудам, России удалось не уронить своё достоинство на Портсмутской мирной конференции и получить по итогам Альжезирасской конференции заём от Франции, так необходимый стране в условиях революционных беспорядков.

Многолетняя напряжённая работа подорвала здоровье В.Н. Ламздорфа. Чувствуя ухудшение состояния своего здоровья, Ламздорф безропотно согласился на свою отставку, о желательности которой для себя говорил неоднократно. После отставки, Ламздорф стал объектом нападок за провал политики России на Дальнем Востоке. Постепенно имя В.Н. Ламздорфа стало забываться, но настало время, и со страниц архивных документов и мемуаров этот достойный человек возвращается к нам.

Список источников и литературы.

Архивные материалы:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 568. Ламздорф В.Н.

Ф. 559. Извольский А.П.

Ф. 564. Кони А.Ф.

Ф. 730. Игнатьев Н.П.

Ф. 818. Плансон. Г.А.

Ф. 892. Гирс А.А.

Ф. 939. Ионин А.С.

Ф. 982. Львов В.Е.

Сборники и публикации документов:

Глушков В.В., Черевко К.Е.Русско-японская война 1904-1905гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М.: Институт российской истории РАН, 2006 - 576с.

За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. М.: Изд-во ЛКИ, 2011.- 176с.

Из истории русско-японской войны 1904-1905гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб.: Изд-во СПбГУ,2005.- 470с.

Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных, публицистов. Документальная публикация М.: ИРИ РАН, 2004г. Составитель И.С. Рыбаченок.-495с.

Реформы в Македонии 1902-1903. Дипломатическая переписка. СПб.: Изд-во МИД,1906. -110с.

Реформы в Македонии 1903-1905. Дипломатическая переписка. СПб: Изд-во МИД,1906.-496с.

Россия и Африка. Документы и материалы XVIIIв. – 1960. М.: Институт всеобщей истории РАН,1999.-290с.

Россия-Куба 1902-2002. М.: Международные отношения,2004.-736с.

Россия-Марокко: История связей двух стран в документах и материалах(1777-1916). М.: Институт Африки РАН,1999.-624с.

Россия – Сиам 1863-1917. Документы и материалы. М.: Международные отношения,1997. – 320с.

Россия и США: Дипломатические отношения 1900- 1917. М.:Международный фонд «Демократия»,1999.-856с.

Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов 1900-1914. М.: Восточная дитература-, 2005.-231с.

Россия – Швейцария 1813-1955. М.: Международные отношения,1995.-624с.

Российская консульская служба в Австралии 1857-1917 гг. (сборник документов). Составители и авторы вводных статей и комментариев А.Я. Массов и М. Поллард. М.: Международные отношения,2014.-352с.

СССР (Россия) – Аргентина: страницы истории. 1885-1986гг. Документы и материалы. М.: Политиздат,1990.-343с.

«Старая» Россия и «новая» Норвегия. Российско-норвежские отношения (1905 - 1917). Сборник документов. М.: ЛЕНАРД, 2014.-400с.

Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война 1904-1905. Факты. Документы. М.: Молодая гвардия, 2004. - 504 с.

Шпицберген 1871-1912. Дипломатическая переписка. Спб.: Изд-во МИД,1912.-85с.

British Documents on the Origin of War 1898-1914 –BD

Documents diplomatiques français – DDF.

Papers relating to the foreign relations of the United States –FRUS).

Affaires de Macédoine 1902. Paris,1903.

Affaires de Macédoine, janvier-février 1903 Paris,1903.

Affaires de Macédoine, 1903-1905 Paris 1905.

Affaires du Maroc, 1901-1905. Paris. 1905.

Affaires d'Orient : autonomie crétoise, mai -décembre 1897. Paris 1898.

Affaires d'Orient : autonomie crétoise, janvier-octobre 1898. Paris. 1898.

Affaires d'Orient : évacuation de la Crète par les troupes ottomanes, installation d'un haut commissaire, octobre-novembre 1898. Paris.1898; Affaires de Crète, 1904-1905. Paris. 1905.

Affaires de Turquie, 1900-1901. Paris, 1902.

Chine, 1899-1900. Paris, 1900.

Chine, 1900-1901.Paris, 1901.

Conférence (11 ; 1903 ; Vienne). Compte rendu de la XIe conférence tenue à Vienne, Palais du Reichsrat, du 7 au 9 septembre 1903 . Vienne, 1903.

Les origines et les responsabilités de la Grande Guerre : preuves et aveux (2e éd.) E. Bourgeois , G. Pagès. Paris,1922.

Révision des traités tunisiens, 1881-1897. Paris,1897.

Révision des traités tunisiens, 1896- janvier 1897 Paris,1896.

Дневники и мемуары:

Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович М.:Вече, 2008.- 480с.;

Бьюкенен Джордж Моя миссия в России. М.:Захаров,2006.-440с.

Витте С.Ю. Воспоминания. М.:Альфа-книга,2010.-1247с.

Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения,1989.-192с.

Киреев А.А. Дневник 1905- 1910. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.- 472с.

Куропаткин А.Н. Дневник. М.:ГПИБ, 2010.-455с.

Ламздорф В.Н. Дневник 1886-1890. Минск: Харвест, 2003.-400с.

Ламздорф В.Н. Дневник 1891-1892. Минск: Харвест,2003.-416с.

Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. М.: Международные отношения,1991.-456с.

Лопухин Б.В. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. Спб.: Нестор-История, 2008.-540с.

Милютин Д.А. Дневник 1882-1890. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.-584с.

Минцлов С.Р. Петербург в 1903-1910 гг. Б.м.: Salamandra P. V. V., 2012. -287 с.

Мольтке Хельмут фон. Русские письма СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова,2008.-144с.

Нольде Б.Э. Далёкое и близкое. Исторические очерки. Париж.: Современные записки, 1930-278с.

Плансон Г.А. Дневник // Красный Архив. – 1930. – № 4-5 (41-42).

Половцов А.А. Дневник 1893-1909. СПб.: Алетейя, 2014-.708с.

Пролог русско-японской войны: материалы из архива графа С. Ю. Витте/с предисл. и под ред. Б.Б. Глинского. – Пг.: Брокгауз-Ефрон,1916.-364с.

Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893-1922. М.: Изд-во социально-экономической литературы,1959.-414с.

Суворин А.С. Дневник. М.: Новости,1992.-526с.

Таубе М.А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М.: РОССПЭН,2007.-272с.

Толстой И.И. Дневник 1906-1909. Т.1. СПб.: Лики России,2010.-688с.

Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. -368с.

E. J. Dillon The Eclipse of Russia. New York, George H Doran Co. N.Y., 1918.

Rosen R. Forty Years of Diplomacy. London. George Allen & Unwin ltd,1922.

Savinsky A. Recollections of a Russian diplomat. London: Hutchinson&Co Ltd. 1927.

Schebeko Souvenirs. Essai historique sur les origins de la guerre de 1914. Paris, 1936.

E. Schelking The Game of Diplomacy By a European Diplomat. London: Hutchinson & co,1918.

Публицистика:

Катков М.Н. Империя и крамола. М.: ФИВ,2007.-432с.

Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция: Маленькие письма 1904-1908гг. М.: Алгоритм,2005.-752с.

Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. Конец XIX в. СПб.: Восток,1904.-136с.

Периодические издания:

Вестник Европы. – 1900-1907.

Красный Архив, исторический журнал. – 1922-1938.

Нива. – 1900-1907.

Новое Время. – 1900-1907.

Исторический вестник. – 1907. – №4.

La Croix. – 1900-1907.

Le Figaro. – 1900-1907.

Le Temps. – 1900-1907.

The Times. – 1900-1907.

The New-York Times. – 1900-1907.

Словари и справочники:

Общий Гербовник Дворянских родов Всероссийской империи часть10. СПб., 1836.

Новый Энциклопедический Словарь Брокгауз и Ефрон. Т.24 Пг.,1914.

Русский биографический словарь: Лабзина - Лященко — Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н.Д. Чечулина и М.Г. Курдюмова. СПб., 1914 Т. 10.

Исследовательские работы:

Авдеев В.Е. Александр Петрович Извольский. Вопросы истории. – 2008. – №4. – С. 64-79.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи 1801-1914. М.: Европа, 2006.-672с.

Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм,2015.-496с.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте.// Вопросы истории. – 1990. – №8. – С.32-53

Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ,2006.-464с.

Балканы в конце XIX - начале XX века. Очерки становления национальных государств и политические структуры в Юго-Восточной Европе. / под ред. Ю.А. Писарева. М.: Наука,1991.-349с.

Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России конец XIXв.-1917гг. Пособие для учителя. М.: Учпедгиз,1960.-219с.

Боханов А.Н. Император Александр III М.: Русское слово, 2009.-512с.

Выскочков Л.В. Николай I.М.:Молодая гвардия, 2006.-694с.

Голечкова О.Ю. Бюрократ Его Величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX-начале XX в. М.: АИРО-XXI, 2015.192с.

Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия,2010.-521с.

д' Анкосс Э.К. Николай II: прерванная преемственность. Политическая биография. М.: РОССПЭН, 2010.-446с.

Данилов О.Ю. Пролог «Великой войны» 1904-1914гг. М.: Поколение, 2010.-416с.

Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия 1878-1903. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996.-422с.

«Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в 1871-1918гг. /под ред. В.К. Волкова. М.: Наука, 1977.-317с.

Ерёменко М.В. Царствование Александра III. М.: Мир книги, 2008.-240с.

Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. М.: Наука,1986.-302с.

Игнатьев А.В. С. Ю. Витте – дипломат. М.: Международные отношения, 1989 – 336с. .

Игнатьев А.В. Балтийский вопрос во внешней политике России 1905-1907. //Вопросы истории. – 1986. – №3 – С. 22-37.

Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика. Вопросы истории. – 2001. – №6. – С.3-25.

История внешней политики России конца XIX- начала XX вв. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения,1997.-680с.

История дипломатии. Том второй. Дипломатия в Новое время (1872-1919). Под ред. В.П. Потёмкина. Авт-сост. Хвостов В.М. и Минц И.И. М.,-Л.: ОГИЗ,1945.-423с.

История дипломатии. Т.2. М.: Государственное издательство политической литературы,1963.-823с.

История дипломатии. М.: АСТ, 2009.-943с.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрополиграф,2004.-544с.

Каулин К. Граф В. Н. Ламздорф и крейсерская война против Японии.// Российская история. – 2013. - №1. – С. 137-146.

Киняпина Н.С. Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1994.-208с.

Кузнецова О.Н. Дальний Восток и развитие русско-французских отношений в 1902-1905гг. Вопросы истории. – 2009. – №3. – С.29-45

Кулешов Н.С. Россия и тибетский кризис начала XX века.// Вопросы истории. – 1990. – №11. – С.152-160

Кутаков Л.Н. Россия и Япония М.: Наука,1988.-384с.

Лиманская Т.О. В. Н. Ламздорф (министр иностранных дел России)// Дипломатический вестник. – 2001. – № 9.-С.32-44.

Лошаков А.Ю. Визит министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа в Париж в 1903 году в зеркале французской прессы.//Россия и мир: история, политика, культура, образование. Материалы XVI Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Москва, 16 апреля 2014 г. М.,2014.

Лошаков А.Ю. Граф Владимир Николаевич Ламздорф//Вопросы истории. – 2014. – №3. – С. 20-47.

Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX-начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008.-688с.

Лукоянов И.В. Восточная политика и П.А. Бадмаев// Вопросы истории. – 2001. – №4. – С. 105-122.;

Лукоянов И.В. Портсмутский мир// Вопросы истории. – 2007. – №2. – С. 16-33.

Лукоянов И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.)// Вопросы истории. – 2008. – №4. – С. 49-63.

Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука,1975.-375с.

Международные отношения на Дальнем Востоке(1840-1949). Под редакцией Е.М. Жукова. М.: Мысль,1956.-783с.

Мизиано К.Ф. Русско-итальянские отношения в начале XX века. // Россия и Италия. Материалы IV конференции советских и итальянских историков. Рим. 1969. Русский и итальянский средневековый город. Русско-итальянские отношения в 1900-1914 гг. М.: Наука,1972.-С.420-426.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений(1891-1945) М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006.-447с.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: Золотой век. (1905-1916). М.: Просвещение, 2008.-176с.

Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917) М. ФИВ,2012.-840с.

Нюркаева А.З.Майский переворот 1903г. в Сербии. Его причины и последствия. // Вопросы истории. – 1977. – №7. – 67-78.

Ольденбург С.С.Царствование Николая II. М.: АСТ, 2003.-764с.

Очерки истории Министерства Иностранных дел России, Т.1(860-1917) / под ред. А.Н. Сахарова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.-606с.

Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904-1905гг.: Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004.-464с.

Павлов Д.Б На пути к Цусиме. Беспримерный поход 2-й Тихоокеанской эскадры. М.: Вече, 2011.-304с.

Павлюченко О.В. Россия и Сербия 1888-1903. Дипломатические отношения и общественные связи. Киев.: Наукова думка,1987.-130с.

Покровский М.Н. Избранные произведения, кн.3 Русская история в самом сжатом очерке. М.:Мысль, 1967.-672 с.

Пустогаров В. В. Ф.Ф. Мартенс-юрист, дипломат, публицист. Вопросы истории. – 1999. – №7. – С.141-147.

Розенталь Э.М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М.: Соцэкгиз,1960.-271с.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907). М-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. -496 с.

Российская дипломатия в портретах/ под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбачёнок, Г.А. Санина. М.: Международные отношения,1992.-384с.

Россия и Афганистан. М.: Международные отношения,1989.-205с.

Россия и Черноморские проливы (XVII-XX столетия) / под ред. Л.Н. Нежинского, А.В. Игнатьева. М.: Международные отношения,1999.

Русско-японская война 1904-1905гг. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т.1.

Рыбачёнок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М.: АН СССР Институт истории СССР,1993. -351с.

Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: РОССПЭН, 2005.-392с.

Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX-XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012.-582с.

Рыбачёнок И.С. Ключи от Чёрного моря (на рубеже XIX-XX вв.). Новая и новейшая история. – 2009. – №2. – С. 34-47.

Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904-1905гг. Вопросы истории. – 2007. – №4. – С.3-15.

Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т.2, М.-Л.: Воениз,1928.-450с.

Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии1904-1905гг. М.: КМК, 2010.-236с.

Сергеев Е.Ю. Большая Игра 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: КМК, 2012. -454с.

Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М.: Индрик, 2006.-148с.

Соловьёв О.Ф. Об отношении царской России к Индии в XIX- начале XX века//Вопросы истории. – 1958. – №6. – С.96-119.

Схиммельпеннинк ванн дер Ойе Д. Навстречу Восходящему Солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.:Новое литературное обозрение, 2009.-421с.

Труайя А. Николай II. М.: Амфора, 2015. -496с.

Ямбаев М.Л. Четы Внутренней македонской революционной организации на начальном этапе деятельности//Славяноведение. – 2006. – №1. – С.22-28.

Яхимович. З.П. Трудный диалог: возможности и перспективы сотрудничества. России и Италии (1902-1909) // Россия и Италия XX век. Вып. 3. М.: Наука ,1998. - С. 15-27.

Яхимович З.П. Русско-итальянские отношения в преддверии Первой Мировой войны. // Россия и Европа. Дипломатия и культура. Вып. 4. М.: Наука, 2007. - С. 77-118.

Исследование на иностранном языке: Miranda Carter The Three Emperors. Three Cousins, Three Empires and the Road to World War One. Penguin books. 2010.

Soroka M. Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benkendorff (1903-1916). London. Hardcover, 2011.